

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФГКОУ ВО
УФИМСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

Ф. Б. Мухаметшин, А. Х. Султанов, С. Х. Хакимов

**ПОЛИЦИЯ БАШКИРИИ.
ТРИ ВЕКА НА СЛУЖБЕ ОТЕЧЕСТВУ**

Монография

Уфа 2017

УДК 351.74(470.57)"1700/1917"
ББК 67.401.133-1(2Рос.Баш)+67.3(2Рос.Баш)5
М92

*Рекомендована к опубликованию
редакционно-издательским советом Уфимского ЮИ МВД России*

Рецензенты: доктор юридических наук, профессор Т. Л. Матиенко
(Московский университет МВД России имени
В. Я. Кикотя);
доктор юридических наук, профессор Н. С. Нижник
(Санкт-Петербургский университет МВД России)

Мухаметшин Ф. Б.

М92 Полиция Башкирии. Три века на службе Отечеству [Текст] :
монография / Ф. Б. Мухаметшин, А. Х. Султанов, С. Х. Хакимов. –
Уфа : Уфимский ЮИ МВД России, 2017. – 283 с.

ISBN 978-5-7247-0962-0

В монографии рассматриваются организационные и правовые основы развития и деятельности полиции в Российском государстве в XVIII – начале XX вв. на примере Башкирии. На основе архивных материалов показано становление и функционирование губернского полицейского аппарата: штатная численность, материальное обеспечение, основные направления деятельности по охране правопорядка и борьбе с преступностью. Дана краткая характеристика состава полицмейстеров, городничих, земских и уездных исправников.

Монография адресована научным сотрудникам, преподавателям, адъюнктам, обучающимся образовательных организаций системы МВД России, изучающим курсы: «История», «История государства и права», «История ОВД». Издается в рамках подготовки к празднованию 300-летия российской полиции.

УДК 351.74(470.57)"1700/1917"
ББК 67.401.133-1(2Рос.Баш)+67.3(2Рос.Баш)5

© Мухаметшин Ф. Б., 2017

© Султанов А. Х., 2017

© Хакимов С. Х., 2017

© Уфимский ЮИ МВД России, 2017

ISBN 978-5-7247-0962-0

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	4
Глава I. Административно-территориальное устройство и управление Башкирией во второй половине XVIII – в первой половине XIX вв.....	14
§ 1. Территория и население. Введение кантонной системы управления.....	14
§ 2. Становление органов полиции от петровских преобразований до министерской реформы Александра I. Воеводы и коменданты.....	25
Глава II. Образование МВД и формирование полиции губернских и уездных городов.....	43
§ 1. Институт городничих, их численность и состав.....	43
§ 2. С. К. Вязмитинов и полицейские штаты города Уфы 1816 года. Приезд Александра I.....	56
Глава III. Формирование и деятельность органов сельской полиции Башкирии в конце XVIII – начале XIX в.	76
§ 1. Нижние земские суды и капитан-исправники, их правовое положение и состав.....	76
§ 2. Оренбургский генерал-губернатор В. А. Перовский и реализация «Положения о земской полиции 1837 г.».....	97
Глава IV. Численность, состав, положение органов полиции Уфимской губернии в пореформенный период (1861 – 1917 гг.).....	117
§ 1. Губернатор как глава административно-полицейской власти. Г. С. Аксаков – первый губернатор края.....	117
§ 2. Полицейская реформа 1862 г. и особенности ее реализации в губернских и уездных городах.....	150
§ 3. Формирование института уездных исправников. Становые приставы и урядники.....	167
§ 4. Формирование подразделений уголовного сыска.....	199
Глава V. Полиция Уфы в конце XIX – начале XX в.....	207
§ 1. Численность и состав Уфимской городской полиции в начале XX в.	207
§ 2. Полицмейстеры и частные приставы дореволюционной Уфы.....	219
§ 3. Уфимская школа по подготовке урядников полицейской стражи (1913 – 1917 гг.).....	228
Заключение.....	240
Приложения.....	244
Именной указатель.....	261
Библиографический список.....	268

ВВЕДЕНИЕ

В современный период Россия переживает сложный процесс преобразования всех сфер государственного управления. На этом фоне деятельность органов внутренних дел, призванных обеспечивать безопасное существование как своих граждан, так и общества, приобретает особую значимость.

К сожалению, в нашей истории уже были примеры отрицания и пренебрежения к тому, что было создано предшественниками. Так, созданная в годы революции новая милиция вынуждена была идти долгим путем проб и ошибок, чтобы в конечном итоге выработать институты, средства и методы борьбы с преступностью, которые уже были известны полиции и доказали свою эффективность на практике.

Предметом пристального интереса исследователей являются не только центральные, но и провинциальные полицейские учреждения. Это связано с задачами более основательного и всестороннего анализа опыта взаимодействия правоохранительных органов страны в целом и ее отдельных регионов, в том числе Башкирии, представляющей одну из крупных и многонациональных окраин в составе Оренбургской, а с 1865 г. по 1917 г. Уфимской губернии Российской империи¹.

Устройство полиции Российской империи, несмотря на то, что страна была унитарным государством, никогда не было единообразным. Царское правительство учитывало специфику окраин, в результате чего становление полицейских органов обладало рядом особенностей, в частности в Башкирии формирование полицейских учреждений происходило на двух уровнях: первый – в рамках традиционной административно-территориальной системы (губерния – провинция – уезд), второй – внутри губернии, в условиях введенной в 1798 г. кантонной системы управления (губерния – уезд – кантон – юрта), когда башкиры и мишари были включены в отдельные административные единицы под руководством кантонных начальников и юртовых старшин, а созданное на их базе Башкирско-Мещеряцкое войско привлекалось к службе по обеспечению внутренней и внешней безопасности юго-восточных окраин империи, что непосредственно влияло на специфику деятельности и полицейских органов.

Начало изучения истории органов внутренних дел было положено еще в дореволюционной России. Поводы для обращения к истории правоохранительных органов были различными, что, очевидно, и определило возникновение работ, которые можно разделить на либерально-критические и консервативно-охранительные. Для первой группы иссле-

¹ С образованием Уфимского уезда после появления города Уфы в 1586 г., затем и Уфимской провинции. Чиновники стали называть последнюю «Башкирской провинцией», а в документах официального характера – Башкирией. См.: Асфандияров А. З. Башкирия после вхождения в состав России: вторая пол. XVI – первая пол. XIX в. Уфа, 2006. С. 12.

дователей, среди которых преобладали юристы, обращение к истории в первую очередь определялось стремлением понять и объяснить кризисное состояние современных им полицейских учреждений¹. В них также анализировались правовые акты, регламентирующие деятельность органов полиции в городах и уездах, а также разъяснялись права и обязанности полицейских служащих в области производства дознаний и т. д. Так, Е. П. Карнович систематизировал функции провинциальной полиции и показал связь губернаторской власти с административной деятельностью полиции².

А. Д. Градовский акцентировал внимание прежде всего на недостатках в организации полиции. Оценки ее деятельности звучали весьма категорично: «Вырождение местной полиции в течение XIX столетия является фактом несомненным, так заявлениями русской литературы, так, наконец, официальными актами...»³.

На другом полюсе стояли исследования, написанные преимущественно чиновниками аппарата МВД. В основном они посвящались рассмотрению основных этапов становления и развития полицейских учреждений в России в период правления того или иного монарха⁴.

Среди дореволюционных работ обращалось внимание и на проблемы подготовки полицейских кадров, особенно рядового состава. Об этом говорили известные ученые, государственные деятели. Один из крупнейших ученых-экономистов своего времени академик В. П. Безобразов еще в 1865 г. писал: «У нас составилось издавна удивительное понятие, что для низшей полицейской службы всякий годен, что для этого дела даже нет негодного человека. У нас, как-то по преданию, состав полицейских команд обыкновенно пополнялся всяким военным сбродом, тогда как, наоборот, для этой службы следовало бы брать только лучших и отборных людей»⁵. Эти слова не утратили своей актуальности и сегодня.

В советское время данная тема вплоть до начала 60-х годов XX века оставалась неразработанной. Это обуславливалось тем, что практически во всей советской историографии полиция, как и равно все государственные

¹ См.: Андреевский И. Е. Полицейское право. СПб., 1876; Он же. Реформа исполнительной полиции России. СПб., 1878; Тарасов И. Т. Полицейский арест. СПб., 1879; Он же. История русской полиции и отношение ее к юстиции // Юридический вестник. 1884. № 2. С. 178 – 200; Градовский А. Д. Начала русского государственного права. Т. III. СПб., 1883; Дерюжинский В. Ф. Полицейское право: пособие для студентов. СПб., 1908; Коркунов Н. М. Русское государственное право: в 2 т. СПб., 1893.

² См.: Карнович Е. П. Очерки наших порядков административных, судебных и общественных. СПб., 1913; Градовский А. Д. История местного управления в России // Собрание сочинений: в 2 т. Т. 2. СПб., 1899.

³ См.: Градовский А. Д. Собрание сочинений. Т. 9. Начало русского государственного права. СПб., 1904. С. 317.

⁴ См.: Анучин Е. Исторический обзор развития административно-полицейских учреждений в России, с Учреждения о губерниях 1775 г. до последнего времени. СПб., 1872; Фукс В. Суд и полиция. Ч. I – II. СПб., 1883; Высоцкий И. П. Санкт-Петербургская столичная полиция и градоначальство (1703 – 1903): краткий исторический очерк. СПб., 1903; Лопухин А. Из итогов служебного опыта. Настоящее и будущее русской полиции. М., 1907; Белецкий С. П., Рудкевич Л. Исторический очерк образования и развития полицейских учреждений в России. СПб., 1913.

⁵ Безобразов В. П. Избранные труды. М., 2001. С. 137.

институты самодержавной России в целом, рассматривалась с крайне негативной стороны, с акцентом на ее «классовый, антинародный характер» и «реакционную сущность», в рамках установленных идеологических догм, что в конечном счете выразилось в утрате объективности и истины.

Только с середины 60-х годов XX века в период «хрущевской оттепели» начинается поворот к изучению проблемы. Определенное внимание к исследованию места и роли МВД в системе государственных учреждений России XIX в. уделено в трудах Н. П. Ерошкина и П. А. Заянчковского¹.

Начало системному подходу к изучению истории органов полиции дореволюционной России было положено в трудах Р. С. Мулукаева². Автору впервые в условиях официальной идеологии удалось создать стройную концепцию формирования и деятельности полицейских органов дореволюционной России, выделить этапы ее становления, структуру и основные направления деятельности³. Новизна идеи ученого так же заключалась в том, что он рассматривал полицию не только как карательно-репрессивный орган, а как орган, выполняющий множество других управленческих функций.

В последующий период данное направление получило свое развитие и конкретизацию преимущественно в Академии и учебных заведениях МВД СССР и вошло в учебные программы в качестве отдельной учебной дисциплины «История органов внутренних дел» и послужило мощным толчком в поиске новых концептуальных подходов.

В начале 70 – 80-х гг. появились работы, отражающие деятельность подразделений уголовного сыска, различные аспекты преобразований органов полиции и тюремной системы пореформенной России, служебной деятельности руководителей МВД Российской империи⁴.

Важным шагом в изучении проблемы явилась коллективная работа М. И. Сизикова, А. В. Борисова и А. Е. Скрипилева, в которой на основе достижений предшествующего этапа изучения темы более подробно были рассмотрены основные этапы становления и развития общей регулярной полиции с момента ее организационного оформления в 1718 г. до 1917 г.⁵

¹ См.: Ерошкин Н. П. Очерки истории государственных учреждений дореволюционной России. М., 1960; Заянчковский П. А. Кризис самодержавия на рубеже 1870 – 1880 гг. М., 1964.

² См.: Мулукаев Р. С. Полиция и тюремные учреждения дореволюционной России. М., 1964; Он же. Система органов внутренних дел дореволюционной России. М., 1978; Он же. История полиции дореволюционной России. М., 1981.

³ См.: Мулукаев Р. С. Система органов внутренних дел дореволюционной России. М., 1978.

⁴ См.: Борисов А. В. Руководители карательных органов дореволюционной России. М., 1979; Воробейкова Т. У., Дубровина А. Б. Преобразование административно-полицейского аппарата, суда и тюремной системы России во второй половине XIX века: учебное пособие. Киев, 1973; Желудкова Т. И. Основные направления деятельности полиции дореволюционной России по охране феодального и буржуазного общественного порядка. М., 1977; Мулукаев Р. С. История полиции дореволюционной России. М., 1981; Федоров К. Г., Ярмыш Я. Н. История полиции дореволюционной России. Ростов н/Д, 1976; Шелкопляс В. А. Полицейская реформа в России в 60-х гг. XX в. Мн., 1981; Шинджихашвили Д. И. Сыскная полиция царской России в период империализма. Омск, 1973.

⁵ См.: Сизиков М. И. История полиции России (1718 – 1917). Вып. II. Становление и развитие общей регулярной полиции в России XVIII века. М., 1992; Сизиков М. И., Борисов А. В., Скрипилев А. Е. История полиции России (1718 – 1917). Вып. 2. Полиция Российской империи XVIII – начала XX вв. М., 1992.

Бесспорным достижением в российской историографии стал выход книги «Полиция и милиция России», где впервые проанализированы качественные изменения в структуре и компетенции органов полиции, вопросы профессиональной подготовки кадров¹.

Были опубликованы крупные исследования по истории российского политического сыска, реорганизации полиции в уездах и городах империи².

Значимым событием в активизации научных исследований по теме явилась подготовка к празднованию 200-летнего юбилея МВД России. В приказе МВД Российской Федерации № 53 от 18 января 2001 г. «О подготовке к 200-летию юбилею МВД России» обращалось особое внимание на общественно-политическую и историческую значимость этого события, «на преемственность связи поколений сотрудников правоохранительных органов Российского государства»³.

Важным вкладом в изучение российской полиции явилось издание сборника документов и материалов «Полиция России. Документы и материалы. 1718 – 1917 гг.». Как отмечается в предисловии, в них представлены источники, отражающие процесс становления и развития функции охраны общественного порядка и борьбы с преступностью в России до 1917 г.⁴

Значительным событием, подводящим итоги многолетних исследований по данной проблематике, стало издание энциклопедии «МВД России», подготовленной коллективом авторов под руководством профессора В. Ф. Некрасова⁵. Она включает в себя около 1000 статей, содержащих информацию о структурных подразделениях органов МВД и их деятельности за 200-летний период.

Большой интерес исследователей вызвала публикация библиографического справочника о министрах внутренних дел Российского государства с 1802 по 2002 год⁶.

В последнее десятилетие XXI в. были опубликованы обобщающие работы, касающиеся истории органов отечественной полиции, деятельности уголовного сыска⁷.

¹ См.: Полиция и милиция России: страницы истории / Борисов А. В., Дугин А. И., Малыгин А. Я. [и др.]. М., 1995.

² См.: Перегудова З. И. Политический сыск в России (1880 – 1917). М., 2000; Реент Ю. А. Общая и политическая полиция России (1900 – 1917 гг.). Рязань, 2001; Романов В. В. Местные органы политической полиции Российской Империи: структура, компетенция, основные направления деятельности 1826 – 1860 гг. (на материалах Поволжья). Чебоксары, 2008; Тот Ю. В. Реформа уездной полиции в правительственной политике России в XIX в. СПб., 2002.

³ См.: Приказ МВД России № 53 от 18 января 2000 г. «О подготовке к 200-летию юбилею МВД России».

⁴ См.: Полиция России. Документы и материалы. 1718 – 1917 гг. Саратов, 2002.

⁵ См.: МВД России. Энциклопедия. М., 2002.

⁶ См.: Нижник Н. С., Сальников В. П., Мушкет И. И. Министры внутренних дел Российского государства (1802 – 2002): библиографический справочник. СПб., 2002.

⁷ См.: Борисов А. В., Малыгин А. Я., Мулукаев Р. С. Три века российской полиции: Служение обществу – защита Отечеству. М. 2016; Дунаева А. Ю. Реформы полиции в России начала XX века и Владимир Федорович Джунковский. М., 2012; Матиенко Т. Л. Российский сыск в IX – первой пол. XIX века. Генезис и становление. М., 2010; Шаламов А. Ю. Российский «фараон»: Сыскная полиция Российской империи во второй пол. XIX – начале XX в. М., 2013.

Появился ряд специальных исследований, ориентированных на изучение региональных аспектов работы полиции. Национальную политику и участие в ее осуществлении полицейских органов на окраинах империи исследовала А. Д. Тимошевская¹. Особенности формирования и деятельности полиции на примерах губерний Центральной России, Поволжья, Урала рассмотрены в диссертационных исследованиях и монографиях Р. И. Байгутлина, С. А. Гомоновой, А. В. Кокшарова, О. В. Лазаревой, А. С. Масалимова, Ю. Б. Сысуева, С. Л. Трушкова².

По интересующей нас теме особо выделяется монография Е. П. Сичинского «Становление полиции на Урале (последняя четверть XVIII – первая половина XIX века)», отличающаяся своей новизной и фундаментальностью, охватившая значительный промежуток времени. На основе привлечения новых источников ему удалось раскрыть особенности формирования полицейских учреждений в уездах и городах обширного многонационального уральского региона на общем фоне развития правоохранительных органов страны³. Заслугой автора является то, что помимо анализа штатной структуры рассмотрен кадровый состав в лице городничих, земских исправников в контексте исполнения ими служебного долга.

Историю органов полиции дореволюционной Башкирии как важной составляющей в механизме административного управления краем невозможно исследовать без опоры на фундаментальные исследования по социальной, экономической и политико-правовой истории Башкортостана XVI – начала XX веков. Весомый вклад в изучение данного направления внесли труды Р. Г. Кузеева⁴, Н. Ф. Демидовой⁵, Б. Х. Юл-

¹ См.: Тимошевская А. Д. Особенности организации полиции в национальных регионах российского государства (XIX – начало XX вв.): дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998.

² Байгутлин Р. И. Организационно-правовые основы деятельности полиции Оренбургской губернии в 1775 – 1862 гг.: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003; Гомонова С. А. Полицейский учреждения Самарской губернии в 1851 – 1917 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2012; Кокшаров А. В. Полицейские органы Владимирской губернии во 2 пол. XIX – нач. XX в.: дис. ... канд. юрид. наук. Иваново, 1994; Лазарева О. В. Провинциальная полиция в конце XVIII – нач. XX в. По материалам Пензенской губернии: дис. ... канд. юрид. наук. Саранск, 2000; Масалимов А. С. Реформы суда и полиции России 60 – 90-х в XIX века (на материалах Уфимской губернии): дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2000; Сичинский Е. П. Полиция Южного Урала в период кризиса самодержавия. М., 2005; Он же. Становление полиции на Южном Урале (последняя четверть XVIII – начало XX в.): дис. ... д-ра ист. наук. Челябинск, 2006; Он же. Становление полиции на Урале (последняя четверть XVIII – первая половина XIX века). Челябинск, 2010; Сысуев Ю. Б. Полиция Симбирской губернии во 2 пол. XIX века: дис. ... канд. юрид. наук. Саранск, 2002; Трушков С. А. Административно-полицейские органы Вятской губернии второй половины XIX – начала XX вв.: дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2001; Хакимов С. Х. Полиция в системе органов губернского управления пореформенной России (1862 – 1914 гг.). Уфа, 2003; Ялтаев Д. А. Правоохранительная деятельность полиции в чувашских уездах Казанской губернии. Чебоксары, 2004.

³ Сичинский Е. П. Становление полиции на Урале (посл. четверть XVIII – 1 пол. XIX века). Челябинск, 2010. С. 108 – 109.

⁴ Кузеев Р. Г. Очерки исторической этнографии башкир. Уфа, 1957. Он же. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала: Этногенетический взгляд на историю. М., 1992.

⁵ Демидова Н. Ф. Социально-экономические отношения в Башкирии в первой четверти XVIII в. // Материалы научной сессии, посвященной 400-летию присоединения Башкирии к русскому государству. Уфа, 1958. С. 23 – 67; Он же. Управление Башкирией и повинности населения Уфимской провинции в первой трети XVIII века // Исторические записки. М., 1961. Т. 68. С. 214 – 237.

дашбаева¹, Х. Ф. Усманова², А. М. Усманова³, И. Г. Акманова⁴, Р. Г. Букановой⁵, Р. З. Янгузина⁶, М. М. Кульшарипова⁷, Б. А. Азнабаева⁸, А. И. Акманова⁹.

Административные судебные учреждения Оренбургской губернии в первой половине XIX века, в том числе и нижних земских судов, рассмотрены в работе В. А. Воропанова¹⁰.

Взаимоотношениям МВД с исламскими учреждениями на территории края посвящены труды А. Б. Юнусовой¹¹, Д. Д. Азаматова¹², М. Н. Фархшатов¹³, С. Х. Хакимова¹⁴.

В конце XX – начале XXI в. историческая наука пополнилась новыми фундаментальными исследованиями по истории Башкортостана с древнейших времен до начала XXI века¹⁵: монографическими исследованиями Б. А. Азнабаева¹⁶, А. З. Асфандиярова¹⁷, Ф. А. Ишкулова¹⁸, И. И. Бикулова¹⁹. В них на основе привлечения новых архивных источников подвергаются всестороннему изучению вопросы административно-территориального устройства городов Башкирии в XVI – XVIII вв., а также интеграции Башкирии в административную структуру Российского государства, административно-правовые вопросы управления краем.

¹ Юлдашбаев Б. Х. История формирования башкирской нации (Дооктябрьский период). Уфа, 1972.

² Усманов Х. Ф. Развитие капитализма в сельском хозяйстве Башкирии в пореформенный период. 60 – 90-е годы XIX в. М., 1981.

³ Усманов А. Н. Добровольное присоединение Башкирии к Русскому государству. Уфа, 1982.

⁴ Акманов И. Г. Социально-экономическое развитие Башкирии во второй половине XVI – первой половине XVIII вв. Уфа, 1981; Акманов И. Г., Кульшарипов М. М. Социально-экономические последствия присоединения Башкирии к Русскому государству. Уфа, 1982.

⁵ Буканова Р. Г. Города-крепости юго-востока России в XVIII веке. История становления городов на территории Башкирии. Уфа, 1997.

⁶ Янгузин Р. З. Социальная структура башкирского общества в XVIII – XIX вв. Уфа, 1997.

⁷ Кульшарипов М. М. Политика царизма в Башкортостане (1775 – 1800 гг.). Уфа, 2003.

⁸ Азнабаев Б. А. Интеграция Башкирии в административную структуру Российского государства (вторая половина XVI – первая треть XVIII вв.). Уфа: РИО БашГУ, 2005.

⁹ Акманов А. И. Земельные отношения в Башкортостане и башкирское землевладение во второй половине XVI – начале XX в. Уфа, 2007.

¹⁰ Воропанов В. А. Сословная судебная система в Оренбургском крае (1775 – 1864 гг.). Челябинск, 2000.

¹¹ Юнусова А. Б. Ислам в Башкортостане. Уфа, 1999.

¹² Азаматов Д. Д. Оренбургское магометанское духовное собрание в конце XVIII – XIX вв. Уфа, 1999.

¹³ Фархшатов М. Н. Операция «ссылка»: Шейх Зайнулла Расулев и имперские власти (70-е годы XIX в.) // Волго-Уральский регион в имперском пространстве XVIII – XIX вв. М., 2011.

¹⁴ Хакимов С. Х. Из истории взаимодействия департамента духовных дел иностранных исповеданий с губернскими структурами МВД в пореформенной России (1861 – 1917 гг.) // Проблемы экономики и юридической практики. 2009. № 4. С. 40 – 43.

¹⁵ История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX в. Уфа, 1996; История Башкортостана с древнейших времен до наших дней: в 2 т. / под ред. И. Г. Акманова. Уфа, 2006; История Башкортостана XIX – начала XX века: в 2 т. Уфа, 2007.

¹⁶ Азнабаев Б. А. Интеграция Башкирии в административную структуру Российского государства (вторая половина XVI – первая треть XVIII вв.). Уфа: РИО БашГУ, 2005.

¹⁷ Асфандияров А. З. Башкирия после вхождения в состав России (вторая половина XVI – первая половина XIX в.). Уфа, 2006.

¹⁸ Ишкулов Ф. А. Судебно-административные реформы в Башкортостане. Уфа, 1994.

¹⁹ Бикулов И. Н. П. Д. Аксаков-воевода и вице-губернатор Уфимской провинции. Уфа, 2009.

Ценные материалы о взаимодействии оренбургских военных и гражданских губернаторов (с 1865 г. – Уфимских), а также органов городского самоуправления и местной полиции содержатся в исследованиях И. М. Гвоздиковой¹, Н. Л. Семенов², Р. И. Кантимировой, Г. Э. Емалетдиновой³, У. А. Гибадатов⁴, В. Г. Семенова и В. П. Семенов⁵, О. А. Поляниной⁶.

Отдельно следует остановиться на работах известного башкирского историка А. З. Асфандиярова⁷, который внес крупный вклад в изучение истории кантонного управления и впервые исследовал вопрос о Башкирских казачьих командах, привлекаемых к охране общественного порядка в городах и уездах, конвоированию осужденных, а также розыску и задержанию уголовных преступников. Данная проблематика также получила освещение в монографических исследованиях А. Ф. Тагирова⁸, Р. Н. Рахимова⁹.

Первые сведения о становлении органов полиции на территории дореволюционной Башкирии были опубликованы в обобщенных трудах по истории Башкирской АССР и Уфы¹⁰. В частности, в коллективной монографии «История Уфы. Краткий очерк» отмечается, что для усиления надзора за благонадежностью жителей город делился на три полицейские части со «съезжим домом»¹¹.

Фактический материал о деятельности полицейских учреждений Башкирии содержится в обобщающих работах по истории органов внутренних дел Оренбуржья и Челябинска¹².

Различные аспекты истории полиции Южного Урала, в том числе и Башкирии, освещаются в работах Р. И. Байгутлина¹³ и Е. П. Сичинско-

¹ Гвоздикова И. М. Гражданское управление в Оренбургской губернии в первой половине XIX в. (1801 – 1855 гг.). Уфа, 2010.

² Семенова Н. Л. Военное управление Оренбургским краем в конце XVIII – первой половине XIX в. Стерлитамак, 2000.

³ Емалетдинова Г. Э., Кантимирова Р. И. Органы местного управления и самоуправления в Уфимской губернии во второй половине XIX – начале XX века. Уфа, 2008.

⁴ Гибадатов У. И. Система губернского управления в Башкирии в первой половине XIX века: учебно-методическое пособие для вузов. Уфа: РИО РУНМЦ РБ, 2008.

⁵ Семенов В. Г., Семенова В. П. Губернаторы Оренбургского края – Оренбург; Оренбургское книжное издательство, 1999.

⁶ Полянина О. А. Органы городского самоуправления Уфимской губернии (1900 – начало 1917 гг.). Уфа, 2006.

⁷ Асфандияров А. З. Кантонное управление в Башкирии (1798 – 1865 гг.). Уфа, 2005.

⁸ Тагирова Л. Ф. Кантонные начальники Башкирии: национальная региональная элита первой половины века. Уфа, 2011.

⁹ Рахимов Р. Н. На службе у «Белого царя» М., 2014.

¹⁰ Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 1 Ч. 1. Уфа, 1957. С. 133 – 175; История Уфы. Краткий очерк. Уфа, 1981. С. 76

¹¹ История Уфы. С. 76.

¹² История УВД Оренбургской области. Оренбург, 2002; Сичинский Е. П. Страницы истории полиции дореволюционного Челябинска. Челябинск, 1999.

¹³ Байгутлин Р. И. Организационно-правовые основы деятельности полиции Оренбургской губернии в 1775 – 1862 гг.: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003; Он же. Реорганизация полиции Оренбургской губернии при Павле I // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 25 (206). Право. Вып. 25. С. 76 – 81.

го¹. В монографии последнего имеются интересные факты и о деятельности уездных и городских органов полиции Уфимской губернии второй половины XIX века.

Целенаправленное научное изучение органов полицейских учреждений дореволюционной Башкирии, как и России в целом, начинается некоторыми кафедрами Уфимского юридического института МВД России, получившего статус вуза 12 апреля 1988 г.² Появляются первые работы, посвященные различным аспектам правоохранительных органов России и подготовке полицейских кадров при Уфимской школе урядников полицейской стражи³.

Определенной вехой в изучении проблемы стало проведение 25 – 26 апреля 2002 года в Уфимском юридическом институте МВД России Всероссийской научно-практической конференции: «Министерство внутренних дел России за 200 лет: история, теория, практика», где нашли отражение и этапы становления органов полиции дореволюционной Башкирии и страны в целом⁴.

В начале XXI в. тематика исследований продолжала расширяться. В работе С. Х. Хакимова на основе широкого привлечения архивных источников, многие из которых впервые вводились в научный оборот, показана роль органов полиции в системе губернского управления пореформенной России. На примере Уфимской губернии рассмотрены численность и состав органов городской и сельской полиции, проанализированы формулярные списки полицмейстеров, исправников, частных и становых приставов⁵. Отдельные вопросы истории правоохранительных органов, в том числе и полиции пореформенной Башкирии, нашли отражение в трудах Ф. Б. Мухаметшина и А. Х. Султанова⁶, С. В. Мотина и К. Р. Мурсалимова⁷, Е. А. Барановой

¹ Сичинский Е. П. Полиция Южного Урала в период кризиса самодержавия. М., 2005.

² Уфимский юридический институт МВД России: 45 лет / под ред. Мухаметшина Ф. Б. Уфа: Уфимский ЮИ МВД России, 2016. С. 43.

³ Законодательные памятники России. «Устав благочиния или полицейский 1782 г.». Апреля 8. Часть 1: учебно-методическое пособие / сост. С. Г. Аксенов, Н. А. Катаев. Уфа, 1992; Рассказов Л. П. Карательные органы в процессе формирования и функционирования административно-командной системы в Советском государстве (1917-1941 гг.). Уфа, 1994; Ахмадеев Ф. Х., Катаев Н. А., Хабибулин А. Г. Становление и развитие органов советской милиции и исправительно-трудовых учреждений. Уфа, 2003; Абдрахманов А. И. Место и роль НКВД в государственном механизме Башкирской Советской Автономной республики: 1919 – 1925 гг., М.: Академия управления МВД России, 2000; Хакимов С. Х. Полиция пореформенной Уфы: страницы истории // Вестник Уфимского юридического института МВД России. Уфа, 2001; Он же. Страницы истории Уфимской школы по подготовке урядников полицейской стражи (1913 – 1917 гг.) // Вестник Уфимского юридического института МВД России. Уфа, 2001. № 3.

⁴ Толкачев К. Б. 200 лет на службе народу и защите правопорядка // Министерство внутренних дел России за 200 лет: история, теория, практика: материалы Всероссийской научно-практической конференции: г. Уфа, 25 – 26 апреля 2002 года. С. 3 – 10.

⁵ Хакимов С. Х. Полиция в системе органов Губернского Управления Пореформенной России (1862 – 1914 гг.): учебное пособие. Уфа, 2003.

⁶ Мухаметшин Ф. Б., Султанов А. Х. Судебная реформа 1864 года в России: предпосылки, содержание, последствия: учебное пособие. Уфа, 2001.

⁷ Мотин С. В., Мурсалимов К. Р. Аксаков Иван Сергеевич и его служба в Министерстве внутренних дел. Уфа, 2003.

вой и С. Х. Хакимова¹, Р. З. Амирова², И. А. Асеева³, Н. Ф. Байковой⁴, А. С. Масалимова⁵, А. Ф. Мухаметшина⁶, Р. В. Нигматуллина⁷.

В последнее десятилетие интерес к теме продолжает возрастать. Появились работы о полицмейстерах и приставах Уфы⁸ и Оренбурга⁹, изучен численный состав городничих уездных городов края первой половины XIX века¹⁰.

Обобщенные материалы по формированию правоохранительных органов Башкирии, в том числе и полиции, пенитенциарных учреждений получили апробацию в фундаментальном исследовании «История Башкортостана во второй половине XIX – начале XX вв.»¹¹.

Началась публикация документов по теме¹². В них широко представлены формы и методы работы органов полиции и жандармерии Уфимской губернии в борьбе против терроризма и экстремизма в период революционных событий 1905 – 1907 годов, приказы и донесения полицмейстеров и исправников по оперативно-служебным вопросам, формулярные списки

¹ Баранова Е. А., Хакимов С. Х. Роль исторических традиций полиции и милиции России в организации нравственного воспитания сотрудников органов внутренних дел: учебное пособие. Уфа: УЮИ МВД России, 2008.

² Амиров Р. З. Взаимодействие полиции и вооруженных сил Российской империи в обеспечении внутренней безопасности: историко-правовой анализ: учебное пособие. Уфа: УЮИ МВД России, 2009; Он же. Обеспечение внутренней безопасности российского государства (проблемы взаимодействия армии, органов внутренних дел и внутренних войск): историко-правовой анализ: учебное пособие. Уфа, 2013.

³ Асеев И. А. Антитеррористическая деятельность полиции в дореволюционной России (1901 – 1917 гг.): монография. Уфа: УЮИ МВД России, 2010.

⁴ Байкова Н. Ф. Полицейские функции государства в дореволюционной России. Уфа: УЮИ МВД России, 2011.

⁵ Масалимов А. С. Реформы полиции Российской империи XIX – XX веков: достижения, просчеты, влияние на развитие государственного аппарата: монография. Уфа, 2011.

⁶ Мухаметшин А. Ф. Правовые основы деятельности полиции дореволюционной России по раскрытию и пресечению преступлений (X – начало XX вв.): монография. Уфа, 2012.

⁷ Нигматуллин Р. В. Борьба с преступностью в курсе современного международного права: учебное пособие. Уфа, 2012.

⁸ Хакимов С. Х. Полицмейстеры пореформенной Уфы // Вестник Уфим. юрид. инст-та. 1999. № 5. С. 91 – 94; Сичинский Е. П., Хакимов С. Х. Из истории формирования органов полиции г. Уфы в XVIII – начале XX вв. // Вестник Башкирского университета. Уфа. 2007. Т. 12. № 4. Хакимов С. Х. Формирование института частных приставов на Южном Урале XVIII – XIX вв. // Археография Южного Урала: исторический опыт как ресурс модернизаций: материалы XI Всероссийской научно-практической конференции Уфа. 14 октября 2011. Уфа, 2011.

⁹ Азнабаев Б. А., Круглов-Мавридис Е. А., Роднов М. И. Оренбургской полицмейстер Николай Иванович Демостико. Наследники «греческого проекта». Уфа, 2014.

¹⁰ Детинина Е. А. Городничие Оренбургской губернии – бывшие боевые офицеры (по формулярным спискам 1845 г.). Стерлитамак, 2014; Она же. Портрет уездного городничего Оренбургской губернии (по формулярным спискам 1845 года) // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 2. (357). История. Вып. 62.

¹¹ Хакимов С. Х., Абдрахманов А. Ф. Судебные и правоохранительные органы // «История Башкортостана во второй половине XIX – начале XX»: в 2 т. Уфа: Гилем, 2006. Т. 1. С. 123 – 148.

¹² После революции (документы по истории антиправительственного движения и деятельности правоохранительных органов в Уфимской губернии в конце 1907 – первой половине 1914 годов): сборник документов / сост., авт. предисл. и коммент. Роднов М. И. Уфа: ООО «Дизайн-ПолиграфСервис», 2002. 84 с; Мордвинцев Г. В. и др. Правоохранительные органы Уфимской губернии в годы революций и Гражданской войны (1894 – 1917): сборник документов и материалов. Уфа, 2010.

сотрудников конца XIX – начала XX в.¹ В последующем указанные сборники документов с дополнениями были переизданы².

Подводя итог, следует отметить, что, несмотря на достижения в изучении проблемы, все еще остается неразработанным вопрос организационно-правового оформления органов полиции в Уфимской провинции, являвшейся центром Башкирии, учрежденной еще в 1715 г., а также и последующие периоды, вплоть до принятия губернской реформы 1775 г. Что касается XIX – начала XX вв., то здесь, вне поля зрения исследователей, остаются вопросы выявления динамики общей численности рядовых и классовых чинов полиции края по городам и уездам, их возрастного, национального состава. Требуют дальнейшего изучения материально-бытовые условия службы сотрудников. Назрела потребность в написании обобщенных трудов по истории полицейских учреждений Башкирии дореволюционного периода, их взаимодействию с судебными, пенитенциарными, жандармскими подразделениями, а также использованию иррегулярных частей Башкирского войска в охране общественного порядка и борьбе с преступностью.

В данной работе перед авторами стояли задачи изучения эволюции административно-территориального управления Башкирией в XVIII – начале XIX вв. Особое внимание уделялось раскрытию проблем организационного оформления органов полиции в лице провинциальных воевод и комендантов, которые в последующие этапы были заменены в городах городничими и полицмейстерами, а в уездах капитан-исправниками (земскими и уездными исправниками). Значительное место было отведено анализу основных направлений деятельности органов правопорядка во второй половине XIX – начале XX в. Освещение данных вопросов на конкретном региональном материале позволит более полно уяснить место полиции в структуре Российского государства.

Основой данной работы стали архивные источники, выявленные в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ), Российском государственном историческом архиве (РГИА), Национальном архиве Республики Башкортостан (НАРБ), Государственном архиве Оренбургской области, Архиве Федеральной службы безопасности по Республике Башкортостан (Архив ФСБ по РБ).

Авторы выражают свою признательность сотрудникам архивов, библиотек, музеев РБ за помощь и содействие в сборе материала для книги, а также редакторам и рецензентам.

¹ Уфимское губернское жандармское управление 1873 – 1917 гг. Документы и материалы. Уфа, 2012.

² Мордвинцев Г. В. и др. Правоохранительные органы Уфимской губернии в переломные годы истории (1894 – 1922): сборник документов и материалов: в 3-х частях. Уфа, 2016.

ГЛАВА I. АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ УСТРОЙСТВО И УПРАВЛЕНИЕ БАШКИРИЕЙ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII – В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВВ.

§ 1. Территория и население. Введение кантонной системы управления

Для управления Средним Поволжьем, Башкирией и до 1637 г. Сибирью в начале 70-х годов XVI в. формируется специальный орган – приказ Казанского дворца. Местная воеводская администрация появилась в Башкирии после назначения в 1590 г. первого уфимского воеводы М. Нагого.

После присоединения к Русскому государству Башкирия вошла в состав Казанского воеводства, которое в 60-х годах XVI в. было преобразовано в Казанский уезд.

В 1574 г. на Уфимском полуострове было возведено укрепленное поселение, которое в 1586 г. получило статус города под названием Уфа¹.

Воеводы являлись прямыми представителями верховной власти в крае. Они возглавляли основное учреждение местного управления – Уфимскую приказную избу. В распоряжении воеводы находились служилые люди и военные гарнизоны уезда. В составе должностных лиц органов местного управления были подьячие (штатные и площадные). Воеводе подчинялись приказные и выборные служилые люди. К приказным людям относились толмачи, сборщики налогов, приказчики различных служб, стрелецкие головы и сотники, к выборным – сборщики таможенных кабацких налогов и пошлин, а также целовальники «конские», «табачные» и др. Самые важные звенья аппарата управления краем комплектовались из русских дворян и служилых людей. Делопроизводство велось на русском языке².

Каждый воевода имел при себе штат гражданских и военных должностных лиц. С помощью приказной избы уфимский воевода управлял уездом. Объектом управления воеводы и его аппарата являлось все население подведомственной территории: коренное, пришедшее, а также временно проживающие. Помощь воеводе в хозяйственно-административном управлении оказывали должностные лица Уфимской приказной избы: дьяки и подьячие. В конце XVI – начале XVII в. состав «гражданских и военных слуг» уфимского воеводы ограничивался одним подьячим и одним стрелецким головой. Впервые в документах на должности подьячего упоминается Первуша Семенов, служивший при воеводах М. Нагом и Н. В. Годунове в 1602 – 1612 гг.³

¹ История Уфы. Краткий очерк. Уфа, 1981. С. 20 – 21.

² История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX века. Уфа, 1996. С. 180.

³ Муратова В. Н. Воеводский аппарат управления в Башкирии во второй половине XVI – начале XVIII в. Социально-экономическое и политическое развитие Башкирии в конце XVI – начале XX в.: сборник статей. БНЦ УрО АН СССР. Уфа, 1992. С. 5.

В структуре воеводского управления немаловажную роль играли объезжие головы. Основная их деятельность заключалась в надзоре за противопожарными мерами в городе. На практике круг обязанностей был гораздо шире. Объектом их надзора было все население города, в том числе стрельцы. Они должны были строго следить за местами, где «гуляки играли в зернь, проигрывая до нитки, тянули табак, запретные зелья, здесь же были и жонки зазорного поведения». Назначением объезжих голов занимался уфимский воевода, получающий на них жалование из Москвы. Очевидно, объезжие головы назначались из местного служилого населения, и срок службы ограничивался сроком пребывания воевод.

В 1686 г. со вступлением на воеводскую должность И. Ф. Борятинского «в Уфе в объезжих головах на место Ивана Лопатина был назначен Иван Васильчин»¹.

После законодательного оформления Правительствующего Сената и создания вместо приказной системы управления – коллегий продолжалась дальнейшая реализация губернской реформы. Ее результатом стало создание 8 губерний сначала в составе 45, а затем 50 провинций во главе с провинциальными воеводами².

К Казанской губернии было приписано 36 городов уездного значения с 34 подчиненными им «пригородами». Среди них Уфа и приписанные к ней Бирский и Саловарный городки, село Каракулино.

К 1727 г. число губерний в империи выросло с 8 до 14 в составе 47 провинций, считая, в том числе 14 провинций, центром которых были губернские города, и более 250 уездов, считая 61 уезд губернских и провинциальных городов³.

В начале XVIII в. приказная и воеводская система управления в стране была заменена губернской. По именному, объявленному из Ближней канцелярии указу от 18 декабря 1708 г. в России было образовано 8 губерний, во главе с назначенными царем губернаторами, получившими большую административную, финансовую, военную и судебную власть над вверенными им территориями⁴. Уфимский уезд был переименован в Уфимскую провинцию и включен в состав Казанской губернии. В 1728 г. Уфимская провинция была передана в ведение Сената⁵. Зауральская часть Башкирии оставалась по-прежнему в составе Тобольского уезда Сибирской губернии⁶.

¹ Муратова В. Н. Указ. соч. С. 11.

² Каменский А. Б. Реформы в России с древнейших времен до конца XX в.: в 4 томах. М., 2016. Т. 2. XVIII – первая половина XIX в. С. 35. ПСЗС 1. Т. XI. № 2218. С. 436 – 438.

³ Готье Ю. В. История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. Т. 1. М., 1913. С. 108.

⁴ Каменский А. Б. Указ. соч. С. 32.

⁵ Демидова Н. Ф. Управление Башкирией и повинности населения Уфимской провинции в первой трети XVIII в. М., 1961. С. 214.

⁶ История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX века. Уфа, 1996. С. 183.

Первое упоминание в официальной документации названия Уфимской провинции относится к 1719 году. Вплоть до 30-х годов XVIII века в документах встречаются оба названия – провинция и уезд. Непосредственное управление Уфимской провинцией осуществлял обер-комендант. С 1715 года эту должность занимал И. Бахметьев. Он имел право самостоятельно обращаться в центральные органы управления по всем вопросам, касающимся управления Уфимской провинции.

В 1719 году штат военного и гражданского управления Уфимской провинции составлял всего 83 человека. В провинциальной канцелярии, которую возглавлял подьячий А. Осанин, служили 11 подьячих. В 1721 году А. Осанин был назначен на должность уфимского комиссара. При этом из 11 подьячих только 2 (Прототоповы) вели свое происхождение от уфимских подьячих XVII века. Все остальные были выходцами из служилого и посадского населения Уфы. В 1728 г. Уфимская провинция была выведена из подчинения Казанской губернии и стала отдельной провинцией «в особливом подчинении Сената»¹.

В инструкции сената уфимскому обер-коменданту И. Бахметьеву от 11 октября 1719 года упоминаются должности, ранее не существовавшие в штате воеводской и губернской администрации, такие как надзиратель-камерир и казначей-рейнтмейстер².

Первым воеводой Уфимской провинции до 1722 г. был полковник И. Е. Бахметьев, в 1722 – 1727 гг. в течение 5 лет князь И. Г. Шаховский. С 1728 г., когда Уфимская провинция была непосредственно подчинена Сенату, воеводами были: в 1728 – 1731 гг. бригадир П. Батурлин, в 1731 – 1735 гг. полковник П. Д. Кошелев, А. И. Алфимов³.

Уфимский воевода осуществлял общее руководство на всей территории вверенной провинции, опираясь на аппарат провинциальной канцелярии. В число ее основных функций входили: раскладка и сбор ясака с башкир, сбор денежных и иных налогов с других категорий населения, распределение повинностей и податей, организация военной службы.

Уфимский воевода также должен был строго следить за беглыми людьми и всех в Башкирии находящихся беглецов и беспаспортных как русских, так и иноверцев высылать и по указу с ними поступать, «но дабы и впредь оные в Башкирию приходить и укрываться там не могли уфимской и исецкой провинциальным канцеляриям, всегдашние и сколько таких сыскано и как с ними поступлено будет о том в Оренбургскую комиссию для сведения при башкирских делах уведомить»⁴. В 1734 г. уфимско-

¹ Готье Ю. В. Указ. соч. С. 113.

² Азнабаев Б. А. Интеграция Башкирии в административную структуру Российского государства (вторая половина XVI – первая треть XVIII вв.). Уфа, 2005. С. 174.

³ История административно-территориального деления Республики Башкортостан. Уфа, 2009. С. 78.

⁴ Биккулов И. Н. Указ. соч. С. 41.

му провинциальному воеводе строго повелевалось «смотреть, чтоб нигде в башкирцах беглые пристанища никакого не имели»¹.

В обязанности воеводы входили также надзор за внутренней безопасностью провинции и принятие мер относительно антиобщественных элементов: «что никому насилия и грабежа чинено не было, а воровство и всякие разбои и преступления весьма были прекращены и по достоинству наказываны»².

На Уфимскую провинциальную канцелярию возлагались набор в рекруты и укомплектование армии лошадьми³, она также контролировала, чтобы из других уездов в Башкирию не ввозили ружья, порох, свинец, панцири, сабли, пики, копья, стрелы. 11 февраля 1736 г. был принят специальный Указ «О запрещении иметь в Уфимском уезде и в башкирских селениях кузницы»⁴.

С 1735 по 1744 г. Башкирия находилась в подчинении Оренбургской экспедиции (с 1737 г. — комиссии). В 1735 — 1741 гг. часть функций по управлению краем выполняла Башкирская комиссия, созданная в августе 1735 г. для содействия властям в подавлении восстания. В ее функции входил также контроль за выполнением населением различных государственных повинностей. С целью более тесного охвата башкир царским административным аппаратом на территории Зауральской Башкирии в 1737 г. была создана Исетская провинция, состоявшая из трех дистриктов (уездов): Исетского, Шадринского и Окуневского. Административный центр провинции сначала находился в Чебаркульской крепости, затем в Теченской слободе и, наконец, в Челябинске⁵. Воеводы Уфимской и Исетской провинций подчинялись начальнику Оренбургской комиссии. В 1740 — 1744 гг., в связи с усложнением административных задач, Уфимская провинция возглавлялась вице-губернатором.

С марта 1740 г. в Уфимской провинции учреждается вице-губернаторская должность, которая просуществовала до 1744 г., когда была образована Оренбургская губерния. Учреждая новую должность, Сенат фактически вернул Уфимской провинции статус 1728 г., когда она была непосредственно подчинена Сенату⁶. За небольшой промежуток времени (не более 4-х лет) на указанной должности побывали генерал-майор П. Воейков (с марта 1740 г. до 6 ноября 1740 г.) и бригадир П. Аксаков (6 ноября 1740 г. — 19 июня 1744 г.)⁷.

¹ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собр. 1. Т. IX. № 6581.

² Реформы Петра I: сборник документов / сост. В. И. Лебедев. М., 1937. С. 146.

³ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. IX. № 7046, № 7071.

⁴ Там же. № 6887.

⁵ Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 1. Ч. I. С. 150.

⁶ Биккулов И. Н. Указ. соч. С. 106.

⁷ Там же. С. 159.

При учреждении должности уфимского вице-губернатора по указу Анны Иоановны под его подчинение были переданы крепости, находившиеся на территории Уфимской провинции.

По ходатайству И. И. Неплюева весной 1744 г. здесь была образована обширная по своей территории и многочисленная по составу населения Оренбургская губерния во главе с губернатором, вице-губернаторская должность была упразднена, а вместо нее вновь введена должность воеводы. Оклад уфимского провинциального воеводы в 1740 г. составлял 544 руб. в год.

Большинство провинциальных воевод были отставными военными и находились в ранге полковника или подполковника. В 1740 г. в Уфимской провинции – воевода полковник, дворянин, оклад 544 р. 08 к., товарищ воеводы – капитан, дворянин¹.

В 1726 г. в Уфимской провинции аппарат управления составлял 30 человек, из них 5 чиновников, 3 канцеляриста, 11 копиистов, 2 сторожа, 2 фискала, 2 служителя магистрата, 45 человек в других учреждениях². В 1726 г. воевода Уфимской провинции князь Иван Шаховский – полковник, в канцелярии воеводы состояли: ассессор – 2, секретарь – 1, копиисты – 6, сторожа – 2, в конторе камерира: камерир – 1, писарь – 1, копиисты – 4, в крепостной конторе: надсмотрщик – 1, писцы – 4, в магистрате: бурмистр – 1, ратман – 1, в канцелярии магистрата: провинциал-фискал – 1, фискал – 1, таможня, кабацкая изба, конская изба³.

1 августа 1733 г. Правительствующий Сенат подтвердил должность уфимского воеводы сверх коменданта, так как «сборов денежных, так судебных и розыскных и прочих дел имеется немалое число»⁴.

В 1744 г. на территории Башкирии была образована Оренбургская губерния в составе Оренбургской, Уфимской и Исетской провинций. Уфимская провинция включала территорию бывшего уфимского уезда. Здесь находились города Уфа, Бирск и Мензелинск. К Оренбургской провинции были приписаны Сергиевский уезд, г. Оренбург, крепости, редуты и другие пункты, попадавшие в зону пограничных укреплённых линий. Она окаймляла широкой полосой Уфимскую провинцию с юго-запада и юго-востока. Зауральская Башкирия вошла в состав Исетской провинции.

Губернией управлял губернатор, который размещался в г. Оренбурге. Первым оренбургским губернатором был назначен И. И. Неплюев. Он и его преемники пользовались широкой военной и гражданской властью. В ведении губернатора находились расквартированные на территории губернии войска, он координировал действия губернских и провинциальных

¹ Писарьков Л. Ф. Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII века: Эволюция бюрократической системы. М.: Российская политическая энциклопедия, 2007. С. 684.

² Там же. С. 665.

³ Там же. С. 643.

⁴ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. IX. № 6468.

учреждений, распоряжался денежными поступлениями. Свои функции губернатор осуществлял с помощью губернской канцелярии, которая объединяла полицейскую, судебную, финансовую, вотчинную и другие службы.

Во главе провинций находились воеводы с подчиненными им провинциальными канцеляриями. В городах края действовали магистраты, выполнявшие преимущественно судебные функции, а также полицмейстеры, которые обязаны были обеспечить «спокойствие», пожарную безопасность и т. д.

Следующий этап в реформировании административно-территориальной системы в России связан с указом Екатерины II от 7 ноября 1775 г. и известного как «Учреждение о губерниях»¹.

После подавления Крестьянской войны 1773 – 1775 гг. правительство Екатерины II предпринимает ряд крупных шагов, направленных на предотвращение подобных социальных потрясений в будущем. Среди них особое место заняла губернская (областная) реформа 1775 г. Местное управление, в том числе и правоохранительные органы, показали свою неэффективность в борьбе с крестьянскими бунтами, «не умела ни предупредить, ни пресечь вовремя»², – отмечал В. О. Ключевский.

Начало данному процессу было положено «Учреждениями о губерниях», изданными правительством Екатерины II 7 ноября 1775 г., предполагавшими не только разделение государства на губернии, но и упорядочение структуры центрального и местного управления. В Учреждениях обосновывались причины реформы структуры государственного аппарата «... по великой обширности некоторых губерний, оные недостаточно снабжены как правительствами, так и надобными для управления людьми: что в одном и том же месте, где ведомо правление губернии и казенные доходы и счета обще с благочинием или полициею, и сверх того еще уголовные дела и гражданские суды отправляются»³.

Таким образом, была предпринята попытка разграничения местных властных структур на три основные составляющие: административно-полицейскую, судебную и финансовую.

Реформа коснулась и территории Башкирии. 23 декабря 1781 г. вместо прежней Оренбургской губернии было учреждено Уфимское наместничество. Уфимское наместничество представляло значительную территорию. С востока на запад она тянулась на 500 – 800 верст, а с севера на юг – на 140 – 550 верст и включала в себя около 280 тысяч квадратных верст⁴. На севере Уфимское наместничество граничило с Вятской, Пермской и Тобольской губерниями, на востоке и юге – с землями казахов Среднего и

¹ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. XX. № 14392.

² Ключевский В. О. Курс русской истории. Сочинения. Т. 5. М., 1989. С. 105.

³ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. XX. № 14392.

⁴ 1 верста = 1 км 670 м.

Младшего жузов и Астраханской губернии, на западе – с Саратовским, Симбирским и Казанским наместничествами¹.

Вновь образованное Уфимское наместничество было разделено на две области: Уфимскую и Оренбургскую. В Уфимскую область вошли Уфимский, Мензелинский, Бирский, Челябинский, Стерлитамакский, Бугульминский, Бугурусланский, Белебеевский уезды, а в состав Оренбургской области – Оренбургский, Верхнеуральский, Бузулукский и Сергиевский уезды. Таким образом, Уфимское наместничество состояло первоначально из 12 уездов, но в 1784 г. в составе Уфимской области был образован еще один уезд – Троицкий, и всего стало 13 уездов².

Согласно «Учреждениям о губерниях» предусматривалось дробное разделение губерний. В результате основным административным учреждением губернии являлось губернское правление, во главе с губернатором; административные задачи решал и приказ общественного призрения, ведавший школами, госпиталями, богадельнями и прочими благотворительными заведениями³. В уезде административно-полицейские функции были возложены на земского исправника, возглавлявшего нижний земский суд, в городах – на городничего, финансово-хозяйственной жизнью губернии ведала казенная палата с подчиненными ей уездными казначействами⁴.

Сложной и многоступенчатой была структура новой судебной системы губернии. В губернских городах были созданы совестные суды, новые не только для России, но и для Европы, они носили всесословный характер и играли роль третейского суда. В их ведение входили дела малолетних, сумасшедших, споры родственников, дела о колдовстве и др.⁵

Остальные суды были сословными. В уездах это: уездный суд для дворян, городской магистрат для купцов и мещан, нижняя расправа – для однодворцев и крестьян, за исключением помещичьих. Из них апелляционные дела поступали в губернские суды, соответственно в верхний земский суд, губернский магистрат, верхнюю расправу.

Уфимское наместничество было образовано 18 мая 1781 г. На постройку каменных присутственных зданий в Уфе из казны было велено отпустить по 20 тыс. руб. в течение 5 лет⁶.

В штатах губерний разъясняется вопрос о воинских командах. В каждом губернском, областном или уездном городе полагалась своя штатная единица: в губернском – 129 нижних чинов (нестроевыми), из них конных – 27, при 3 офицерах, в областном – 67 (конных – 19), при 2 офицерах, в уездном – 33 (конных – 9), при 1 офицере. Из губерний, разделенных на

¹ ОР РГБ. Ф. 178. Д. 8818. Л. 1-1 об.

² Буканова Р. Г. Города-крепости юго-востока России в XVIII веке. История становления городов на территории Башкирии. Уфа, 1997. С. 218.

³ Григорьев В. А. Реформа местного управления при Екатерине II. М., 1910. С. 228 – 230.

⁴ Там же. С. 226.

⁵ Писарьков Л. Ф. Указ. соч. С. 410.

⁶ Григорьев В. А. Указ. соч. С. 320.

области, ни одна не получила полного числа воинских команд, те, которые разделены были на 2 области, получили одну команду¹.

В Учреждениях о губерниях 1775 г. упоминается вскользь в ст. 255 еще одна должность, военная по существу, но, очевидно, имевшая отношение к гражданскому управлению. Речь шла о комендантах. Существовая со времен Петра I, Учреждения трактуют их как городничих. «В каждом уездном городе где нет коменданта, он наделяется городничим, где же есть комендант, то поручается им исполнение ниже писанного в сей главе (т. е.)². При введении в действие Учреждений они часто оказывались во главе административных единиц, не получивших особых полномочий». Очевидно, до 1775 г. комендант являлся разновидностью воевод в малом масштабе, объединяя все функции военного и гражданского управления в широком смысле, не исключая суда и управления финансами.

Указом от 19 июля 1783 г. велено поручить исполнение обязанностей городничего во время его отпуска штатному офицеру губернской роты³.

Согласно Учреждениям о губерниях во главе наместничества были поставлены наместники или генерал-губернаторы, а пограничные дела были переданы учрежденной в г. Оренбурге так называемой Пограничной экспедиции во главе с обер-комендантом, а губерниями (областями) управлял губернатор.

С 1782 г. должность уфимского наместника и уфимского и сибирского генерал-губернатора исполнял генерал-поручик И. В. Якоби (1781 – 1783 гг.), в 1783 – 1784 гг. А. И. Апухтин, в 1784 – 1793 гг. – барон О. Л. Игельстром, 1793 – 1795 гг. – генерал-поручик С. К. Вязмитинский⁴.

Торжественное открытие наместничества произошло 28 апреля 1781 г. в присутствии первого наместника И. В. Якоби и оренбургского губернатора генерал-майора М. А. Хвабулова⁵.

В январе 1782 г. вслед за указом о создании Уфимского наместничества Екатерина II предписала губернатору И. В. Якоби образовать в Уфимской провинции восемь и Оренбургской две нижние расправы. При этом «по уважению на состояние обитающих в уфимской губернии башкирцев и мещеряков», суды предполагались «в том виде, дабы... могли из оных учредить особия нижния расправы для сих народов, не именуя их по званиям, но по местам, где учреждены будут»⁶. Последнее замечание ясно указывало на временный характер выделения в ряду единообразных судебных мест особых нижних расправ. Сложная социальная структура «общества» предполагала необходимость сочетать сословную государст-

¹ Григорьев В. А. Указ. соч. С. 334.

² Там же. С. 335.

³ ПСЗРИ. Собр. 1. № 16793. Григорьев В. А. Указ. соч. С. 366.

⁴ Буканова Р. Г. Города крепости юго-востока России в XVIII веке. История становления городов на территории Башкирии. Уфа, 1997. С. 222.

⁵ Резанцев П. Г. Административная роль города Уфы в Оренбургском крае. Уфа, 1902. С. 4.

⁶ ГАОО Ф. 6. Оп. 6. Д. 13725/1. Л. 4.

венную политику с процессом унификации форм и методов управления подданными, что относилось и к властным судебным и полицейским учреждениям.

Формирование структуры местных судебных органов продолжил генерал-губернатор А. И. Апухтин, по распоряжению которого в марте 1783 г. начали действовать расправы в Бирске и Челябинске. Башкирские заседатели были переведены из первой в Челябинскую вторую нижнюю расправу. Состав Оренбургской второй был также преобразован в соответствии с императорским указом от 14 января 1782 г.¹ Число вышеназванных судебных мест увеличилось с превращением Троицка по указу от 2 мая 1784 г. в уездный центр, где были открыты, очевидно, две дополнительные Троицкие нижние расправы, судившие башкир, мещераков и остальных обитателей уезда. По полномочиям, порядку и формам деятельности нижние расправы были равнозначны окружным судам и городovým магистратам. Вышестоящими судебными органами для нижних расправ являлись верхние расправы Уфы и Оренбурга, председатели департаментов которых назначались Сенатом, а заседатели избирались подсудным населением².

Гражданскими губернаторами были М. А. Хвабулов (1781 – 1783 гг.), П. Ф. Квашнин-Самарин (1783 – 1785 гг.), А. А. Фон-Путлинг (1785 – 1795 гг.)³, И. М. Баратаев (1795 – 1796 гг.).

Наместническое правление руководило областными палатами и приказами, контролировало полицейские органы, принимало отчеты и рапорта подведомственных учреждений, назначало служащих в уездные и областные органы, отслеживало уплату населением натуральных, денежных и других повинностей, а также отвечало за рекрутский набор. Правление должно было следить за исполнением законов, «чинить взыскание со всех непослушных, сохранять благонравие, порядок, мир и тишину»⁴.

По указу Сената от 12 ноября 1796 г. Уфимское наместничество стало вновь именоваться Оренбургской губернией, управление которой поручалось военным и гражданским губернаторам. Были ликвидированы области, а также Белебеевский, Бугурусланский и Сергиевский уезды. В следующем году губернский центр был переведен в Оренбург. Сохранились оба губернатора. В дальнейшем власть оренбургского генерал-губернатора (военный губернатор) была распространена на ряд соседних регионов.

С приходом Павла I произошли изменения и в административно-территориальном устройстве страны. Один из современников, служивший в 1799 г. обер-прокурором в Сенате, отмечал, что восшествие на престол преемника Екатерины ознаменовалось крутыми переворотами во всех

¹ НАРБ Ф. 1. Оп. 1. Д. 17. Л. 144, 198.

² Там же. Л. 124, 198.

³ Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве за 1785 год. СПб., С. 351.

⁴ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. XXI. № 14392.

частях государственного управления: наместничества раздробились на губернии... Учреждение, изданное для управления оных, изменилось, совестные суды упразднены ...»¹. Должность наместника упразднилась, а вся нить управления концентрировалась в руках губернатора, подчинявшегося Сенату².

По указу 1796 г. Уфимское наместничество снова было реорганизовано в Оренбургскую губернию. Правительство Павла I решило укрепить государственный аппарат путем еще большей централизации власти и установления жесткого военно-полицейского режима в империи³.

И, наконец, Игельстром ордером от 3 января 1798 г. предписал назначаемым им кантонным начальникам ввести кантонную систему управления и новый порядок службы на границе. Этот ордер был узаконен указом от 10 апреля 1798 г. о переводе башкир и мишарей в военно-казачье сословие с образованием 11 башкирских и 5 мещеряжских кантонов. Одновременно было образовано 5 кантонов оренбургских казаков.

Так завершился перевод башкирского и мишарского населения из гражданского в военное сословие, получившее название кантонной системы управления, каковая просуществовала (с некоторыми изменениями) с 1798 по 1865 гг. и в основном надежду правительства оправдала. Напомним цели реформы: предупредить башкирские восстания, окончательно умиротворить башкирский край и создать плацдарм для дальнейшего наступления на Среднюю Азию.

В конце XVIII в. в Уфимском наместничестве насчитывалось 3605 населенных пунктов: 13 городов, 3 пригородка, 40 крепостей, 30 слобод, 82 села, 3408 деревень. Как свидетельствуют источники, из 280 тыс. десятин общей площади земли «три части и более» принадлежали коренному населению, а остальные земли были частновладельческими и неподатных людей⁴.

Кардинальные изменения претерпела судебная система. По штатам 31 декабря 1796 г. палаты уголовного и гражданского суда были преобразованы в департамент одной палаты суда и расправы. К 1800 г. в каждой губернии вместо девяти губернских учреждений действовало только три: 1) губернское правление; 2) Палата суда и расправа; 3) Казенная палата. Из семи уездных учреждений в 1800 г. сохранилось четыре: 1) правление городничего; 2) уездный суд; 3) уездное казначейство; 4) нижний земский суд. Дворянская опека и уездный предводитель дворянства входили в состав уездного суда⁵.

В конце XVIII века должность оренбургского военного губернатора занимал генерал от инфантерии О. А. Игельстром, которого вскоре

¹ Дмитриев И. И. Взгляд на мою жизнь. М., 1986. С. 337.

² ПСЗРИ. Собр. 1. Т. XXIV. № 17677.

³ Там же. С. 17.

⁴ Там же. С. 219.

⁵ Писарькова Л. Ф. Указ. соч. С. 501.

заменил Н. Н. Бахметьев (1798 – 1803 гг.), получивший свое назначение еще при Павле I. Официально должность военного губернатора определялась многосложно: «военный губернатор, управляющий гражданской частью губернии, начальствующий Оренбургским пограничным краем». В годы его правления гражданские губернаторы и губернские учреждения находились в Оренбурге. Уфа являлась уездным городом, где с 1797 г. по 1802 г. правил городничий И. С. Павлов¹.

В июне – августе 1800 г. Бахметьев встречал членов сенатской ревизии в губернии – сенаторов М. Г. Спиридова и И. В. Лопухина, которым подал представление с обоснованием необходимости перевода губернских присутственных мест в Уфу. Он писал, что Оренбург расположен далеко от уездных дел, на самом почти конце губернии, и сведения туда из учреждений поступают через «более 6 недель»². Сенаторы также отмечали, что «подлинно крайне дальнее расстояние уездных городов от губернского Оренбурга затрудняет течение дел и препятствует деятельности, столь нужной со стороны губернского правления, особенно военных, дирекционных и полицейских»³. Сенаторы поддерживали позицию Оренбургского военного губернатора, но Павел I оставил центром края Оренбург. С приходом на трон Александра I вопрос был решен в пользу Уфы. По сенатскому указу от 5 марта 1802 г. Уфа стала местом пребывания гражданского губернатора и всех губернских учреждений, а Оренбург – военного губернатора⁴.

Переводу губернского центра обратно в Уфу способствовал, очевидно, итоговый отчет сенаторской ревизии М. Г. Спиридова и И. В. Лопухина, состоявшейся в августе 1800 г., где отмечается, что при сохранении нынешнего наименования губернии, «правление, палаты, и все, составляющее губернский город перемещены были по-прежнему в Уфу, то же чувствительнейшую бы принесло пользу»⁵.

В первой половине XIX в. основная территория, населенная башкирами, входила в состав Оренбургской губернии. Вначале губерния включала 10 уездов: Оренбургский, Верхнеуральский, Троицкий, Челябинский, Уфимский, Стерлитамакский, Бирский, Мензелинский, Бугульминский и Бузулукский. В 1802 г. были восстановлены упраздненные в 1796 г. Белебеевский и Бугурусланский уезды. Общая площадь губернии составляла 282551 кв. версту. В составе 12 уездов Оренбургская губерния просуществовала до 1851 г., когда Бугурусланский, Бузулукский и Бугульминский уезды были включены во вновь созданную Самарскую губернию⁶.

¹ РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. Д. 39. Л. 11-11 об.

² Гвоздикова И. М. Гражданское управление в Оренбургском крае в первой половине XIX в. (1801 – 1855 гг.). Уфа, 2010. С. 53.

³ Материалы по истории Башкирской АССР. М., 1960. Т. 5. С. 602.

⁴ ПСЗРИ. Собр. 1. № 20170.

⁵ Материалы Т. 5. С. 602 – 603.

⁶ Там же. С. 334.

Уезды делились на волости, количество которых зависело от размеров уездной территории. С введением в 1798 г. кантонной системы управления территория, населенная башкирами, мишарями и оренбургскими казаками, была разделена на кантоны и юрты (или команды), границы которых не совпадали с границами уездов и волостей. Таким образом, в первой половине XIX в. в Башкирии параллельно существовали и функционировали уездно-волостная и кантонно-юртовая системы управления.

Губернией управляли военный губернатор (генерал-губернатор) и подчиненный ему гражданский губернатор. Резиденция первого находилась в Оренбурге, второго – в Уфе. Гражданский губернатор ведал делами гражданского управления в пределах Оренбургской губернии, а генерал-губернатор осуществлял военное управление всем Оренбургским краем¹.

§ 2. Становление органов полиции от петровских преобразований до министерской реформы Александра I. Воеводы и коменданты

Формирование в России системы специализированных полицейских органов было связано с реформаторской деятельностью Петра I и образованием Российской империи.

Переняв в общих чертах структуру западноевропейской полиции и само ее название, в 1715 г. император учреждает Главную полицмейстерскую канцелярию в Санкт-Петербурге. Предполагалось, что она будет управлять полицией всей страны. 25 мая 1718 г. Петр I утвердил «Пункты, данные Санкт-Петербургскому генерал-полицмейстеру Дивьеру для руководства»².

В Пунктах излагались основные обязанности полиции по борьбе с уголовной преступностью; охране общественного порядка, обеспечению санитарной и пожарной безопасности. 7 июня 1718 г. в Санкт-Петербурге учреждается должность генерал-полицмейстера с канцелярией и особым штатом сотрудников³.

Вслед за Петербургом 19 января 1722 г. регулярная полиция была учреждена в Москве. В Указе Петра I отмечалось: «Учинить в Москве обер-полицмейстера, который должен депенденцию иметь от генерал-полицмейстера»⁴. Кандидатура обер-полицмейстера, таким образом, согласовалась с генерал-полицмейстером, что подчеркивало верховенство второй инстанции. В апреле 1722 г. назначенный по выбору Петра I обер-полицмейстером Москвы полковник Греков получил инструкцию об устройстве и основных обязанностях московской полиции, в которой, в част-

¹ Материалы по истории Башкирской АССР. М., 1960. Т. 5. С. 335.

² ПСЗРИ. Собр. 1. Т. VI. № 3203.

³ Сизиков М. И. История полиции России (1718 – 1917 гг.) – становление и развитие общей регулярной полиции в России XVIII века. М., 1992 г. С.10.

⁴ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. VI. № 3883.

ности, указывалось «и канцелярских и прочих служителей взять у прежних командиров, кому оное полицейское смотрение и правление в Москве поручено было»¹.

Однако на пути создания в других губерниях регулярной полиции возникли финансовые и кадровые трудности. Бюджет государства был сильно истощен, чтобы можно было позволить из его средств организовать и содержать полицейские учреждения во всех городах Российской империи. С другой стороны, комплектование полиции за счет армейских чинов, как это осуществлялось в столицах, могло ослабить боеспособность армии. Выход из сложившейся ситуации был найден Петром I в предоставлении магистратам, органам сословного городского самоуправления права создавать собственные полицейские органы.

Регламент Главного магистрата от 16 февраля 1721 г. устанавливал для полиции правовые и нравственно-воспитательные начала, так как она, по мысли законодателя, «споспешествует в правах и правосудии, рождает добрые порядки и нравоучения, всем безопасность подает от воров, насильников и обманщиков и им подобных, непорядочное и непотребное житие отгоняет и принуждает каждого к трудам и честному промыслу, чинит добрых домоустроителей, тщательных и добрых служителей города и в них улицы регулярно починяет, препятствует дороговизне и принесет довольство во всем потребном к жизни человеческой, предостерегает от болезней, производит чистоту по улицам и в домах, запрещает излишества в домовых расходах и все явные погрешения, призирает нищих, увечных и прочих неимущих, защищает вдовых, сирых и чужестранных. Вкратце полиция есть душа гражданства и всех добрых порядков и фундаментальный подпор человеческой безопасности и удобства»².

Однако при жизни реформатора его указы по организации правоохранительных органов так и не были полностью исполнены, а с упразднением главного магистрата полицейские функции переходят губернаторам и воеводам.

Новая система местного управления была закреплена инструкцией 12 сентября 1728 г. Единственными органами управления и суда в губернии стали губернаторы, а в провинциях и уездах – воеводы, которые осуществляли свои функции через соответствующие канцелярии: губернские, провинциальные, воеводские. Она ограничивала компетенцию губернаторов и воевод конкретными, практическими и повседневными задачами феодально-крепостнического государства. Они были обязаны исполнять законы и распоряжения, исходящие от верховной власти, Сената и коллегий, охранять тишину и спокойствие на вверенной территории: ловить беглых крепостных, рекрутов, солдат и «всяких гулящих и слоняющихся людей»; вести борьбу с разбоем, осуществляя быструю расправу; в их веде-

¹ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. VI. № 4047.

² Там же.

нии находились местные тюрьмы. Обширны были функции губернаторов и воевод в полицейских мероприятиях по охране от огня, чумы, по соблюдению чистоты на улицах и торгах и т. п.

Инструкция 1728 г. восстановила некоторые административные порядки воеводского управления XVII в. Только некоторые крупные губернские канцелярии делились на экспедиции. Все остальные губернские, провинциальные и воеводские канцелярии сохранили старое деление на столы и повытья. Губернские и провинциальные канцелярии возглавляли секретари, а воеводскую – подьячий с приписью. В 1730 г. был восстановлен старинный порядок смены воевод через два года.

Важным этапом на пути организационного управления полиции явился указ императрицы Анны Иоановны от 23 апреля 1733 г. об учреждении в 23 городах Российской империи самостоятельных полицейских контор под полной дирекцией Главной полицмейстерской канцелярии. В результате в 10 губерниях, 11 провинциях и 2 уездных городах были образованы полицейские органы¹. В губернских городах определялся штат в 13 человек: полицмейстер (капитан), 1 унтер-офицер, 1 капрал, 8 рядовых, 2 канцелярских служителя. Штат провинциальных и уездных городов состоял из 11 человек: полицмейстер (поручик), по одному унтер-офицеру и капралу, 6 рядовых, 2 канцелярских служащих. Военнослужащих для полицейской службы предполагалось выделить из местных гарнизонов, в которых они бы продолжали числиться, получать жалование и все виды довольствия. Канцелярских служителей предполагалось набирать по конкурсу и платить им жалование из местных полицейских сборов. Новая система полицейских органов была строго централизованной, создаваемые полицмейстерские конторы имели вертикальное подчинение, обязаны были подчиняться Главной полицмейстерской конторе в Петербурге и не исполнять никаких указаний других органов управления. Полицейские конторы были юридически независимы от местных органов власти.

Для руководства полицмейстерским конторам на местах Главной полицмейстерской канцелярией была разработана должностная инструкция, где устанавливались функциональные обязанности и полномочия местной полиции. Будучи центром провинции Казанской губернии, Уфа не попала в данный перечень, но тем не менее здесь, безусловно, имелись должностные лица, исполнявшие полицейские функции. В провинциях и уездах воеводы и коменданты через свои канцелярии исполняли законы и распоряжения, исходящие от верховной власти, Сената и коллегий, по охране тишины и спокойствия на вверенной территории: ловить беглых крепостных, рекрутов, солдат и «всяких гулящих и слоняющихся людей»; вести борьбу с разбоем, осуществляя быструю расправу; в их ведении находились местные тюрьмы. Обширны были функции губернаторов и воевод в

¹ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. IX. № 6378.

мероприятиях по охране от огня, чумы, по соблюдению чистоты на улицах и торгах и т. п.¹

В 1727 г. была введена должность товарища или помощника провинциального воеводы, назначаемого из ответственных унтер-офицеров (по одному на провинцию), в задачу которого входили сбор и отпуск денег. А чтобы «у воевод с теми офицерами не было распри», было поставлено «давать провинциальным воеводам ранг² второй полковничий, пока они будут воеводами».

Воевода, исправно исполняющий свои обязанности, при отставке мог сохранить чин полковника и даже получить более высокий чин. Такая перспектива, по мнению законодателей, могла «побудить их к наилучшей ревности и осторожности»³.

В марте 1727 г. Верховным тайным советом были выдвинуты кандидаты на должность воеводы в 31 провинцию и 185 городов и пригородов. «Под надзором провинциальных воевод» вершился суд и велось наблюдение за сбором податей. В городах воеводы получили чин майора, а в пригородах – поручика⁴. В 1718 – 1722 гг. обер-комендантом Уфы, затем воеводой служил полковник Бахметьев, в 1722 – 1727 гг. – воевода князь И. Г. Шаховской, с 23июля 1725 по август 1731 г. – бригадир Батурлин⁵.

Массовое бегство крепостных крестьян на Дон, Поволжье, Башкирию вызывало недовольство помещиков, к поиску беглецов привлекались губернские и воеводские канцелярии. Еще в 1721 в Уфу был послан граф Головин для организации сыска беглых крестьян, который нашел «оних сходцев по показанию башкирцев и сторожимых там о иноверцев, многие тысячи дворов, которых высрал с женами и детьми на старые жилища, где они написаны в подушном окладе и в корабельных работах: учредил между Казанского и Уфимского уездов по Каме и по другим рекам и через степь к Самаре... и поставил из регулярных и нерегулярных войск земств, чтоб впредь оные народы не могли уйти в башкирские жилища»⁶.

Запрещение башкирам принимать беглое население было вновь подтверждено Сенатскими указами от 9 июня 1725 г. и 31 мая 1728 г. Для поддержания беглого населения на западных границах Башкирии были привлечены караулы из подразделений вологодского полка, конкретно было предписано «ставить на восточной границе Башкирии в пристойных местах «крепкие заставы»⁷.

Основной контингент среднего звена полиции предполагалось набирать из отставных военнослужащих с сохранением прежнего звания, обес-

¹ Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1983. С. 110.

² ПСЗРИ. Собр. 1. № 5033.

³ Там же.

⁴ Писарькова Л. Ф. Указ. соч. С. 255.

⁵ Биккулов И. Н. Указ. соч. С. 158.

⁶ Материалы по истории Башкирской АССР. Т. 3. С. 56.

⁷ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. VII. № 4733.

печением всем необходимым и денежным довольствием от военного ведомства. Указ от 14 мая 1740 г. подтвердил привлечение к полицейской службе военно-сухопутных и морских чинов. Помимо их в полицию набирали канцелярских и конторских служителей.

В губернских городах назначались капитаны, а в провинциальных — поручики. Для караулов и содержания съезжих дворов (полицейская расправа в каждой части города) предусматривалось по одному унтер-офицеру. При караулах в губернских городах должно было находиться во семь рядовых и в провинциальных — шестеро. Кроме того, им помогали выбиравшиеся по полицейской повинности из городских домохозяев сотские, десятские и ночные караульные.

Жалование и иное довольствие назначалось из сумм, выделявшихся на содержание губернских гарнизонов. Канцеляристы же содержались за счет местных доходов и сборов, производившихся полицией с населения.

Провинциальная полиция находилась в «полной дирекции» Главной полицмейстерской канцелярии. По императорской резолюции она обязывалась издать инструкцию о деятельности новых полицейских учреждений, но в 30 — 40-х годах такой документ так и не был создан. Как правило, они руководствовались «Пунктами», данными генерал-полицмейстеру, инструкцией московскому обер-полицмейстеру и различными указами по полицейскому управлению.

Учреждение полиции в 1733 году стало важной вехой в развитии отечественных региональных правоохранительных органов и знаменовало первую законотворческую и административную стадию реформирования правительства в данном направлении.

Через четыре года издается сенатский указ, изменивший подчиненность губернской и провинциальной полиции, которая передавалась «в ведомство губернаторов и воевод». Полицейские назначались на должность с жалованием «из особых офицеров или из дворян», с определением к ним «приказных служителей и рассыльщиков». Но так как, по мнению верховной власти, жалование приведет к казенным убыткам, а от обывателей будут «происходить обиды», то указ советовал полицию отдать «на ратуши»¹.

По смыслу указа получалось двойное подчинение полиции. Это, по-видимому, произошло потому, что круг вопросов, входивших в полномочия полицмейстерских контор, ограничивался соблюдением внутреннего благочиния (наблюдение за спокойствием и тишиной в городах) и противопожарной безопасностью. Полиция следила за ценами на рынках, так как они «должны быть заорленными»², то есть не спекулятивными, следила за продажей вина и лошадей. Важнейшие же дела (борьба с разбоями, поимка беглых рекрутов и крестьян) оставались в компетенции губернаторов и воевод. По всей видимости, такое разделение в то время яв-

¹ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. X. № 7211.

² Там же. Т. VI. № 4136.

лялось оправданным. Верховная власть исходила из того, что пока будет вводиться полиция, а ее чины – набираться опыта, разбойники ждать не будут. Губернаторы же с воеводами – власть более или менее к тому времени окрепшая и сильная.

Из обширных обязанностей полиции можно выделить следующие функции: санитарный и строительный надзор; противодействие нищенству и бродяжничеству; борьба с разбойными нападениями и охрана общественного порядка; осуществление паспортного режима; противопожарная безопасность; надзор за порядком управления (противодействие пьянству, продаже порченных продуктов и пр.)¹.

Однако без распоряжения городского магистрата полиция не могла наказывать граждан. Это закреплялось указом императрицы Елизаветы Петровны, данным нижегородскому магистрату. В нем говорилось, что «без ведома магистрата, полиция не может наказывать и дерзить обывателям, а по требованию в полицейском исправлении магистрату, полицией надлежащее вспоможение чинить».

Небольшой контингент полицейских чинов, вооруженных алебардами и или дубинами, не мог обеспечить должный порядок в городе, особенно по ночам. Поэтому для предотвращения преступлений в ночное время улицы перегораживались рогатками, при которых дежурили обыватели. Еще в наказе губернаторам и воеводам от 12 сентября 1728 года говорилось о караулах и рогатках: «Для лучшего порядка и пресечения воровства сделать на концах улиц створчатые рогатки. Иметь при них палочные караулы из жителей и при них были бы для учинившихся пожаров, драк и воровства трещотки. А с которых дворов караулу быть надлежит, расписку учинить»².

Созданные в 1733 г. в 23 губернских, провинциальных и некоторых более мелких городах полицмейстерские конторы возглавлялись полицмейстерами из офицеров местного гарнизона³: «К управлениям полицейским, – отмечалось в резолюциях, – из имеющихся в тех губерниях гарнизонов в полицмейстеры, в губернских из капитанов, в провинциальных из поручиков, по одному человеку к тому достойных, да для караулов и содержания съезжих домов по одному унтер-офицеру и капралу».

Также в штате губернской полиции состояли 6 рядовых и 2 канцелярских служителя, а в провинциальной, соответственно, 6 и 2 человека с жалованием и довольствием. Уфа, Оренбург не попали в данный реестр. Каждому полицмейстеру давалась в распоряжение небольшая команда. Компетенция полицмейстерских контор была весьма узкой, так как многие полицейские функции, особенно связанные с поимкой беглых крестьян,

¹ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. X. №№ 7232, 7405, 7508, 8152; Т. XI. №№ 8214, 8254, 8621, 8754; Т. XII. №№ 8918, 8926; Т. XIII. №№ 8254, 9992, 10023; Т. XV. №№ 10001, 11521.

² Там же. Т. VIII. № 5333.

³ Там же. № 6378. С. 93.

рекрутов, борьбой с разбоем, по-прежнему остались в ведении губернаторов и воевод. Местная полиция наблюдала за внешним порядком и «благочинием» в городе: за соблюдением тишины, чистоты, противопожарных мер и т. п.¹

На территории Башкирии организация специальных полицейских учреждений начинается только с 1782 г. в период реализации учреждений о губерниях Екатерины II. Столь долгий период можно объяснить частотой как административно-территориальных изменений региона, так и сменой центров управления (Казань, Оренбург, Уфа).

Уфимская провинция была центром Башкирии, Исетская – ее Зауральской частью. По определению выдающегося историка и географа П. И. Рычкова, «башкирский народ и жителями и расположением своим занимает лучшую и высочайшую часть губернии и составляет наибольшее в ней людство»².

В Оренбургской губернии, образованной в 1744 г., насчитывалось 11 городов и пригородков, имевших соответствующий юридический статус: губернский город Оренбург, уездные города – Уфа и Ставрополь, безуездный Мензелинск, центр дистрикта Шадринск, пригородки Алексеевск, Бирск, Каракулино, Оса, Табынск. Города и пригородки были военно-административными пунктами³.

В Уфе и Челябинске находились провинциальные канцелярии, возглавляемые воеводами, а впоследствии – комендантами. Воеводские канцелярии существовали в Мензелинске, Бирске, Красноуфимске, Осе и Табынске. Воеводы провинций, городов, пригородков назначались Сенатом. Лишь в Табынск воевод направлял губернатор⁴. Большими административно-полицейскими и судебными полномочиями обладали уфимский, исетский воеводы и провинциальные канцелярии. Присутствие Уфимской и Исетской провинциальных канцелярий состояло из воеводы, воеводского товарища и прокурора. Делопроизводство велось 1 или 2 секретарями⁵.

Первым воеводой Уфимской провинции был назначен полковник Н. Д. Мерзлюкин (с августа 1735 по июнь 1736 г.)⁶. В 1737 г. правящим на воеводскую должность был определен полковник Астраханского драгунского полка П. Мартаков, с 1740 по 1744 гг. – П. Д. Аксаков, в 1764 – 1770 гг. – надворный советник И. В. Спиридов, а в 1770 – 1778 гг. – надворный советник А. Н. Борисов, при котором правление города передано

¹ Ерошкин Н. П. Указ. соч. С. 113.

² Гвоздикова И. М. Башкортостан накануне и в годы крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачева. Уфа, 1999. С. 24.

³ Там же. С. 35, 43.

⁴ Там же. С. 43.

⁵ Васильев И. М. Податное и военно-служилое население Башкирии по наказам в Уложенную комиссию 1767 г. Ч. 1. Уфа, 2000. С. 37.

⁶ Гвоздикова И. М. Указ. соч. С. 107.

комендантам и в 1770 г. первым комендантом г. Уфы был назначен полковник С. С. Мясоедов, который исполнял свои обязанности до 1773 г.¹

В 1760 г. был установлен порядок смены воевод через пять лет. Губернаторы и воеводы осуществляли свои функции через канцелярии. С 1763 г. каждому губернатору для содействия в исполнении законов была дана воинская команда².

О сфере компетенции пригородочных канцелярий и воевод косвенно свидетельствует указ Уфимской провинциальной канцелярии в Осинскую воеводскую канцелярию от 6 октября 1770 г. «О невступлении в окружность к приему челобитен далее 30 верст впред(ь) до резолюцы». Следовательно, в ведении пригородочных правлений находились сами пригородки и население окрестных деревень в 30-верстной окружности.

По данным П. И. Рычкова, в 1745 г. учреждены воеводские канцелярии и конторы в Елдяке, Красноуфимске, Нагайбеке, Мензелинске и Табынске с «правом судить окрестных жителей, в том числе и башкир», но ежели дело земляное или иск более 1000 рублей», то следствие проводится «пригородочными» властями, а решение принимается провинциальной канцелярией³.

В 1766 г. в Уфе проживало 150 казаков, которые получали жалование 4 руб. в год. Они выполняли и полицейские функции, кто не был послан на пограничную линию «содержит городской в пристойных местах караул, задолжаются в разные от Уфимской провинциальной канцелярии в Уфимский уезд по старшинам с указами посылки, к препровождению денежной казны и колодников до разных городов в конвое и в партии по поиску воров и разбойников». Аналогичную службу несли елдякские и нагайбекские казаки.

Следует отметить, что уфимские казаки в своих наказах депутатам Уложенной комиссии просили об увеличении их численности от 150 до 300 человек, об отмене полицейской службы (указывалось, что для этих целей могут быть использованы солдаты провинциальной роты)⁴.

При штурме повстанцами Уфы 23 декабря 1773 г. и 25 января 1774 г. атаки были отбиты защитниками города. По распоряжению коменданта Уфы полковника С. С. Мясоедова, для обороны города было учреждено 13 пикетов в разных частях, где было задействовано 1120 человек, вооруженных огнестрельным оружием и 27 пушками⁵.

¹ Гвоздикова И. М. Указ. соч. С. 48.

² Ерошкин Н. П. Указ. соч. С. 112.

³ Васильев И. М. Податное и военно-служилое население Башкирии по наказам в Уложенную комиссию 1767 г. Ч. 1. Уфа, 2000. С. 38.

⁴ Там же. С. 228, 229, 232.

⁵ Журнал Уфимской комендантской канцелярии о ходе боевых действий против повстанческих отрядов И. Н. Зарубина – Чики под Уфой с 24 ноября 1773 по 24 марта 1774 гг. // Южноуральский археографический сборник. Вып. 1. Уфа, 1973.

Общее руководство обороной Уфы осуществлял воевода Уфимской провинции надворный советник А. Н. Борисов, занимавший данную должность с 1770 по 1778 год (его предшественником был надворный советник – чин 7 класса Табеля о рангах – И. В. Спиридов (1764 – 1770))¹.

Последним воеводой Уфимской провинции был надворный советник И. П. Татаринов, прибывший в 1778 г., а комендантом служил подполковник фон Техьер. В 1785 г. в г. Уфе воеводской должности не было. Руководство осуществлял комендант города в лице подполковника и кавалера Ивана Архиповича Мистрова², в период наместничества который исполнял свою должность до 1789 г., в 1790 г. его сменил секунд-майор Ф. А. фон-Гринблат, 1791 – 1792 гг. – премьер-майор С. П. Петрашевич, в 1793 – 1798 гг. – полковник, кавалер ордена Св. Георгия князь Иван Юрьевич Баратов³.

По указу, принятому в феврале 1797 г., коменданты городов, не имеющие «в своем ведомстве» гарнизонных военных формирований, переименовывались в городничих и переводились в гражданское ведомство⁴.

Очевидно, с упразднением Уфимского наместничества военные части были передислоцированы в Оренбург, в Уфе оставалось минимальное число военнослужащих.

8 августа 1798 г. в г. Уфе должность коменданта была упразднена и «начали управлять в городе городничие», отмечается в кратком описании Уфы⁵.

В Уфимской провинциальной канцелярии в 1773 г. числились 44 человека, ключевые административно-полицейские должности занимали представители господствующего класса. Так, из 17 начальников учреждений высшего и среднего звена 14 были офицерами. Но среди канцелярских служителей встречались и разночинцы из подьячих, унтер-офицерских, солдатских и казачьих детей⁶.

Должности комендантов и комендантских канцелярий были введены еще Петром I и просуществовали до 1796 г. Коменданты как гражданские правители подчинялись губернатору, как начальники гарнизонов – генерал-фельдмаршалам. Их функции сводились к сбору налогов, суду над населением, организации борьбы с разбоями, а также с беглыми крестьянами

¹ Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от рождества Христова 1765. СПб., 1765. С. 113; Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от рождества Христова 1774. СПб., 1774. С. 208.

² Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от рождества Христова 1785. СПб., 1785. С. 354 – 355.

³ Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от рождества Христова 1796. СПб., 1796. С. 348 – 349.

⁴ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. XXVI. № 17777.

⁵ Гвоздикова И. М. Указ. соч. С. 87.

⁶ Гвоздикова И. М. Башкортостан накануне и в годы крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачева. Уфа, 1999. С. 43.

и рекрутами, поддержанию порядка в городах, крепостях и гарнизонах¹. Согласно штату от 19 апреля 1764 г. комендантские канцелярии должны были состоять из 1 канцеляриста и 2 писарей, позднее были определены и должности копииста. В 1797 г. по штату Уфимского наместничества, состоявшего из двух областей или провинций: первой Уфимской – из восьми уездов отпускалось в жалование и на расходы присутственных мест ежегодно 98915 руб., а на Оренбургскую область – 43055 руб. Всего на Уфимское наместничество – 141970 руб.

Таблица 1

Штаты Уфимского наместничества на 1797 г.²

Уфимская провинция	Число людей	Рубли
Правителю или губернатору	1	3000
Двум советникам	2	1020
На уголовную палату	5	2640
На гражданскую палату	5	2640
На казенную палату	15	6820
Губернскому прокурору и находившимся во всех выше явствуемых местах секретарям и приказнослужителям и на расходы	11	13320
На совестный суд и на него приказным и расходы	7	2230
На верхний земский суд	17	8363
На губернский магистрат	14	4718
На верховную расправу	17	4668
На приказ общественного призрения	1	358
При губернском правлении землемеру, архитектору, механику и прочим	3	900
Итого на губернское присутствие	98	49949
Уфимской провинции в восьми городах, коменданту и городничим	8	3740
На три уездные суды	12	4764

¹ Государственность России (конец XV – февраль 1917 г.); словарь-справочник. Книга 2. Д-К. М., 1999. С. 255 – 256.

² ПСЗРИ. Собр. 1. Т. XXVI. № 17777.

На восемь уездных казначейств	40	7054
На три дворянские опеки	9	450
На восемь нижних земских судов	56	10144
На восемь городских магистратов	32	5112
На восемь нижних расправ	32	9584
Уездным землемерам, восьми уездным стряпчим, 8-ми докторам, 8-и лекарям, 8-и подлекарям, 16 ученикам их	64	8560
На все уезды	253	49866
Итого на Уфимскую провинцию с палатами	351	98915
На Оренбургскую область и на 4 уезда отпускалось	194	43055
Итого на все Уфимское наместничество	545	141970

Последний воевода надворный советник Илья Татаринов прибыл в 1778 г., а комендантом был подполковник фон Тейхер, а в 1796 – 1797 гг. – полковник, кавалер ордена Св. Георгия 4-го класса князь Иван Юрьевич Баратов¹.

8 августа 1798 г. должность коменданта г. Уфы была отменена. Полицейские функции передавались городническому управлению. Первым городничим был назначен надворный советник Егор Иванович Павлов².

Первым городничим, после отмены должности коменданта в Уфе был назначен надворный советник Егор Иванович Павлов, 55 лет, из дворянских детей. После окончания 6 октября 1765 г. Сухопутного кадетского корпуса, в чине прапорщика был направлен в регулярную армию. В 1768 – 1772 гг. участвовал в русско-турецкой войне в составе пехотного корпуса, в сражениях с неприятелем был ранен в левый бок³. 30 ноября 1780 г. вышел в отставку с награждением звания секунд-майора. В том же году указом Правительствующего Сената определен в Саратовское наместничество городничим в г. Вольск⁴. В 1782 г. переведен в Уфимское наместничество советником гражданской палаты. Был командирован для разграничения полномочий между Уфимским, с одной стороны, и Пермским, Тобольским наместничествами с другой. С 1793 по 1798 работал в Уфимском земском

¹ Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от рождества Христова 1796. СПб., 1796. С. 348.

² Гвоздикова И. М. У истоков уфаведения: краткое описание губернского города Уфы. Уфа, 2014. С. 60.

³ РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. Д. 39. Л. 11 об., 12.

⁴ Там же. Л. 13.

суде во 2-ом департаменте заседателем¹. 22 апреля 1798 г. назначен уфимским городничим и выполнял свои функции до 18 октября 1802 г., до своей кончины².

Самым старшим по возрасту был городничий г. Бирска коллежский асессор Иван Иванович Рушинский. В 1799 г. ему шел 61-й год. Происходил из дворян, владел 31 душой крестьян в дер. Ивановка Мензелинского уезда. На службу поступил 22 марта 1752 г. в Уфимский драгунский полк капралом³. После получения капитанского звания 1 января 1771 г. вышел в отставку. С 1771 по 1790 гг. возглавлял городническое правление в г. Бирске, имел чин коллежского асессора⁴.

Структура городской полиции, в отличие от уездной, в Учреждениях для управления губернией не получила детальной правовой регламентации. В городах предусматривалось только введение должностей городничих. В соответствии со штатами Уфимского наместничества 1781 года эти должности были установлены в городах Бузулуке, Верхнеуральске, Сергиевске, Белебее, Бирске, Бугульме, Бугуруслане, Мензелинске, Стерлитамаке, Уфе и Челябинске, и несколько позднее, после образования уезда в 1784 г. – в Троицке. В Оренбурге должность городничего учреждалась в структуре аппарата обер-коменданта «в помощь ему» по полицейской части⁵.

По данным за 1785 г., в Уфимском наместничестве комендантом губернского г. Уфы являлся полковник Иван Архипович Мистров. Городничими: в Бирске – капитан Иван Рушинский, в Мензелинске – надворный советник Николай Гаврилович Огурцов, в Бугульме – надворный советник Иван Ефимович Хиряков, в Бугуруслане – коллежский асессор Федор Тимашев, в Белебее – секунд-майор Василий Ершов, в Стерлитамаке – секунд-майор Иван Еселев, в Челябинске – секунд-майор Иван Фон Швейгоферн, в Оренбурге – обер-комендант, генерал-майор и кавалер ордена Св. Георгия 4-го класса Яков Михайлович Зембулатов, в Бузулуке – комендант, секунд-майор Александр Иванович Львов, в Верхнеуральске – комендант, полковник Егор Алексеевич Ступинин. Указом от 1 апреля 1778 г. военной коллегии предписывалось назначать в штатные команды офицеров из гвардии и армии, а личный состав комплектовать «из служащих в полевых полках и гарнизонах и из отставных из полевой армии, способных к продолжению сей штатной службы»⁶. В 1782 г. в Оренбурге обер-комендантами назначены городничие⁷.

¹ РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. Д. 39. Л. 13 об.

² РГИА. Ф. 1286. Оп. 1. Д. 2576. Л. 84 – 85 об.

³ РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. Д. 39. Л. 14 – 15.

⁴ Там же. Л. 15 об.

⁵ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. XXI. № 15324.

⁶ Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от рождества Христова 1785. СПб., 1785. С. 354 – 359.

⁷ ПСЗРИ. Собр. 1. № 15329.

Но коренная реформа полицейских учреждений начинается проводиться только с 1775 г. Непосредственным толчком послужила Крестьянская война под предводительством Емельяна Пугачева. После подавления восстания правительство осознало необходимость создания на местах прочной системы полицейских органов, способных эффективно разрешать возникающие конфликты и проблемы.

При Павле I организовывались командировки сенаторов для ревизии губерний. В Оренбургскую губернию были направлены сенаторы М. Г. Спиридов и И. В. Лопухин. После ознакомления с деятельностью уездных администраций сенаторы предложили учредить должность «директора уезда», который был бы и не судья, но блюститель порядка и право судья в уезде, директор всех в уезде судов и полиции всего уезда, и в правлении орудие губернского начальства»¹. Эти предложения были направлены на повышение эффективности деятельности уездных органов управления за счет устранения межведомственных трений и злоупотреблений чиновников.

В рапорте сенаторов М. Г. Спиридова и И. В. Лопухина от августа 1800 г. в отношении полицейских учреждений Оренбургской губернии отмечается, что в губернском городе Оренбурге, как и в уездных городах «полицией на основании высочайше опробованных штатов не учреждены за неполучением Сенатского указа. Посему полиция хоть и существует, не только по одному названию...».

Здесь же отмечается, что жители городов не в состоянии содержать положенного по штатам количества чиновников, «и для того к облегчению городских жителей откомандировано для полицейских исправлений в Оренбурге из губернской штатной, а в уездных городах из уездных штатных же рот команды, и наблюдения в городах тишины, спокойствия и безопасности возложено в губернском на полицмейстера, а в уездных на городничих».

Тем не менее в своих выводах проверяющие констатировали: в Оренбургской губернии «спокойствие, безопасность и порядок, зависящий от полиции, существует»².

Новый император отказался от большинства принципов организации екатерининской эпохи. При нем закрепились организационные различия в структуре формирования полиции губернских и уездных городов, а также были определены источники финансирования.

В его Указе от 25 июля 1799 г. «Об определении в полицейские должности по избрании губернаторов и комендантов, с положением жалования из городских доходов, и о разрешении неудобств, могущих возникнуть при учреждении полиции» отмечалось «... его Императорское Величество, усматривая из донесений комендантов, что по вновь изданному ус-

¹ Материалы по истории Башкирской АССР. Т. 5. М., 1960. С. 602.

² Там же. С. 595.

тановлению полиции, в губернских и уездных городах определенные в должность полицейские, купцы и мещане, не имея ни навыка, ни нужных сведений, не могут отправлять их с надлежащей исправностью, Высочайше повелеть изволил: на местах сии определять из оставшихся за упразднением мест и других в казенной службе бывших способных и расторопных чиновников по избранию губернаторов и комендантов с положением подлежащих им из городских доходов жалования»¹.

На городничих также возлагалась организация борьбы с ворами и беглыми, с возможными неповиновениями населения властям, наблюдение за состоянием мостов, переправ и улиц, надзор за казенными строениями, предоставление воинским командам квартир, проведение административного дознания о преступлениях в городах². Согласно «Уставу благочиния» от 8 апреля 1782 г. городничие должны были возглавлять управы благочиния, но фактически их в уездных городах не было. По мнению Р. И. Байгутлина, управы были организованы в Оренбурге и Уфе, а возможно, и в других городах³. Е. П. Сичинский добавляет Челябинскую управу благочиния⁴.

В 1797 г. был издан закон, переложивший содержание городской полиции из городских доходов⁵, а уездных за счет населения уездов.

При Павле I был принят Указ «Об учреждении полиции в Оренбурге»⁶. По плану Оренбургского военного губернатора О. А. Игельстрома город предполагалось разделить на 2 части и шесть кварталов, предместье города – на одну часть и три квартала. Возглавить полицию должен был полицмейстер, при нем предусматривались должности приставов уголовных и гражданских дел, а также двух магистратских ратманов. Сопоставление новой организации оренбургской полиции с моделью, предусмотренной «Уставом благочиния», показывает стремление восстановить аппарат ранее существовавшей в Оренбурге управы благочиния. При полицмейстере был предусмотрен аппарат «для производства... письменных дел» в составе секретаря и трех писарей.

В городе 844 двора разделялись на две части и шесть кварталов. В каждой части предусматривались частный пристав, маклер, огнестрельный мастер и трубочист, а также на две городские части один судья словесного суда – всего 9 человек в двух частях. В кварталы назначались квартальные надзиратели, шесть сотских, двенадцать десятских от 70 дворов, 54 полицейских служителя от каждых 15 дворов, а также ночные сторожа

¹ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. XXV. № 19047.

² Государственность в России. Кн. 5. Ч. 1. С. 210.

³ Байгутлин Р. И. Реорганизация полиции Оренбургской губернии при Павле I // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 25 (206). Право. Вып. 25. С. 76 – 81. С. 76.

⁴ Сичинский Е. П. Полиция Южного Урала в период кризиса самодержавия. М., 2005.

⁵ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 24. № 18278.

⁶ Байгутлин Р. И. Указ. соч. С. 79.

(шесть), то есть всего 84 сотрудника. Таким образом, общее количество сотрудников полиции города предполагалось увеличить до 102 человек.

Казачье поместье Оренбурга, включавшее 437 дворов, составлявших одну часть и три квартала, должно было содержать частного пристава из отставных казаков, трубочистного мастера, квартальных надзирателей, сотских от каждых 145 дворов, шесть десятских, 29 полицейских служителей, трех ночных сторожей. Всего в предместье предусматривалось 46 сотрудников полиции. Общее число сотрудников полиции по указу составляло 148 человек при населении города около трех тысяч человек, на которых и ложилось бремя их содержания.

Таким образом, новая структура городской полиции Оренбурга практически полностью соответствовала структуре, предусмотренной «Уставом благочиния», что, возможно, говорит об эффективности данной модели организации полиции. Не предусматривалась только должность квартального поручика, избравшегося жителями квартала, что свидетельствует о дальнейшей бюрократизации полицейского аппарата, уменьшении выборного элемента. Вместе с тем сохранялась полицейская повинность населения, представленная службой сотских и десятских.

Важно отметить, что полицмейстер с приставами уголовных и гражданских дел и ратманами не образовывали в Оренбурге собственно управу благочиния, которая наделялась, кроме административно-полицейских, и некоторыми судебными полномочиями. Это свидетельствует о дальнейшей специализации полицейской деятельности.

Уже 10 мая 1798 г. военный губернатор орденом предписал коменданту Оренбурга привести указ об учреждении полиции в исполнение. Указом предписывалось действовавшего городничего коллежского асессора Зайцева переименовать полицмейстером, а также укомплектовать полицию «людьми и служителями», ввести всех «в отправление настоящих их должностей и службы»¹.

Сменив О. И. Игельстрому, новый военный губернатор Бахметьев сам обратился к идее создания специализированной полиции. По его указанию, в феврале 1800 г. были подготовлены новые штаты полиции Оренбурга, Уфы, а также всех уездных городов Оренбургской губернии. В своем рапорте Сенату Бахметьев докладывал о том, что во всех городах, кроме Мензелинска и Челябинска, городские доходы не позволяют содержать полицию. В связи с этим он предлагал несколько перераспределить расходы на другие учреждения, возвратить часть питейных сборов на первоначальное «заведение полиции и пожарных инструментов».

Военный губернатор также предложил использовать для выполнения полицейских функций состоящих в губернских и уездных городах драгун, которые ранее употреблялись для почетного караула, положенно-

¹ ГАОО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 1319. Л. 9, 10.

го бывшим генерал-губернаторам Уфимского наместничества, а ныне остались не у дел. Однако положительного решения Сената по своим предложениям Н. Н. Бахметьев добиться не смог¹.

Военный губернатор Бахметьев сразу по вступлению в должность 30 ноября 1798 г. писал, что средств на полицию в Оренбурге почти нет – большинство жителей находятся на военной и гражданской службе и потому платить не обязаны. Денег же, собранных с оренбургских купцов и мещан, явно не хватило – получено было только 100 руб. В итоге штат ограничился полицмейстером, двумя приставами, секретарем и несколькими чиновниками.

В конце концов губернский прокурор предложил «в полицейские службы» употреблять бывшую губернскую штабную роту. 20 декабря 1798 г. Высочайше утверждено было присоединить «для полицейских употреблений» губернскую штатную команду. Но после того как в 1802 г. губернское управление было переведено из Оренбурга в Уфу, туда отправилась и штатная команда, а в Оренбурге остался только городничий и несколько приказных смотрителей².

Еще в 1803 г. губернатор Г. Волконский находил полицию в Оренбурге «несоответствующей» – «ни в рассуждении чинов, ни предназначенной им цели». Все определялось средствами, вернее их нехваткой.

Предложение Волконского содержать полицию за счет городских доходов было министерством отклонено – до того времени, «когда доходы умножатся или представятся особенные какие-либо причины». По штату 1817 г. на содержание полиции в Оренбурге отпускалось 5700 руб.³

Важным этапом в развитии органов полиции сыграли министерские реформы Александра I, в том числе создание Министерства внутренних дел. Логическим продолжением реформ явился Указ от 24 октября 1803 г. «О средствах к исправлению полиции в городах».

Серьезное влияние на становление полиции в двух крупнейших на Южном Урале городских центрах Уфе и Оренбурге оказали принятые 1 января 1802 г. новые губернские штаты, которые дополнительно в Оренбургской губернии были уточнены в июле 1804 г.

Теперь во всех одиннадцати уездных городах и губернском городе Уфе предусматривались должности городничих. Оренбург попал в число городов третьего класса, в результате чего городские власти столкнулись с проблемой преобразования полицмейстерского правления в городническое, что не отвечало потребностям гражданского управления.

На имя министра внутренних дел последовали прошения вернуть Оренбургу вследствие его населенности и особых условий статус города

¹ Байгутлин Р. И. Указ. соч. С. 79.

² История управления внутренних дел Оренбургской области. Оренбург, 2002. С. 19.

³ Там же. С. 23.

второго класса и восстановить полицию на основе прежних штатов 1798 г., так как «городническое правление при малом оногo штате» не сможет сохранить в городе порядок.

В 1806 г. полицейский аппарат Оренбурга состоял всего лишь из городничего, четырех квартальных надзирателей и восьми десятских¹. В 1806 г. штат уфимской полиции включал: городничего, 3-х помощников, 8 сотских, 37 десятских. В городе было установлено 15 полицейских будок, при которых дежурило 45 человек.

Министр внутренних дел согласился с доводами оренбургского военного губернатора, но заметил, что времена изменились, и штатное расписание 1798 г. устарело. В заключение приводим список руководителей полиции г. Уфы.

Таблица 2

Воеводы, коменданты и городничие г. Уфы

Спиридов Иван Васильевич	Надворный советник	1765 – 1767 гг.
Борисов Алексей Никифорович	Надворный советник	1772 – 1778 гг.
Татаринов Илья Петрович	Надворный советник	1779 – 1781 гг.
—		1782 – 1783 гг.
Мистров Иван Архипович	Полковник	1784 – 1788 гг.
Фон Гартог Василий Васильевич	Полковник и кавалер	1789 г.
Фон Гринблат Федор Астафьевич	Секунд-майор	1790 г.
Петрашевич Сергей Петрович	Премьер-майор	1791 г.
Князь Барашов Иван Юрьевич	Полковник	1792 г.
Князь Баратов Иван Юрьевич	Комендант, полковник	1793 – 1796 гг.
Павлов Егор Иванович	Городничий, надворный советник	1802 г.
Вакансия		1803 г.
Степанцов Иван Семенович	Коллежский ассессор	1804 – 1807 гг.

¹ Сичинский Е. П. Полиция Южного Урала в период кризиса самодержавия. М., 2005. С. 27.

Каратеев Степан Иванович	Титулярный советник	1808 – 1811 гг.
Спытков Семен Яковлевич	Майор, ордена Св. Анны 2 кл. кавалер	1812 – 1813 гг.
Караулов Павел Алексеевич	Штабс-капитан	1814 – 1816 гг.

Провинциальная система управления Башкирией сохранялась до 1744 г. – до образования Оренбургской губернии. Провинциальным центром оставался г. Уфа. Общее руководство провинциями осуществляли воеводы, которые ведали всеми вопросами, за исключением военных и апелляционных дел, по которым они подчинялись губернатору¹.

¹ Гвоздикова И. М. Башкортостан накануне и в годы крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачева. Уфа, 1999. С. 42.

ГЛАВА II. ОБРАЗОВАНИЕ МВД И ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИЦИИ ГУБЕРНСКИХ И УЕЗДНЫХ ГОРОДОВ

§ 1. Институт городничих, их численность и состав

Придя к власти в ноябре 1796 г., Павел I активно принимается за реформирование екатерининской административной системы. Уже в декабре Сенат издает Указ «О новом разделении государства на губернии»¹, по которому Уфимское наместничество преобразовывалось в учрежденную еще до Екатерины II Оренбургскую губернию, которая разделялась на десять уездов. При этом города Белебей, Бугуруслан, Сергиевск стали заштатными (для них не были установлены административные и судебные штаты) и безуездными городами. Управление губернией было возложено на военного и гражданского губернаторов. Полиция поручалась компетенции военного губернатора, поскольку он наделялся и гражданской властью. Губернский центр был перенесен из Уфы в Оренбург Указом от 23 марта 1797 г.², однако уже в марте 1802 г. был возвращен обратно в Уфу³ в связи с недостатком зданий для размещения администрации и отдаленности Оренбурга. Тем не менее Оренбург являлся местом постоянного пребывания Оренбургского военного губернатора, обладавшего всей полнотой административной и военной власти. По указу, принятому в феврале 1797 г., коменданты городов, не имеющие «в своем ведомстве» гарнизонных воинских формирований, переименовывались в городничих и переводились в гражданское ведомство⁴.

Новый этап в развитии полицейских органов Российской империи и Башкирии, в частности, был связан с министерской реформой Александра I и утверждением в 1802 г. новых штатов губерний.

8 сентября 1802 г. император подписал Манифест «Об учреждении министерств»⁵. В числе восьми новых центральных органов государственного управления создавалось и Министерство внутренних дел во главе с В. П. Кочубеем, который привлечен для работы в своем ведомстве М. М. Сперанского.

В составе министерства образовались канцелярия министра, департамент внутренних дел, главное почтовое управление и медицинский совет, ведавший вопросами подготовки и аттестации врачей, аптекарей, ветеринаров⁶. Департамент МВД первоначально был разделен на 4 экспедиции, с 18 июля 1803 г. – на три экспедиции:

¹ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. XXIV. № 17634.

² Там же. № 17888.

³ Там же. Т. XXVII. № 20170.

⁴ Там же. Т. XXIV. № 17777.

⁵ Там же. Т. XXVII. № 20406.

⁶ Министерство внутренних дел России. 1802 – 2002. Исторический очерк в 2-х томах. Т. 1 / под общ. ред. В. П. Сальникова. СПб., 2002. С. 29.

– Экспедиция государственного хозяйства, опекунов и сельского домоводства (с 18 июля 1803 г.);

– Экспедиция государственного хозяйства, ведала делами государственного хозяйства, земледелием, населением, мануфактурами (1808 г.), соляной частью;

– Экспедиция спокойствия и благочиния (с 3 июля 1803 г. – Экспедиция государственного благоустройства) заведовала городской и сельской полицией¹.

С образованием министерств, руководство полицией не сразу оказалось в ведении МВД, оно осуществлялось Министерством сухопутных сил – в городах управляемых военными комендантами и Министерством военно-морских сил – в портовых городах¹.

В октябре 1803 г. граф В. Кочубей подал царю доклад, в котором поднимал вопрос о необходимости окончательного уточнения взаимоотношений полиции с комендантами крепостей.

В итоге появился Указ Его Императорского Величества от 24 октября 1803 г. «О средствах к исправлению полиции в городах» и составленный на его основе документ «Расписание городов, где состоят крепости и порты, в отношении к полицейскому их управлению от 10 декабря 1804 г.»². Первый указ лишил комендантов права руководства городскими полицейскими органами. Таким образом, в 1803 г. для полиции крупных городов была сформирована трехзвенная система управления (полицмейстер – губернатор – МВД), которая просуществовала в Российской империи более века. Это подтверждается частью 1 указанного закона, которая была обозначена «О полиции в тех городах, где отмечается общее положение о управлении сих городов городничими без назначения им в помощь приставов и надзирателей, в некоторых из них по многолюдству населения их или по стечению промыслов оказалось из опыта весьма недостаточным: то и признается нужным полицейское управление в сих городах снабдить особенным штатом, пространству каждого и местным уважениям сообразным.

Начальниками полиций в сих городах имеют быть полицмейстеры, определяемые Правительствующим Сенатом из чиновников, в воинской или гражданской службе бывших, по представлению министра внутренних дел предпочтительно из тех, кои начальниками губерний будут к тому одобряемы. Доколе не будут изданы достаточнейшие правила вообще по части полиции, полицмейстеры имеют отправлять должность их на основании правил о городничих, в Учреждении о губерниях постановленных, соображаясь в нужных случаях с Уставом полицейским. Классов им не полагается, а жалованье определяемо будет, судя по пространству каждого

¹ Высшие и центральные государственные учреждения России 1801 – 1917. Т. 2. СПб., 2001. С. 15.

² Сизиков М. И., Борисов А. В., Скрипилев А. Е. История полиции России (1718 – 1917 гг.). Вып. 2. М., 1992. С. 11.

города, числу жителей и количеству городских доходов. Издержки на содержание полиции и ее штата, из городских доходов назначаемые, в каждом городе должны быть приведены в известность и подчинены ежегодной ответственности и отчету губернатора, думы и полицмейстера, как в штате казанской полиции вновь подтвержденном подробно означено. На сих главных основаниях министр внутренних дел по сношению его с начальниками губерний и по соображению всех местных обстоятельств, по мере доходящих к нему сведений, составляя особенные штаты с назначением частей, кварталов, числа людей и им окладов, будет подносить их к НАШЕМУ утверждению. Положение сие распространить и на те уездные города, где производятся значащие торги, бывает стечение народа или есть особенные местные промыслы»¹.

Чиновник МВД в книге, изданной к 100-летию образования МВД, совершенно справедливо отмечает, что до тех пор города и большие и малые управлялись одними городничими или комендантами без помощников, т. е. не было ни частных приставов, ни квартальных надзирателей; с другой стороны, коменданты как органы военного ведомства только отчасти подчинялись гражданским властям в губернии и к ответственности их не могли привлечь ни губернатор, ни губернаторское правление иначе как через сенат или министра².

Новые коррективы, внесенные в 1803 г. в Указ «О средствах к исправлению полиции в городах», позволили МВД составлять особые штаты для каждого города, с указанием количества частей, кварталов, числа людей и их должностных окладов, а вместе с тем заменять комендантов полицмейстерами.

Причем все это делалось без единого нормативного акта, регламентировавшего деятельность городской полиции, а путем создания специальных комиссий для рассмотрения вопросов организации полиции в каждом конкретном губернском или крупном городе. Комиссии, члены которых по представлению министра внутренних дел утверждались царем, разрабатывали проекты новых штатов городской полиции, инструкции для ее руководителей, при этом старались учесть экономические, социально-демократические особенности и финансовые возможности каждого города³.

Процесс организационного становления министерства растянулся почти на два десятилетия, тем не менее первый министр уже с самого начала обратил внимание на состояние местных полицейских учреждений. При этом определялись общие принципы, которых должны были придерживаться полицейские учреждения. Во-первых, они должны были соответствовать примерным штатам, изданным 14 мая 1799 г., но губернским властям на свое усмотрение разрешалось определять количество частей и

¹ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. XXVII. № 21007.

² Адрианов С. А. Министерство внутренних дел: исторический очерк (1802 – 1902 гг.). СПб., 1902. С. 24.

³ Сизиков М. И., Борисов А. В., Скрипилев А. Е. История полиции России (1718 – 1917 гг.). Вып. 2. С. 12.

кварталов в городах и сумму жалования полицейским чиновникам. Во-вторых, штаты должны были соответствовать размеру города и количеству собираемых городских доходов. И, в-третьих, предлагалось учреждать полицию только в губернских городах и уездных, где существуют особые условия. В остальных должно было сохраняться городническое правление¹.

В этом же году были предприняты меры по унификации системы управления городской полицией. Непоследовательная политика Павла I в полицейской сфере привела к тому, что, по оценке министра внутренних дел, в управлении полицией сложилось пять типов: 1) города, где власть гражданская была соединена с военной в лице военного губернатора, и полиция подчинена комендантам; 2) губернские города, в которых не было военных губернаторов, и они по гражданской части были подчинены губернскому правлению, но полиция находилась в подчинении комендантов; 3) уездные города, подчиненные по гражданской части губернскому правлению, а по полиции – комендантам; 4) губернские и уездные города, где не было комендантов, и все подчинено военным или гражданским губернаторам, а полиция управлялась городничим; 5) малые заштатные города, где полиция управлялась ратушами.

Ни одна из перечисленных моделей не была идеальной, но главными недостатками, с точки зрения министра внутренних дел, являлись следующие. В городах, где полиция была подчинена комендантам, нарушался принцип вертикального управления, т. к. между губернским правлением и подчиненной ему полицией в соответствии с «Учреждениями...» появлялась чужеродная фигура коменданта. Последний являлся представителем военного ведомства и не был подчинен и подотчетен ни губернатору, ни губернскому правлению. Кроме того, его непосредственные обязанности не позволяли уделять достаточно времени «подробностям» полицейской службы, «требующим почти непрерывного внимания и соображения существующими на сию часть правилами». В городах же, где коменданты отсутствовали, вне зависимости от их населенности или других обстоятельств (например, ярмарки), штат полиции состоял только из одного чиновника – городничего². Таким образом, сложившаяся ситуация не только не соответствовала основным принципам министерской реформы, создавала многочисленные трудности в управлении и деятельности полиции, но и противоречила общим тенденциям развития городской жизни.

Для разрешения возникшей проблемы по предложению В. П. Кочубея был создан временный комитет в составе трех заинтересованных министров. Результатом его работы стал утвержденный 24 октября 1803 г. именной Указ Сенату «О средствах к исправлению полиции в городах»³. В соответствии с принятым нормативным актом военные и портовые ко-

¹ РГИА Ф. 1286. Оп. 1. Д. 712. А. Л. 21 – 24.

² ПСЗРИ. Собр. 1. Т. XXVII. № 21007.

³ Там же.

менданты лишались права руководства городскими полицейскими органами. За ними сохранялось лишь право управлять всем, что «принадлежит до полиции воинской и вверенных им гарнизонов». Исключение составляли лишь форштадты и города, где гарнизон численно преобладал над гражданским населением. Для управления полицией в губернских городах, а также при наличии особых условий в уездных городах, где при Павле I существовали городничие, вводились должности полицмейстеров и ставилась задача разработки для них специальных штатов. Таким образом, в 1803 г. для полиции городов была сформирована новая трехзвенная система управления (полицмейстер (городничий) – губернатор – МВД), которая просуществовала в Российской империи более века.

Но территория Башкирии, входившая в административно-полицейском отношении в состав Оренбургской губернии, подчинялась Оренбургскому генерал-губернатору. В этот период генерал-губернаторами Оренбургской губернии служили Бахметьев и Волконский.

Н. Н. Бахметьев занимал должность оренбургского военного губернатора до 1803 г. Он в 1789 г. вступил сержантом в лейб-гвардии Преображенский полк, большую часть службы провел в лейб-гвардии Измайловском полку. Участник русско-шведской войны 1788 – 1790 гг. С марта 1798 г. шеф Екатерининского пехотного полка. В марте 1812 г. назначен командиром 11-й пехотной дивизии, входившей в состав 4-го пехотного корпуса. Сражался при Островне, Смоленске. В Бородинском сражении был тяжело ранен в ногу. После выздоровления покинул армию и в 1812 – 1814 гг. был Смоленским военным губернатором, а затем перешел на статскую службу.

14 июля 1803 г. министр внутренних дел уведомлял оренбургского военного губернатора, управляющего гражданской частью Н. Н. Бахметьева, что решил собрать со всех начальников губерний (губернаторов или гражданских губернаторов) примерные штаты городских полиций¹. При этом для составления штатов были установлены определенные принципы, «начала». Все штаты было предписано согласовывать с утвержденным 14 мая 1799 г. примерным штатом, отличие могло быть только в числе частей и кварталов, а также в жаловании полицейским чиновникам. Отступления определялись не только величиною города, но и городскими доходами, которые следовало представить по прилагаемым к отношению формам. Полицию предполагалось учредить только в губернских и в тех уездных городах, где было большое стечение людей, велась оживленная торговля, в прочих городах полицейские функции должны были продолжать исполнять одни городничие. Поэтому требовалось аргументировать необходимость создания в том или ином городе полиции.

¹ РГИА Ф. 1286. Оп. 1. 1803. Д. 326. Л. 332 – 334.

Сменивший Н. Н. Бахметьева генерал от кавалерии князь Григорий Семенович Волконский в своем рапорте на имя Министра внутренних дел В. П. Кочубея от 6 сентября 1804 г. докладывал: «Во исполнение данных предписаний, также Высочайшего именного о полициях указа октября 24-го 1803 года, собрав через губернское правление указанные сведения и соображения местным обстоятельствам городов с оными губерниями, надобность учредить полиции в городах: Губернском Уфе, Уездных как и пограничных Троицкого и верхнеуральского, а по оренбургской сделать некоторые изменения. На данном основании составленные мною штаты полиции обозначенных четырех городов и ведомости о доходах по городу Уфа и Оренбургу, честь имею представить Вашему сиятельству на благорасмотрение и соображение; а притом докладываю»¹.

Таблица 3

Штат городской полиции 1803 года Губернского города Уфы

	Число людей	Годовое жалование	
		Одному	Всем
		Рублей	
Начальник полиции полицмейстер В полиции присутствовать полицмейстеру, определенным в части города трем частным приставам и двум ратманам городского магистрата. Для производства дел полиции.	1	450	450
Секретарь____. ____ . ____ . ____ . ____ . ____ . ____	1	200	200
Канцелярист____. ____ . ____ . ____ . ____ . ____ . ____	1	100	100
Подканцелярист____. ____ . ____ . ____ . ____ . ____ . ____	1	80	80
Копиист____. ____ . ____ . ____ . ____ . ____ . ____	2	60	120
На канцелярские расходы____. ____ . ____ . ____ . ____			100
Город разделялся на 3 части В каждой части: Частный пристав____. ____ . ____ . ____ . ____ . ____ . ____	1	200	200
Квартальные надзиратели____. ____ . ____ . ____ . ____	2	80	160
Итого на три части	9	—	1080
Всего на полицию	—	—	2130

Согласно штату г. Уфы, представленному генерал-губернатором, Уфимскую полицию должен был возглавлять полицмейстер с годовым жалованием в 450 руб., предусматривались должности 3-х частных приставов и двух ратманов городского магистрата². Для производства дел в полиции

¹ РГИА Ф. 1286. Оп. 1. 1803. Д. 326. Л. 332.

² Там же. Л. 338.

выделялись следующие должности: 1 секретарь, 1 канцелярист, 1 подканцелярист и 2 копииста. Город делился на 3 части во главе с частным приставом и двумя квартальными надзирателями. Таким образом, общая численность полицейских служителей должна была состоять из 15 человек, с содержанием в 2130 руб.¹

Городские доходы Уфы были весьма скудными, всего 1400 рублей, что было крайне недостаточно для содержания городской полиции. В связи с этим, генерал-губернатор предлагал выход из сложившейся ситуации через перераспределение доходов, поступающих от продажи вина.

В. П. Кочубей 31 декабря 1804 г. отмечал, что невысокий уровень городских доходов Оренбургской губернии не позволяет ему представить предложение Волконского на рассмотрение императора Александра I. Министр внутренних дел предлагал подождать изменения ситуации, когда «... или доходы городские умножаться, или представятся особенные какие-либо причины к необходимой перемене»².

Г. С. Волконский родился в 1742 г. Его отец Семен Федорович был при Петре III генерал-аншефом³. Сам Г. С. Волконский в возрасте 14 лет поступил на военную службу в чине поручика. В 1767 – 1768 гг. участвовал в военных действиях против польских конфедератов. В 1768 г. получил назначение командиром Сибирского карабинерного полка и воевал в русско-турецкой войне 1769 – 1774 гг. А в 1795 – 1796 гг. Г. С. Волконский командовал 2-й дивизией в армии А. В. Суворова и считал его своим учителем. После отставки в 1817 г. Г. С. Волконский уехал в столицу.

В полномочия военного губернатора входило ежегодное обозрение губернии и инспекция войск, длившаяся более двух месяцев. Так, 11 и 19 июня 1808 г. он писал дочери: «Покидаю Оренбург на два месяца: обозрю всю пространственную линию заселившихся с семействами казаков, линейные батальоны с семействами, стану далее – Пермь, в Вятку, в Казань, к Каспийскому морю, потом через Уральск домой... Моя дорога на 4000 версту. Границу до Сибири осматрю, поселившихся казаков, поселившиеся новые 4 линейные батальоны войск на границе и в предлежащих 4 губерниях». 19 июня 1808 г. извещал зятя: «По Государевой службе донес, что готовы 4 полка: Екатеринбургский, Уфимский пехотный, Оренбургский драгунский и 2-й Тептярский... Сегодня посылаю рапорт о сборе и в отправлении числа рекрут 4000 с сей губернии». При характеристике иррегулярных войск выделял башкирские команды. По итогам инспектирования в 1804 г. Волконский сообщал своему зятю в Петербург: «9 кантон г. Барангула Кувитова, сказывают, что прямые герои в окружении и в доб-

¹ РГИА Ф. 1286. Оп. 1. 1803 г. Д. 326. Л.343.

² Там же.

³ Севастьянов С. Н. Князь Г. С. Волконский как инициатор памятника Неплюеву – Неплюевского училища, ныне Неплюевского кадетского корпуса // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Оренбург, 1897. Вып. 3. С. 54.

роте лошадей. Я присовокупляю ведомость о сих и здешних воинах, наряжаемых годично». 13 июня он написал дочери: «Завтра у богача г. Тимашева увижу, при стечении несколько тысяч воинов башкирцов-борьцов, бег пешей и скачку на 30 вер.». Главное внимание Волконского занимало состояние войск Оренбургской инспекции (с 1808 г. – дивизии), укрепление Оренбургской пограничной линии. Волконский отправил 45 полков, сформированных из жителей края, на фронт против армии Наполеона Бонапарта в 1805 – 1807, 1812 – 1813 гг.

Как управляющий гражданской частью губернии Волконский проверял работу губернского правления и других присутственных мест. 15 июня 1805 г. он сообщал своему зятю из Казани, что едет осматривать Мензелинский, Бирский и Стерлитамакский уезды, «буду в губ. Уфе видеть также губернское правление и все оной палаты». Через неделю писал дочери: «Доезжаю 3000 верст, осматриваю войска, обозреваю уезды, благосостояние народу и справедливость в городах, генерально всех судей; жалоб довольно, и много закоренелых и гнусного интереса вижу; браню, стращаю, иных переменяю, только б с Божескою милостью удовлетворять бедных терпящих. Не исключая повсюду осмотреть остроги и их жилище. Я очень доволен, что в сие лето и с прошедшим [1804] все 12 уездов лично обозрел и тех уездов города, присутственные главные места и нижния здесь каждое видел и подтвердил чиновникам прилежание и попечительнее быть каждому вверенному их смотрению [учреждению]...». В другом письме дочери он дает такую жесткую оценку увиденного в крае: «Довольно хлопот с частию моей Азии. Лечебник один – самому за всем смотреть и быть строго: таковы здесь в губернии люди, особливо в Уфе, – нравственности и совести мало».

В посланиях Волконского фигурируют гражданские губернаторы. Так, о действительном статском советнике А. А. Врасском он писал: «Губернатор довольно добрый, но не деятельный и довольно слабый. По обширности сей губернии надлежало хозяину здесь быть пылкому и строгому». По долгу службы военный губернатор часто приезжал в Уфу. В июле 1808 г. он писал дочери из губернского города: «Скромный народ русской, азиатцы, где я с утра и до конца: все желают меня видеть. Кому должно по надобности, – тот час помогаю»¹.

Весной 1817 г. оренбургским военным губернатором был назначен генерал-лейтенант Петр Кириллович Эссен. Он служил в Гатчинском лейб-гвардейском Павловском полку, в котором все офицеры были лично известны императору. Во время одной из бесед с П. К. Эсеном император Павел I был приятно удивлен преданностью молодого офицера и пожаловал ему чин капитана. Вскоре в 1796 г. П. К. Эссен был произведен в полковники, а затем – в генерал-майоры. П. К. Эссен принял участие в войне с

¹ Гвоздиков И. М. Эпистолярное наследие оренбургского военного губернатора Г. С. Волконского // Бельские просторы. 2016. № 10.

Францией, показал себя храбрым офицером. Золотую шпагу с надписью «За храбрость» он получил в награду за участие в русско-турецкой войне 1809 – 1812 гг. П. К. Эссен пробыл в крае до 1830 г. После отъезда П. К. Эссена, в 1830 г. военным губернатором Оренбургского края был назначен генерал-лейтенант граф Павел Петрович Сухтелен.

Современники считали его «высокообразованной и высоконравственной личностью», отзывчивым, доступным и гуманным человеком. После длительного периода «своеволий и злоупотреблений лиц, окружавших П. К. Эссена, люди увидели совершенно иного губернатора», – писал С. Н. Севастьянов¹.

В 1806 г. штат полиции включал 6 городничих, 3 помощников, 8 сотских, 37 десятских. В городе было установлено 15 полицейских будок, при которых дежурило 45 человек.

Таблица 4

Городничие в городах Оренбургской губернии в 1804 году²

Город	ФИО	Чин, звание
Уфа	Степанцов Иван Семенович	Коллежский асессор
Оренбург	Полицмейстер Зайцов Афанасий Прохорович	Надворный советник
Стерлитамак	Полетаев Петр Иванович	Надворный советник
Бирск	Колокольников Евгений Иванович	Титулярный советник
Мензелинск	Быков Ефим Иванович	Надворный советник
Бугульма	Ригонье Петр Степанович	Коллежский асессор
Бузулук	Иглин Егор Алексеевич	Титулярный советник
Челябинск	Еврейнов Андрей	Коллежский асессор

¹ Севастьянов С. Н. Биографические заметки о графе П. П. Сухтелене, оренбургском военном губернаторе // Труды Оренбургской учен. архивной комиссии. Оренбург, 1902. Вып. 9. С. 32.

² РГИА Ф. 1286. Оп. 2. Д. 116. Л. 96 – 101; РГИА Ф. 1349. Оп. 4. Д. 64. Л. 71 об. – 79; Ф. 1349. Оп. 4. Д. 96. Л. 87 об. – 93 об.; Ф. 1286. Оп. 2. Д. 163. Л. 20 – 24; Ф. 1286. Оп. 2. Д. 178. Л. 64 – 65. О назначении в 1811 г. Снытко городничим Уфы. Месяцеслов.

Бугуруслан	Самуйлович Николай Иванович	Коллежский секретарь
Белебей	Папст Корнилий Иванович	Надворный советник
Троицк	Комендант	
Верхнеуральск	Комендант	

Из таблицы видно, что во всех одиннадцати уездных городах и губернском городе Уфе предусматривались должности городничих. Оренбург попал в число городов третьего класса, в результате чего городские власти столкнулись с проблемой преобразования полицмейстерского правления в городническое, что не отвечало потребностям гражданского управления. Поэтому, естественно, на имя министра внутренних дел последовали прошения вернуть Оренбургу вследствие его населенности и особых условий статус города второго класса и восстановить полицию на основе прежних 1798 г. штатов, т. к. «городническое правление при малом оногo штате» не сможет сохранить в городе порядок¹. В 1806 г. полицейский аппарат Оренбурга состоял всего лишь из городничего, четырех квартальных надзирателей и восьми десятских.

Как правило, городничие определялись в уездные города из отставных военных и гражданских чиновников, преимущественно же из уволенных со службы раненых офицеров, состоявших под покровительством Комитета 18 августа 1814 г. Городничий назначался Сенатом по представлению генерал-губернатора.

Таблица 5

Городничие Оренбургской губернии в 1845 году²

Город	ФИО	Сословное происхождение	Чин	Возраст	Семейное положение	Количество детей
Стерлитамак	Сергей Иванович Полочанинов	Дворянин	Поручик	38	Женат	
Бугуруслан	Фридрих Федоров фон Гротгус	Дворянин	Поручик	40	Женат	

¹ Сичинский Е. П. Становление полиции на Урале (последняя четверть XVIII – первая половина XIX вв.). Челябинск, 2006. С.59.

² Детинина Е. А. Портрет уездного городничего Оренбургской губернии (по формулярным спискам 1845 года) // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 2. (357). История. Вып. 62. С. 37.

Бузулук	Флегонт Афанасьевич Лукин	Дворянин	Штабс- капитан	59	Женат	5
Бугульма	Герман Густафов Дрейер	Дворянин	Поручик	40	Женат 2-м браком	От обоих браков 5
Белебей	Дмитрий Дмитриевич Денисов	Дворянин	Подпо- ручник	39	Женат	1
Верхне- уральск	Василий Иванович Смирнов	Воспитан- ник военно- сиротского отделения	Капитан	47	Женат	
Троицк	Александр Иванович Курендович	Дворянин	Штабс- капитан	40	Холост	
Челя- бинск	Иван Ефимович Лисовский	Дворянин	Капитан	37	Женат	6
Бирск	Алексей Васильевич Пыпин	Обер- офицерский сын	Штабс- капитан	67	Женат 2-м браком	От обоих браков 5
Мензе- линск	Василий Михайлович Федорович	Дворянин	Коллеж- ский ассессор	48	Женат	7

Фактически городничие совместно с подчиненными ему частными приставами и квартальными надзирателями выполняли многочисленные и разнородные функции полиции. В 1862 г. звание городничих было упразднено, все выполняемые ими функции были переданы органам полиции либо земским судам.

В данной публикации мы, опираясь на формулярные списки 1845 г., попытались изучить биографии и карьерный рост городничих нескольких уездных городов Оренбургской губернии, что позволяет нам нарисовать портрет типичного градоначальника. Городничий, как правило, был по происхождению из российского или немецкого дворянства, из местных дворян происходил только троцкий городничий Курендович. Выходцами из других сословий были: бирский городничий из обер-офицерских детей, а верхнеуральский – из воспитанников Тобольского военно-сиротского отделения. Дворянами, имевшими родовое или приобретенное имение, были всего лишь трое (стерлитамакский, бузулукский и челябинский), причем самым зажиточным был челябинский городничий, его родители в Москве владели крестьянами, домами и заводами. Имуществом, но гораздо более

скромным, обладал бирский городничий, у него числился деревянный дом и 7 душ дворовых людей в городе. Остальные шестеро блюстителей правопорядка, несмотря на дворянское происхождение пятерых из них, собственности не имели. Им приходилось рассчитывать на свое жалование и награды по занимаемой должности, пенсии за военные заслуги.

Возраст городничих колебался от 39 до 67 лет, в среднем около 40 лет. Так как предпочтение явно отдавалось бывшим военным, то лиц моложе 35 мы не встретили. «Пенсионного» возраста по нашим меркам достиг только городничий в Бирске, но, несмотря на свои 67 лет, он продолжал служить.

Почти все городничие, кроме трех (мензелинского, стерлитамакского и бугульминского), были «боевыми офицерами», то есть участвовали в войнах России первой половине XIX в. Так, белебеевский, верхнеуральский и челябинский участвовали в войне с Турцией 1828 – 1829 гг. и подавлении польского восстания в 1831 – 1832 гг. и были награждены соответствующими орденами и медалями. Бузулукский городничий принимал участие в Отечественной войне 1812 г. и Заграничных походах 1813 – 1814 гг. и имел серебряную медаль в память о войне 1812 г. Награждены не были: бугурусланский городничий, участвовавший в походе против польских мятежников в 1831 г., и бирский, участвовавший в походах в Польшу с 1784 по 1805 гг.

Примером достойного выполнения своих служебных обязанностей может послужить деятельность бирского городничего штабс-капитана Алексея Васильевича Пыпина, 67 лет, происходил из обер-офицерских детей. В Бирске у него имелось 7 душ дворовых людей и деревянный дом. Был женат дважды. От первого брака у него сын Николай, 26 лет, служивший губернским секретарем. От 2 брака дочери: Екатерина – 17, Александра – 16, София – 10 лет, и сын Апполинарий – 5 лет. Службу Алексей Васильевич начал в 1784 г. в Азовском пехотном полку подпрапорщиком. Через 10 лет переведен в Херсонский гренадерский полк. Там он быстро продвигается по службе: в марте 1798 г. становится прапорщиком, в июле этого же года подпоручиком, в 1803 г. поручиком. В 1805 г. из-за болезни переведен в 4-й Оренбургский линейный гарнизонный батальон. В феврале 1810 г. уволен по болезни с награждением чином штабс-капитана и мундиром. В 1811 г. определен в г. Белебей винным приставом. В ноябре 1815 г. стал городничим в Мензелинске. В 1823 г. по указу Оренбургского военного губернатора переведен в Бирск на ту же должность. В 1828 г. ему объявлена благодарность от гражданского губернатора И. Дебу за ревизию города и городничего правления. В 1834 г. объявлено «государем императором монаршее совершенное удовольствие по Бирскому тюремному комитету». В этом же году объявлена письменная благодарность от гражданского губернатора Жуковского. В 1835 г. императором за усердную службу награжден единовременно годовым жалованием в 300 р. В 1838 г.

за усердную службу и благотворительный подвиг награжден бриллиантовым перстнем. В 1838 г. объявлена благодарность «за успешное в делопроизводстве и хороший порядок по городническому правлению, так и устройство и исправность пожарной части». В 1839 г. объявлено императором монаршее совершенное удовольствие «за успешное действие на пользу заключенных по Бирскому тюремному комитету». В 1841 г. объявлена благодарность от Оренбургского губернского правления за ревностное усердие в службе и организацию ярмарок в Бирске. В этом же году гражданским губернатором объявлена благодарность «по образованию тюремного замка и в оном порядка за пожарные инструменты и при оных ямшиковых лошадей обустройству и отличного порядка. В городской больнице содержал на собственный счет три кровати и заведенные им за свой счет медикаменты для бедных». В том же 1841 г. изъявлена благодарность от Оренбургского губернского правления за «прекращение пожара в мае месяце в д. Пономаревке». В 1842 г. объявлена благодарность от Оренбургского губернского правления за проведение ярмарок в Бирске и ревизию всех присутственных мест, подведомственных городничему. В 1844 г. от Оренбургского губернского попечительского Комитета о тюрьмах изъявлена признательность «за хозяйственное деятельное попечение и заботливость о содержащихся под стражею арестантов»¹.

С 1810 – 1825 гг. городничим Стерлитамака служил И. Е. Палатин из солдатских детей. Он начинал службу в морском батальоне 15 декабря 1773 года в звании рядового и капрала². В 1825 году за выслугу лет за ревностную и продолжительную службу был награжден орденом Св. Владимира четвертой степени³.

В своей деятельности городничие опирались на городнические правления, штат которых был крайне малочислен, иногда состоял из одного письмоводителя⁴. Как правило, в состав полиции входили квартальные надзиратели, сотские и десятские (десятники), количество которых напрямую зависело от финансовых возможностей населения содержать за свой счет ту или иную должность.

После окончания войны 1812 года возможность губернских правлений влиять на расстановку полицейских кадров была существенно ограничена. Право назначения городничих и земских исправников было передано созданному 1 августа 1814 года «комитету для вспомоществования неимущим изувеченным генералам, штаб и обер-офицерам»⁵.

Таким образом, корпус городничих комплектовался преимущественно из числа отставных военных, большинство которых было в возрасте

¹ Детинина Е. А. Указ. соч. С. 39.

² РГИА Ф. 1349. Оп. 4. Д. 96. Л. 87 Об.

³ РГИА Ф. 1285. Оп. 3. Д. 436. Л. 6 – 6 Об.

⁴ НАРБ Ф. И-6. Оп. 1. Д. 49. Л. 2 Об.

⁵ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. XXVII. № 25642.

старше 40 лет, дворянского происхождения, семейные. Круг их обязанностей распространялся на все стороны жизнедеятельности городов: от охраны общественного порядка в целом до оказания помощи городской думе в решении хозяйственных задач, сборе налогов и т. д. Отсутствие управленческой дифференциации явно снижало эффективность выполнения ими прямых функций.

§ 2. С. К. Вязмитинов и полицейские штаты города Уфы 1816 года. Приезд Александра I

Манифестом императора Александра I от 25 июня 1811 г. учреждается Министерство полиции¹. В состав министерства входили 3 департамента (полиции хозяйственной, полиции исполнительной и медицинский). Четвертым структурным подразделением была Особенная канцелярия, которая осуществляла функции политического сыска. В силу особенностей и важности полномочий, возложенных на Министерство полиции («власть сия отличается от других властей исполнительных самыми предметами ее действия»), для него впервые был разработан и опубликован специальный Наказ, ставший правовой основой организации и деятельности министерства.

Министром полиции был назначен генерал-адъютант императора А. Д. Балашов, который в период Отечественной войны 1812 г. находился в расположении действующей армии и выполнял особо важные поручения Александра I. В связи с такой плотной занятостью последнего, исполняющим обязанности, а фактически министром полиции до 1819 г. был С. К. Вязмитинов, в прошлом – первый военный министр России (с 1802 по 1808 гг.). Управляя Министерством полиции, он оставался и генерал-губернатором Санкт-Петербурга².

Одним из этапов в жизни и деятельности нового министра явилось и руководство Уфимским и Симбирским наместничеством в должности генерал-губернатора с 1794 по 1796 год³.

Сергей Кузьмич (Козьмич) Вязмитинов родился 17 (18) октября 1744 года. В 1754 году, в возрасте десяти лет, был записан унтер-офицером в обсервационный корпус, в 1761 году произведен в прапорщики и определен на службу в ландмилицкий полк Украинского корпуса⁴.

Через десять лет С. К. Вязмитинов, уже в чине подполковника, служит адъютантом у графа П. А. Румянцева-Задунайского, бывшего в ту пору губернатором Малороссии, еще через шесть производится в полковники

¹ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. XXI. О. 1. № 24687.

² Борисов А. В., Малыгин А. Я., Мулукаев Р. С. Полиция Российской империи. М., 2013. С. 95.

³ Семенов В. Г., Семенова В. П. Губернаторы Оренбургского края. Оренбург, 1999. С. 138 – 139.

⁴ Губернский служебник или список генерал-губернаторам, поручикам правителя, председателям уголовной и гражданской палат и дворянским предводителям в 47 наместничествах (губерниях) (1777 – 1796) / сост. Н. Туркестанов. СПб., 1899. С. 117.

и назначается командиром Астраханского пехотного полка, за успешное командование которым в 1784 году получает чин бригадира, а в 1786 – генерал-майора, в том же году ему поручается формирование Астраханского гренадерского полка, после чего он становится его командиром.

В русско-турецкую войну (1787 – 1791) Вязмитинов командует Екатеринославским корпусом и участвует во взятии Хотина (1788), Аккермана и Бендер (1789). Награжден орденом Св. Владимира 2-й степени.

В 1790 году Вязмитинова ставят правителем Могилевского наместничества и командиром Белозерского егерского корпуса, ему удается продемонстрировать недюжинные организаторские способности: за считанные дни и с большой экономией для казны он строит на Двине целый гребной флот (70 судов). Такое мимо Екатерины II незамеченным пройти не могло.

Сергей Кузьмич Вязмитинов вступил в должность генерал-губернатора Уфимского наместничества в конце 1794 года¹.

Настоящую дату подтверждает и «Дневник» М. С. Ребелинского – уфимского чиновника, ежедневно записывавшего происходившие события в течение двадцати лет с 1792 по 1812 год:

«24 октября (1794 г. – авт.) новости таковы, что определен наместник сюда Вязмитинов.

1 ноября (1794 г. – авт.) получен указ о бытии здесь генерал-губернатором Вязмитинову...»².

При Вязмитинове численность Оренбургского казачьего войска постоянно росла. В 1795 году в Оренбургский край было сослано 578 душ обоего пола из Донского казачьего войска, и все они были зачислены в Оренбургское войско. Девятнадцатого августа того же года в войсковую канцелярию поступило предписание Вязмитинова о зачислении в казаки, по их желанию, выходцев из Польши, бывших запорожцев Осипа Мережецкого, Григория Голубничаго, Игнатия Дахи и Андрея Нестеренко. Все четыре запорожца были записаны казаками в Нижнеозерную крепость.

Зачислялись в войско и иностранцы. Так, 8 сентября 1796 года зачислен был крещеный турок Степан Егорович Бакиров, взятый в плен у Анапы в 1792 году. Турок оказался грамотным, и его назначили ротным писарем. Записали в казаки, также по распоряжению Вязмитинова, одного молдаванина и принявших православие персиян и башкирцев, всех по трое.

В целом деятельность губернатора была плодотворной и служила к облегчению тягот всех сословий. Например, до его назначения с тептярей и бобылей ежегодно брали налоги до 85 копеек в год. Кроме денег, налоги платились рожью и крупой. Это было непосильным бременем, так как тептяри, помимо налогов, содержали за свой счет пятисотенный казачий полк.

¹ Семенов В. Г., Семенова В. П. Указ. соч. С. 137–138.

² Юдин П. Из дневника М. С. Ребелинского // Русский архив. 1897. № 3. С. 464.

После обращений губернатора к правительству, тептяри и бобыли стали платить на пять копеек меньше, а налоги продуктами были отменены вовсе.

В 1796 году образовались затруднения с доставкой соли в Челябинск, Троицк и Верхнеуральск, и Вязмитинов со свойственным ему административным талантом добился снабжения этих городов солью из других источников. Ситуация нормализовалась.

С Сергеем Кузьмичом в дружеских отношениях был наш земляк, великий поэт и государственный деятель Г. Р. Державин. В письме Д. М. Мертваго в Оренбургскую губернию (17 июля 1796 года) Державин так отзывался о Вязмитинове:

«Я и сам совершенную цену знаю почтенного человека. Дай Бог, чтобы он в нашем краю побыл подолее и был благополучен»¹.

Однако быть «подолее» в Оренбургском крае С. К. Вязмитинову не пришлось.

Двенадцатого декабря 1796 года вышел Указ «О новом разделении государства на губернии», и, согласно ему, Россия была разделена на 34 губернии, в числе которых «повелено быть Оренбургской губернии, что до сего была Уфимской». Военным губернатором Оренбургской губернии стал генерал от инфантерии барон Осип Андреевич Игельстром, Вязмитинов же, указом от 16 декабря, назначен был «военным губернатором в Чернигов и управлять Малороссийской губернией».

Наиболее ярко организаторский талант В. К. Вязмитинова проявился в период его руководства Военным министерством (1802 – 1808 гг.) и Министерством полиции (1812 – 1819 гг.). Во время наполеоновского нашествия 1812 г. совместно с Министерством внутренних дел он непосредственно занимался обеспечением русской армии и флота. Министерство полиции участвовало в проведении рекрутских наборов, организации ополчения, снабжении войск продовольствием, медицинскими материалами, организации воинских аптек, снабжении войск пошивочным материалом, лошадьми. О главенствующей роли Министерства полиции в деле формирования ополчения свидетельствует тот факт, что все представления и донесения по делам ополчения, адресованные в Комитет внутреннего ополчения, в соответствии с сенатским указом от 17 августа 1812 г., надлежало направлять на имя министра полиции².

В соответствии с Именным указом от 15 марта 1812 г. «О правилах для управления Главнокомандующему Действующей Армии Губерниями, в военном положении объявленными» губернии, объявленные на военном положении, в полицейском отношении и по вопросам обеспечения армии состояли в подчинении главнокомандующего действующей армией. Главнокомандующему при этом предоставлялось право отстранять от должности чиновников городской и земской полиции.

¹ Семенов В. Г., Семенова В. П. Указ. соч. С. 136 – 137.

² ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 32. СПб., 1830. № 25202.

Следует отдельно отметить, что именно Министерство полиции во время войны 1812 г. занималось борьбой со шпионажем, поскольку иных специальных органов контрразведки в России на тот момент не существовало.

По окончании войны с Наполеоном в целях заботы об офицерах, вышедших в отставку в результате полученных ранений, 18 августа 1814 г. образован Комитет о раненых. Для трудоустройства указанных офицеров Комитет министров направил императору записку о вакансиях в различных министерствах и ведомствах, которые возможно заместить уволенными офицерами. Император в своем указе от 5 мая 1816 г., данном генерал-фельдмаршалу Н. И. Салтыкову, предписал объявить министрам «наблюдать следующее правило: при открытии вакансий не иначе замещать места, показанные в записке, как ранеными Офицерами по удостоению Комитета, учрежденного в 18 день Августа 1814 года». Для этого каждый раз министры должны были связываться с Комитетом для получения уведомления, «кто удостоен будет к определению из раненых Офицеров с сохранением данного при отставке пенсионера». В числе вакансий по Министерству полиции значились городничие, полицмейстеры, земские исправники в ряде губерний¹.

При упразднении Министерства полиции в 1819 г. функции по управлению полицией вновь были переданы в ведение Министерства внутренних дел.

С. К. Вязмитинов сыграл значительную роль и в укреплении городских полицейских учреждений, в том числе и Уфы, где в бытность возглавлял наместничество. В период его пребывания на посту Министра полиции территория Башкирии входила в состав Оренбургской губернии, где главным являлся генерал-губернатор, ему подчинялся гражданский губернатор. Резиденция первого находилась в Оренбурге, второго – в Уфе.

В 1803 – 1817 генерал-губернатором края служил генерал от Кавалерии князь Г. С. Волконский, с 1817 – 1830 – генерал-лейтенант П. К. Эссен². Гражданским губернатором в этот период работал М. А. Наврозов.

Формирование штатов Уфимской городской полиции происходило при активном участии гражданского губернатора Матвея Андреевича Наврозова и оренбургского военного губернатора Г. С. Волконского и впоследствии П. К. Эссена. М. А. Наврозов прибыл в Уфу 26 ноября 1811 г. с должности вице-губернатора Слободско-украинской (с 1825 г. – Харьковская) губернии. При его участии формировались полки народного ополчения для отправки на войну 1812 г.³

¹ Макорин А. А., Дерешко Б. Ю., Невский С. А. Служба полицейская сама собою подходит некоторым образом к военной (взаимодействие полицейских властей с военным ведомством в Российской Империи) // Вестник военного права. 2016. № 10 // URL: <http://vvp/milportal.ru/> (дата обращения: 15.06.2017).

² Севастьянов С. Н. Князь Г. С. Волконский как инициатор памятника Неплюеву – Неплюевского училища, ныне Неплюевского кадетского корпуса // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Оренбург, 1897. Вып. 3. С. 54.

³ Гвоздикова И. М. Гражданское управление в Оренбургской губернии в первой половине XIX в. (1801 – 1855 гг.). С. 116.

Статскому советнику Матвею Андреевичу Наврозову в момент назначения был 41 год. В отличие от своих предшественников, он с 17-ти лет находился на гражданской службе, в армии не служил и в военных походах не участвовал¹. Через свою жену – Варвару Николаевну Энгельгардт, – которая была дочерью Николая Богдановича Энгельгардта, действительно статского советника, бывшего могилевского губернатора, М. А. Наврозов приходился родственником С. К. Вязмитинову². Сестра Варвары Николаевны – Александра Николаевна Энгельгардт – была замужем за Сергеем Кузьмичем Вязмитиновым, назначенным в 1794 г. уфимским и симбирским генерал-губернатором, командующим Оренбургским корпусом. Брат Варвары Николаевны – Лев Николаевич Энгельгардт – с 1795 г. командовал 3-м полевым Оренбургским батальоном и оказался в подчинении С. К. Вязмитинова. По словам Л. Н. Энгельгардта, Вязмитинов сам «уговорил меня перейти под его начальство, чтобы быть вместе с моею сестрой». С приходом к власти Александра I происходит взлет карьеры С. К. Вязмитинова: в 1802 г. он стал военным министром, в 1810 г. – членом Государственного совета, а в 1812 г. – министром полиции и возглавил Комитет министров. Видимо, и назначение М. А. Наврозова в Оренбургский край стало неслучайным: можно предположить оказание прямой протекции³.

Служба М. А. Наврозова в Оренбургской губернии началась очень успешно. Уже 27 марта 1812 г. военный губернатор Г. С. Волконский направил представление в Департамент исполнительный Министерства полиции о награждении оренбургского гражданского губернатора М. А. Наврозова орденом Св. Владимира 2-й степени⁴. Военный губернатор писал, что статский советник Наврозов «с самого вступления в должность оказывает неутомимую в отправлении оной деятельность». Особенно высокую оценку со стороны военного губернатора получило решение вопроса о содержании почтовых станций Оренбургской губернии. По инициативе М. А. Наврозова была проведена большая работа с дворянством губернии и удалось «отыскать охотников к содержанию почтовых станций, в самых тех местах, где они состоят за выгоднейшую цену»⁵. Желаящие приняли на себя обязанность содержать определенное количество лошадей и экипажей с исключительным правом провоза как почты, так и пассажиров за установленные прогоны.

12 декабря 1816 г. М. А. Наврозов за усердную и долговременную службу был пожалован чином действительного статского советника, а 19 июля 1819 г. за «усердную службу» награжден орденом Св. Анны 1-й степени⁶.

¹ РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 50. Л. 222, 223.

² Там же. 225, 226.

³ Семенова Н. Л. Гражданские губернаторы Оренбургской губернии: механизм и мотивы их назначения и увольнения (конец XVIII – первая половина XIX веков) // Новый исторический вестник. 2016. № 2. С. 18.

⁴ Там же. С. 18 – 19.

⁵ РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 50. Л. 223, 223 об.

⁶ РГИА Ф. 1349. Оп. 4. Д. 208. Л. 6.

Поводом для принятия новых полицейских штатов г. Уфы явился сильный пожар, который случился 16 мая 1816 г., выгорело 248 домов (по другим данным – 400), гостиный двор, здания уездных учреждений, дом вице-губернатора, мост через реку Белую¹. Губернатором М. А. Наврозовым были подготовлены все необходимые бумаги на имя генерала от инфантерии, Санкт-Петербургскому генерал-губернатору, министру полиции С. К. Вязмитинову². Аналогичная записка была подана и военным губернатором Г. С. Волконским.

Г. С. Волконский просил министра о необходимости устроить в городе полицию и, получив извещение, Оренбургской казенной палате отпустить на единовременные для полиции в Уфе издержки 5575 рублей и сверх того отпускать ежегодно на ее содержание по 7410 руб³. После многочисленных переписок губернских властей с центральными ведомствами министром была поддержана записка оренбургского военного губернатора Г. С. Волконского о принятии содержания полиции города Уфы в счет казны.

14 июля 1816 г. императором Александром I был подписан указ об утверждении штатов г. Уфы⁴. В документе отмечалось: «Комитет, дабы облегчить жителей города Уфы, потерпевших разорению от пожара, и не отяготить вместе с тем обывателей, несущих земские повинности, таким расходом, который вовсе до земских повинностей не относится, полагал: содержание Полиции в одном городе Уфе принять на счет казны, а прочих городах оставить на прежнем основании; предоставить Главнокомандующему в Санкт-Петербурге о сумме потребной на Полицию в Уфе, известить Министра Финансов.

При подписании сего журнала, Генерал от Артиллерии Граф Аракчеев объявил, что Государь Император, по рассмотрению мемории, Высочайше соизволил утвердить мнение Комитета»⁵.

¹ Очерк основания и 50-летней деятельности Уфимского попечительного о бедных комитета имп. Человечколюбивого общества. СПб., 1871. С. 1.

² РГИА Ф. 1286. Оп. 2. Д. 292. Л. 1 – 4. 1817.

³ Там же. Л. 1 об.

⁴ ПСЗРИ. Собр. 2. Т. XXXIII. №26355.

⁵ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. XXXIII. № 26355. С. 937.

Таблица 6

Штаты полиции в Губернском городе Уфа 1816 года¹

		Имеет жалование в год	
		Одному	Всем
		Рублей	
Полицмейстер	1	500	500
Частные приставы	3	300	900
Квартальные надзиратели	3	200	600
При полиции и частях города полицейских служителей	12	75	900
При пятнадцати будках при каждом по три будочника	45	75	3375
На канцелярские расходы и надзирательства, канцелярским слушателем			685
Брандмейстер	1	150	150
Помощник его	2	75	150
Итого на содержание полиции	67	1375	7260

Из таблицы видно, что согласно штатам Уфимскую полицию вместо городничего должен был возглавлять полицмейстер с окладом в 500 руб. в год, что уже поднимало статус городской полиции². У него в подчинении были 3 частных пристава с годовым содержанием по 200 руб. каждый. При полиции и в частях предполагались должности 12 полицейских служителей с окладом 75 рублей в год. В городе устанавливалось 15 полицейских будок по 3 человека в каждой, всего 45 человек с окладом в 45 руб. в год. В штаты были включены должность брандмейстера (150 руб.) и 2 помощника (по 75 руб.). Таким образом, в Уфимской полиции было задействовано 67 человек с содержанием из казны 7260 руб. в год. Кроме того, дополнительно выделялось 150 руб. на ремонт пожарных инструментов. Итого 7470 руб, также 5575 единовременно³.

31 июля 1816 г. министром полиции С. К. Вязмитиновым был подписан приказ, в котором отмечалось: «Уфимского городничего штабс-капитана Готовцева согласно прошению его за болезнью и представления Оренбургского военного губернатора уволить от настоящей должности и на место его по удостоянию комитета в день 18 августа 1814 года определить уволенного от военной службы за ранения в последнюю войну полученными, капитана Кременчугского пехотного полка Сергеева»⁴.

В фондах Национального архива республики Башкортостан (НАРБ) сохранился формулярный список первого уфимского полицмейстера капи-

¹ РГИА Ф. 1286. Оп. 2. Д. 292. Л. 100.

² Там же.

³ Там же. Л. 100 – 101.

⁴ Там же. Д. 116. Л. 36.

тана Сергеева Сергея Степановича. С момента своего назначения он исполнял обязанности первого уфимского полицмейстера и был утвержден в новой должности 2 апреля 1817 года¹.

С. С. Сергеев родился в 1776 году, он выходец из солдатских детей г. Риги. В 1793 г. в возрасте 17 лет начал служить рядовым солдатом Таврического гренадерского полка. Принимал участие в составе войск антифранцузской коалиции 1798 – 1799 гг., участвовал в боях на территории Голландии, в 1805 – 1806 гг. – Австрии и Пруссии, закончил войну в чине прапорщика. Закаленный офицер принимает самое активное участие и в сражениях Отечественной войны 1812 г. В боях под Витебском, Смоленском проявил себя бесстрашным командиром, лично взял в плен одного офицера и 11 рядовых неприятеля, за что приказом генерала Барклая-де-Толли ему было досрочно присвоено воинское звание штабс-капитана². С. С. Сергеев в Бородинском сражении был ранен в плечо и за проявленное мужество и героизм награжден золотой саблей с надписью «За храбрость».

Вместе со штатами были представлены чертежи съезжих для построения во 2-й и 3-й частях города Уфы, подготовленных оренбургским губернским архитектором Трофимовым и полицмейстером Сергеевым³.

После этого князь Г. С. Волконский предлагал Оренбургскому губернскому правлению, что «с 12 января 1817 г. полицию открыть и о заведении всех потребностей согласно предположению его учинить надлежащее распоряжение. Вследствие чего, губернское правление во всем должным образом распорядилось, и полиция открыта»⁴, – отмечалось в документе. Таким образом, можно отметить, что с 12 января 1817 года Уфимская городская полиция начала свою деятельность.

С этого времени полиция Уфы с новыми штатами приступила к работе⁵.

На смену Г. С. Волконскому император прислал в Оренбург 44-летнего генерала от инфантерии Петра Кирилловича Эссена (1817 – 1830), участника войн с наполеоновской Францией в 1806 – 1807 гг. и 1812 – 1814 гг., русско-турецкой войны в 1809 – 1812 гг. За боевые заслуги он был награжден орденами Св. Анны 2-й ст. (1796), 1-й ст. (1799), Св. Георгия 3-й ст., Св. Владимира 2-й ст. (1806 – 1807), 1-й ст. (1812), Св. Александра Невского с бриллиантами (1812), двумя золотыми шпагами с надписью «За храбрость», прусским орденом Красного Орла 1-й ст. Главное внимание, как и его предшественники, военный губернатор уделял войсковым частям. По его предложению Военное министерство приняло решение о переводе в Оренбургское казачье войско более 13 тыс. душ м.п. из служилых людей прежних служб и

¹ НАРБ Ф. И-1 Оп. 1. Д. 402. Без погинации.

² Хакимов С. Х. Формирование института частных приставов на Южном Урале XVIII – XIX вв. // Археология Южного Урала: исторический опыт как ресурс модернизаций: материалы XI Всероссийской научно-практической конференции. Уфа. 14 октября 2011. Уфа, 2011. С. 33 – 34.

³ РГИА. Ф. 1286. Оп. 2. Д. 292. Л. 90 – 91.

⁴ Там же. Л. 3 – 3 об.

⁵ Там же. Л. 100 – 101.

крестьян¹. Команды иррегулярных войск военный губернатор использовал как для защиты российских селений вдоль пограничной линии, так и для подавления волнений помещичьих и горнозаводских крестьян. В 1825 г. в поиске воли в губернию прибыло более 5 тыс. крестьян (одних только схваченных и учтенных властями), бежавших от помещиков из 21 губернии. Вслед за пришлыми крестьянами снялось со своих мест около 3000 крепостных из 100 имений оренбургских помещиков. В течение июня – июля 1825 г. волнениями были охвачены более 10 заводов губернии (до 30 тыс. крепостных)². В пресечении побегов и подавлении волнений, по распоряжению П. К. Эссена, участвовали все гражданские учреждения – от губернского правления и судебных палат до исправников, земских судов и полицмейстеров.

Новый оренбургский военный губернатор П. К. Эссен в апреле 1817 г., докладывая министру полиции, вынужден был констатировать, что после его прибытия в Оренбург он нашел «гражданскую полицию в лице одного городничего, по неимению никаких более при ней чиновников, военная полиция имела влияние на часть гражданскую, и от этого расстроился надлежащий порядок...»³. Поэтому П. К. Эссен решил по примеру Уфы усилить полицию Оренбурга. В проекте штатов Оренбургской полиции вместо будочников предполагалось усилить противопожарный инвентарь – купить 3 водоразливные трубы, а также приобрести 10 лошадей для возки инструментов к месту пожаров. Кроме того, при пожарных инструментах предполагалось ввести в штат должности шести фурманов и двух трубо-чистов. Во всем остальном проект штата Оренбурга совпадал со штатами полиции Уфы⁴. Процедура многочисленных бюрократических согласований необычайно затягивала какие-либо преобразования, но новый губернатор ускорил работу по подготовке проекта штатов полиции Оренбурга, который уже в августе 1817 г. был утвержден императором.

После поездки в 1816 г. Александра I по стране и его критики полиции, которая не всегда хорошо исполняла свои обязанности по поддержанию порядка на улицах и «обывательских дворах», в 1818 г. последовал Указ «Об устройстве полиции в губернских городах и особенно пожарной части». Он обязывал Министерство полиции пересмотреть полицейские штаты городов, подбирать на службу в полицию достойных чиновников, контролировать правильность и целесообразность деления городов на полицейские части и кварталы⁵. Исполняющий обязанности министра полиции обязал оренбургского гражданского губернатора предоставить штаты полиции губернского города, но т. к. они были утверждены еще в 1816 г. и в

¹ Стариков Ф. Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска. Оренбург, 1891. С. 97 – 98; Губернаторы Оренбургского края. С. 179 – 180.

² Матвиевский П. Е. К вопросу о революционной ситуации 20-х годов XIX века и отзвуках движения декабристов в Оренбургском крае // Учен. зап. Чкаловского гос. пед. ин-та. Чкалов, 1952. Вып. 6. С. 234 – 242.

³ Байгутлин Р. И. Указ. соч. С. 105.

⁴ РГИА Ф. 1286. Оп. 2. Д. 292. Л.3.

⁵ Сизиков М. И., Борисов А. В., Скрипилев А. Е. Указ. соч. С. 12.

целом соответствовали новым требованиям, то сколько-нибудь существенных изменений в структуре Уфимской полиции не произошло.

На годы губернаторства М. А. Наврозова, резиденция которого находилась в Уфе, пришлось два сильных пожара. Все эти обстоятельства вынуждали гражданского губернатора неоднократно обращаться в вышестоящие инстанции для выделения дополнительных средств на увеличение численности пожарных и приобретение соответствующих инструментов, лошадей, а также строительства «съезжих домов»¹ при каждой части и сараев для пожарных инструментов².

В своей записке на имя министра полиции С. К. Вязмитинова от 28 ноября 1817 года, ссылаясь на оренбургские штаты, он отмечает, что «в штатах Уфимской полиции ни на покупку лошадей для поднятия пожарных труб, бочек с водой и прочих инструментов равно на фураж для сих лошадей нисколько суммы определено не было, равно и на фурманов для подвоза тех инструментов, то Правление сперва полагало потребное количество лошадей завести за счет городских доходов, равно как содержание людей отнести за счет же оных, но впоследствии времени Уфимская Градская Дума отозвалась, что по чрезвычайной малости доходов она никак не может предположенных сего исполнить Градской Думой известно, почему губернское Правление, не осмысливаясь войти с новым дополнительным представлением о заведении всего оного на счет казны хотело распорядиться, чтобы лошадей для подъема пожарных инструментов и прочего вместе с людьми нарядить поочередно с обывательских домов, но и всем встречаются большие неудобства: ибо нарушители города Уфы, состоящие из казаков и служащих, отставных и солдат, которые не имеют ни одной лошади и в бывшем пожаре еще более разорились, к тому же при таком наряде никогда не могут быть в надлежащей готовности и исправности ни лошади, ни люди, каждодневно сменяемые и не имеющие никакого познания в сем деле»³.

Противопожарные мероприятия в Уфе не были включены в смету. Губернское правление первоначально предполагало приобрести лошадей. Жители города, состоящие преимущественно из казаков, служащих и отставных солдат, не имели возможности содержать лошадей и после пожара еще более разорились. Вследствие чего гражданский губернатор М. А. Наврозов просил военного губернатора П. К. Эссена «исходатайствовать для Уфимской полиции потребного количества лошадей для инструментов и фурманов для подъема воды, всего в 3 части 15 лошадей и 15 служителей»⁴.

¹ РГИА Ф. 1286. Оп. 2. Д. 292. Л. 23.

² Там же. Л. 16.

³ Там же. Д. 212. Л. 2.

⁴ Там же. Д. 292. Л. 10.

В январе 1818 г. министр полиции С. К. Вязмитинов направил оренбургскому гражданскому губернатору М. А. Наврозову отношение, в котором сообщал об императорском Указе 1818 г. «Об устройстве полиции в губернских городах и особенно пожарной части».

Предполагалось преобразовать устройство полиции в губернских городах, повысить его эффективность. Для этого предписывалось составить смету предполагаемых расходов на единовременное устройство и ежегодное содержание полиции, включая постройку в каждой части съезжих домов. В каждом губернском городе предписывалось содержать брандмейстера с двумя помощниками, обученными обращению с пожарным инвентарем его ремонту. В последующем предполагалось учредить в городах пожарные команды, укомплектованные из служащих Внутренней стражи¹.

В связи с этим указом исполняющий должность министра полиции велел гражданскому губернатору доставить существующее штатное расписание полиции². Но т. к. штат Уфимской полиции, утвержденный в 1816 г., уже в целом соответствовал требованиям данного указа, существенных изменений в структуре полиции города не произошло.

26 июля 1818 г. М. А. Наврозов в записке к оренбургскому военному губернатору П. К. Эссену отмечал: «Вследствие сего предписания, имею честь препроводить штат, ныне существующий в Уфе полиции для представления оного его превосходительству Сергею Кузьмичу честь имею донести» далее гражданский губернатор отмечает, что трех частей, на которые разделена Уфа недостаточно для того, чтобы полиция исправно выполняла свои обязанности; но «дабы и письменные дела в частях текли исправно и содержались в порядке, необходимо прибавить в каждую часть по одному писцу с жалованием в 200 руб. в год, да в полицию письмоводителя и двух писцов с жалованием первому 250 руб. в год, писцам – 200 руб. в год»³. Далее в записке отмечалось, что пожарные инструменты состояли всего из четырех новых заливных труб, приобретенных в 1812 г. из пожарного депо, десяти гайров, трех ухватов, шестнадцати топоров и шестнадцати лопат, находящихся при одной полиции. «Съезжих домов» в частях не имеется, а построен только небольшой временный корпус для полиции с непрочными плетеными сараями под инструменты⁴.

Таким образом, на устройство пожарной части Уфы требовалось 9892 руб. Ежегодно на зарплату приказнослужащим полиции и съезжих – 12836 руб. На постройку домов для полиции и трех съезжих домов – 67040 руб., всего 89868 руб. Городские доходы составляли 3141 руб., что было, естественно, городской думе неподъемно.

¹ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. XXXV. № 27221.

² РГИА. Ф. 1286. Оп. 2. Д. 292. Л. 2 – 3.

³ Там же.

⁴ Там же. Л. 11 – 13.

С. К. Вязмитинов в своем ответе от 18 сентября 1818 года сообщал П. К. Эссену, что столь внушительна предполагаемая сумма на все потребности, и ему совершенно затруднительно просить об этом кабинет министра.

В 1819 г. был составлен и утвержден новый план города Уфы, но реализовать его не успели: в 1821 г. произошел второй пожар, ставший причиной отставки гражданского губернатора М. А. Наврозова.

26 мая 1821 г. по распоряжению гражданского губернатора для предотвращения падежа скота подожгли навоз, расположенный за новым зданием губернских присутственных мест в Уфе. Навоз стал потихоньку тлеть, а 1 июня 1821 г. поднявшийся сильный ветер раздул пламя, оно перекинулось на другие здания¹. В результате случился большой пожар, сгорели многочисленные здания: «деревянный корпус, занимаемый губернским правлением, казенной палатой, приказом общественного призрения, рекрутским присутствием, канцелярией обер-форштмейстера, почтовой конторы, городской острог с гауптвахтой, магазины: соляной, провиантский, да в нем заготовлено провианта и фуража, и при них кордегардия, дом с уездным правлением питейного сбора, где находился и винный магазин, дом дворянского собрания, церковный дом, партикулярные строения: водочный завод, и обывательских 331 дом, да одна женщина преклонных лет»². Последствия пожара усугублялись тем, что, как говорилось в материалах следствия, «все обыватели находятся в поле и о судьбе своей ничего не знают, но спасти имущества никто никакого не сумел»³.

По распоряжению военного губернатора генерала от инфантерии П. К. Эссена было начато расследование причин пожара. Следствие возглавил командир 26-й пехотной дивизии Отдельного Оренбургского корпуса генерал-майор А. С. Жемчужников. О результатах расследования военный губернатор доложил Министру внутренних дел В. П. Кочубею и пришел к выводу: основная вина лежит на Уфимской городской полиции; местная полиция во главе с полицмейстером Сергеевым должна отвечать за сохранение чистоты в городе, однако она не только не обеспечила своевременный вывоз навоза из города, но и не предприняла мер для его тушения. Оправдываясь, представители городской полиции объясняли, что они «никакого действия не производят не получив прежде дозволения или запрещения от гражданского губернатора»⁴. С момента учреждения полиции она испытывает постоянный некомплект, а улицы в городе убирают арестанты, «при отряжаемых офицере с конвойною командой. Они ничего не делают, так как принуждать их никто не может. И таковое непослушание

¹ РГИА. Ф. 1286. Оп. 2. Д. 292. Л. 10, 11.

² Там же. Л. 40.

³ Там же. Л. 10.

⁴ Там же. Л. 25 об.

происходило регулярно в виду самого гражданского губернатора»¹. В ходе следствия вина гражданского губернатора была установлена.

Военный губернатор П. К. Эссен направил все материалы расследования генерал-майора А. С. Жемчужникова в Министерство внутренних дел. Несмотря на то, что военный губернатор пытался «выгородить» гражданского губернатора и переложить всю вину на полицмейстера Сергеева, министр внутренних дел В. П. Кочубей, ознакомившись с материалами дела, сформулировал свое мнение так: «Местное губернское начальство не обращало никакого внимания на соблюдение в городе надлежащей чистоты, пренебреженной почти до неимоверности»². Виктор Павлович считал, что местная полиция, безусловно, несет ответственность за «неисправные» действия при пожаре, но опасные распоряжения о сжигании навоза были отданы губернатором и все беспорядки происходили «перед глазами гражданского губернатора, не употреблявшего по долгу звания своего надлежащего старания к введению по сей части должного порядка и устройства на основании предписанных правил». Министр внутренних дел предлагал удалить от должности гражданского губернатора М. А. Наврозова, «причислить к герольдии для определения к другим делам». Полицмейстер Сергеев был также отрешен от должности и предан суду. Указ об этом был подписан 3 декабря 1821 г.³

В 1823 г. министр внутренних дел направил в Комитет министров записку с заключением, что состояние Уфимской полиции и, особенно пожарной части, «не достигает желаемого совершенства». Министр предложил сформировать оренбургскому военному губернатору в Уфе комитет по уравниванию городских повинностей под председательством гражданского губернатора из губернского предводителя дворянства, городского головы, полицмейстера и депутатов всех сословий, имеющих в городе дома. Положение о комитете было утверждено императором 10 января 1825 г. Комитету было предписано, изучив состояние городских доходов, «принять в соображение, не дозволяют ли сии доходы отнести на счет и ту сумму 7410 рублей, кои ныне отпускаются из казны»⁴.

16 января 1828 года было утверждено положение Комитета Министров «О сборе на устройство пожарной части в город Уфа и об открытии в оном Комитета для уравнивания городских повинностей»⁵.

Оренбургский военный губернатор испрашивал о дозволении установить в Уфе некоторые сборы в пользу города с разных статей по составленной табели, он полагал:

¹ РГИА. Ф. 1286. Оп. 2. Д. 292. Л. 26 об.

² Там же. Л. 84, 84 об.

³ Там же. Л. 108.

⁴ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. XVIII. № 16839.

⁵ ПСЗРИ. Собр. 2. Т. III. № 2363.

«1. Исчисляемые по сей табели сборы употреблять на содержание при Уфимской Полиции пожарной части, с тем, дабы оное производимо было с утверждением Гражданского Губернатора, а остатки причислять к Полицейской экономической сумме на непредвиденные экстренные надобности.

2. Поскольку деревянные дома и прочие заведения не всегда могут быть в одном положении в отношении ценности оных, то возобновлять оценку через каждые три года с утверждения Начальника Губернии.

По предмету сему я сносился с Господином Министром Финансов, и, получив от него отзыв, что к допущению предполагаемого Г. Военным Губернатором сбора не предвидится препятствия – я входил с представлением в Комитет гг. Министров, присовокупить к тому, что как положение Полиции в Уфе и в особенности пожарной части далеко не достигает того совершенства, в каковом желать должно по тем несчастным следствиям, которые испытал Губернский город от пожаров; да и при допущении предполагаемых сборов, едва ли можно ожидать совершенного оной устранения, по ограниченности всего дохода, в табели исчисленного: то можно бы с допущением означаемых сборов предоставить Г. Оренбургскому Военному Губернатору открыть в Уфе Комитет для уравнивания городских повинностей, составя его из Губернского Предводителя Дворянства, Градского Главы, Полицмейстера и депутатов иных сословий, в городе дома имеющие, под председательством Гражданского Губернатора Комитету поставить в обязанность а) Вникнуть во все статьи, доходы Уфы составляющие, и определить количество по каждой статье, хотя примерным значением, но с основанием; и при этом принять в соображение, не дозволять ли эти доходы отнести на счет оных и ту сумму 7410 руб., которая отпускается на Полицию из казны. б) Определить количество расходов, особенно по содержанию Полиции и пожарной части, сделав ясную табель содержанию Полицейских служителей и лошадей; равным образом исчислить сумму, на единовременные устранения потребные, составить план и сметы для них. И с) таким образом, по надлежащим всего того с прежними правилами, составить проект нового положения, как для доходов и расходов, так и для образования и устройства Полиции с пожарной частью; представить опись с заключением Гражданского Губернатора и Главного Начальника Губернии в Министерство Внутренних дел.

Комитет гг. Министров, журналом 28 октября 1824 года полагал, представление мое о допущении некоторых сборов на устройство пожарной части в городе Уфа, и об открытии в нем Комитета для уравнивания городских повинностей, утвердить, испросив на то Высочайшее соизволение.

О таковом, Высочайшего соизволения удостоенном, положение сообщив в надлежащему исполнению Оренбургскому Военному Губернатору, я долгом считаю довести об этом и до сведения Правительствующего Сената, представляя при этом табель о сборах по городу Уфа.

Табель о предполагаемых сборах по городу Уфа на содержание пожарной части.

1. С оценки обывательских домов по 1/3 процента с рубля, во что оценен дом.....	1241 78 1/3
2. С домов на градской земле крестьянами ГГ. Шереметевых в строенных, коих числом 20, с каждого 15 р.	300
3. С заводов: кожевенных по 15 р., мыльного 50 р., и кирпичных по 10 р.	1250
4. С ярмарочных лавок: бревенчатых по 5 р. и досчатых по 3 р. ...	430
5. С ярмарочных балаганов по 1 р.	70
6. Балаганов сбитенных по 20 р.	40
7. Конфетных палаток по 15 р.	90
8. Городских весов 25 р.	75
9. Винных погребов по 20 р.	80
10. Пыльной мельницы.....	10
11. Качелей по 5 р.	25
12. С торговой бани.....	10
13. Харчевень по 100 р.	300
14. Городской земли, пашнями занимаемыми, по 3 р. с десятины....	90
15. С известковых ям, по 10 р. с каждой.....	40

Итого 4051 1/3 р. 78»¹.

Устройство полиции и пожарной части относилось согласно ст.ст. 49 и 52 Т. XII Свода Законов Российской империи на счет городских доходов, а в случае их недостатка губернаторам было представлено право изыскивать способы к увеличению доходов. В 1830 г. оренбургский военный губернатор П. П. Сухотелен сообщал министру внутренних дел, что вследствие увеличения населения губернии после оплаты почтовых расходов осталась собранная в качестве земской повинности сумма в размере 143 тысяч рублей. Военный губернатор предложил употребить часть данной суммы на укрепление материальной базы городской полиции и губернии, а именно 20 тысяч рублей на полицию Уфы и по 5 тысяч на полицию уездных городов. Денежные средства предполагалось употребить, в частности, на закупку новых и ремонт имеющихся пожарных принадлежностей, приобретение для их перевозки лошадей, построение зданий полиции в частях городов с необходимыми пристройками для пожарного инвентаря и лошадей².

В 1825 году на должность уфимского полицмейстера был приглашен из г. Оренбурга майор Лев Васильевич Соколов, из дворян. В его формуляр-

¹ ПСЗРИ. Собр 1. Том XX. № 30, 190.

² Байгутлин Р. И. Организационно-правовые основы деятельности полиции Оренбургской губернии в 1775 – 1862 гг.: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 121.

ном деле отмечается, что он получил домашнее образование. В 1803 г. вступил юнкером в Оренбургский драгунский полк, участник Отечественной войны 1812 г., дважды ранен, награжден орденами Св. Анны 3-й степени, Св. Владимира 4-й степени и серебряной медалью в память 1812 г.¹

Важной вехой в жизни дореформенной Уфы стало посещение города императором Александром I. 3 апреля 1824 года находящаяся в Уфе губернская гражданская администрация получила от оренбургского военного губернатора генерал-адъютанта Петра Кирилловича Эссена уведомление о предстоящем путешествии императора по Оренбургскому краю. К июню был определен маршрут следования государя: от Самары через Бузулук на Оренбург, оттуда в Стерлитамак и Уфу, далее в Бирск, Саткинский и Миасский заводы и Челябинск. Были приняты повышенные меры безопасности. На уфимского полицмейстера Лосенкова, городничих уездных городов, исправников возлагалась охрана общественного порядка в местах пребывания императора². Общая протяженность его маршрута по территории Оренбургской губернии составляла около 1,5 тыс. верст³.

В период пребывания императора особая ответственность ложилась на уфимского полицмейстера, должность которого исполнял майор Иван Иванович Лосенков, награжденный орденами Св. Владимира 4-й степени и Св. Анны 2-й степени и 4-й степени⁴. Из его формулярного списка за 1823 г. видно, что ему шел 41-й год, из обер-офицерских детей, начал службу в Оренбургском 3-ем полевом батальоне, в 1807 – 1809 гг. участник боев в Пруссии против французских войск, за отличие против шведов получил императорскую благодарность⁵. За мужество и храбрость в период войны против войск Наполеона награжден серебряной медалью «В память войны 1812 года» и орденами Св. Владимира 4-й степени и Св. Анны 4-й степени⁶. В 1820 г. был назначен городничим г. Троицка Оренбургской губернии. После увольнения С. С. Сергеева и отставки гражданского губернатора М. А. Наврозова, в связи с пожарами в Уфе 1821 г., стал полицмейстером г. Уфы и проработал здесь до 1825 г.

Частными приставами работали поручик П. Я. Лебедев, подпоручик П. И. Покровский, надзирателем прапорщик М. В. Белобородов, имелось еще 2 вакансии⁷.

Началась подготовка к встрече императора. Спешно принялись ремонтировать находящиеся в плачевном состоянии почтовые тракты, про-

¹ НАРБ Ф. И-1. Оп. 1. Д. 402.

² РГИА. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 718. Л. 14 об.

³ Юдин П. Л. Император Александр I в г. Уфе в 1824 г. // Исторический вестник. 1892. № 7. С. 155.

⁴ РГИА. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 718. Л. 1-8.

⁵ Там же. Л. 14 об., 15.

⁶ Там же. Л. 15 – 16.

⁷ Месяцеслов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи. 1825. Ч. II. СПб., С. 276; РГИА. Ф. 1349. Оп. 5. Д. 6701. Л. 765 – 766; 774 об, 778.

селочные дороги и мосты, по которым предполагался путь следования царя. Для этого со всей губернии сгонялись крестьяне, казаки.

Исполняющий должность гражданского губернатора Хирьяков потребовал от Уфимской «градской» думы приведения города в надлежащий вид. Но городские управители настолько, должно быть, обленились, что пальцем не пошевелили для облагораживания грязных улиц и головоломных подъемов на пристанях у р. Белой, так что по приказанию Эссена, очищать город пришлось самому губернскому начальству за счет городского головы Подъячева и членов городской думы. «Усиленное исправление проезжих дорог по различным трактам, – отмечает П. Л. Юдин, – также вызвало массу довольно сложных недоразумений. Генерал-адъютант Эссен требовал с населения отбыть эту повинность натурой; но никто – ни удельные конторы, ни помещики, ни войсковое казачье сословие, не соглашались работать даром. Принимались, конечно, самые крутые меры, которые порождали недовольство жителей и кипы бесплодной переписки»¹.

О таких распоряжениях каким-то образом дошел слух до Петербурга. Государь, заботясь о благосостоянии народа, поручил графу Аракчееву проверить слухи и разузнать обо всем подробнее.

Аракчеев не замедлил исполнить повеление государя и письмом от 24-го июня 1824 года потребовал от оренбургского гражданского губернатора, действительного статского советника Г. В. Нелидова, объяснения: «по какому случаю производится исправление дорог в губернии обыкновенное ли то ежегодное исправление, или предпринятое по случаю полученных сведений о путешествии его величества; сколько в продолжение лета на какой дороге употреблено было работников и конных подвод и с какого количества душ то и другое приходилось, и если в каких местах дороги исправлялись наймом, то сколько именно издержано денег и по сколько пришлось заплатить с ревизской души»².

Григория Васильевича Нелидова и губернского предводителя дворянства Мордвинова не было в то время в г. Уфе и за них вице-губернатор Хирьяков и уфимский уездный предводитель дворянства Баранцов дали такие объяснения, которые, казалось, удовлетворили требование графа, а между тем работы по исправлению дорог продолжались тем же порядком, как и прежде, только в предупреждение каких-либо пререканий со стороны местного дворянства или жалоб на обременительность работ в самую тяжелую страдную пору генерал-адъютант Эссен поспешил издать циркулярное предписание, в котором, между прочим, писал: «В ожидании того счастливого случая, который заставит видеть в Оренбургской губернии всемилостившего государя нашего, хотя я остаюсь в полной уверенности, что чиновники, обязанные службой, дворянство, благонамеренные граждане, равно и каждый верноподданный и усердный сын отечества не

¹ Юдин П. Л. Император Александр I в г. Уфе в 1824 г. // Исторический вестник. 1892. № 7. С. 152.

² Там же. С. 153.

оставить пекшись единодушно о всевозможном спокойствии его величества во время пребывания его в здешней губернии; но как опытом узноано в течение семилетнего моего здесь начальствования, что простолюдины «по невежеству начальство ненужными, прихотливыми и с порядком и законами несовместимыми просьбами, то нужным нахожу посредством градских и земских полиций опубликовать, что строго запрещается всякого класса людям обременять подобными жалобами государя императора, как в пути, так и на ночлегах»¹.

Нередко губернские власти оказывали давление на местное население с целью скрыть недостатки в своей управленческой деятельности и использовали для этого органы полиции. Но желание начальства края не осуществилось. Присланная вскоре после этого гражданскому губернатору из Петербурга копия с высочайшего указа, данного еще 6-го января 1819 года на имя министра полиции, графа Вязьмитинова, положила предел требованиям оренбургского военного губернатора. В указе ясно обозначались заботы императора Александра о своем народе.

«Я узнаю, – говорилось в нем, – что полиции во время моих путешествий через места их ведомства воспрепятствуют подавание прошений ко мне в собственные руки. Такое действие полиции, в некоторой мере удаляющее от моего сведения нужды жителей обозреваемых мною частей государства, никогда не могло быть согласным с моим желанием».

16 сентября 1824 года Александр Павлович прибыл в Уфу. Вот как описывает приезд императора один из современников П. Л. Юдин: «Прибытия его величества в Уфу ждали с величайшим нетерпением. Не говоря уже о массе простого народа – крестьян, башкир, казаков, сюда со всей губернии съехались дворяне, чтобы видеть своего монарха и засвидетельствовать ему свои верноподданнические чувства».

Шестнадцатое сентября, день приезда Александра Павловича, было полно тревог и волнений. Весь город с раннего утра пришел в движение. Дома горожан и здания присутственных мест убрались флагами и вензелями. Те улицы, по которым должен был проезжать император, декоративно украсились гирляндами из разноцветных материй и зелени. Народ, разодетый по-праздничному, чтобы не пропустить царского поезда, толпами двигался к реке Белой. Глаза ожидающих были устремлены на Стерлитамакскую дорогу, откуда ожидался царственный путешественник. Колокольня городских церквей переполнилась горожанами.

Наконец, вдали, за рекой, белым столбом поднялась густая пыль. Потом загудели колокола уфимских церквей, и радостный благовест полился неудержимым призывом, возвещая жителям о приближении жданного гостя. Несколько минут прошло в томительном ожидании, и вот коляска государя, вздымая облако пыли, показалось на Белореченском мосту. С южных

¹ Юдин П. Л. Указ. соч. С. 154.

фасов крепости Св. Петра грянул оглушительный залп орудий; колокола ударили трезвон, и государь ровно в 7 часов вечера въехал в город»¹.

На следующий день Александр I устроил торжественный прием в доме гражданского губернатора Г. В. Нелидова в присутствии своей свиты и оренбургского генерал-губернатора П. К. Эссена. На приеме присутствовало уфимское духовенство, военные, чиновники всех ведомств, а также дворяне и купцы. После завершения церемонии император провел смотр войск Уфимского гарнизона, которые были выстроены трехшеренговым строем за городом, в поле, верстах в двух правее старой Сибирской дороги, ведущей на Златоуст.

Осмотрев войска – гарнизонный полк с гарнизонной артиллерией и легко-конные башкирские и казачьи сотни, государь пропустил их церемониальным маршем и остался вполне доволен выправкой и солдат, и башкир, и казаков, благодарил полки, а некоторых из офицеров пригласил к себе на обед. Также император посетил городскую больницу и тюремный замок.

На другой день, 18 сентября, в 7 часов утра, государь после литургии присутствовал при закладке храма в честь своего ангела, во имя святого благоверного князя Александра Невского, воздвигаемого на деньги, пожертвованные дворянами Оренбургской губернии, в память посещения им этого края. Здесь Александр Павлович собственноручно положил в основание его первый камень из белого известняка с надписью года, месяца, числа и причины заложения храма.

Храм этот возвышается теперь в Уфе, на одной из людных частей города, на площади, получившей впоследствии название Александровской². В фонде Оренбургского гражданского губернатора в Национальном архиве Республики Башкортостан хранится «Переписка с земскими исправниками и городничими о предоставлении почтовых лошадей по маршруту путешествия наследника Александра Николаевича по Оренбургской губернии»³.

Министр внутренних дел Д. Н. Блудов направил 30 марта 1837 года оренбургскому гражданскому губернатору копию расписания предполагаемого следования цесаревича с просьбой обеспечить выставку «к означенному в сем маршруте времени в указанных местах потребного числа лошадей, преимущественно, из почтовых; недостающее же число оных дополнять обывательскими, тщательно наблюдая, чтобы в собственный экипаж Его Императорского Высочества впрягаемы были отнюдь не обывательские лошади, но почтовые, хорошо обьезженные, смирные и не боящиеся огня, на случай если б Его Величество изволил ехать ночью с факелами». На всем пути следования почты, эстафеты и проезжие не должны были иметь никаких остановок в своем следовании. В прилагаемом списке экипажам цесаревича и его свиты значатся 11 экипажей с запряженными в

¹ Юдин П. Л. Указ. соч. С. 155 – 156.

² Там же. С. 157.

³ НАРБ. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 143. Л. 1.

них 57 лошадьми. Экипажи полковника Юрьевича, полковника Назимова, камердинера Его Высочества, коляска под кухню и перекладная для магазин-вахтера должны были отправиться вперед десятью или двенадцатью часами раньше¹.

Оренбургский военный губернатор В. А. Перовский сообщил письмом от 11 апреля 1837 оренбургскому гражданскому губернатору, что «Его Императорскому Высочеству Государю Наследнику цесаревичу благо-угодно было изъявить желание следовать в Казань из Златоуста не через Уфу, как было назначено в маршруте, а чрез Оренбург и Уральск». Губернатору следовало позаботиться о заготовлении на станциях предписанного числа лошадей и о приведении в лучшую исправность дорог, мостов, гатей и перевозов к безопасному и безостановочному проезду².

Так как в измененном маршруте путь был назначен по Оренбургской линии, военный губернатор согласовал с начальником штаба отдельного Оренбургского корпуса исполнение распоряжений губернатора гражданского. В. А. Перовский разделил весь тракт на несколько частей и назначил ответственного штаб-офицера за каждый отрезок пути. В приложенном примерном маршруте описан путь от Кургана Тобольской губернии через Оренбургскую губернию до Казани с указанием количества верст между станциями и даты предполагаемого проезда цесаревича. Протяженность пути составила 2453 $\frac{3}{4}$ верст. В деле имеются рапорты земских исправников о ходе подготовки станций к важному событию.

Таким образом, с конца XVIII в. в уездных городах Башкирии были сформированы городнические правления. Их штатная численность была небольшой, составляла от 2 до 5 человек в зависимости от количества жителей. Важнейшим событием явилось утверждение штатов полиции г. Уфы в 1816 г., которое способствовало появлению первого полицейского подразделения, укомплектованного за счет казны.

На должность городничих уездных городов и уфимского полицмейстера назначались бывшие армейские офицеры, рекомендованные Комитетом, а полицейские команды комплектовались казаками и рядовыми местных военных гарнизонов. На командиров внутренних гарнизонных батальонов в г. Уфе и Оренбурге возлагалось проведение ежегодных проверок состояния полицейских команд. В то же время отсутствие финансовых средств негативно сказывалось на укреплении материальной базы городских полицейских учреждений.

¹ НАРБ. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 143. Л. 2.

² Там же. Л. 3.

ГЛАВА III. ФОРМИРОВАНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ СЕЛЬСКОЙ ПОЛИЦИИ БАШКИРИИ В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XIX В.

§ 1. Нижние земские суды и капитан-исправники, их правовое положение и состав

Реформой 1775 г. была впервые учреждена полиция в сельской местности (земская полиция). Она была представлена на уездном уровне в виде нижних земских судов. Согласно «Учреждениям для управления губерний Всероссийской Империи» сельская полиция, как и прежде, существовала в виде нижнего земского суда в лице капитан-исправника и земских заседателей, выбираемых из дворян уезда, а также сотских и десятских из числа крестьян, как правило, неохотно выполнявших полицейскую повинность. Штатные полицейские служащие находились в постоянных разъездах и, помимо борьбы с преступностью и охраны общественного порядка, были обязаны выполнять различные поручения губернатора. Зависимость от постоянно растущей губернской бюрократии часто противоречила дворянским представлениям о чести и достоинстве и заставляла избегать службы в нижнем земском суде¹.

Централизованный контроль над жизнью уездного населения осуществлял капитан-исправник, определяемый в Оренбургской губернии правлением. Коллегию земского суда составляли два дворянских и два сельских заседателя. Новый механизм кадрового отбора предполагал привлечение на штатные места кандидатов, чьи моральные качества и социальное положение не вызывали сомнений ни у избирателей, ни у губернских властей, что являлось, с точки зрения верховной власти, залогом законности и общественной стабильности. Первое сословие обязалось назначать на службу лиц, чьи заслуги в военном или гражданском ведомстве, опыт были признаны государством. Дворяне с чином ниже обер-офицерского были лишены права занимать должности². Штаты для Уфимского наместничества были утверждены императрицей 24 декабря 1781 г.³ Однако уже через несколько недель они были дополнены.

В Уфимском наместничестве компактно проживали башкиры, мешеряки, учитывая данный фактор, Екатерина II предписала в январе 1782 генерал-губернатору Уфимского наместничества И. В. Якоби определить их в подсудное ведомство отдельных судов и дополнительно представить в земской полиции. Указ разрешал иметь в нижних земских судах вместо двух сельских заседателей трех с условием предоставления одного места представителю от башкирских и мешерякских селений⁴.

¹ Борисов А., Малыгин А., Мулукаев Р. Три века российской полиции. М., 2016. С. 203.

² ПСЗРИ. Собр. 1. Т. XVII. № 12801; Т. XXII. № 16187. Л. 62 – 64.

³ Там же. Т. XXI. № 15308.

⁴ Там же. № 15324.

Земская полиция создавалась в виде нижнего земского суда, который формировался как выборное, коллегиальное и сословное учреждение. Его присутствие состояло из земского исправника, или капитана, и двух-трех заседателей, в зависимости от обширности уезда. При рассмотрении дел, «до их селений касающихся», в работе нижнего земского суда принимали участие два заседателя из состава нижней расправы. Должность земского исправника соответствовала девятому классу в табели о рангах, что давало право ее обладателю именоваться чином титулярного советника. Заседатели нижнего земского суда из дворян числились в десятом классе, что соответствовало чину коллежского секретаря. В соответствии с «Общим штатом уездных присутственных мест...» (1796 г.) в состав нижнего земского суда входили также один секретарь (четырнадцатого класса) и канцелярские служители¹.

Выборы в земский суд были двухстепенными. Поверенные лица общин (по одному депутату от 500 человек)², имевшие благоустроенное хозяйство, жен и детей, не состоявшие «в наказаниях, подозрениях, ябедах и явных пороках», но, напротив, «доброго» и «незасорного» поведения и не моложе 30 лет³, собирались в уездный центр, где определяли кандидатов в заседатели нижнего земского и совестного судов, нижней и верхней расправ.

Утвержденных кандидатов начальник губернии предлагал привести к присяге, некоторым – объявить о причинах безуспешного баллотирования⁴. «Охранительная» власть главы администрации была направлена на качественный отбор достойных и способных лиц, облеченных общественным доверием, на замещение государственных должностей.

Совместно с другими должностными лицами первые члены уездной полиции принесли осященную присягу о верности интересам престола, государства и общества в Уфе в мае 1782 г. К процедуре присяги мусульман привлекались муллы, использовался Коран и текст «клятвенного обещания» оформлялся на татарском языке. Башкиро-мишарские депутаты были избраны в Уфимский, Оренбургский, Челябинский и Белебеевский нижние земские суды согласно удельному весу сословия в уездах⁵.

Нижний земский суд во главе с земским исправником (капитан-исправником) исполнял распоряжения вышестоящих властей, приговоры судов, проводил предварительное следствие по уголовным преступлениям. На него возлагалась основная полицейская функция – сохранность в уезде

¹ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. XLIV. Ч. 2. Книга штатов. Отд. III и IV. № 17944.

² Там же. Т. XX. № 14816. П. 30.

³ Там же. Т. XVII. № 12801.

⁴ НАРБ. Ф. 1. Отд. 1. Д. 496. Л. 29, 133; Д. 676; Д. 910. Л. 150.

⁵ Воропанов В. А. Становление уездной полиции на Южном Урале в последней четверти XVIII – первой четверти XIX вв. // Полиция и милиция России: региональный аспект. Челябинск, 2004. С. 6.

благочиния, добронравия и порядка, предупреждение и пресечение неправомерных поступков. В исключительной компетенции нижнего органа исполнительной власти состояло объявление в уезде указов, присланных губернским правлением. Государственный порядок требовал от уездной полиции поимки беглых и высылки беспаспортных людей, нейтрализации воровских групп и приведения к послушанию возмущенных поселян¹.

В ведении исправников и нижних земских судов находились и иные полицейские задачи: побуждение тяглого населения к исправной уплате податей и сборов, надзор за порядком во время торговли, соблюдение противопожарных и противозидемических мер и т. д.

В каждом уезде действовали сословные суды первой инстанции, уездный суд для дворян и нижняя расправа для не помещичьих крестьян. В рапорте уфимского генерал-губернатора И. В. Якоби от 9 мая 1782 г. на имя императрицы Екатерины II отмечалось, «что во исполнение Вашего Императорского Величества, в 14 день января мне пожалованного собственнно для башкирцев и мещеряков устроили 4 нижняя расправы, 1-ю в Уфе, 2-ю в Белебее, 3-ю в Челябине, 4-ю в Оренбурге, и во оные, а равно и в нижние земские суды, в ведомстве которых состоять они будут, вобрал настоящее число их заседателей...»².

В 1782 – 1784 гг. специальные расправы вступили в действие в Белебее, Бирске, Оренбурге, Троицке, Уфе и Челябинске. Сословные суды в Оренбурге, Троицке, Уфе и Челябинске получили порядковые номера, наименование их по этническому признаку возбранялось³. Председатели расправ отбирались из чиновников, понимавших культурно-языковые особенности членов коллегий и подсудного населения.

Так, в Бирск, Челябинск генерал-губернатор А. И. Апухтин направил людей, отобранных им «по способности и по сведениям башкирских и мещеряцких обычаев и обрядов, находя достойными быть расправными судьями»⁴.

В Бирске палата нижней расправы была открыта в 1783 г. В ее состав входили заседатели Абдрашит Елдашев, мулла Мухаметрахим Тляков, Абдуллатыф Емакаев, государственный крестьянин Петр Карпов⁵.

В 1798 г. на заседании Бирского нижнего земского суда рассматривалось дело о крестьянине Семионове, который в нетрезвом состоянии обругал окружающих людей нецензурной бранью, нарушал предусмотренный законом общественный порядок в публичных местах. Согласно решению суда его подвергли «битью кнутом» и отдали на воспитание отставному квартирмейстеру Смородинову⁶.

¹ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. XX. № 14392. Ст. 224 – 252.

² История государства и права Башкортостана. Уфа, 1996. С. 52.

³ НАРБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17. Л. 144, 198; Ф. 346. Оп. 3. Д. 1. Л. 3.

⁴ Там же.

⁵ Сахратуллин Г. Ф. Бирская старина. Город Бирск. Кн. 2. Бирск, 2000. С. 128.

⁶ Там же. С. 128 – 129.

Нижние земские суды также рассматривали многочисленные жалобы башкир и мишарей, государственных крестьян на незаконные действия и злоупотребления волостных начальников. Так, в регистрационной книге входящих бумаг Уфимского наместнического правления за 1785 г. сохранились многочисленные рапорты.

В жалобе башкир на исправляющего старшинскую должность сотника Тупея Салимьянова отмечается, что «будто б он их содержит непорядочно и всякое время для своей прибыли и торгового промыслу ездит на ярморки, и по присланным указам никакого исполнения не чинит, и их безвинно бьет и называет ворами, и угрожает привести в разорение и збирает с них поборы, а потому и в команде у него быть не желают»¹. Нижним земским судом (исправник прапорщик Ростовский) старшина сотник Тупей Салимьянов был отстранен от исполнения обязанностей.

Избиратели приводились муллой к присяге о добросовестном отношении к формированию сословного представительства. Обыватели выдвигали кандидатов, пользовавшихся морально-нравственным авторитетом, женатых, имевших детей, имущих и способных исполнить почетные обязанности, документально обосновывая и подтверждая свой выбор, подписывая или припечатывая общественные приговоры. Связи и отношения, сложившиеся среди служилых людей, создавали преимущества низшей администрации во время определения кандидатов. Высокий статус должностных лиц определялся принципом их родоплеменного единства с населением².

В 1783 г. башкирские депутаты занимали 80 % вакансий заседателей в нижних расправах, 20 % (4 из 20) – в Оренбургской и Уфимской верхних расправах, 100 % (две) – в совестном суде. Заседателями преимущественно становились старшины, их дети, помощники, есаулы, сотники, писари³. Особым приоритетом обладали ветераны, лица, удостоенные боевых наград. Кроме исполнения регулярных повинностей не менее 10 из известных заседателей 1783 г. участвовали в походах против Пруссии, Польши, Турции, пугачевских отрядов⁴.

В условиях социально-политической стабильности влияние рядовых башкир на преобразованные государством институты самоуправления возросло, выбор кандидатов для занятия как волостных, так и уездных, губернских должностей предполагал коллективное согласие и доверие к претендентам. К концу 1780-х гг. команды полным составом участвовали

¹ НАРБ. Ф. И-346. Оп. 1. Д. 1. Л. 209 – 210.

² Шакурова Ф. А. Башкирская волость и община в середине XVIII – начале XIX в. Уфа, 1992. С. 67.

³ НАРБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17. Л. 124 – 143, 198.

⁴ Там же. Л. 143 – 155.

в выдвижении кандидатов, свободно подавая голоса, выставляя подписи и тамги под документами¹.

В то же время, наряду с крестьянами, казаками, служилыми татарами, башкиры основательно осваивали и использовали механизм формальной правозащиты, составляя с участием канцелярских служителей, безусловно, содержательные заявления², знали о значении зазывных грамот, «билетов» и «реверсов», обращались к услугам сообщественников, порой выдавая им «тетради на записку» судебной информации по делу.

Так, в «доношении» отставного старшины Тамьянской волости Б. Баракова, просившего в 1784 г. опроса по уликам, были изложены обстоятельства кражи, описан нанесенный ущерб, объявлен подозреваемый с обоснованием причин. Рядовые башкиры посредством государственных органов удовлетворяли имущественные претензии к вышестоящим на социальной лестнице соплеменникам, имели возможность по решению судов переводиться в другие команды, избегая давления и злоупотреблений со стороны прежнего начальства.

Иски о краже и отгоне скота, прежде всего, в пограничных уездах, играли важную роль в массе удовлетворяемых башкирскими судьями жалоб, создавая устойчивую альтернативу самосуду. У населения вырабатывалось понимание ценности законного владения имуществом и стремление получать поддержку государственных органов в восстановлении своих прав на собственность.

Так, текст заявления сотника М. Елдашбаева, составленный в декабре 1796 г., завершался словами: «... Дабы Высочайшим Вашего Императорского Величества указом повелено было мое прошение принять и по вышеписанным обстоятельствам исследовать и мне в украденных лошадях доставить законное удовольствие, а с винным поступить по законам иск же сей показывал по долгу присяги и чистой совести»³.

Организация и устройство органов земской полиции на территории Башкирии было поручено губернскому руководству. По именному указу от 23 декабря 1781 г. состоялось торжественное открытие Уфимского наместничества. Созданное на основе Оренбургской губернии административно-территориальное образование включало две области: Оренбургскую в составе Бузулукского, Верхнеуральского, Оренбургского и Сергиевского уездов, и Уфимскую в составе Белебеевского, Бирского, Бугульминского, Бугурусланского, Мензелинского, Стерлитамакского, Уфимского и Челябинского уездов⁴. Новая полицейская администрация была образована в числе иных местных учреждений по закону

¹ Воропанов В. А. Юрисдикция над башкирами в конце XVIII в.: О национальном факторе организации и деятельности судебной системы Российской Империи // Вестник Башкирского университета. 2012. № 4. С. 1921 – 1922.

² Там же.

³ Там же. С. 1922.

⁴ ПЗСРИ. Собр.1 Т. XII. № 8901; Т. XIX. № 14029; Т. XXI. № 15307; Т. XXII. № 15992.

от 7 ноября 1773 г. в каждом уездном центре¹. Проживающие в округе дворяне и государственные поселяне всех разрядов перешли в компетенцию нижних земских судов.

В 1785 г. в Уфимском наместничестве в составе нижних земских судов служили: в г. Уфе исправник поручик Яков Данилович Милеев, заседатели – прапорщик Василий Аничков, корнет Александр Брехов, секретарь – коллежский регистратор – Петр Мильев; в г. Бирске: исправник прапорщик Иван Ростовский, заседатели – подпоручик Алексей Седельстров, прапорщик Данило Шестаков, секретарь зауряд Никита Соколов; в Белебее – исправник подпоручик Иван Бунин, заседатели – подпоручик Павел Суровцев, прапорщик Василий Ляхович, секретарь зауряд Михей Болшанин; в Стерлитамаке – исправник подпоручик Петр Катанский, заседатели – подпоручик Андрей Третьяков, прапорщик Семен Каловский, секретарь Василий Суслеников².

Социальное равенство и национальное родство с членами присутствий открыло новые возможности правоприменения для широких масс населения. Для облегчения работы должностных лиц с татароязычной документацией уездные учреждения приглашали общего штатного переводчика.

Открытие новых учреждений производилось при стечении населения. Правительство стремилось побороть недоверие обывателей к органам власти, пробуждая интерес к общественно-политической жизни. Молитва и водоосвящение присутственных мест предваряли первые заседания судебно-административных коллегий.

Уведомляя губернское начальство о вспыхнувшей эпидемии (с приложением врачебного описания болезни), исправник нес полную ответственность за срочное принятие карантинных мер. Он же предотвращал массовый падеж скота, охраняя благосостояние крестьян, устранял бродяжничество нищих и убогих, докучавших обывателям прошением милостыни.

Для руководства своей деятельностью органы местного полицейского управления снабжались нормативными актами из губернских канцелярий и правлений и при необходимости обеспечивались наиболее важными законами в переводе. На чтение и основательное ознакомление с законодательством служащие были обязаны уделять особое время³. Указания, указы правительства, а также повеления и приказы вышестоящих мест собирались в книги, удобные в пользовании.

Персональный состав руководителей уездных полиций представлен в таблице 7 за 1802 г.

¹ ПЗСРИ. Собр. 1. Т. XX. № 14392. Ст. 224.

² Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова 1785 г. С. 354 – 357.

³ ПЗСРИ. Собр. 1. Т. XXI. № 915379. Ст. 55; ГАПО Ф. 290. Оп. 1. Д. 6. Л. 9, 17.

Таблица 7

Земские исправники в городах Оренбургской губернии в 1802 году¹

Город	ФИО	Чин, звание
Уфа	Веригин Виктор Григорьевич	Титулярный советник
Оренбург	Бурунов Матвей Иванович	Коллежский ассессор
Стерлитамак	Гладышев Иван Иванович	Поручик
Бирск	Мажаров Алексей Евменович	Поручик
Мензелинск	Можаров Степан Никитич	Коллежский ассессор
Бугульма	Иглин Егор Васильевич	Капитан
Бузулук	Филипович Илья Петрович	Подпоручик
Челябинск	Попов Николай Семенович	Коллежский регистратор
Бугуруслан*	—	
Белебей*	—	
Троицк	Темников Григорий Матвеевич	Титулярный советник
Верхнеуральск	Спышков Афанасий Максимович	Титулярный советник

* во вновь восстановленных городах Бугуруслане и Белебее суды еще не замещены.

Организация общественной жизни в духовной сфере являлась предметом безусловного внимания полицейской администрации. Неправославным подданным обеспечивалась свобода отправления обрядов, а официальная религия получила законодательно обновленную охрану и поддержку государственных органов².

Полицейские чины следили за посещением обывателями исповеди и святого причастия, взыскивая штрафы с мирян, не почитающих церковь, возбуждали уголовное преследование за забвение обрядов в важных духовных вопросах жизни, за богохульство и безнравственное поведение в храме. Христианские морально-этические ценности официально служили основой гармоничных общественно-политических отношений.

¹ Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова 1802. СПб.: Имп. академия наук, 1802. Т. XXIV. С. 391 – 397.

² Там же. Т. XXI. № 15379. Ст. 57 – 58, 62, 195 – 201, 237 – 243.

Задачи уездной полиции были обозначены широко. Ее обязанностями стали благоустройство и поддержание в «полезном» состоянии дорог, мостов и переправ, контроль за законностью товарно-денежного оборота, точностью весов и мер, защита лесных массивов от самовольных порубок, профилактика лесных пожаров и организация пожаротушения.

Забота о народонаселении со стороны полицейской администрации должна была стать всеобъемлющей. Полицейские чины по необходимости наставляли обывателей в «добронравии и порядочном житии», поощряли к земледелию и трудолюбию, беспокоились о запасах хлебов на случай нужды, нуждающимся обеспечивалось содержание из различных общественных денежных фондов. Покой поселян уезда оберегался во время прохождения и постоя войск. Осуществляя следствие по уголовным делам с участием многих свидетелей, исправник и заседатели были обязаны посещать селения, не отрывая людей от повседневной работы¹.

Избранные сословиями заседатели приступили к реализации узаконенных обязанностей, занимаясь вопросами переписи населения и налогообложения², сбора хлеба на случай неурожая и создания противоэпидемических карантинных застав, составлением ведомостей о провиантских и фуражных ценах и надзором за состоянием дорог и мостов. Посредством земской полиции социальную защиту получали заслуженные ветераны внешних войн России и т. д.

Обращение к нижнему земскому суду за защитой от насилия, для ограждения достоинства и имущественных прав было доступно по закону любому подданному. Земский исправник был обязан относиться к людям «с доброхотством и человеколюбием»³, что и проявил в августе 1792 г. капитан А. Н. Оловенников, донесший в Челябинскую расправу жалобу башкира на заседателя С. Супхангулова, обругавшего и побившего истца плетью. Исправник просил наказания для должностного лица и уведомления о производстве дела⁴.

Удовлетворение просьб и жалоб населения, поданных начальнику губернии, способствовало росту реального авторитета местной власти и общественной стабильности и также зависело от исполнительности полицейской администрации. В марте 1794 г. уфимский наместник А. А. Пеутлинг, узнав о внеслужебных обязанностях, налагаемых на башкир и мешеряков, ограничился предупреждением лиц обер- и штаб-офицерского звания. Исправникам было приказано реагировать на жалобы рядовых и доносить о злоупотреблениях офицеров⁵.

¹ ПСЗРИ. Собр.1. Т. XX. № 14392. Ст. 224 – 252.

² Там же. Д. 92. Л. 3; Ф. 117. Отд. 1. Д. 17. Л. 119.

³ Там же. № 14392. Отд. 235.

⁴ Воропанов В. А. Указ. соч. С. 14.

⁵ НАРБ. Ф. И-384. Отд. 1. Д. 17.

На полицейских чиновников возлагалась охрана крепостных крестьян от «притеснений» со стороны владельцев, пока дело о предоставлении вольности рассматривалось в судебных инстанциях. В лице членов полицейского учреждения обыватель получал ближайшее «судейское покровительство». За кражу или воровство-мошенничество ниже 20 руб., включая повторное преступление виновного, земский суд определял наказание в административном порядке. Иные наказания и денежные взыскания налагались исключительно по решению судебных мест, куда направлялись и жалобы на несправедливость следователей.

Законодатель подчинил полицейскую администрацию не только губернскому правлению, но и судебным учреждениям. Производство следствия по уголовным делам, запрещенное губернским чиновникам, рассылка зазывных документов, неукоснительное и точное исполнение судебных решений и приговоров являлись прямыми обязанностями земской полиции.

Уездные суды контролировали срочность движения дел и особенно с обвиняемыми, заключенными под стражу, охраняли права подсудимых. Судом оценивались формы делопроизводства, могли проверяться результаты следствия. К уездной полиции другой губернии органы правосудия обращались посредством правления, добываясь справок, материалов следствия и прочей делопроизводственной документации. Медленность исполнения судебных постановлений не позволяла вносить дела в список оконченных и передавать их на архивное хранение. Судебные подтверждения сменялись требованиями губернского руководства и могли повлечь денежные взыскания даже для уволившихся служащих¹.

В условиях единовременного давления судебной и административной властей земские суды оказывались в затруднительной ситуации. Так, разрешив в 1803 г. очередной земельный спор на основании статей Соборного уложения и данных межевой конторы в пользу башкирского селения, Оренбургский уездный суд отправил дело к исполнению.

Охраняя интересы переселенцев, губернское правление указало земскому суду не выполнять предписаний уездного до рассмотрения вопроса в Сенате. Исправник отдавал противоречивые приказы обывателям и в конце был оштрафован правлением на 20 руб., когда сенаторы отдали предпочтение государственным интересам в соответствии с указом от 19 августа 1799 г.²

Таким образом, на систему полицейской администрации в правление Екатерины II были возложены важные задачи регулирования общественных отношений и развития государственности, упрочения государственного влияния в осваиваемых областях.

¹ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. XX. № 14392. Ст. 224 – 252.

² Там же. Т. XXI. № 15379. Ст. 57 – 58, 62, 195 – 201, 237 – 243.

Этническое родство и конфессиональная близость населения с членами как судебных, так и полицейских «присутствий» стали необходимым последствием проводимой правительством сословной политики и средством наиболее эффективной реализации законодательства. Однородность социального происхождения облегчала поселянам принесение жалоб на неправомерные поступки должностных лиц, что укрепляло веру обывателей в значение и силу государственного права.

Правление Павла I ознаменовалось усилением централизации в управлении¹. Сократив деятельность органов самоуправления, император исключил представительство массовой категории податного населения в государственных учреждениях. Губернская администрация столкнулась с проблемой языковых «барьеров». Сенатские ревизоры сообщали об опасности нарушения законных прав подданных, не владевших русским языком, при производстве дел. Число штатных переводчиков в многонациональной Оренбургской губернии к 1800 г. оставалось неудовлетворительным².

Утратив сословных депутатов, башкиры и мишари столкнулись с жесткостью полицейской власти, что в числе прочих причин побуждало народы просить об изменениях в организации управления³. Однако введенное по предложению генерал-губернатора кантонное деление лишь усилило контроль низшей администрации. Кантонные начальники получили право разбирать мелкие споры и налагать наказания за маловажные преступления на подчиненных. В «домостроительстве», гражданских и уголовных делах башкиры и мишари остались в зависимости от общих учреждений.

Несмотря на значительные перемены в сфере местного управления, в конце XVIII в. ревизоры констатировали успехи в деятельности полицейских органов Оренбургской губернии: «...Спокойствие, безопасность и порядок, зависящий от полиции, существуют». Отмечено было лишь то, что нижние земские суды, сократившиеся до десяти по числу уездов, испытывали недостаток в приказнослужителях. Расходы полицейских канцелярий, выпускавших до двух и трех тысяч документов в полугодие, постоянно возрастали, лишая писцов прежнего жалования. Таким образом, был поставлен вопрос о финансовом обеспечении штатных делопроизводителей с целью поддержания нормального движения дел⁴.

Повышая административную ответственность нижних исполнительных мест, правительство ввело новые формы отчетности для земских судов. обстоятельное изложение в ежемесячных ведомостях

¹ Казанцев С. М. О политическом режиме Российской империи в 1796 – 1801 гг. // Вестник ЛГУ. Экономика – философия – право. 1986. Вып. 1 (№ 5). С. 99 – 106; Скоробогатов А. Семиотика власти Павла I // AbImperio. 2000. № 1 – 2. С. 165 – 190.

² Материалы по истории Башкирской АССР. Т. IV. Ч. 1. С. 603.

³ ГАОО. Ф. 6. Отд. 1. Д. 198/4.

⁴ Материалы по истории Башкирской АССР. М., 1960. С. 595.

фактов проведенной в округе работы позволяло губернскому начальству предотвращать «беспорядок» и «упущения» в исполнении должностных обязанностей, а также противозаконные действия чиновников. В полицейских канцеляриях были заведены алфавитные книги о лицах, осужденных на каторгу, работу и поселение среди преступников, с целью эффективного и точного контроля за их перемещениями в губернии¹.

Учитывая территориальную обширность и стабильное увеличение жителей в Оренбургской губернии, правительство расширило в 1806 и 1809 гг. состав нижних земских судов на одного члена из числа чиновников, способствуя умеренному распределению служебной нагрузки и успешному решению задач уездной полиции². Просьба благородного собрания предоставить дворянству выбор исправников не получила положительного решения в администрации, несшей ответственность за кадровый отбор глав земских судов из-за малочисленности чиновников и недостаточной авторитетности губернских съездов³.

Общая малочисленность табельных служащих в Оренбургской губернии объясняла и частое несоответствие их рангов занимаемым должностям. В 1817 – 1820 гг. только пять членов земской полиции обладали чинами X и IX классов, равными должностям дворянского заседателя и исправника. Тем не менее состав дворян в государственных учреждениях с начала 80-х гг. XVIII в. претерпел известные изменения. В 1817 г. 22 из 34-х полицейских носили чины, выслуженные в гражданском ведомстве, вытеснив из присутствий отставных обер- и штаб-офицеров. Характер служебного опыта полицейских чиновников «демилитаризовался» по мере роста бюрократического аппарата⁴.

Большой ущерб официальному праву наносила противозаконная деятельность членов присутствий и, прежде всего, чиновников. Одним из пунктов обвинения в 1809 г. Бирского заседателя стало принудительное привлечение удельных крестьян к наказанию преступников, во время которого выборные побили себя кнутами, в пользу крестьянина Ф. Рогожкина в соседней губернии был оштрафован член присутствия Осинской полиции, применивший наказание с нарушением манифеста от 30 августа 1814 г.⁵ и т. д. Самовольство и высокомерие полицейской администрации подрывали веру обывателей в справедливость государственной власти и требовали взысканий.

Жалобы на противозаконные действия исправников и заседателей принимали уездные стряпчие и губернские прокуроры, уездные суды и губернаторская канцелярия. Канцелярия санкционировала формальное след-

¹ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. XXVI. №№ 19465, 19736.

² Там же. Д. 2092; Отд. 3. Д. 2806.

³ Там же. Отд. 3. Д. 6054.

⁴ Воропанов В. А. Указ. соч. С. 6.

⁵ Там же.

ствие над любыми должностными лицами, что не означало безответственности за бездоказательные и несправедливые просьбы. Для проверки фактов, объявленных в донесениях и жалобах, и возможной внеплановой ревизии учреждений командировались губернские служащие.

Решение правления о предании чиновников и сельских заседателей суду утверждалось начальником губернии. Представление об активности администрации дает статистика судебных ведомостей. Например, в июне 1812 г. в губернии под следствием и судом числилось около 80 человек, около 30 из которых служили в ведомстве министерства полиции. Запись в формулярном списке о штрафах и других наказаниях отражалась на карьере. В частности, повышение в чинах представлялось на усмотрение Сената¹, а неоправданные судом, но освобожденные манифестом лица не допускались к новым выборам².

Тенденция утверждения формально-правовых отношений и законности в государственном аппарате, развития правовой культуры отражалась, несмотря на столетнюю критику самодержавного строя, в частности, не только в наказаниях преступивших должность, но и в награждениях множества добросовестных и исполнительных как чиновников, так и заседателей. Так, в мае 1805 г. Бирский земский суд оформил представление на награждение обер офицерским чином сельского заседателя из мещеряжского кантона С. Валитова, безупречно отслужившего три года в составах нижней расправы и земского суда. Отказ начальника губернии объяснялся словенной ограниченностью законодательства, не предусматривающего награждение чинами сельских заседателей³. В другом случае крестьянин Кругов был рекомендован губернской администрации членами присутствия Уфимской полиции, как компетентный и полезный для службы кандидат, показавший ранее в исполнении обязанностей «неусыпные труды и деятельность», сумевший обеспечить срочное решение большинства уголовных и следственных дел⁴ и т. д.

Нередко возникали разногласия между земским исправником и местным дворянством на неправомерные действия первого, для разрешения которых губернатор вынужден был перемещать исправников из одного уезда в другой. В обращении Оренбургского военного губернатора П. К. Эссена на имя министра внутренних дел от 6 июля 1825 г. отмечалось, что «по случаю возникновения у Стерлитамакского Земского исправника Еселева с дворянством оного уезда несогласия и междуусобного неудовольствия, ...а на Бугурусланского Земского Исправника майора князя Дивлеткильдеева от некоторых жителей сего уезда поступили жалобы на притеснения их, и исследовании коих я не оставлю сделав в свое

¹ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. XXXIV. № 26961.

² Там же. Т. XXXI. № 24095.

³ ГАОО Ф. 6. Оп. 2. Д. 1492.

⁴ НАРБ. Ф. И-1. Отд. 1. Д. 676.

время надлежащего распоряжения. Между тем признавая необходимость переместить сих чиновников одного на место другого, т. е. Подполковника Еселева в Бугурусланский, а Майора Девлеткильдеева в Стерлитамакский уезды, я покорнейше прошу со стороны Вашего Превосходительства на сие согласие и об оном почтить меня своим отзывом»¹.

Глава уездной полиции земский исправник избирался на свою должность дворянством на три года. Однако в связи с малочисленностью дворянства в ряде регионов указом от 3 марта 1805 г. назначение земских исправников в 19 губерниях, в том числе Оренбургской, было передано Сенату по представлению министра внутренних дел. Ему в свою очередь кандидатов на должность рекомендовали губернаторы².

Одна из многочисленных причин нарушений полицейским начальством своего долга видится в недостатках системы кадрового отбора на руководящие должности, которая сложилась после окончания Отечественной войны 1812 г. Напомним, что именно тогда, право на назначение земских исправников и городничих было передано созданному 18 августа 1814 г. Комитету для всепомоществования неимущим изувеченным генералам, штаб- и обер-офицерам³. После войны, когда очень многие офицеры потеряли здоровье, защищая Отечество на полях сражений, и были не в состоянии продолжать военную службу, но при этом не выслужили права на пенсию и не имели иных средств к существованию, встал вопрос о возможности их использования на гражданской службе. Задача Комитета 18 августа 1814 г. заключалась в том, чтобы подобрать состоящему под его опекой офицеру соответствующую должность на гражданском поприще. Указом от 3 мая 1829 г. «О порядке производства дел по Министерству внутренних дел» эта обязанность комитета еще раз подтверждалась. Ему принадлежало право замещать должности городничих и земских исправников в ряде губерний, в том числе Вятской, Пермской и Оренбургской, а в Вятской еще дополнительно и дворянских заседателей земских судов⁴.

Против сложившейся практики назначения из столицы высказалось и оренбургское губернское дворянское собрание, которое, стремясь к расширению сферы своего влияния на решение местных дел, требовало предоставить ему право избирать земских исправников⁵. Но с этой просьбой не согласился новый оренбургский военный губернатор генерал-адъютант граф П. П. Сухтелен (1830 – 1833). С его точки зрения, оренбургское дворянство было крайне малочисленным и не могло заполнить должности, уже существующие по выбору, «достойными чиновниками, а должность земских исправников требует людей с лучшими качествами и совершенно

¹ РГИА. Ф. 1286. Оп. 3. 1825 г. Д. 278. Л. 1-2.

² ПСЗРИ. Собр. 1. Т. XXVIII. № 21648.

³ Там же. Т. XXXII. № 25642.

⁴ ПСЗРИ. Собр. 2. Т. IV. № 2857.

⁵ Сичинский Е. П. Становление полиции на Урале (последняя четверть XVIII – первая половина XIX вв.). Челябинск, 2006. С. 115.

способных». Вместе с тем П. П. Сухтелен полностью поддержал позицию своего предшественника о порядке назначения руководителей земской полиции. Он критиковал сложившуюся практику за то, что по рекомендации Комитета 18 августа 1814 г. назначаются люди неопытные, которых приходится часто перемещать, чтобы они не попали под взыскание, а назначить достойных людей с низших должностей губернатор не имеет права¹. Но мнение нового губернатора, как и его предшественника, МВД не поддержало, однако под давлением многочисленных обращений с мест пошло на определенный компромисс.

В марте 1831 г. были внесены изменения в порядок определения на службу офицеров, состоящих под покровительством Комитета 18 августа 1814 г. В частности, для его кандидатов устанавливалось шестимесячное испытание в должности. По истечении установленного срока гражданский губернатор докладывал министру внутренних дел о качествах соискателя. При положительной характеристике происходило назначение, но ответственность за новоиспеченных полицмейстеров и городничих возлагалась на губернатора. Если же желающих от Комитета не было или они проявляли неспособность, то руководству губернии предоставлялось право представить министру своего кандидата².

Обостренное внимание к качественному составу руководителей городской и уездной полиции было вызвано недостатками их подчиненных. Характеризуя заседателей нижнего земского суда, оренбургское губернское правление в 1837 г. отмечало, что они были «замечены в слабом отпращивании должности, медлительности и противозаконных действиях, есть из них и такие, которые не соединяют в себе тех познаний и опытности, каковые необходимы в делопроизводстве». К нерадивым классным чинам полиции применялись «исправительные взыскания» или даже привлечение к суду, но «меры сии оказали только на редких из них действительны»³.

Но были и положительные примеры, свидетельствующие о достойном исполнении земскими исправниками своего служебного долга. В рапорте оренбургского военного губернатора Г. С. Волконского от 1812 г. отмечается об отличном усердии и службе коллежского секретаря Белебеевского земского исправника Сысоева, который «деятельностью своей открыл происходившее в Белебеевском уезде воровство и укрывательство беглых, взыскал разных государственных недоимков более 100 руб.»⁴.

В представлении оренбургского генерал-губернатора П. К. Эссена от 19 октября 1825 г. на имя управляющего Министерством внутренних дел подчеркивалось, что «Бузулукский Земский исправник капитан Марычев отправляя настоящую должность с отличным усердием и деятельностью,

¹ Сичинский Е. П. Указ. соч.

² ПСЗРИ. Собр. 2. Т. VI. № 4406.

³ НАРБ. Ф. И-2. Отд. 1. Д. 4030. Л. 21.

⁴ РГИА. Ф. 1286. Оп. 2. 1812. Д. 49.

особенно оказал таковые в течение минувшего лета по случаю побега помещичьих крестьян на Урал. Бузулукский Уезд находится смежным с землями войску Уральскому принадлежащими, куда беглецы по заблуждению своему, стремились с разных Губерний и уездов большими толпами, но Исправник Марычев имея неусыпное попечение о благе общем, всемерно употребил старание задержать и отправлять их к владельцам; а через ее сохранять тишину и спокойствие во всем Бузулукском уезде, где помещичьи крестьяне так же начали оказывать дух своевольтства, усмирив и приведя сих последних к своим обязанностям мерами в законах постановленными, в самое кратчайшее время.

Приняв в уважение таковые отличные и деятельные действия Бузулукского Земского исправника капитана Марычева я премлю честь покорнейше просить Ваше Высокопревосходительство, для поощрения его впредь в вящей ревности исходатайствовать Всемиловейшее награждение: бриллиантовым перстнем в пятьсот рублей»¹.

Упомянутый выше Стерлитамакский земский исправник подполковник Еселев, перемещенный позднее в Бузулук, несмотря на жалобы, имел хорошую репутацию, о чем свидетельствует его послужной список. На службу поступил в 1795 г., в должности состоял с 1820 г., был награжден в 1813 г. орденом Св. Владимира 4-й степени, в 1824 г. был представлен к ордену Св. Анны 2-й степени за отличную деятельность по сбору податей и повинностей².

Уфимский земский исправник подпоручик Иван Менятов, который за поимку бежавших из Уфимского острога трех арестантов и отличное устройство дорог и мостов, в 1824 г. представлен к ордену Св. Анны 3-й степени. Из его послужного списка видно, что в службе состоял с 1808 г., награжден орденом Св. Анны 4-й степени в 1812 г., в должности исправника находился с 1819 г.³

В сельской местности особую опасность для населения в первую очередь представляли разбойничьи шайки и конокрады. Преступники, вытесняемые из города системой профилактических мер, а из деревни – круговой порукой, вынуждены были орудовать на больших дорогах. Объектами их посягательств становились почтовые кареты, купеческие обозы и отдельные путники.

Так, в 1833 г. население Бирского уезда терроризировала разбойничья шайка бежавшего из острога А. Салимова. На поиски преступников была привлечена не только земская полиция, но и откомандированы жандармский капитан Мишо, которому был придан отряд казаков в количестве 20 человек, и адъютант Оренбургского военного губернатора гвардии по-

¹ РГИА. Ф. 1286. Оп. 2. 1825. Д. 457. Л. 3 – 3 об.

² Там же. 1286. Оп. 3. 1824. Д. 71. Л. 58.

³ Там же. Л. 60.

ручик Васильев, получивший полномочия привлекать казаков и солдат для поиска преступников.

Названными должностными лицами было организовано десять отрядов, которые осуществляли в течение двух суток «обыск» территории протяженностью более полутора сотен верст, окончившийся неудачно. В связи с последовавшим новым ограблением обоза в октябре 1833 г. бузулукский исправник потребовал от Бузулукской станицы шестерых казаков, а оренбургское начальство откомандировало дополнительно офицера с командой. Несмотря на то что казачьи команды действовали на территории Бирского, Бугульминского и Бузулукского уездов, до зимы банде Салимова удалось избежать поимки. Она была обезврежена только в результате проведенных сложных оперативных мероприятий бугульминским земским исправником Шкапским. Попутно действия казачьих пикетов сумели выявить и ликвидировать еще несколько шаек разбойников¹.

Значительное беспокойство губернской власти в регионе вызывали многочисленные случаи неповиновения властям, иногда перераставшие в крупные волнения различных категорий населения. Чаще всего зачинщиками выступали помещичьи крестьяне, а также рабочие горных заводов, выступающие против произвола помещиков и горнозаводчиков. Более подробные сведения можно почерпнуть из приведенной таблицы.

Таблица 8

Формы неповиновения и сопротивления крестьян
в Оренбургской губернии в 1796 – 1850 годах²

Формы борьбы	Количество выступлений в								Всего
	1796 – 1825 гг.				1826 – 1850 гг.				
	а ³	б ⁴	в ⁵	итого	а	б	в	итого	
Коллективные прошения	11	5	1	17	14	3	1	18	35
Коллективные побеги	145			145	5	2	7		152
Отказ от переселения	11			11	5	6	11		22
Неповиновение вотчиной и губернской администрации	10	3	16	29	13	9	2	24	53

¹ Сичинский Е. П. Указ. соч. С. 146 – 147.

² Зобов Ю. С. Формы борьбы крестьян против помещичьего гнета в Оренбургском крае в первой половине XIX в. // Социально-экономическое развитие и классовая борьба на Южном Урале и в Среднем Поволжье (Дореволюционный период): межвузовский сборник. Уфа. 1988 г. С. 93.

³ а – помещичьих крестьян.

⁴ б – непомещичьих крестьян.

⁵ в – горнозаводского населения.

Отказ от выполнения повинностей	9	1	6	16	3	5	1	9	25
Убийства и покушения на жизнь помещика	3			3	2	2	4		
Вооруженное сопротивление карателям	2	1		3	3	3	6		
Другие формы	1	1	1	3	3	3	6		
ИТОГО	182	9	24	215	42	29	4	75	290
Применение воинских команд при подавлении волнений	14	3	7	24	9	6	1	16	40

Как видно из таблицы, количественно преобладали волнения помещичьих крестьян: в 1796 – 1825 гг. их насчитывалось 182 из 215, в 1826 – 1850 гг. – 42 из 75. Несмотря на небольшой удельный вес среди населения края (около 10 %), они показали более высокую по сравнению с крестьянами других разрядов активность.

Наиболее распространенными были такие формы движения помещичьих крестьян, как коллективные побег, отказ от выполнения повинностей, неповиновение вотчинным и губернским властям, направленные на достижение главной цели – освобождение от помещичьей власти.

Волнения в 1796 – 1825 гг. носили упорный характер, о чем свидетельствует, в частности, тот факт, что в 14 случаях выступления подавлялись в этот период с помощью воинских команд. Наиболее значительными были волнения крестьян в имениях помещиков Нагаткиных, Дурасова, Державина, Шелашникова, Полтева и др.

В качестве повода для начала волнений крестьяне использовали смену или смерть владельца, изменение размеров и форм повинностей.

Крестьяне начинали свою борьбу за «вольность» обычно с подачи жалоб и прошений на имя губернатора, царя, но затем, не добившись удовлетворения своих требований, переходили к открытому неповиновению. Таким образом, каждое крестьянское выступление подавлялось в различных формах.

Выступлений помещичьих крестьян в 1796 – 1825 гг. было мало, всего 9, в том числе 4 – государственных крестьян, 1 – удельных, 2 – казаков, 2 – башкир. Наиболее значительным по числу участников было волнение удельных крестьян Бирского уезда в 1810 г. в связи с отказом платить увеличенный оброк. Оно было подавлено с помощью башкирской команды. Крупным было и волнение уральских казаков в 1804 – 1807 гг. в ответ на

реформу 1803 г., ликвидировавшую остатки казачьих «вольностей», увеличившую воинскую службу казаков.

Среди горнозаводского населения в этот период произошло, по нашим подсчетам, 24 волнения, т. е. меньше, чем помещичьих крестьян, но они были более крупными по количеству участников и остроте борьбы. Горнозаводские рабочие боролись за уменьшение рабочего дня, улучшение условий и повышение оплаты труда, против произвола заводской администрации.

Во второй четверти XIX в. общее количество народных выступлений уменьшилось за счет сокращения такой формы протеста, как бегство.

Менее активно выступали и горнозаводские люди. Центр классового сопротивления переместился в деревню. В 1834 – 1835 и 1841 – 1843 гг. произошли крупнейшие в XIX в. вооруженные восстания государственных крестьян и башкир, выступивших против готовящейся царизмом передачи в крепостную неволю путем перевода в удельное ведомство.

Среди помещичьих крестьян края и на этот раз широко были распространены такие формы борьбы, как подача коллективных прощений, отказ от выполнения барщины, неповиновение помещику и местным властям. При этом добивались перевода их в казенное ведомство.

Пять волнений произошли в связи с отказом крестьян от насильственного переселения их помещикам. Одно волнение в селе Богородское Мензелинского уезда имело некоторую связь с восстанием декабристов. Дело в том, что их владельцем был декабрист Мусин-Пушкин, лишенный права владеть крестьянами. Крестьяне отказывались подчиняться новому владельцу.

Многие волнения этого времени стали продолжением борьбы, начатой в предшествовавший период времени. Так, например, четвертый раз поднялись за свое освобождение крестьяне села Смоленское-Державино Бузулукского уезда, связанное с завещанием бывшего владельца Г. Р. Державина, якобы отпустившего их на волю¹.

Сведения, включенные в таблицу, не отражают всех проявлений социального протеста. Дополнительные сведения о борьбе масс находим в материалах судебных процессов. Так, например, с 1822 г. по 1833 г. в судебных учреждениях губернии было осуждено 3744 человека, из них 1848 сослано в Сибирь. В 1834 г. поступило 2492 новых арестанта, а всего подсудимых было 5817 человек². В 1841 – 1850 гг. было осуждено за различные антипомещичьи и антиправительственные выступления 4663 человека

¹ ГАОО. Ф. 6. Д. 12129. Л. 1 – 25 об.

² Государственный исторический музей в Москве. Отдел письменных источников (Гим, Опи). Ф. 445. Д. 73. Л. 83, 89, 90.

и 2322 из них сосланы в Сибирь. В 1850 г. по воле помещиков было отдано в рекруты и сослано в Сибирь 23 крепостных¹.

Таким образом, развитие уездных полицейских учреждений являлось частью сложного процесса становления правового государственного строя. Нижние земские суды с начала 80-х гг. XVIII в. исполняли на Южном Урале государственно-необходимые административно-полицейские функции, обеспечивая охрану государственного порядка и поддерживая стабильность общественных отношений в многонациональном и поликонфессиональном крае.

В изучаемый период в регионе, особенно в сельской местности, кроме регулярной полиции привлекались на службу по охране общественного порядка башкиры, мишари, тептяри и казаки. Если по штатам 1748 г. оренбургского губернатора И. И. Неплюева иррегулярные войска на линейно-сторожевой службе юго-восточных рубежей Российской империи составляли более 10800 человек, из которых 5700 (48 %) были башкиры и мишари, то для 1786 г. эти цифры соответствовали 11523 и 7447 (64, 7 %)². Наиболее последовательным сторонником перевода башкир в военно-казачье сословие проявил себя О. А. Игельстром, в 1782 – 1792 гг. исполнявший обязанности уфимского и сибирского генерал-губернатора³. 22 апреля 1789 г. он разделил башкир по командам (юртам): 20908 башкирских дворов были определены 103 юртам; последние управлялись назначенными им же юртовыми старшинами и их помощниками (52 чел.), кроме того, 63 походных старшины и 213 сотских следили за военно-сторожевой службой. В среднем на одного чиновника приходилось 48,5 двора, что и облегчало наблюдение за образом жизни и поведением населения⁴. Данные изменения были узаконены именным указом Павла I от 10 апреля 1798 г. о переводе башкир и мишарей в военное сословие и образовании 11 башкирских и 5 мишарских кантонов. Одновременно было объявлено о создании 5 кантонов оренбургских и 2 кантонов уральских казаков⁵.

При переводе башкир в военно-казачье сословие были учтены особенности их жизни и быта, многолетний опыт военно-сторожевой службы и участие в военных действиях русской армии. Царская администрация отмечала «большую склонность их к воинским упражнениям», способность «приучаться ко всем занятиям, необходимым для войны», они «искусно ездят верхом», «большие мастера управлять пикой, стрелять из ружей и, особенно, из лука», отмечалась «сметливость, привычка к степной

¹ Черемшанский В. М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношениях. Уфа, 1859. С. 240 – 260.

² История башкирского народа. Т. 4. СПб., 2011. С. 30.

³ Военная история башкир. Энциклопедия. Уфа, 2013. С. 179.

⁴ Асфандияров А. З. Кантонное управление в Башкирии (1798 – 1865 гг.). Уфа, 2005. С. 20.

⁵ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. XXV. № 18477.

местности, неутомимость в степных походах, выносливость и крепость их лошадей»¹.

В период кантонного управления основной военной повинностью башкирского и мишарского населения являлась охрана пограничной линии. Оренбургская пограничная линия была создана еще в 30-х гг. XVIII в. Она проходила от р. Тобол вверх по р. Уй и далее вниз по течению р. Урал до Каспийского моря². Линия делилась на пять дистанций: первая включала крепости и редуты от Звериноголовской крепости до Верхнеуральской (Звериноголовская, Усть-Уйская, Крутоярская, Каракульская, г. Троицк, Степная, петропавловская, Карагайская крепости), вторая – от Верхнеуральской до Орской крепости (г. Верхнеуральск, Магнитная, Кизильская, Уртазымская, Таналыкская крепости), третья – от Орской крепости до Оренбурга (Орская, Губерлинская, Ильинская, Верхнеозерная, Красногорская, г. Оренбург), четвертая – от Оренбурга до Уральска и пятая – от г. Уральска до Гурьева городка³.

Башкиры и мишари несли сторожевую службу на всех дистанциях, кроме последней, пятой.

Крепости обычно огораживались земляным валом, рвом, а также частоклом. Связь между крепостями поддерживали небольшие промежуточные укрепления – редуты. Впереди же пограничной линии на расстоянии 2 – 7 верст друг от друга стояли форпосты, представлявшие собой небольшие передовые укрепления для сторожевых отрядов башкир и казаков.

Срок летней службы продолжался шесть месяцев с 15 мая по 16 ноября. По истечении этого срока команды возвращались домой, а на смену им приходили другие, но число наряжаемых на зиму было значительно меньше, так как опыт предыдущих лет показал, что стычки на границе зимой бывают гораздо реже, чем летом. Поэтому число наряжаемых на зимнюю службу составляло 1/3 состава летних команд.

Башкиры, мишари и казаки признавались наиболее способными для несения сторожевой службы на линии и для отражения неожиданных набегов соседних кочевников. Постоянные же гарнизоны крепостей, состоявшие из регулярных команд, охраняли только крепости и в случае прорыва степняков выходили лишь на помощь частям, охранявшим линию.

Если обратиться к общему числу наряжаемых на линейную службу, то нетрудно видеть какую роль играло Башкиро-мещерякское войско сравнительно с другими казачьими войсками. Из нарядов оренбургского генерал-губернатора видно, что в 1798 – 1848 гг. башкиры и мишари ежегодно выставляли на пограничную службу более 65 процентов служащих. В частности, служба башкир и мишарей в 1800 г. выглядела следующим образом:

¹ История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX в. Уфа, 1997. С. 343.

² Там же. С. 50.

³ ПСЗРИ. Т. 25. № 18477; НАРБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 8. Л. 3 – 5.

Таблица 9

Дистанция	Число командиремых на службу		
	Оренбургские казаки	Башкиры и мишари	Итого
Первая	680	1562	2242
Вторая	574	1359	1933
Третья	1140	2140	3280
Четвертая	230	455	685
Всего	2624	5516	8140
в %	32,2	67,8	100

В 1822 г. башкир и мишарей было направлено на службу 10985 чел., что составило 70 % всех командированных на линию. Кроме Оренбургской линии, башкиры направляли начиная с 1745 г. тысячную команду на Сибирскую пограничную линию сроком на один год. Эта служба была наиболее обременительной, так как нужно было ехать на дальнее расстояние и оставаться на службе в течение продолжительного времени. Это вызывало сильное недовольство башкир-казаков, поэтому в 1800 г. линейная служба в Сибири была заменена этапной службой по сибирскому тракту. С тех пор башкиры привлекались для конвоирования ссыльных и колодников, следующих по тракту. Этапная служба башкир была также годовая. Команды, находившиеся на этапной службе, должны были следовать от Пермской губернии до Иркутска. Бывали случаи, когда по требованию сибирского губернатора команды оставлялись на службе и по истечении установленного срока. Этапная служба башкир на сибирском тракте продолжалась до конца 40-х гг. XIX в. Затем их заменили гарнизонные команды¹. Башкиры и мишари несли этапную службу и на златоустовском тракте.

Кроме того, башкирские отряды направлялись на полицейскую службу в города Казань, Москву и Петербург, в ярмарочные города, а также для розыска и поимки беглых крестьян, казаков и башкир. Для полицейской службы в крупные города России командировались башкиры и мишари, владеющие русским языком.

Ежегодно на бугульминском тракте постами расставлялась «охранительная стража» из 220 башкир для безопасности прибывающих на ярмарку. Пикеты из пяти человек размещались в особо опасных местах. Кроме того, для соблюдения «тишины и спокойствия» и «отвращения всяких беспорядков» во время ярмарки в г. Бугульму командировались башкиры из 3-го кантона².

¹ ПСЗРИ. Т. 29. № 22487; Т. 39. № 29129.

² НАРБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2046. Л. 17.

Усиление феодально-крепостнического гнета привело к различным формам борьбы крестьян. Для борьбы с беглыми крестьянами использовались и башкирские отряды. По требованию земского суда, кантонные начальники должны были оказывать содействие в поимке беглых крестьян, солдат, казаков и башкир, создавая т. н. пикетные команды.

Отряды башкир, командированные в другие губернии для поимки беглых, содержались за счет средств государственного земского сбора. На этой службе они находились в течение трех лет, по истечении этого срока их заменяли другими командами.

Таким образом, Башкиро-мещерякское войско использовалось царским правительством не только для обороны рубежей страны. Оно вынуждено было исполнять и полицейские функции¹.

§ 2. Оренбургский генерал-губернатор В. А. Перовский и реализация «Положения о земской полиции 1837 г.»

С конца XVIII в. до 1851 г. в Оренбургском крае служило семь военных губернаторов, последним из которых был Василий Алексеевич Перовский (15 апреля 1833 г. – 7 мая 1842 г.) При назначении ему было 38 лет. Его полный титул звучал так: оренбургский военный губернатор, управляющий гражданской частью и Оренбургским пограничным краем, командир Оренбургского Отдельного корпуса, генерал-майор (в 1833 г. генерал-лейтенант), генерал-адъютант. При вторичном назначении (1851 – 1857 гг.) он занимал должность оренбургского и самарского генерал-губернатора. В апреле 1855 г. Перовский был возведен в титул графа².

В. А. Перовский учился в Московском университете на положении кандидата, продолжил учебу в Муравьевском училище колонновожатых в Москве, готовившем офицеров для свиты е.и.в. по квартирмейстерской части. С юношеских лет он стремился к участию в деятельности столичных кружков и организаций, сложившихся в обстановке подъема общественной жизни в стране в период правления Александра I. В 1811 г. 16-летний Василий и его 19-летний брат Лев вошли в петербургское «юношеское собрательство «чока», исповедовавшее идеалы всеобщего равенства и нравственного перевоспитания»³. В 1818 г. они стали членами ранних декабристских организаций – Союза благоденствия и Военного общества. Во время следствия по делу о тайных обществах в 1826 г. Василий Алексеевич объяснил свое участие в «сообществах» тем, что разделял их цели, направленные на «благотворение». В записке, поданной Николаю, он писал в свое оправдание,

¹ Асфандияров А. З. Кантонное управление в Башкирии (1798 – 1865 гг.). Уфа, 2005. С. 57.

² Гвоздиков И. М. Отчет оренбургского военного губернатора В. А. Перовского // Документальная публикация. Уфа, 2010. С. 4 – 5.

³ Гвоздиков И. М. Гражданское управление в Оренбургской губернии в первой половине XIX в. (1801 – 1855 гг.). Уфа, 2010. С. 68.

что «служба и обстоятельства отвлекли его от известных ему сочленов общества, так что... он не только не имел с ними никаких сношений, но и самое общество потерял из виду и памяти». Верховной следственной комиссией в 1826 г. В. А. Перовский был оправдан, как и его брат, и признан не принадлежащим к тайным обществам. Высочайше было повелено оставить дело без внимания.

В военном чине прапорщика 17-летний В. Перовский участвовал в Бородинском сражении, за отличие в бою получил чин подпоручика. При отступлении войск из Москвы был захвачен в плен и до 1814 г. находился во Франции. После освобождения служил адъютантом П. В. Голенищева-Кутузова, в свите е.и.в. по квартирмейстерской части. В 1816 г. поручик Перовский сопровождал великого князя Николая Павловича в путешествии по стране и за ее пределами. В 1818 г. в чине полковника был переведен в лейб-гвардии Измайловский пехотный полк и одновременно назначен адъютантом великого князя.

В. А. Перовский участвовал в русско-турецкой войне 1828 – 1829 гг.: в мае – июне 1828 г. при штурме крепости Анапа, опорного пункта Османской империи на черноморском побережье северо-западного Кавказа, в июле – сентябре на Балканском фронте при осаде крепости, где был тяжело ранен в грудь¹.

В. А. Перовский большое внимание уделял укреплению и развитию полицейских кадров. В его отчете по управлению Оренбургским краем за 1833 – 1842 гг. выделен специальный раздел о полиции, в котором содержатся предложения губернатора по вопросам организации полицейской службы и укрепления внутренней безопасности в крае. Обращено особое внимание на действия комиссий по устройству новых штатов полиции Оренбурга и Уфы, преобразование которых крайне необходимо. Здесь же отмечается, что «разновременными и неоднократными предписаниями поясняем был всем местам и лицам настоящий порядок делопроизводства, отступления от которого подавали повод к проволочкам и бесполезной переписке; приняты меры к скорейшему окончанию следствий, к прекращению злоупотреблений по наборам, к ограничению требований исправников и земских судов при разъездах и вообще к возможному искоренению неустойств, при ревизиях присутственных мест замеченных. В дополнение к сему необходимо было бы еще усилить штаты земских судов и городских управлений особенно в многолюдных городах»².

В целом Перовский управлял Оренбургским краем более 15 лет и проявил себя выдающимся государственным деятелем и военачальником. Ему приходилось решать широкий круг вопросов в административной, политической, дипломатической, военной сферах деятельности. В воспоми-

¹ Гвоздиков И. М. Гражданское управление в Оренбургской губернии в первой половине XIX в. (1801 – 1855 гг.). Уфа, 2010. С. 69.

² Там же. С. 50.

наниях его друзей и сослуживцев главный начальник Оренбургского края предстает умным, умелым управителем, прилагавшим огромные усилия к решению важных проблем жизни края.

Историк-краевед П. Л. Юдин, написавший очерк о Перовском по архивным документам и рассказам, «которые, как предания передаются из уст в уста, от поколения к поколению, от отца к сыну, от дедов к внукам», отмечал огромный авторитет, «особенное чувство, которое питали сослуживцы и подчиненные, солдаты и простой народ, видя в нем строгого начальника, но вместе с тем честного человека, справедливого карателя и милователя, для которого все были равны от знатного барина и, кончая серым мужиком»¹. Вместе с тем современники сообщают о честолюбии, крутом гневливом характере Перовского, способности при сильном раздражении забывать о человеколюбии. Многие в военном губернаторе не позволяют идеализировать его. В. А. Перовский был человеком своей эпохи, своей среды, со всеми сильными и отрицательными свойствами характера². Но он успевал работать и сам, и заставлять, как и воодушевлять к работе, других. В крае сложилась крепкая авторитарная власть; в окружении военного губернатора – чувство долга, дисциплина, взаимопонимание. «Умом и умением излагать свои мысли убедительно и с полным знанием дела равняться с ним никто не мог»³: – писал о Перовском генерал-майор Оренбургского казачьего войска И. В. Чернов, с 1841 г. служивший в канцелярии командующего Башкиро-мещерякским войском, а в 1850 – 1861 гг. – начальником отделения иррегулярных войск в канцелярии генерал-губернатора и поэтому хорошо знакомого с канцелярским бумагопроизводством изнутри. По воспоминаниям современников, «при всех своих способностях и большом уме граф Перовский был горд, самолюбив и при малейшей оплошности дерзок на слова... но он был доверчив и расположен, коль скоро выбирал и назначал подходящее лицо на должность». Самые близкие, доверительные отношения сложились у Перовского с Я. В. Ханыковым и Н. В. Балкашиным. По его рекомендации императору оба получили должность оренбургских гражданских губернаторов.

Военный губернатор заботился не только о своем окружении, своих сослуживцах, чиновниках по особым поручениям, но в целом о чиновничестве, в руках которого было гражданское управление. Он с уважением относился к работе чиновников всех рангов: «исправник, совестливо исполняющий в течение жизни свои обязанности, заслуживает столько же похвалы и вознаграждения, как и военный губернатор, поступающий одинаково с ним»⁴.

¹ Юдин П. Л. Граф В. А. Перовский в Оренбургском крае // Русская старина. 1896. Кн. 5. С. 410 – 411.

² Футорянский Л. Военный губернатор Перовский // Любовь и Восток. М., 1994. С. 229 – 236.

³ Гвоздикова И. М. Гражданское управление в Оренбургской губернии в первой половине XIX в. (1801 – 1855 гг.). Уфа, 2010. С. 72.

⁴ Гвоздикова И. М. Указ. соч. С. 72.

В отчетах императору Перовский отмечал сложность в организации работы местных учреждений, «дурной ход дел» в присутствиях. Военный губернатор объяснял такое положение тем, что «по географическому положению края, отдаленности его от центра империи, бедности городов, обширности уездов, характеру и редкости народонаселения», здесь «трудно приобретать хороших чиновников»¹.

Перовский поддерживал губернские гражданские власти, обращавшиеся в Комитет министров, лично к императору с просьбами о предоставлении преимуществ чиновникам, направляемым на службу в Оренбургский край. В 1835 – 1840 гг. последовал целый ряд именных указов и Положение от 9 июля 1842 г. «О выдаче двойных прогонов, годового жалования и других льгот чиновникам, согласившимся служить в губернии»².

На обращение гражданского губернатора А. П. Гевлича от 20 мая 1839 г. к В. А. Перовскому за поддержкой в связи с предложением МВД сократить в губернии расходы на уездные и городские полиции, стражу, пожарные команды и другие учреждения ведомства Департамента полиции исполнительной МВД военный губернатор решительно заявил: «Считаю нужным уведомить Вас, милостивый государь, что уменьшить, согласно желанию г. управляющего МВД, какую-либо из сумм, состоящим в моем ведении я признаю совершенно невозможным, потому что многие из них оказываются недостаточными для своего предназначения»³. В этом заявлении главного начальника края чувствуется забота о местных учреждениях и независимость от решений министерских департаментов.

Перовский добросовестно относился к обязанностям «управляющего гражданской частью», считая своим долгом быть в курсе разнообразных и сложных дел по управлению губернией. В 1835 г. он обратился к императору с просьбой разрешить оренбургским гражданским губернаторам «обозревать» губернию один раз в течение двух лет вопреки узаконенным ежегодным ревизиям. Перовский объяснял необходимость таких перемен обширностью губернии: «превосходит величиною своею все прочие внутренние губернии», – и на объезд 12 уездов у губернатора уходит до двух месяцев. 15 октября 1835 г. было принято высочайше утвержденное положение Комитета министров, позволяющее оренбургским губернаторам ревизовать работу уездных учреждений через год⁴.

Перовский решал многие важные дела по гражданскому ведомству и брался за те, которые, казалось, не входили в его компетенцию. Так, в первый год правления он занялся наведением порядка в системе делопроизводства учреждений губернского и уездного уровней. По его распоряжению начальникам всех присутственных мест были разосланы правила по-

¹ Гвоздиков И. М. Указ. соч. С. 73.

² ПСЗРИ. Собр. 2. Т. X. №№ 7903, 7997; Т. 14. № 12281; Т. 15. № 13424; Т. 17. № 15781.

³ Гвоздиков И. М. Указ. соч. С. 73.

⁴ ПСЗРИ. Собр. 2. Т. X. Оп. 2-е. № 8483.

дачи и рассмотрения прошений от населения, отпечатанные в типографии штаба Отдельного Оренбургского корпуса.

Во время многолетней службы в губернии Перовский столкнулся с нехваткой чиновников и канцелярских служащих, знающих башкирский и татарский язык. В 1851 г. он направил в Министерство народного просвещения и попечителю Казанского учебного округа проект введения обязательного преподавания в губернской гимназии в Уфе тюрко-татарского языка. Предполагалось обучение языку с первого класса для всех учащихся, а с четвертого – для тех, кто готовился поступать на государственную службу. Несмотря на возражения министра и попечителя, Перовский настоял на обязательном изучении языка учащимися 4 – 7 классов и взял на себя оплату учителя тюрко-татарского языка, отнеся расход на счет сумм, отпускаемых «для разных улучшений в Оренбургском крае»¹.

Первый генерал-губернатор В. А. Перовский, прослуживший в должности оренбургского военного губернатора 9 лет, как уже упоминалось, проявил себя талантливым государственным деятелем². Он старался подбирать к управлению молодых способных чиновников, стремящихся служить на благо страны, обладающих широким кругозором. Так в его окружении оказались А. Д. Арцимович, В. В. Григорьев, В. И. Даль, братья Н. В. и Я. В. Ханьковы. В начале 50-х годов на административные должности в Уфу и Самару были назначены Г. С. Аксаков, Е. И. Барановский, К. К. Грот и Я. В. Ханьков. Первые два попеременно сменили друг друга в качестве вице-губернатора Оренбургской губернии, а последние стали начальниками губерний в Самаре и Уфе. Все они в разные годы прошли хорошую управленческую школу в аппарате МВД под руководством вице-директора хозяйственного департамента Н. А. Милютин³. Не последнюю роль в этих назначениях играл и брат оренбургского генерал-губернатора Лев Алексеевич Перовский – министр внутренних дел в 1841 – 1852 гг.⁴

Здесь же трудился и Г. С. Аксаков. 5 августа 1850 г. он «был назначен членом Комиссии для введения нового общественного управления в Санкт-Петербурге с поручением устройства торговой депутации», где проработал до 29 января 1852 г. Курировал деятельность комиссии К. К. Грот⁵.

23 апреля 1852 г. Г. С. Аксаков назначается оренбургским вице-губернатором, при этом временно исполняя и должность губернатора с 30 мая по 18 июня, с 12 по 24 августа и с 1 сентября по 4 октября 1852 г., с 9 по 23 марта и с 8 по 18 мая 1853 г. В общей сложности он проработал

¹ Гвоздиков И. М. Указ.соч. С. 75.

² Там же. С. 68.

³ Там же. С. 140, С. 362; Захарова Л. Г. Самодержавие и отмена крепостного права в России. 1856 – 1861. М., 1984. С. 36.

⁴ Аксаков И. С. Письма к родным. 1849 – 1856. М., 1994. С. 44; Спиридонова Ю. С. Константин Карлович Грот как практик государственного управления // Гротовские чтения: материалы II Межрегиональной научно-практической конференции. Самара, 2011. С. 190.

⁵ Грот К. Я. К. К. Грот в юности и в первую эпоху службы (до Самарского губернаторства, т. е. 1853 г.). СПб., 1904. С. 19, 36 – 37.

на этом посту около 9 месяцев¹. Оренбургским гражданским губернатором работал Я. В. Ханыков, занимавший данный пост в 1851 – 1856 гг.²

Следует отметить, что с 23 сентября Министерство внутренних дел возглавлял брат Василия Алексеевича, Лев Алексеевича Перовский, приобретший большую известность в борьбе со злоупотреблениями полиции Москвы и Санкт-Петербурга. Лев Алексеевича Перовский (9 сентября 1792 г. – 9 ноября 1856 г.), граф (1849 г.), окончил Московский университет и школу колонновожатых, готовившую штабных офицеров. Участник Отечественной войны 1812 года и заграничного похода русской армии. С 1815 года служил в Главном штабе Его Императорского Величества. Входил в тайную декабристскую организацию «Союз благоденствия» (1818 – 1821 гг.). Привлекался к следствию по делу декабристов, но был полностью оправдан. С 1823 года был причислен к Государственной коллегии иностранных дел. В 1828 году назначен вице-президентом Департамента уделов; в 1831 году – сенатором; в 1840 году – заместителем министра императорского двора и уделов и членом Государственного Совета.

В 1843 году произведен в действительные тайные советники. Л. А. Перовский много сделал для внедрения прогрессивных методов хозяйствования в деревнях, принадлежавших государству и царской семье. Будучи министром внутренних дел, активно разрабатывал вопросы подготовки отмены крепостного права. Член секретных комитетов, учрежденных Николаем I для подготовки крестьянской реформы. Член комитета по устройству Петербургско-Московской железной дороги. Л. А. Перовский усилил контроль министерства внутренних дел за деятельностью его местных органов, для чего в Департаменте полиции было образовано «Отделение для обозрения присутственных мест Министерства внутренних дел за деятельностью его местных органов». В 1847 году Л. А. Перовский провел широкомасштабную ревизию полиции в 27 губерниях и только в трех из них признал ее состояние удовлетворительным. Лично контролировал деятельность полиции Петербурга и Москвы.

Основным структурным подразделением министерства в то время являлся Департамент полиции. Если раньше основным источником, на основании которого министерство судило о состоянии дел на местах, был отчет губернатора, в котором имелся специальный раздел, посвященный полиции, то с 1830-х гг. начинает расширяться практика служебных командировок чиновников министерства с целью ознакомления с деятельностью органов городской и сельской полиции. Среди служащих министерства увеличивается число так называемых «чиновников для особых поручений», проводивших значительную часть времени в командировках. В начале 1840-х гг. чиновниками для особых поручений были выявлены зло-

¹ НАРБ. Ф. И-9. Оп. 2. Д. 1. Л. 24 об.

² Хакимов С. Х. Уфимский губернатор Г. С. Аксаков как последователь и соратник К. К. Грота // Гротовские чтения: материалы IV Межрегиональной научно-практической конференции. Самара, 2015.

употребления в полиции Москвы, Петербурга, в ряде других городов. В 1850 году в истории МВД произошло знаменательное событие – первое сокращение штатов этого учреждения, что было проявлением новых усилий императора Николая I для укрепления дисциплины как средства повышения эффективности управления. Количество чиновничьих должностей в МВД было сокращено на 17 и составило 270 штатных единиц¹.

Земский и уездный суды решали дела не оперативно и бюрократическими методами. За год в них накапливалось до 7 – 8 тыс. дел, разбор которых затягивался на несколько последующих лет. За 10 лет (1837 – 1847) преданными суду «по общим преступлениям», кроме убийств, грабежей и частных краж, оказалось 5213 чел. Из рядовых, из числа чиновников за злоупотребления властью осужден 151 человек². С начала 30-х гг. XIX в. права общих судебных учреждений суживались. Так, положением от 1 марта 1832 г. башкиры и мишари за воровство предавались военному суду. Из числа лиц, которые будут «опорочены в поведении обществом, хотя и не обличены в воровстве...», годные к службе отдавались в рекруты в дальние гарнизоны, а неспособные к ней ссылались на поселение в Сибирь³.

Чтобы пресечь «непокорность» башкир, мишарей, калмыков, тептярей и казаков, указом от 26 февраля 1834 г. предусматривался «за все роды преступлений» военный суд. По мнению Перовского, «воровство не есть единственное преступление» военных сословий в Оренбургском крае. Обосновывая необходимость введения военного суда, он писал, что «бродяжничество, разбой, грабежи, укрывательство беглых и других преступников сделались общими до того, что все усилия к пресечению этого зла обычными мерами остаются безуспешными»⁴.

Как видно, данный указ был направлен против рядовых, чтобы уменьшить растущее недовольство среди населения против военно-феодалного гнета. За земской полицией оставалось только производство следствий по преступлениям, совершенным в неслужебное время, а уголовно-следственные дела передавались ею в «военно-судные комиссии», решения которых для утверждения передавались военному губернатору. В эти комиссии назначались временно из офицеров линейных оренбургских батальонов аудиторы, которые судили и выносили приговоры. За побеги со службы они наказывали башкир шпицрутенами, проводя сквозь строй в 500 – 1500 чел. О том, как совершалось наказание виновных, можно судить по запискам члена Военного Совета генерала от инфантерии Н. Г. Залесова, который в 30-х годах работал в военно-судной комиссии в Бугульме. Он пишет: «По окончании чтения конфирмации несчастных

¹ Мотин С. В., Мурсалимов К. Р. Аксаков Иван Сергеевич и его служба в Министерстве внутренних дел. Уфа, 2003. С. 8 – 9.

² НАРБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 10584. Л. 48.

³ ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 7. № 5201.

⁴ Там же. Т. 9. № 6852.

раздели, всунули каждому в связанные руки по прикладу ружья, другой конец которого держал унтер-офицер; раздалась команда, в руках солдат появились палки, уныло забил барабан, и осужденные ведомые на некотором расстоянии один от другого, двинулись по живой улице солдат. Свистнули палки, пронесся крик... Как вдруг вблизи раздалось хлоп, хлоп по чьему-то лицу; я взглянул и увидел ротного командира, производившего над одним своеручно расправу. Это за то, что солдат бил не во всю руку, жалея осужденных». Присутствовавшие при экзекуции офицеры наблюдали за тем, чтобы солдаты «хорошенько» били¹.

Во всех комиссиях процветало взяточничество. По словам того же Залесова, личность аудитора из писарей «до такой степени искусная во взятках, что не было, кажется, того оборванца-голыша из башкир, с которого он не ухитрился бы взять хоть что-нибудь». Следствием такой коррупции было то, что почти всякий «зажиточный башкир выходил прав, а бедняка наказывали». Таков был дух палочной дисциплины в царской России².

В 1836 г. один из крупнейших государственных деятелей России XIX в. министр внутренних дел граф Д. Н. Блудов приступил к подготовке реформы уездной полиции. Прежде всего, он запросил мнение губернаторов о состоянии уездной полиции и изъявил готовность выслушать предложения по ее реорганизации³. На уезд, население которого нередко достигало ста тысяч человек, приходилось не более пяти-шести штатных полицейских чиновников. Недостаток людей сказывался и на эффективности борьбы с преступностью. На практике за каждым служащим сельской полиции был закреплен определенный участок, в пределах которого он отвечал за охрану общественного порядка. Губернаторы предложили узаконить эту практику и по мере возможности увеличить число служащих уездной полиции. Предложения были учтены в подготовленных Министерством внутренних дел и утвержденных царем в 1837 г. «Положении о земской полиции» и «Наказе чинам и служителям земской полиции», которые вплоть до реформы 1862 г. стали основными нормативно-правовыми актами, определяющими организационное построение и компетенцию земской полиции⁴.

В обширной Оренбургской губернии «Положение о земской полиции» вступило в действие с 1 января 1838 г. Реализация закона начинается при В. А. Перовском. Еще в 1834 г. он, констатируя значительное накопление нерешенных дел в земской полиции уездов Уфимского, Бузулукского, Оренбургского, Белебеевского, Бирского и Троицкого, был вынужден обратиться к министру внутренних дел с предложением учредить временные

¹ Асфандияров А. З. Кантонное управление в Башкирии (1798 – 1865 гг.). Уфа, 2005. С. 43 – 44.

² Там же. С. 44.

³ Борисов А., Малыгин А., Мулукаев Р. Три века российской полиции. М., 2016. С. 204.

⁴ ПСЗРИ. Собр. 2. Т. XII. №№ 10305, 10306.

земские суды. Согласно указу 1830 г. на это требовалось предварительное представление в Министерство внутренних дел.

Николай I согласился с доводами В. А. Перовского и разрешил учредить в вышеуказанных уездах Оренбургской губернии временные земские суды, которые создавались только для окончания нерешенных дел земской полиции, поэтому их деятельность была ограничена в Уфимском и Бузулукском уездах, в которых накопилось наибольшее количество дел, тремя годами, а в остальных – двумя годами. Были утверждены штаты для этих временных органов – временные земские суды возглавлялись председателем и состояли из заседателей (три в Уфимском и Бузулукском, два в остальных судах), секретаря, двух повытчиков, шести писцов, сторожа и рассыльного. Подобранные оренбургским гражданским правлением кандидатуры членов временных судов утверждались военным губернатором. Оренбургское губернское правление также несло ответственность за своевременное выполнение ими возложенных задач по решению накопившихся дел.

В течение 1837 г. Бирский, Белебейский, Бузулукский и Оренбургский временные земские суды по окончании дел были закрыты¹.

Практика назначения на полицейские должности лиц, состоявших под покровительством Комитета 18 августа 1814 г., постепенно к 1835 г. дискредитировала себя в глазах администрации Оренбургской губернии. Зачастую эти чиновники были по состоянию здоровья не способны к исполнению полицейских обязанностей либо относились к своей должности халатно. По инициативе оренбургского военного губернатора В. А. Перовского 26 марта 1835 г. было разрешено определять в земские исправники по Оренбургской губернии чиновников, не состоящих в покровительстве Комитета 18 августа 1814 г. Министр внутренних дел утверждал представленные губернским правлением кандидатуры.

Таким образом, с начала XIX до 1837 г. развитие земской полиции шло по пути увеличения числа дворянских заседателей, приспособления порядка комплектации нижних земских судов к местным особенностям. В необходимых случаях создавались временные нижние земские суды, помогавшие разрешить накопившиеся дела земской полиции.

Высшей полицейской инстанцией в уезде оставался земский суд. Он состоял из земского исправника – председателя и нескольких заседателей, один из которых именовался старшим неперменным заседателем, и двух сельских заседателей от государственных крестьян². Земский исправник, старший заседатель и два сельских заседателя должны были присутствовать в земском суде, находившемся в уездном городе.

Учреждалась новая должность участкового заседателя или станового пристава. Территория уезда делилась на участки или станы, на которые

¹ Байгутлин Р. И. Организационно-правовые основы деятельности полиции Оренбургской губернии в 1775 – 1862 гг.: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 112.

² Тот Ю. В. Реформа уездной полиции в правительственной политике России в XIX в. СПб., 2002. С. 90.

распространялась юрисдикция становых приставов. Число станов в уезде и их протяженность устанавливались, исходя из общей территории уезда, населения, разнообразных местных особенностей, а также «с родом и количеством возникающих от того дел, подлежащих ведению земской полиции»¹. Министерство внутренних дел по представлению губернатора могло вносить изменения в деление уезда на станы с последующим его утверждением. Каждый стан уезда получал свой порядковый номер².

Становой пристав находился в одном из населенных пунктов стана, который определялся с учетом быстрого и удобного общения и передвижения по территории стана. «Для исполнения приказаний станового пристава и непосредственного надзора за благочинием» в селениях находились сотские (один с каждых 100 – 200 дворов) и десятские (один с 10 – 30 дворов), избиравшиеся крестьянским сходом. Кроме того, в населенных пунктах, приравненных к городам, в которых по разным причинам необходимо было усилить полицейский надзор (из имеющих пристань, оживленную торговлю), назначались пятисотские и тысяцкие. Они подчинялись непосредственно становому приставу и выполняли разнообразные полицейские обязанности.

Становые приставы назначались губернским правлением преимущественно из местного дворянства, имеющих в той губернии недвижимую собственность, «сельские заседатели избирались казенными поселянами и вольными хлебопашцами из дворян, чиновников, разночинцев, однодворцев или поселян беспорочного поведения», должности низших полицейских служителей – десятских, сотских, пятисотских, тысяцких могли занимать отставные и уволенные в бессрочный отпуск нижние армейские чины, отличавшиеся примерным поведением³.

Обязанности земской полиции по Положению 1837 г. претерпели только редакционные изменения в сравнении с «Учреждениями о губерниях» 1775 г. В ст. 29 отмечалось, что «Власть и обязанности земского суда и подчиненных ему лиц ограничиваются наблюдением за скорым и точным исполнением законов и учреждений, а равно и судебных приговоров и предписаний начальства во всем пространстве уезда, за исключением лишь уездного и других, имеющих особое полицейское управление, городов. В сих же пределах принадлежит им окончательная расправа и в маловажных делах и исках»⁴.

Статья определяла четыре основные функции земской полиции:

1. Исполнительные функции заключались в точном и своевременном выполнении законов и предписаний вышестоящих учреждений и контроле за их исполнением. Эта деятельность включала в себя 118 различных на-

¹ ПСЗРИ. Собр. 2. Т. XII. № 10305. С. 463.

² Там же. С. 463 – 464.

³ Там же. С. 464.

⁴ Там же. С. 466.

правлений – от обнародования указов и постановлений правительства и «охранения общественного спокойствия, благочиния, добрых нравов, порядка и должной власти повиновения», до пресечения браконьерства и сбора статистических данных «о всяких найденных в уезде редких произведениях природы, древностях и проч.»¹.

2. Следственные функции ограничивались осуществлением следствий по уголовным делам во всем их объеме, а также рассмотрением частных исков².

3. Судебно-полицейские функции состояли в том, что инстанции земской полиции по незначительным преступлениям и проступкам в качестве упредительной и профилактической меры могли принимать судебные решения. Так, земский суд и становые приставы выносили приговоры по делам о кражах, мошенничестве: земский суд – по иску, не превышающему 20 рублей, а становые приставы – 10 рублей. Земской полиции были подсудны только люди «низшего состояния», совершившие такого рода преступления не более 3-х раз. Представители других сословий за подобные преступления не подлежали суду земской полиции.

4. Хозяйственно-исполнительные функции включали: общее наблюдение за ходом и порядком торговли над всеми видами продовольствия, пресечение действий, связанных с обвесом и обмером покупателей, контроль за исполнением податными сословиями различных повинностей, надзор за гостиницами и харчевнями³.

Все учреждения и служащие земской полиции подчинялись губернатору и губернскому правлению. Губернатор отдавал распоряжения земским судам, исправникам и, при необходимости, непосредственно одному из становых приставов. Губернское правление, а также казенная палата и палаты уголовного и гражданского суда, каждая в рамках своей компетенции, направляла земским судам и исправникам указы и распоряжения. Если палаты были неудовлетворены действиями полиции по исполнению указов, то они сообщали об этом губернскому правлению. Аналогичные принципы лежали в основе взаимоотношений земских судов с уездными судами и дворянскими опеками. Другие ведомства (приказ общественного призрения, советный суд, горное управление) направляли земским судам свои предложения. В свою очередь, земский суд и исправники во все учреждения, от которых они получали указы и предложения, обязаны были представлять рапорты, а в приказ общественного принуждения – уведомление⁴. Порядок и формы взаимодействия полиции с различными инстанциями местного управления указывают на то, что полиция в полной мере сохранила за собой основные

¹ ПСЗРИ. Собр. 2. Т. XII. № 10305. С. 466 – 468.

² Там же. С. 468 – 469.

³ Там же. С. 467 – 468.

⁴ Там же. Т. 12. Оп. 1. № 10305. С. 470 – 471.

функции исполнительного учреждения не только местной администрации, но и центральных государственных учреждений, представленных в системе местного управления¹.

С начала XIX в. до 1837 г. развитие земской полиции Оренбургской губернии шло по пути увеличения числа дворянских заседателей, приспособления порядка комплектации нижних земских судов к местным особенностям. В необходимых случаях создавались временные земские суды, помогавшие разрешать накопившиеся дела земской полиции.

Реформа 1837 г., не увеличив существовавший аппарат земской полиции Оренбургской губернии, изменила сам принцип деятельности земских судов, заменив дворянских заседателей станowymi приставами, юрисдикция которых распространялась на конкретный участок (стан). Тем самым полицейское управление было приближено к населению уездов, позволяя полнее учитывать местные особенности. Реформа стала также еще одним шагом по пути бюрократизации полицейского аппарата, введя порядок назначения для станowych приставов.

Особенностью земской полиции Оренбургской губернии было то, что на протяжении рассматриваемого периода порядок назначения ее служащих преобладал над общим порядком избрания их уездным дворянством. Это усугубляло в свою очередь кадровую проблему, для решения которой использовалось и замещение вакансий по земской полиции свободными от казачьей службы офицерами Оренбургского казачьего войска, и привлечение некоторыми привилегиями чиновников из других губерний.

Структура земской полиции Оренбургской губернии учитывала некоторые особенности населения, а также характер преступности в данной губернии. Так, в штаты земских судов с 1854 г. были включены переводчики.

12 февраля 1824 г. высочайшим указом в Оренбургском губернском правлении была учреждена временная экспедиция для разбора и решения накопившихся старых дел. В состав временной экспедиции должны были войти два советника и секретарь с жалованием по 600 руб. соответственно. Предполагалось, что члены временной экспедиции займутся рассмотрением дел, скопившихся в губернском правлении еще с 1821 г., когда в правлении произошел пожар и все дела были «складены в кучу, донныне остаются неразобранными».

Особенно большое количество дел приходилось рассматривать земским судам, где и скапливалась основная масса² нерешенных дел. В состав земских судов входили капитан-исправник и два-три земских заседателя. Все должности замещали люди, выбранные из дворян.

¹ Тот Ю. В. Указ. соч. С. 95.

² Семенова Н. Л. Деятельность оренбургских губернаторов по совершенствованию системы местного управления в первой половине XIX в. // Формирование эффективной системы управления и самоуправления на Южном Урале в XVIII – XX вв.

Одним из наиболее распространенных видов преступлений в России в первой половине XIX в. были кражи скота, среди которых преобладало конокрадство. Ее социальная опасность вытекала из того, что лошадь являлась основной рабочей силой в крестьянском хозяйстве, и ее потеря грозила земледельцу разорением.

Актуальность конокрадства для Южного Урала, в отличие от центральных областей России, была вызвана и тем обстоятельством, что местное население – башкиры, мещеряки и киргиз-кайсаки, ведя кочевой и полукочевой образ жизни, издавна занимались угоном лошадей. Этот промысел давал им не только возможность обогатиться за счет перепродажи похищенного, но и в целом влиял на благосостояние семьи: лошадь являлась основой хозяйства, снабжала местное население продуктами питания – мясом и молоком.

Названный вид преступления привлек к себе внимание назначенного в 1830 г. оренбургским военным губернатором генерал-адъютанта П. П. Сухтелена. Столкнувшись с этой проблемой, он пришел к выводу о том, что ее нельзя решить обычными полицейскими мерами «...по утонченности, с какою люди сии умеют скрывать проступки свои...»¹. Преступники создали достаточно разветвленную систему, которая позволяла им за короткое время перегонять угнанный скот не только из одного уезда в другой, но и из губернии в губернию, в результате чего найти похищенное было практически невозможно.

Другой способ сокрытия следов заключался в том, что вор являлся к потерпевшему и предлагал ему найти его же лошадь за обусловленную плату. И в том и в другом случае преступники оставались безнаказанными. Чтобы как-то защитить население от конокрадов губернатор приказал взять под стражу 196 жителей Челябинского и Троицкого уездов, подозреваемых в конокрадстве. Задержанные были представлены Оренбургской уголовной палате, однако в соответствии с законом судебное ведомство вследствие недоказанности вины оправдало этих лиц.

Невозможность в судебном порядке наказать подозреваемых заставила губернатора обратиться к указам от 28 апреля 1808 г. и 31 июля 1817 г., которые предоставляли право в административном порядке высylать из мест жительства «порочных людей», выданных самими «обществами». В результате были составлены списки «опороченных» и представлены Николаю I и шефу жандармов А. Х. Бенкендорфу с предложением высylать перечисленных в них лиц вместе с семьями в Сибирь для причисления к иррегулярному войску или к поселянам-иноверцам, а одиноких и годных к службе отдать в солдаты.

Предложение военного губернатора было утверждено, а высочайше утвержденным Положением Комитета министров от 1 марта 1832 г.

¹ ПСЗРИ. Собр. 2. Т. VII. № 5201; Законы Российской империи о башкирах, мишарах, тептярях и бобылях. Уфа, 1999. С. 212.

Сухтелену предписывалось и впредь предавать военному суду башкир и мещеряков, выдаваемых «обществами». Тех же, кто не был выдан, но подозревался, губернатору предоставлялось право самостоятельно удалять с места жительства. Эти правила распространялись не только на простое население, но и зауряд-офицеров башкирских и мещеряцких кантонов «... между коими есть люди порочные и даже начальники воровских шаек». Юртовые начальники и общины должны были наблюдать под свою ответственность за поведением каждого башкира и мещеряка. Данные меры предписывалось применять без огласки в течение четырех лет¹.

К середине столетия масштабы конокрадства оказались настолько высоки, что правительство вынуждено было обратить на этот вид преступления особое внимание и создать в структуре правоохранительных учреждений специальные органы для борьбы с ним.

19 января 1848 г. высочайше было утверждено Мнение Государственного совета о мерах к прекращению конокрадства, в соответствии с которыми в конце 1849 г. в двенадцати губерниях Российской империи, в том числе Вятской и Оренбургской, были созданы в каждом уезде должности комиссаров по пресечению конокрадства.

Комиссары должны были назначаться по представлению начальников губернии из числа отставных чиновников или местных дворян, «опытных и, по возможности, сведущих в порядке судебного и полицейского производства». На них возлагалась обязанность расследовать случаи конокрадства, «действуя под распоряжением полиции, на основании данной им инструкции» и под строгим наблюдением со стороны начальников губерний. В случае медлительности, и особенно бездействия, комиссары могли быть отданы под суд, причем их дела должны были рассматриваться и решаться без очереди².

Мнение Государственного совета требовало от всех должностных лиц оперативности при рассмотрении дел о конокрадстве. Городская и земская полиция должны были приступать к розыску по горячим следам немедленно по поступлении сведений о преступлении. В случае обнаружения виновных или подозреваемых чины полиции обязаны были «отбирать без всякого замедления допросы и ...неотлагательно отсылать дела в надлежащие судебные места».

В уездных судах и уголовных палатах дела о конокрадстве предписывалось решать без очереди и промедления. Подозреваемые должны были содержаться под стражей и запрещалось отдавать их на поруки. За каждого выявленного, изобличенного и переданного в руки правоохранительных органов конокрада и его сообщника не только для полицей-

¹ Законы Российской империи о башкирах, мишарах, тептярях и бобылях. Уфа, 1999. С. 212 – 213.

² ПСЗРИ. Собр. 2. Т. XXIII. № 21905.

ских чинов, но и для любого лица из числа низших сословий устанавливалось вознаграждение – три рубля серебром¹.

Эти меры широко рекламировались правительством. Только в селения Оренбургской губернии было разослано 2430 экземпляров текста Мнения Государственного совета от 19 января 1848 г., с прилагаемым переводом на язык коренного населения². Однако они недостаточно учитывали специфику уральского региона.

Действие закона распространялось только на гражданское население, в то время как военное сословие, в состав которого входили башкиры, мещеряки и тептяри, составляло одну треть населения края и было подведомственно военному суду. Ввиду этого в 1851 г. вновь пришлось вернуться к этому вопросу и передать следствие по этой категории преступлений в отношении лиц военного сословия комиссарам по пресечению конокрадства при земских судах и гражданской юстиции.

В январе 1854 г. комиссары были переименованы в следственных приставов по пресечению конокрадства и стали непосредственно подчиняться земским судам и исправникам. В их компетенцию было включено также и расследование краж домашнего скота³.

Несмотря на то, что в 4-х губерниях вследствие достигнутых успехов должности комиссаров упразднялись, тем не менее в 17, в том числе Вятской и Оренбургской, еще на 3 года были продлены временные меры по пресечению конокрадства. Учитывая объем краж скота на Южном Урале, в Оренбургской губернии в 1855 г. существовало 9 должностей следственных приставов, что было почти в 2 раза выше, чем в соседних губерниях⁴.

Хотя количество раскрытых краж, связанных с хищением лошадей, увеличивалось, все же губернское начальство было недовольно результатами работы следственных приставов, т. к. конокрадство не сокращалось, а наоборот, увеличивалось.

¹ НАРБ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 6081. Л. 23 – 26.

² Там же. Л. 15.

³ ПСЗРИ. Собр. 2. Т. XXIX. № 27834.

⁴ Там же. Т. XXX. № 29132.

Таблица 10

Сведения о конокрадстве на Южном Урале в середине XIX века¹

	1850/51 г.	1852/53 г.	1854 г.	1855 г.	1857 г.
Случаев конокрадства	1240	1280	961	982	904
Украдено лошадей	2082	1697	–	–	–
Раскрыто случаев конокрадства	659	–	696	747	642
Обнаружено конокрадов	570	544	395	326	266

Оценивая усилия следственных приставов, губернское руководство связывало недостатки их деятельности, прежде всего, с объективными факторами. С одной стороны, указывалось, что нельзя ожидать удовлетворительных результатов от действий одного полицейского чиновника, который специализировался на розыске лошадей в границах огромных по протяженности уездов Оренбургской губернии, а с другой – на беспечность хозяев лошадей, которые небрежно относились к их сохранности, особенно в условиях Оренбургского края, где, по мнению полицейского начальства, треть населения составляли иноверцы (т. е. коренное население), склонные к конокрадству².

Предложения о совершенствовании методов борьбы с этим видом преступлений были сформулированы комитетом, созданным для составления проекта сметы земских повинностей, который предлагал внести в губернский бюджет на 1857 – 1860 гг. расходы на учреждение должностей следственных приставов в каждом стане, определив их статус как помощников станowego пристава и возложив на них по преимуществу дела о пресечении конокрадства. Кроме того, предлагалось распространить меры по пресечению конокрадства на территории проживания башкир, мещеряков и тептярей, которые находились в ведении военного ведомства.

Реализация Положений нового устройства земской полиции на практике вызывала в отдельных случаях вопросы. Так, оренбургский военный губернатор В. А. Перовский в декабре 1837 г. обратился к министру внутренних дел графу Д. Н. Блудову с вопросом о толковании § 18 «Положения о земской полиции»³. Проблема состояла в следующем. § 18 Положения устанавливал порядок избрания земского исправника либо его назначения в тех губерниях и уездах, где дворянские выборы не проводились.

¹ Сичинский Е. П. Указ. соч. С. 152.

² ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 13586. Л. 2.

³ ПСЗРИ. Собр. 2. Т. XII. № 10844.

В. А. Перовский сообщал, что во вверенной ему губернии дворянские выборы проводятся, но до нового устройства земской полиции земские исправники замещались не по выборам дворянства, а по назначению «от короны», согласно Высочайше утвержденному положению Комитета министров от 26 марта 1835 г.¹ Военный губернатор спрашивал: «Отменяет ли порядок, установленный § 18 Положения, ранее действовавшее положение о замещении земского исправника в Оренбургской губернии «от короны», т. к. дворянские выборы здесь существуют». Если § 18 Положения отменяет старый порядок, то по недостатку в губернии дворян для выборов на эту должность, «мера сия была бы для вверенного ему (оренбургскому военному губернатору) края столь же вредной, как и замещение исправнических вакансий чиновниками, состоящими в покровительстве комитета, Высочайше утвержденного в 18 день августа 1814 года». Перовский просил министра внутренних дел «исходатайствовать», чтобы Положение от 26 марта 1835 г. оставалось в силе, а замещение неперменного заседателя земского суда можно возложить и на выбор дворянства.

Министр внутренних дел, ознакомившись с ситуацией, рассудил ее следующим образом. В ст. 79 № 1 Свода Законов Российской империи установлено, что «законы, особенно для какого-либо рода людей изданные, новым общим законом не отменяются, если в нем именно такой отмены не постановлено». § 18 Положения как общий закон относительно замещения земских исправников и неперменных заседателей земских судов не отменяет особенных постановлений, изданных особо для некоторых губерний. Комитет министров согласился с таким толкованием закона, и это положение Комитета министров было утверждено Николаем I. Таким образом, в Оренбургской губернии сохранялся порядок назначения земских исправников Сенатом по представлению министра внутренних дел.

Структуру земской полиции Оренбургской губернии определяли и некоторые особенности населения, а также характер преступности. В 1854 г. в штаты земских судов Оренбургской губернии были включены переводчики татарского языка².

Для эффективной борьбы с конокрадством в земские суды Оренбургской и некоторых других губерний в 1848 г. были включены специальные должности – комиссары для пресечения конокрадства³. Указом от 4 января 1854 г. они были переименованы в следственных приставов по пресечению конокрадства, но оставлены в подчинении земских судов и земских исправников⁴. В Оренбургской губернии они были окончательно упразднены в 1865 г. с передачей дел судебным следователям⁵.

¹ ПСЗРИ. Собр. 2..Т. X. № 7997.

² Там же. Т. XXIX. № 28469.

³ Там же. Т. XXIII. № 21905.

⁴ Там же. Т. XXIX. № 27834.

⁵ Там же. Т. XL. № 41862.

Как уже отмечалось, некоторые должности административно-полицейского аппарата Оренбургской губернии не выбирались уездным дворянством, а замещались «от короны», т. е. назначались. При этом если от выборов отказались ввиду немногочисленности дворянского корпуса и губернии, то при назначении возникала проблема замещения вакансий достойными и способными чиновниками. Для того чтобы предпринять аналогичные шаги в отношении остальных губерний, потребовались бы значительные средства, которые необходимо было изыскать. Именно это обстоятельство определило цель и характер обращения министра внутренних дел Л. А. Перовского 6 июня 1843 года к предводителям дворянства об увеличении сбора на содержание земской полиции¹. «Я писал дворянским предводителям, – сообщал Л. А. Перовский Д. Г. Бибикову, – о предполагаемом увеличении сбора на содержание земской полиции совершенно частным образом желая знать собственно их мнение»².

Особое внимание в письме министр уделил причинам неудовлетворительной деятельности полиции, и в первую очередь, малочисленности полицейских служащих и возросшему кругу их должностных обязанностей. «В сравнении с 1775 г. состав населения увеличился вдвое-втрое, – писал Л. А. Перовский, – а обязанности земской полиции, кроме того, непомерно увеличились, состав ее при этом остался один и тот же»³. Предложенные Л. А. Перовским меры по преодолению этих недостатков сводились к увеличению штатов земской полиции за счет дополнительных средств, полученных от повышения земского сбора. Однако министр посчитал необходимым, прежде чем приступить к их реализации, непосредственно обратиться к местному дворянству и выяснить его позицию. «Полагаю, что дело это (увеличение штатов земской полиции) касается всего ближе дворянства, которое из среды своей избирает кандидатов на полицейские места, и на счет коего относится частью и самое содержание земской полиции, – писал Л. А. Перовский, обращаясь персонально к каждому предводителю губернского дворянства великорусских губерний, – и прошу доставить мне соображения и мнения ваши: на сколько именно можно будет увеличить нынешний 9-копеечный сбор с души без отягощения для помещичьих имений, с тем, чтобы усилить и улучшить повсеместно земскую полицию»⁴. В письме Л. А. Перовского примечательны два обстоятельства: частный характер обращения министра к дворянству и стремление достичь поставленной цели «без отягощения помещичьих имений», не затронув интересов дворянства.

¹ С 1775 г. земская полиция содержалась за счет казны. В 1835 г. был установлен специальный 30-копеечный сбор на содержание полиции в счет земских повинностей (ПСЗРИ. Т. X. № 7744. С. 31 – 32). Позднее был введен особый 9-копеечный сбор на содержание земской полиции, отмененный 1 января 1853 г. (СЗРИ. Устав о земских повинностях. СПб., 1851. С. 4).

² РГИА. Ф. 1286. Оп. 8. Д. 277 (Ч. 8). Л. 11.

³ Там же. Л. 5.

⁴ Там же. Л. 5 об.

Анализ ответов предводителей дворянства выявляет наличие различных мнений. В «коренных» русских губерниях дворяне допускали увеличение сбора на 3 – 5 копеек серебром «без отягощения помещичьих крестьян». В малороссийских и новороссийских губерниях высказывались разные точки зрения: одни соглашались на увеличение, другие выступали против.

В прибалтийских губерниях дворяне практически единодушно высказались против увеличения сбора. Они обосновывали данное решение неблагоприятным состоянием большинства имений, а также вполне удовлетворительным положением земской полиции в крае¹. То обстоятельство, что часть дворянства отрицательно отнеслась к повышению земского налога на крестьян, по-видимому, и определило дальнейшую судьбу предложения. Л. А. Перовский к этому вопросу больше не возвращался.

Если неудовлетворительную деятельность земской полиции многие губернаторы связывали с ее малочисленностью, то в земских судах, по их мнению, ситуация была прямо противоположной. В состав земских судов входили «излишние и бесполезные люди» – представители от государственных² и удельных крестьян, которые не принимали никакого реального участия в рассмотрении дела³. В. И. Даль, служивший в 40-х гг. XIX в. чиновником по особым поручениям при министре внутренних дел, отмечал, что заседатели от удельных крестьян в основном исполняли функции прислуги при губернаторах и других должностных лицах во время их перемещения по территории уездов, а также являлись сторожами при земских судах.

Вследствие своего социального положения они не могли оказывать влияния на рассмотрение дел земским судом. «Осмелится ли когда-нибудь сельский заседатель сказать слово вопреки другим членам земского суда? – риторически вопрошал В. И. Даль. – Верно не было и не будет такого примера, а между тем они получают по 200 рублей жалованья без малейшей пользы»⁴.

Столь критическая оценка вполне объективно отражала роль и место крестьянских заседателей в земском суде. Возможно, она сложилась не без учета финансовой стороны вопроса. В представлении местной администрации весьма значительные суммы, отпускаемые в качестве жалования сельским заседателям, могли бы расходоваться с большей эффективностью. Например, покрыть часть затрат, связанных с увеличением штатов земской полиции.

Таким образом, во многих отзывах высказывались предложения о более четком разграничении обязанностей между различными ведомствами центрального и местного управления. С отсутствием такого разграничения

¹ РГИА. Ф. 1286. Оп. 8. Д. 277 (Ч. 8). Л. 11.

² Там же. Л. 29 – 89.

³ В ходе реформы государственной деревни П. Д. Киселева 183? – 1841 гг. были образованы волостные расправы, которые имели равные с земскими судами и исправниками права при рассмотрении дел «маловажным полицейским винам».

⁴ РГИА. Ф. 851. Оп. 1. Д. 35. Л. 41 об. – 42.

губернаторы связывали загруженность земских судов и становых приставов делами, не свойственными им по основным должностным обязанностям.

Инстанции земской полиции занимались вопросами, весьма отдаленно относившимися к их компетенции: сбором статистических данных и сведений по различным аспектам местного управления, хозяйственной и частной жизнью обывателей уезда, снятием копий с документов, отправлением уведомлений о получении предписаний от вышестоящих инстанций и т. д.

По мнению губернаторов, это увеличивало объем переписки полиции с другими учреждениями, облекало ее в «самые многосложные формы», затрудняло отчетность и делопроизводство. Также отмеченные обстоятельства отвлекали полицию от выполнения непосредственных обязанностей, т. к. составление пространных ведомостей, таблиц и донесений, сбор разнообразных статистических сведений отнимали у полицейских служащих значительную часть служебного времени.

ГЛАВА IV. ЧИСЛЕННОСТЬ, СОСТАВ, ПОЛОЖЕНИЕ ОРГАНОВ ПОЛИЦИИ УФИМСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД (1861 – 1917 гг.)

§ 1. Губернатор как глава административно-полицейской власти. Г. С. Аксаков – первый губернатор края

Центральным звеном в структуре местных органов власти Российской империи был губернатор. Он официально считался «хозяином» губернии и главой местной администрации. До 1864 года губернаторы разделялись на военных и гражданских, без существенного, впрочем, различия в их должностях. Звание военного губернатора присваивалось тем лицам, которые ранее служили в армии. Иногда оба эти звания соединялись в одном лице. В этом случае губернатор именовался и подписывался такой-то (по названию губернии), военный губернатор, управляющий и гражданской частью. С 1864 года всех начальников губерний вне зависимости от того, являлись они гражданскими или военными чиновниками, стали именовать губернаторами. В конце XIX в. число губерний в России достигло 71 (в Европейской России без царства Польского и Кавказа было 50 губерний и одна область)¹.

Управление губерниями осуществлялось на основе «Общего учреждения губернского»². Большинство местных органов государственного управления находилось в ведении Министерства внутренних дел. Главой местной администрации был губернатор, он же являлся высшим должностным лицом в крае, назначавшимся на этот пост непосредственно царем, по представлению министра внутренних дел из высших чиновников и генералов.

Губернаторами в России были, как правило, потомственные дворяне, имеющие чин не ниже IV класса по Табели о рангах, то есть должности генерал-майора на военной и действительного статского советника на гражданской службе. В 1853 году из 30 военных губернаторов имели чины: генерал-майоров – 21, генерал-лейтенантов – 6, вице-адмиралов – 2 и полных генералов – 1. Среди гражданских губернаторов было 7 тайных советников, 20 действительных статских советников и один исполняющий должность губернатора имел чин статского советника³. В конце 1878 года, по подсчетам исследователя М. М. Шумилова, из 47 губернаторов, имевших гражданские чины, было: тайных советников – 15, действительных статских советников – 31 и статских советников – один. В то же время среди военных насчитывалось 10 генерал-майоров,

¹ Коржихина Т. П., Сенин А. С. История российской государственности. М., 1995. С. 108.

² Свод законов Российской империи. Свод губернских учреждений. Общее учреждение губернии. Кн. 1. М., Т. 2. С. 271.

³ Зайончковский П. А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978. С. 151.

3 генерал-лейтенанта и один полковник, исполняющий губернаторскую должность¹.

Эффективность исполнения губернаторами своих обязанностей во многом зависела от их образовательного уровня. В 1853 г. из 48 губернаторов только 9 имели высшее, 9 – среднее и 30 – домашнее (т. е. 62,2 % не имели систематического образования). В течение 26 лет ситуация менялась, причем не в лучшую сторону. И в 1879 г. из 58 губернаторов с высшим образованием насчитывалось уже 31 (53,4 %), со средним – 25 (43,1 %) и с домашним 2 (3,4 %)². Следовательно, число губернаторов с домашним образованием сократилось до минимума. К 1879 г. несколько изменился и возрастной состав губернаторов по сравнению с началом 50-х годов. В 1853 г. по возрастному признаку 48 губернаторов распределялись следующим образом: от 36 до 40 лет – 3; от 41 до 45 – 1; от 46 до 50 – 11; от 51 до 55 – 17; от 56 до 60 – 9; от 61 до 65 – 3; от 66 до 70 – 1; от 71 до 75 лет – 1. Возраст двух губернаторов не указан³.

Вышеприведенные данные свидетельствуют о том, что более 60 % губернаторов имели возраст более 50 лет.

К концу 70-х годов XIX в. наблюдается некоторое омоложение губернаторского корпуса. Здесь из 61 губернатора – 37 (66 %) имели возраст от 36 до 50 лет⁴.

Определенный интерес вызывает и проблема продолжительности работы губернаторов на своих должностях. По мнению известного историка П. А. Зайончковского, «большая часть губернаторов занимала этот пост не более 3-5 лет». Данные И. В. Оржеховского показывают, что с 1866 по 1879 год на 53 губернаторских постах побывал 171 человек.

За это время в Московской губернии сменилось семь губернаторов, в пяти губерниях (Волынской, Самарской, Орловской, Симбирской и Тобольской) – по пять, в пятнадцати – по четыре, в восемнадцати – по три, в одиннадцати – по два и только в трех губерниях (Иркутской, Курской и Новгородской) губернаторами являлись лица, получившие это назначение ранее 1866 года⁵.

По подсчетам М. М. Шумилова, по 1878 год включительно в 63 губерниях империи было произведено 140 новых назначений на губернаторские посты и 50 перемещений на эти должности из одной губернии в другую⁶.

¹ Шумилов М. М. Местное управление и центральная власть в России в 50-х – начале 80-х гг. XIX века. М., 1991. С. 90.

² Оржеховский И. В. Внутренняя политика самодержавия в 60 – 70-е годы XIX в. Горький, 1974. С. 81.

³ Зайончковский П. А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978. С. 152.

⁴ Шумилов М. М. Указ. соч. С. 92.

⁵ Оржеховский И. В. Указ. соч. С. 79 – 81.

⁶ Шумилов М. М. Указ. соч. С. 88.

Такая частота перемещений вызывалась самыми разнообразными обстоятельствами, вплоть до климатических. Но главное, как считают большинство исследователей, губернаторы обогащались опытом административной деятельности в регионах с различным уровнем социально-экономического развития и этноконфессиональной ситуацией. Очевидно, это служило профилактикой проявлений коррупции, обзаведения нужными связями и других негативных явлений.

В руках губернатора была сосредоточена административная власть на территории губернии и города. Он возглавлял губернское правление и больше десятка различных совещательных учреждений – присутствий, комитетов, комиссий. С их помощью губернатор осуществлял контроль за фабрично-заводской промышленностью и рабочими, за губернской полицией, поступлением податей, набором рекрутов, за крестьянскими, земскими и городскими органами самоуправления и проч.

Основные обязанности и пределы власти губернатора накануне пореформенного периода определялись «Общим наказом гражданским губернатором» от 3 июня 1837 года. Параграф первый этого наказа гласил: «Губернаторы, как непосредственные начальники вверенных им высочайшею государя императора волею губерний, суть первые в оных блюстители неприкосновенности верховных прав самодержавия, пользы государства и повсеместного, точного исполнения законов, уставов, высочайших повелений, указов Правительствующего Сената и предписаний начальства имея постоянное и тщательное попечение о благе жителей всех состояний управляемого ими края и вникая в истинное его положение и нужды, они обязаны действием данной им власти охранять повсюду общественное спокойствие, безопасность всех и каждого и соблюдение установленных правил порядка и благочиния.

Им поручены и принятие мер для сохранения народного здоровья, обеспечения продовольствия в губернии, доставление страждущим и беспомощным надлежащего призрения и высший надзор за скорым отправлением правосудия и немедленным исполнением всех законных постановлений и требований»¹.

Губернаторы исполняли свои обязанности «в пределах, законами для сего начертанных», действуя следующим образом:

- 1) осуществляя порученные исключительно их ведению административно-полицейские функции прямыми от своего лица предписаниями и распоряжениями;
- 2) осуществляя их путем своего личного участия, через состоящие под их председательством губернские правления, приказы, комиссии, комитеты и присутствия;

¹ ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 12. № 10303. § 1.

3) осуществляя надзор за деятельностью учреждений всех ведомств, находившихся на территории губернии, а также за деятельностью органов местного самоуправления (земствами, городскими думами и т. п.)¹.

В обязанности губернаторов входило:

- содействие немедленному и повсеместному обнародованию законодательных актов центральной власти и доведению их до соответствующих учреждений и лиц;
- надзор за точным соблюдением законодательства с правом приостановления незаконных действий и взыскания с виновных;
- сбор сведений о деловых качествах и благонадежности чиновников губернии и кандидатов на различные должности. Назначение должностных лиц, с их предварительного согласия, на вакантные должности;
- изъятие, в случае необходимости, несогласия на назначение или перемещение по службе чиновников административными губернскими учреждениями;
- несогласие, если оно было внесено в двухнедельный срок, автоматически отменяло назначение или перемещение;
- контроль за представлением чиновников к наградам и их отпускам, предание чиновников взысканию или суду за служебные упущения, злоупотребления или предосудительные поступки;
- надзор за точным соблюдением прав и привилегий всех сословий, в особенности дворянства;
- предупреждение преступлений, беспорядков и неповиновения законной власти, в том числе с помощью войск;
- наблюдение через местные органы за поведением и образом жизни отданных под надзор полиции, высланных из столиц, чиновников, которым запрещалась служба, и т. п.;
- закрытие своей властью собраний частных обществ, клубов и артелей в случае обнаружения в них чего-либо «противного государственному порядку и общественной безопасности и нравственности»;
- принятие общих и специальных мер для обеспечения населения продовольствием. Содействие беспрепятственной торговле хлебом и другими продовольственными товарами. Предупреждение чрезмерного повышения цен, разрешение открытия ярмарок, торгов, базаров, определение их сроков;
- наблюдение за благоустройством населенных пунктов;
- надзор за своевременным поступлением государственных сборов и исполнением местных повинностей;

¹ Гаврилов Д. В., Алферов Е. Ю., Железкин В. Г. Губернское управление в дореволюционной России // Архивы Урала. 1995. № 2. С. 192.

- принятие экстренных мер при эпидемиях для предупреждения распространения болезни, наблюдение за исправной деятельностью медицинских учреждений;

- надзор за состоянием учреждений опеки, благотворительных заведений и т. п.;

- утверждение цен на торгах по подрядам и поставкам на сумму не свыше 10 тыс. руб. Утверждение цен по контрактам казенных комиссионеров;

- охрана всеми средствами казенных лесов от истребления;

- освидетельствование денежных сумм в губернском и уездных казначействах;

- сообщение каждые полгода императору об эффективности взимания податей и недоимок;

- ежегодное представление императору отчета о состоянии губернии¹.

Делопроизводство по делам, которые губернатор решал своими личными полномочиями, вела губернаторская канцелярия. При губернаторе состояли чиновники для особых поручений, которым он давал делопроизводственные и полицейские задания. Эти чиновники назначались самим губернатором, но не из родственников, свойственников или однофамильцев.

В последующих законодательных актах служебные обязанности и права губернатора подразделялись на 14 обширных разделов: 1) обязанности по губернии вообще, 2) по делам общего управления, 3) по охране благочиния, 4) по народному продовольствию и общественному хозяйству, 5) по делам о повинностях, 6) по охране народного здоровья, 7) по опекам и общественному призрению, 8) по делам казенного управления, 9) по делам судебным, 10) по отношению к военному ведомству, 11) по приему и сдаче управления губернией, 12) по обозрению губернии, 13) по отчетности и ответственности, 14) о взаимоотношениях с другими органами и учреждениями.

В разделе «Охрана законных прав, общественного благоустройства и благочиния» указывалось, что, с одной стороны, губернатор обязан подавлять малейшее проявление открытого недовольства режимом, а с другой – принимать меры к «уменьшению нищенства, улучшению внешнего благоустройства» в городах и селах. Он обязан был также «предупреждать преступления, выступать против мотовства, распутства, запрещенных игр и вообще всяких «порочных наклонностей и привычек»².

Весьма многочисленными были обязанности губернатора по делам о повинностях. «Общий наказ гражданским губернаторам» обязывал их следить за тем, чтобы население не подвергалось незаконным поборам. Вместе с тем они отвечали за «своевременное» и безнедоимочное

¹ Гаврилов Д. В., Алферов Е. Ю., Железкин В. Г. Указ. соч. С. 193.

² Градовский А. Р. Собр. соч. СПб., 1908. Т. 9. С. 236.

поступление государственных податей и «точное исправление всех прочих повинностей». В «Наказе гражданским губернаторам» подчеркивалось, что местное начальство не имеет права собственной властью вводить какие-либо новые повинности, включая и натуральные. Задача губернатора состояла в том, чтобы определенные законом натуральные повинности исполнялись «со всею возможною уравнительностью и наибольшим для обывателей удобством»¹.

С середины 60-х годов XIX в. наблюдается стремление правительства ко всемерному расширению губернаторской власти. Первым шагом, предпринятым в этом направлении, был закон 22 июля 1866 г.² Фактически этот закон превращал губернатора в полного «хозяина» губернии, так как власть его – если не прямо, то косвенно – распространялась на учреждения всех ведомств, находившихся в губернии. Губернатору предоставлялось право «производить во всякое время общую и внезапную ревизию» во всех учреждениях, находившихся на территории губернии, хотя и принадлежавших к другим ведомствам. Ему предоставлялось право не утверждать на должность того или иного чиновника любого ведомства в случае его «политической неблагонадежности»; закрывать те или иные частные общества, клубы и т. д. в случае обнаружения в их деятельности чего-либо «противного государственному порядку, общественной безопасности и нравственности» (за использование этих прав о губернаторах всегда отрицательно отзывались революционеры и оппозиционные деятели). Правительство предпринимало и другие шаги для дальнейшего укрепления власти губернатора. 22 февраля 1868 г. министр внутренних дел Валуев передал Александру II записку «О положении губернского управления», в которой указывал на необходимость усиления губернаторской власти. В соответствии с этим Валуев считал необходимым подчинить учреждения всех ведомств непосредственно губернаторской власти.

Эта записка не привела к каким-либо результатам, по видимому, в связи с отставкой Валуева. Однако Шувалов и преемник Валуева Тимашев продолжали бороться за расширение функций губернатора с точки зрения полного подчинения ему всех учреждений, как казенных, так и общественных, находящихся в губернии. «Эти господа, – писал Д. А. Милютин в своих воспоминаниях, – только заботились об усилении местной власти, о расширении прав губернаторов, которые, по мнению шуваловской клики, должны быть поставлены в губернии как представители верховной власти. Вследствие этого принципа надлежало будто бы подчинить им непосредственно все местные административные

¹ Цит. по: Хафизова Р. И. Управление в Уфимской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. С. 317 – 318.

² ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 41. № 13501.

органы разных ведомств. Имелось при этом ввиду в особенности обуздать судебные и земские учреждения»¹.

В 1876 г. Комитет министров по инициативе Тимашева снова предпринял шаг к усилению власти губернатора, предоставив право генерал-губернаторам, губернаторам и градоначальникам издавать обязательные постановления, имевшие силу закона².

Особенно усиливается административная власть губернаторов в начале 80-х годов, после издания закона 14 августа 1881 г. «О мерах по охранению государственной безопасности и общественного спокойствия», предоставлявшего право объявления отдельных или ряда губерний на положении усиленной или чрезвычайной охраны³.

Данный закон предполагал объявление тех или иных местностей империи на «исключительном положении», которое значительно расширяло пределы власти административно-полицейских органов.

Состояние усиленной охраны должно было вводиться, если «общественное спокойствие в какой-либо местности будет нарушено преступными посягательствами против существующего государственного строя или безопасности частных лиц и их имуществ или подготовлением таковых так, что для охранения порядка применение действующих постоянных законов окажется недостаточным...»⁴.

Генерал-губернатором, а там, где они отсутствовали, – губернаторам и градоначальникам, в период введения положения об усиленной охране предоставлялось право издания обязательных постановлений «по предметам, относящимся к предупреждению нарушения общественного порядка и государственной безопасности...»⁵. Нарушение этих постановлений рассматривалось указанными лицами в административном порядке, причем они имели право подвергать виновных штрафу до 500 р. или аресту до трех месяцев.

Помимо этого, указанные администраторы имели право «воспрещать всякие народные, общественные и даже частные собрания, делать распоряжения о всяких вообще торговых и промышленных заведениях как срочно, так и на все время объявления Положения усиленной охраны... и воспрещать отдельным личностям пребывание в местностях, объявленных в Положении усиленной охраны»⁶.

Наконец, губернаторы и градоначальники должны были утверждать поступающих на все должности по земским и городским органам общественного управления и судебно-мировым установлениям, а также

¹ Цит. по: Зайончковский П. А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. С. 211 – 212.

² Там же. С. 212.

³ ПСЗРИ. Собр. 3. Т. 1. № 350.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

требовать увольнения служащих этих учреждений, если они будут признаны неблагонадежными.

Помимо этого, генерал-губернатор или в тех местностях, где они отсутствуют, главноначальствующий, назначенный верховной властью, наделялся дополнительно целым рядом широких полномочий. Так, ему предоставлялось право:

а) подвергать в административном порядке заключению в тюрьме или крепости сроком на три месяца или штрафу до 300 руб.;

б) отстранять от должности чиновников всех ведомств, включая и судебное, а также и лиц, служащих по выборам и в сословных, городских и земских учреждениях;

в) приостанавливать периодические издания на время чрезвычайного положения;

г) закрывать учебные заведения сроком до одного месяца. Кроме того, он мог приостанавливать и закрывать очередные собрания сословных, земских и городских органов, а в случае необходимости разрешать внеочередные¹.

Таким образом, все меры, направленные «к охранению государственного порядка общественного спокойствия», свидетельствовали о стремлении правительства не только укрепить государственный аппарат, но и расширить пределы его власти.

Губернаторство, как и самодержавие, являлось харизматической властью. Слабое развитие как общественной жизни, так и четкой бюрократической структуры повышало авторитет губернатора, несмотря на то, что эти же обстоятельства подрывали реальную силу этого поста.

Инструменты власти в руках губернатора, особенно к концу XIX в., на поверку оказывались не столь уж «властными»: земские начальники не находились в его непосредственном подчинении, отношения с армией были еще более деликатными, чем с полицией, на поддержку МВД и местной знати можно было скорее надеяться, чем рассчитывать. В результате управление российской провинцией во многом зависело от личности, стиля, деловых способностей губернатора. Для стабильной, мирной жизни на местах от него, как ни от кого другого, – отмечает американский историк Р. Роббинс, – «требовался особый такт, особое обоняние. Официальные связи и институты оказывались здесь куда менее полезными, чем неформальные, личные знакомства и влияния»².

Не случайно И. Ф. Кошко, занимавший пост губернатора Пензенской губернии в 1907 – 1910 гг., подчеркивал, что «губернатор должен объединять собою все местное общество; у него должны встречаться круги дворянский, земский, чиновничий, представители городского самоуправления и т. д. Теперь многие думают, что такая обязанность уже

¹ ПСЗРИ. Собр. 3. Т. 1. № 350.

² Роббинс Р. Сатрапы? Вице-короли? Губернаторы // Родина. 1995. № 6. С. 29.

не лежит более на губернаторе, что это пережиток доброго, старого времени, когда на эти должности назначались люди родовитые, с хорошими личными средствами, имевшие возможность жить открыто»¹. «Я совершенно не разделяю такого взгляда, – продолжает И. В. Кошко, – и напротив того, думаю, что именно теперь эта сторона губернаторской службы приобрела еще большее жизненное значение, чем прежде... Когда принимаешь часто у себя людей, узнаешь их гораздо ближе, можешь вернее оценить способности каждого. Это близкое общение, особенно если губернатор способен завоевать себе симпатии и уважение, страшно облегчает управление губернией»².

Среди уфимских губернаторов своей деловитостью и порядочностью отличался Г. С. Аксаков (1820 – 1891 гг.), младший сын выдающегося русского писателя Сергея Тимофеевича Аксакова.

60-е годы XIX в. занимают особое место в истории Российского государства. Начатые императором Александром II «Великие реформы» необходимо было самым решительным образом претворять в жизнь. Успех преобразований во многом зависел от политической воли, последовательности и четкости, решительности региональных лидеров – губернаторов. В их руках была сосредоточена вся административная власть во вверенных им территориях. Губернаторы возглавляли губернские правления и более десятка различных совещательных учреждений, присутствий, комитетов и комиссий.

Такая непростая задача легла на плечи молодого, энергичного администратора, каким был Григорий Сергеевич Аксаков, имевший разносторонний опыт работы на различных должностях в органах государственной власти.

Служебная карьера Г. С. Аксакова достаточно полно отражена в краеведческой и научно-справочной литературе. Но сравнительный анализ различных опубликованных и архивных источников требует внесения некоторых уточнений, в частности, в оренбургский период его деятельности. В фонде Уфимского губернского правления Центрального Государственного исторического архива Республики Башкортостан отложилась копия формулярного списка оренбургского гражданского губернатора, статского советника Григория Аксакова, составленного 7 марта 1861 г.³

Он родился 4 января 1820 г. в селе Ново-Аксаково Бугурусланского уезда Оренбургской губернии⁴. Как видно из документа, после окончания в июне 1840 г. Санкт-Петербургского императорского училища правоведения был отправлен на службу в канцелярию второго департамента Прави-

¹ Кошко И. В. В провинции у власти (воспоминания губернатора) // Земство. 1994. № 2. С. 119.

² Там же.

³ НАРБ. Ф. И-9. Оп. 2. Д. 1. Л. 20 – 28.

⁴ Гудков Г. Ф., Гудкова З. И. С. Т. Аксаков. Семья и окружение: краеведческие очерки. Уфа, 1991. С. 114.

тельствующего сената¹. Пройдя хорошую стажировку в высшей судебной инстанции, Г. С. Аксаков продолжает набирать опыт практической работы, исполняя должности товарища председателя Владимирской палаты гражданского суда, симбирского губернского прокурора². Начало служебной карьеры будущего оренбургского гражданского, а в последующем и первого уфимского губернатора начинается 5 декабря 1846 г. с должности оренбургского губернского прокурора в чине коллежского асессора.

23 апреля 1852 г. Г. С. Аксаков назначается оренбургским вице-губернатором, при этом временно исполнял и должность губернатора с 30 мая по 18 июня, с 12 по 24 августа и с 1 сентября по 4 октября 1852 г., с 9 по 23 марта и с 8 по 18 мая 1853 г.³ Следует отметить, что авторы одной из публикаций вышеперечисленные годы службы Г. С. Аксакова ошибочно связывают с деятельностью последнего в самарской губернии⁴. Вице-губернатор являлся «непосредственным помощником и сотрудником Начальника губернии по всем частям управления», входившей в состав присутствия губернского правления, осуществлял контроль над канцелярией губернского правления, посещал присутствие всех губернских учреждений, состоящих под председательством губернатора. Он также исполнял должность начальника губернии в случае его отъезда из города, болезни или увольнения. Вот некоторые сухие цифры, которые свидетельствуют об огромной загруженности аппарата канцелярии. В 1852 году в канцелярию оренбургского губернского правления поступило 58312 документов, из них исполнено 58250, от них остались нерешенными 341, количество исходящих бумаг составила 77560 единиц⁵.

Прибыв к месту службы в город Уфу, Г. С. Аксакову пришлось работать под прямым началом оренбургского губернатора Я. В. Ханыкова, занимавшего данный пост в 1851 – 1856 гг. Он был известен не только как чиновник, но и крупный ученый-востоковед, опубликовавший более десятка научных трудов. Учитывая данное обстоятельство, можно предположить, что вице-губернатору приходилось выполнять значительный объем административно-управленческой работы, которая будет востребована в его будущей деятельности губернатора. В общей сложности Г. С. Аксаков проработал в должности оренбургского вице-губернатора около 9 месяцев и был уволен по собственному желанию. На его место был назначен Е. И. Барановский, который учился вместе с Г. С. Аксаковым и его братом И. С. Аксаковым в императорском училище правоведения. «В 1853 году, – пишет Е. И. Барановский, – я назначен был на службу в Оренбургскую губернию. Уезжая из Петербурга к месту моего назначения, я намеревался прожить не-

¹ НАРБ Ф. И-9. Оп. 2. Д. 1. Л. 1 об., 2.

² Там же. Л. 22 об., 23.

³ Там же. Л. 24 об.

⁴ Кулешов А. С., Наумов А. Н. Аксаковы: поколенная роспись. М., 2009. С. 152.

⁵ Гвоздикова И. М. Гражданское управление в Оренбургской губернии в первой половине 19 века (1801 – 1855 гг.). Уфа, 2010. С. 156.

сколько дней в Москве и побывать у С. Т. Аксакова, который знал меня по рассказам двух сыновей своих, моих товарищей по воспитанию»¹. Их пути еще неоднократно будут пересекаться в Уфе и в Оренбурге.

Уфимский историк И. М. Гвоздиков справедливо отмечает, что «с успехом прошли кандидатский стаж» на пост губернатора Е. И. Барановский, оренбургский губернатор с 1858 – 1861 гг., и Г. С. Аксаков, утвержденный 17 апреля 1862 года оренбургским, а в последующем после разделения губернии, первым уфимским губернатором².

После пятилетней работы на должности самарского вице-губернатора Г. С. Аксаков вновь возвращается в г. Уфу. По указанию МВД он назначается представителем от правительства в Оренбургский дворянский комитет по устройству быта помещичьих крестьян, который действовал с 11 декабря 1858 по 11 июля 1859 г.³ В этот период гражданским губернатором служил вышеупомянутый Е. И. Барановский, либерально настроенный чиновник, искренне преданный делу крестьянской реформы. Можно предположить, что не без участия последнего, Г. С. Аксаков был направлен в оренбургский комитет, очевидно, Е. И. Барановский усиливал свою команду для нейтрализации тех крепостников, которые всячески хотели затянуть ход реформ. В результате острых дебатов, благодаря настойчивости либерального крыла членов комитета в лице Г. С. Аксакова, А. Д. Дашкова, Я. Г. Карташевского в проекте комиссии взяло верх решение наделения дворовых крестьян усадебным участком и полевой землей⁴.

23 июня 1861 г. Г. С. Аксаков был назначен исполняющим должность, а 17 апреля 1862 г. утвержден в должности оренбургского гражданского губернатора⁵. Для реализации положений крестьянской реформы в Уфе было открыто губернское по крестьянским делам присутствие. Губернская администрация во главе с Г. С. Аксаковым приступила к формированию института мировых посредников, сельских и волостных крестьянских управлений. Немаловажную роль сыграл Г. С. Аксаков и в разработке другого важнейшего документа – «Положения о башкирах», которое 14 мая 1863 г. было направлено императору⁶. Именно в этот период особенно проявляются его организаторские способности по реализации в крае будущих «Великих» буржуазных реформ императора Александра II».

Касаясь реформирования судебно-полицейской системы в крае, губернатор писал: «Учреждение судебных следователей в Оренбургской гу-

¹ Гудков Г. Ф., Гудкова З. И. Указ. соч. С. 84.

² Гвоздиков И. М. Указ. соч. С. 156.

³ Хахимов С. Х. Григорий Сергеевич Аксаков – первый Уфимский губернатор (1861 – 1867 гг.). Археография Южного Урала: Архивные ресурсы по изучению истории государственного строительства и административно-территориального устройства России: материалы XII Всероссийской научно-практической конференции, посвященной Году российской истории. Уфа, 30 ноября 2012 года / под ред. А. Б. Юнусовой. Уфа: ИЭИ УНЦ РАН, 2012. С. 176 – 181.

⁴ Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 1. Ч. 2. Уфа, 1959. С. 119.

⁵ НАРБ. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 2. Л. 25 об; Гвоздиков И. М. Указ. соч. С. 157.

⁶ Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 1. Ч. 2. Уфа, 1959. С. 150.

бернии, к сожалению, не могл еще оказать благотворное влияние на нравственность и уменьшение числа преступлений, во-первых, по недостатку вполне благонадежных и знающих свое дело лиц, так, что многие вакансии остаются незанятыми, во-вторых, производство дел в судебных местах при ограниченности средств, канцелярии действуют крайне медленно, что произведенное следствие может по году и более находиться нерассмотренным»¹.

В регионе довольно остро стоял вопрос об управлении столь обширным в географическом, природно-климатическом и этноконфессиональном отношении краем. Из литературы известно, что еще бывший предшественник Г. С. Аксакова на посту оренбургского гражданского губернатора Е. И. Барановский предлагал образовать Уфимскую и Зауральскую губернии. В первую должны были войти северо-западные уезды и Оренбургский уезд, а в Зауральскую губернию – земли Оренбургского казачьего войска, части Челябинского и Троицкого уездов. В связи с тем, что Троицк занимал центральное место в зауральской Башкирии и имел торговые отношения с Азией, предполагалось учредить в нем губернский центр².

Были и другие предложения. Так, в 1858 году генерал-губернатор А. А. Катенин сделал попытку выделить в отдельную область Мензелинский, Белебеевский, Уфимский, Стерлитамакский уезды, часть Верхнеуральского уезда и земли Оренбургского казачьего войска. Но она тоже не получила поддержки со стороны вышестоящих органов³.

Значительная часть организационно-правовых вопросов по разделению оренбургской губернии на две части легла на плечи вновь назначенного оренбургского губернатора Г. С. Аксакова и оренбургского генерал-губернатора А. П. Безака. Следующая попытка изменения границ Оренбургского края была предпринята в 1863 г.

В феврале оренбургский генерал-губернатор А. П. Безак представил в Министерство внутренних дел проект разделения Оренбургской губернии. В нем указывалось, что для устранения недостатков в управлении Оренбургским краем необходимо организовать Оренбургскую губернию и из уральских уездов и земель Оренбургского казачьего войска. Генерал-губернатор ходатайствовал об учреждении для оренбургских казаков особо военного управления в лице казацкого атамана вместе с должностью оренбургского гражданского губернатора. Из остальных уездов Оренбургской губернии с присоединением Бугульминского уезда Самарской губернии предполагалось образовать Уфимскую губернию. «Администрация в Оренбургской губернии, – писал А. П. Безак, – никогда не достигнет же-

¹ НАРБ. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 71. Л. 117 об.

² Емалетдинова Г. Э., Кантимирова Р. И. Органы местного управления и самоуправления в Уфимской губернии во второй половине 19 – начале 20 века. Уфа, 2008. С. 24.

³ Там же.

лаемого усовершенствования и будет до тех пор стоять ниже прочих губерний империи, пока она не разделит на две»¹.

Наиболее последовательно и скрупулезно к вопросу о границах уездов Уфимской губернии подошел Г. С. Аксаков В своей докладной записке от 16 августа 1965 года за № 5095 присутствию Оренбургского губернского правления, он настоятельно требует: «Впредь до окончательного утверждения границ Уфимской губернии: во-первых, оставить границы Стерлитамакского уезда в прежнем виде с 4-мя станами; во-вторых, границу Уфимского уезда, смежную с бывшим Троицким уездом, провести согласно с Высочайше утвержденным Положением о разделении губерний, оставив в этом уезде также 4 стана; в-третьих, открыть Златоустовский уезд, образовав его из 3[-го] и 4[-го] станов Троицкого и части 2-го стана, причем линия разделения губерний, одобренная генерал-губернатором, должна проходить следующим образом: от границы Пермской губернии по р. Миасу вверх по течению по бесспорной заводской меже, оставляя башкир деревень: Сеитовой, Карабашевой, Мухаметовой, Уразбашевой, Семенкиной и Такусовой в Оренбургской губернии; затем черта должна проходить по смежности заводских земель с владениями Оренбургского казачьего войска, приграничивая таким образом все бесспорные земли Златоустовских заводов к Уфимской губернии до смежности с башкирами Каратабынской-Баратабынской волости Троицкого уезда, далее до северно-западной стороны владений помянутых башкир до границы Верхнеуральского уезда...»².

В заключительной части документа отмечалось: «О настоящем распоряжении припечатать для всеобщего известия в Губернских ведомостях, для чего передать в газетный стол присланные господином начальником губернии списки башкирских селений и поставить в известность Златоустовского уездного исправника Фомичева»³.

Любопытно заметить, что в своем отчете за 1865 год, будучи на посту первого уфимского губернатора, Г. С. Аксаков заключает: «Таким образом предположения о башкирах и образовании из Оренбургской 2-х губерний, высказанных впервые предшественником моим действительным статским советником Барановским в отчете за 1860 г, приведены в исполнение»⁴.

5 мая 1865 г. во время пребывания в Югенгейме (Германия) император Александр II подписал Указ о разделении Оренбургской губернии, 31 мая последовал указ Правительствующего Сената. «Для устранения затруднений и неудобств в управлении нынешнюю Оренбургскую губернию и в видах лучшего устройства местной администрации, повелеваем: 1) Гу-

¹ Емалетдинова Г. Э., Кантимерова Р. И. Указ. соч. С. 24.

² НАРБ Ф. И-9. Оп. 1. Д. 179. Л. 3 – 5.

³ Навеки с Россией: сборник документов и материалов: в 2 ч. Ч. 1. Уфа, 2007. С. 448.

⁴ НАРБ Ф. И-9. Оп. 1. Д. 1675. Л. 99.

бернию сию разделить, по хребту Уральских гор, на две особые губернии, из коих одну, лежащую на западной стороне Уральских гор, наименовать Уфимскою, а другую – на восточном склоне хребта – Оренбургскою»¹.

В решении Правительствующего сената также отмечалось: «Уфимскую губернию составить из шести уездов: Уфимского, Sterлитамакского, Белебеевского, Бирского, Мензелинского и Златоустовского, который образовать из части Троицкого уезда и златоустовский завод возвести на степень уездного города и наименовать Златоустом; часть же Верхнеуральского уезда, остающуюся по Сю сторону Уральских гор, распределить между смежными с нею уездами Уфимским и Sterлитамакским. Город Уфу назначить губернским городом Уфимской губернии.

Зауральские уезды и земли Оренбургского казачьего войска отнести к составу Оренбургской губернии, в которой г. Оренбургу быть губернским городом. Губернию сию разделить на пять уездов: Оренбургский, Верхнеуральский, Троицкий, Челябинский и Орский; для последнего образовать уездный город из Орский станицы Оренбургского казачьего войска под названием Орска. Независимо от сего с. Илецкую Защиту, в которой находится управление Илецкого соляного промысла, обратить в безуездный город, с подчинением тамошнего полицейского управления ведомству общего губернского управления»².

Таким образом, появление новой губернии в составе Российской империи проходило под руководством первого уфимского губернатора Г. С. Аксакова (1861 – 1867). Говоря о значении и последствиях данного события необходимо подчеркнуть, что оно было неоднозначным. С одной стороны, оно способствовало более быстрому социально экономическому развитию края, особенно городов Уфы, Sterлитамака, Бирска, но, с другой стороны, имелись и негативные последствия в духовной консолидации башкирского народа.

Твердость убеждений, осознание правоты и честности своей позиции ясно и отчетливо выражены в воспоминаниях другого крупного государственного деятеля генерал-майора В. Ф. Джунковского. Он занимал пост московского губернатора в 1905 – 1913 годы. Рабочие дни редко проходили в его служебном кабинете. Как видно из его воспоминаний, он находился в постоянных командировках, инспектировал земские школы и больницы, следил за санитарным состоянием губернии, особенно когда возникала опасность эпидемии, проверял деятельность органов полиции и т. д.³

Неудивительна поэтому огромная популярность В. Ф. Джунковского у местного населения. Когда он, будучи отозван в Петербург, оставил

¹ ПСЗРИ. Собр. 2. Т. XI. Отд. 1. № 42058; История Башкортостана во второй половине XIX – начале XX века. Уфа, 2006. С. 7.

² Навеки с Россией: сборник документов и материалов: в 2 ч. Ч. 1. Уфа, 2007. С. 431.

³ Джунковский В. Ф. Воспоминания. М., 1997. Т. 1. С. 184 – 186.

должность губернатора, семь уездных городов Московской губернии (Серпухов, Коломна, Верея, Можайск, Клин, Подольск и Воскресенск) присвоили ему звание почетного гражданина. В Рузском уезде его имя дали земской школе¹.

Всеобщую благодарность и уважение В. Ф. Джунковский завоевал не только честным и ревностным исполнением служебного долга. «Много душевных сил и энергии, – отмечают авторы предисловия книги, известные историки И. М. Пушкарева и З. И. Перегудова, – он отдавал благотворительности. Он был попечителем Варваринского сиротского дома Лобовых, Общества попечения о детях-сиротах, родители которых были осуждены и сосланы по судебным приговорам и множества других благотворительных организаций»².

Но было и много случаев, когда губернаторы злоупотребляли своим служебным положением, творили акты вопиющего беззакония. П. А. Зайончковский, один из немногих, кто капитально изучил данную проблему, относит к данной категории орловского губернатора П. В. Нехлюдова, полтавского губернатора Е. О. Янковского, нижегородского Н. П. Баранова, ковенского Н. М. Клиненберга, минского Н. Н. Трубецкого и других.

«Администрации дается воля небывалая. Нелепое сечение считается энергией. Нехлюдов высек георгиевского кавалера, Клиненберг – целый приход, Трубецкой – адвоката», – писал в своем дневнике весьма консервативно настроенный генерал А. А. Киреев³.

Характеризуя стиль службы вятского губернатора А. Н. Волкова, вице-губернатор В. А. Ратьков-Рожнов писал: «Ничем трудным он не занимался, да и мало вообще был ознакомлен с практической стороной жизни»⁴.

Представляет интерес и материальное положение губернских начальников.

В 60-х – 70-х годах XIX в. жалование губернаторов, исключая столичных, составляло 1716 руб., столько же столовых и 2000 руб. прибавочных, т. е. 5432 руб. в год, или 452 руб. в месяц⁵. Уже к 1884 году оклады составляли от 5 до 8 тыс., к 1902 г. они возросли еще более. Симбирский губернатор В. И. Акинфов получал 10 тыс. руб. в год, оклад ломжинского губернатора барона С. Н. Корфа составил 9600 руб., а калишского М. П. Дарагана – 12620 руб.⁶ Эти оклады особенно выделяются на фоне буквально нищенского жалования учителей и врачей.

¹ Джунковский В. Ф. Указ. соч. С. 10 – 11.

² Пушкарева З. И., Перегудова З. И. Джунковский В. Ф. и его воспоминания // Джунковский В. Ф. Воспоминания. С. 11.

³ Цит. по: Зайончковский П. А. Указ. соч. С. 213.

⁴ Шумилов М. М. Указ. соч. С. 96.

⁵ Там же. С. 94.

⁶ Зайончковский П. А. Указ. соч. С. 88.

По штатам 1896 г. учителя гимназий, обычно имевшие университетское образование, прослужившие не менее 5 лет, получали при 12-недельных уроках 900 руб. в год. Уездные врачи получали в год 465 руб., т. е. менее 40 руб. в месяц¹.

Таким образом, в пореформенный период власть губернатора неуклонно возрастала и укреплялась. В то же время следует признать, что этот процесс протекал не путем передачи в их руки функций от других вышестоящих должностных лиц и ведомств, а через изменение способов функционирования губернской власти и способов воздействия на местные органы. Произошло более четкое размежевание обязанностей в среде губернской администрации, а также между ней и новыми органами самоуправления.

Губернаторы, хотя и освобождались от непосредственного разрешения массы хозяйственных дел, но их компетенция еще более расширилась за счет карательных функций, направленных на борьбу с политической оппозицией и одновременно защиту основ самодержавной власти.

Что же касается децентрализации функций центральных правительственных учреждений, то есть передачи части их на окончательное разрешение местной администрации, о необходимости которой немало говорили в правящих кругах, то она также не вышла в большинстве случаев за рамки проектов и пожеланий.

Местные органы общей полиции в лице полицмейстеров и уездных исправников непосредственно подчинялись губернатору. Своеобразие положения губернаторов в рассматриваемый период состояло в том, что, с одной стороны, они являлись личными представителями императора на местах, а с другой – чиновниками Министерства внутренних дел, которому были также подотчетны. Это ведомство на протяжении второй половины XIX в. неоднократно пыталось окончательно подчинить себе губернаторов. Однако на пути к поставленной цели оно наталкивалось на противодействие других ведомств и самого императора.

Аппарат губернского управления в конце XIX – начале XX в. имел следующую структуру: в уездах селения объединялись в волости, города были губерnsкие, уездные и безуездные, органы местного управления делились по территориальному признаку на губерnsкие, уездные, городские, волостные, сельские².

Губерnsкие органы:

- губернатор;
- губерnsкое управление;
- губерnsкое по крестьянским делам присутствие (1861 – 1889), губерnsкое присутствие (1889 – 1917);

¹ Зайончковский П. А. Указ. соч. С. 90.

² Ивановский В. В. Учебник административного права (полицейское право). Казань, 1907. С. 113 – 119.

- губернское по фабричным делам присутствие (1870 – 1892), губернское по земским и городским делам присутствие (1892 – 1917);
- губернское по воинской повинности присутствие (1874 – 1917);
- губернское податное присутствие (1885 – 1917);
- губернское по питейным делам присутствие (1885 – 1917);
- казенная палата;
- губернский распорядительный комитет (1876 – 1917);
- управление государственных имуществ;
- губернское земское собрание;
- губернская земская управа;
- губернский лесохранительный комитет (1888 – 1917);
- статистический комитет (с 60-х гг. XIX в.);
- комиссия народного продовольствия;
- приказы общественного призрения.

Уездные органы:

- уездный исправник;
- уездное полицейское управление;
- уездный съезд мировых посредников (1861 – 1874), уездное по крестьянским делам присутствие (1874 – 1889), уездный съезд земских начальников (1889 – 1917);

- уездное по воинской повинности присутствие;
- уездное податное присутствие;
- уездное по питейным делам присутствие;
- казначейство;
- уездные врачи;
- уездные комитеты общественного здоровья и оспенные;
- дворянская опека;
- уездный распорядительный комитет;
- уездное земское собрание;
- уездная земская управа;

Городские органы:

- полицмейстер;
- городская дума;
- городская управа;
- городской староста;
- городские врачи;
- сиротский суд и др.

Волостные и сельские органы:

- волостной сход;
- волостной старшина;
- волостное правление;
- сельский сход;
- сельский староста.

Органы местной власти имели иерархическую структуру. Власть губернских органов по ведомственной принадлежности распространялась на уездные и городские, уездных – на волостные и сельские.

Губернатор являлся:

- а) представителем высшей правительственной власти в губернии – с функцией надзора;
- б) главой местной администрации, «хозяином губернии» – с функцией исполнительной власти;
- в) начальником губернской полиции – с административно-полицейскими функциями.

Как представитель высшей правительственной власти губернатор сосредотачивал в своем лице главный местный надзор за всеми находившимися в губернии административными учреждениями гражданского ведомства, имея право в любое время произвести там внезапную ревизию¹.

Вопросы совершенствования управления местных полицейских органов и взаимодействия с другими губернскими структурами неоднократно обсуждались на различных уровнях государственной власти. Так, 19 декабря 1869 г. министр внутренних дел А. Е. Тимашев представил всеподданнейший доклад о проекте административно-полицейской реформы, который был передан Александром II на обсуждение Комитета министров. В своем докладе министр внутренних дел отмечал, что с введением земства и новых судебных учреждений функции местного губернского управления существенно изменились и «для учреждений административно-полицейских настало ныне время воспринять свое окончательное свершение». На этом основании Тимашев «полагал бы необходимым немедленно приступить к начертанию новых положений административно-полицейского устройства в губерниях»².

К докладу был приложен составленный им пространный проект «Основных положений административно-полицейской реформы», состоявший из 32 пунктов. Главные положения проекта сводились к следующему: 1) усиление власти губернатора; 2) упразднение губернских правлений и передача всех их дел в ведение губернаторской канцелярии; 3) подчинение губернатору всей полицейской власти в губернии, отмена коллегиального производства дел в местных учреждениях, введение нового деления губерний на уезды, а уездов на участки; 4) упразднение низших должностных лиц сельской полиции (сотских и десятских) и учреждение уездной, полицейской стражи; 5) изменение установленного

¹ Гаврилов Д. В., Алферова Е. Ю., Железкин В. Г. Указ. соч. С. 191 – 192.

² Оржеховский И. В. Из истории внутренней политики самодержавия в 60 – 70-х гг. XIX в. Н. Новгород, 1974. С. 68.

судебными уставами 1864 г. порядка исков со стороны частных лиц против должностных лиц местной администрации¹.

Проектом также предусматривалось повысить классы должностей (по Табелю о рангах) и денежное содержание губернаторов и вице-губернаторов.

Проект административно-полицейской реформы был обсужден в Комитете министров лишь в апреле 1870 г. На этом заседании все министры, согласившись с необходимостью скорейшего преобразования полиции, возражали против усиления власти губернаторов, замены губернских правлений советами, не были согласны с учреждением полицейской стражи и освобождением чинов полиции от подчиненности судебному ведомству по следственным делам. В результате обсуждения проекта А. Е. Тимашева было решено: «Не постановляя в настоящее время никаких основных начал для устройства и преобразования административных и полицейских в губерниях учреждений», возложить подготовку проекта на комиссию, созданную при Министерстве внутренних дел, включив в нее представителей от всех министерств и ведомств. Выработанный комиссией проект внести затем на обсуждение в Государственный совет².

В 1881 г. правительство вновь возвращается к вопросу о реформах губернских и уездных учреждений, в том числе и места полиции в механизме функционирования губернской власти. Высочайшими указами от 4 сентября и 20 октября была создана «особая комиссия» под председательством статс-секретаря М. С. Коханова. В ее состав были введены сенаторы, ревизовавшие в 1880 – 1881 гг. ряд губерний: С. А. Мордвинов, А. А. Половцев, И. Я. Шамшин, а также представители различных ведомств³.

Разработанный комиссией проект реформы состоял из 7 отделов: 1) сельское хозяйство; 2) волостное управление; 3) городское управление; 4) полиция; 5) уездное управление; 6) губернское управление; 7) порядок надзора и рассмотрения пререканий⁴.

Развивая идею принципа вертикали в полицейском управлении, комиссия высказалась за назначение станowych приставов единоличным приказом губернатора, а уездного исправника – министром внутренних дел по представлению губернатора. В целях упрочения единоличной власти местных полицейских чинов признавалось целесообразным упразднить присутствия городских и уездных полицейских управлений, а также должности сословных заседателей, различные комитеты и советы. Вместо них предлагалось создать общее уездное управление с объединением в нем

¹ Оржеховский И. В. Указ. соч.

² Там же. С. 69.

³ Зайончковский П. А. Кризис самодержавия. На рубеже 1870 – 1880 годов. М., 1964. С. 238 – 239.

⁴ Зайончковский П. А. Российское самодержавие в конце XIX столетия. М., 1970. С. 219.

отдельных уездных административных учреждений всех ведомств «для ближайшего наблюдения за ходом дел управления в уезде, рассмотрения важнейших дел по всем отраслям, с правом разрешения некоторых из них и с обязательством представления других на разрешение высшей губернской инстанции»¹.

Общее уездное управление должно было, по мнению комиссии, находиться «под председательством лица, избираемого уездным земским собранием и утверждаемого министром внутренних дел». В состав управления предполагалось включить на правах постоянных членов исправника, представителя финансового управления в уезде, председателя и члена уездной земской управы. В качестве временных членов в управлении должны были работать другие должностные лица уездного управления по делам, непосредственно касающимся вверенной каждому из них отрасли управления (городской голова уездного города, председатель мирового съезда, представитель прокурорского надзора, лицо военного ведомства, инспектор народных училищ, врач и др.)².

Министр внутренних дел, которому в соответствии с Высочайшим повелением 23 февраля 1885 г. были переданы труды комиссии, во всеподданнейшем докладе 18 декабря 1886 г., дав оценку отдельным предложениям комиссии, отметил, что непрерывно, в течение целого ряда лет, повсеместно и громко раздающиеся жалобы на беспорядки в местном управлении не позволяют искать данное явление в каких-либо случайных причинах. Очевидно, что в самой организации местных учреждений существуют условия, препятствующие правильному ходу дел. Все обвинения, возводимые на эту организацию, сводятся к тому, что учреждения, между которыми распределены различные отрасли управления, не ограждают в должной мере порядок и спокойствие и не обеспечивают законные интересы населения от нарушений. Начало власти, если не отсутствует вполне, проявляется в местной жизни слишком недостаточно. Это слабое проявление власти и есть основная причина всех беспорядков в местном управлении³.

Выводы комиссии и министра внутренних дел определялись в качестве задач, которые должна была решить полицейская реформа в ближайший период. К сожалению, на практике решение этих задач растянулось на многие годы.

Другой видный государственный деятель России XIX в. Н. Х. Бунге, обзревая состояние местного управления, констатировал, что оно «представляет много неустроенного и беспорядочного, а главное – высшая

¹ Мушкет И. И., Хохлов Е. Б. Полицейское право России: проблемы теории. СПб., 1998. С. 107.

² Там же.

³ Там же. С. 108.

администрация не имеет по этому предмету ясных определенных руководящих идей»¹.

По его словам, надлежало четко зафиксировать в законодательстве компетенцию губернаторов, изъять этот институт из ведения МВД и подчинить непосредственно Комитету министров, разграничить функции администрации и местных выборных учреждений, заменить многочисленные присутствия при губернаторе своего рода местным правительством – Советом из представителей ведомств, земств, городов и сельских обществ, который сосредоточил бы в своих руках всю власть в губернии. По этому же принципу следовало организовать уездное присутствие в составе земского исправника, участкового земского начальника, податного инспектора, почтмейстера, городского мирового судьи, председателя или члена земской уездной управы, чиновника уездного ведомства².

Рассмотрим более подробно взаимоотношения полиции с другими губернскими структурами. Наиболее значительными являлись отношения органов общей полиции с губернским жандармским управлением и его структурными подразделениями. Первоначально жандармское ведомство состояло из Управления (штаба корпуса); управлений восьми жандармских округов; лейб-гвардии жандармского полуэскадрона, полуэскадрона при штабе Варшавского военного округа и трех жандармских команд при штабах военных округов, которые выполняли функции военной полиции в гвардии и армии, как в военное, так и в мирное время, а также организационно включало шесть полицейских управлений при главнейших железных дорогах, которые подчинялись министру путей сообщения и инспекции железных дорог³.

Вся территория Российской империи к 1866 г. была разделена на 8 жандармских округов: Петербургский, Московский, Варшавский, Виленский, Одесский, Кавказский, Казанский и Сибирский. Во главе шести округов стояли жандармские генералы, подчинявшиеся непосредственно шефу жандармов. Два округа – Варшавский и Казанский – находились на особом положении: возглавлявшие их генералы подчинялись наместникам в Царстве Польском и на Кавказе. В каждом жандармском округе имелись конные жандармские команды, а в Петербурге, Москве и Варшаве – жандармские дивизионы.

Округ делился на отделения. Каждое отделение охватывало одну-три губернии и возглавлялось жандармским штаб-офицером, при котором, как правило, состояли один обер-офицер адъютант, несколько унтер-офицеров и рядовых. Всего было создано 67 управлений штаб-офицеров (по 5 – в Варшавском, Кавказском и Сибирском округах, по 9 – в Виленском и

¹ Степанков В. Л., Бунге Н. Х. Судьба реформатора. М., 1998. С. 264 – 265.

² Там же. С. 265.

³ Оржеховский И. В. Самодержавие против революционной России (1826 – 1880 гг.). М., 1982. С. 149.

Одесском, 10 – в Московском, 11 – в Петербургском и 13 – в Казанском округе), в состав которых входило 135 офицеров и 248 «нижних чинов».

В апреле 1866 г. весь личный состав корпуса жандармов насчитывал 12 генералов, 140 штаб- и 324 обер-офицера, 2231 унтер-офицера, 3592 рядовых, 761 «нестроевых» и 16 трубачей. Ежегодно на содержание корпуса расходовалось около 1,5 млн руб.¹

Серьезное реформирование политической полиции было произведено в 1867 г. Согласно новому Положению о корпусе жандармов вместо прежних округов на основной части страны создавались новые территориальные подразделения – губернские жандармские управления (ГЖУ). Всего их было образовано 55².

В 6 губерниях Северо-Западного края и Царства Польского существовали также уездные жандармские управления³.

К 1 января 1873 г. в корпусе жандармов насчитывалось 486 генералов, штаб- и обер-офицеров и 5186 унтер-офицеров и рядовых, т. е. штат корпуса был укомплектован на 96,6 %. Из 486 жандармских генералов и офицеров высшее образование имели 17 человек (3,5 %), среднее – 227 (57 %), неполное среднее – 11 (2,2 %), начальное – 55 (11,4 %), домашнее – 126 человек (25,9 %). Специальное военное образование получил 161 человек, из которых трое окончили военные академии, 106 – военные училища, 14 человек прошли курс юнкерских училищ, а 38 человек служили в «учебных войсках». Из 5186 жандармских унтер-офицеров и рядовых умели читать и писать 4578 человек (88,31 %), умели только читать 309 человек (5,96 %), не умели ни читать, ни писать 249 человек (4,8 %) (неизвестна степень грамотности 50 человек, т. е. 0,93 %), причем 1309 «нижних» чинов (25,25 %) выучились грамоте на службе⁴.

Штат губернского жандармского управления, как правило, состоял из начальника, его помощника, адъютанта, писарей. В подчинении начальника ГЖУ находились также его помощники по уездам, уездная полицейская стража, местная агентура.

Так, в 1914 г. Уфимское губернное жандармское управление возглавлял генерал-майор В. С. Устинов. Его помощниками по г. Уфе являлись ротмистр И. Г. Игнатьев, а по Златоустовскому уезду – ротмистр П. А. Трофимов⁵.

Генерал В. С. Устинов, выходец из семьи потомственных дворян Ставропольской губернии. После окончания гимназии и Николаевского кавалерийского училища он начинает службу прапорщиком одного из

¹ Оржеховский И. В. Указ. соч. С. 149 – 150.

² ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 13. № 44956.

³ Курицын В. М. История полиции России // Краткий исторический очерк и основные документы. М., 1993. С. 29.

⁴ Оржеховский И. В. Указ. соч. С. 157.

⁵ Адрес-календарь Уфимской губернии на 1914 год. Уфа, 1914. С. 17.

драгунских полков. Молодой офицер принимает первое свое боевое крещение в Русско-турецкой войне 1877 – 1878 гг., где за военную доблесть был награжден орденами Св. Анны 3-й и 4-й степеней, Св. Станислава 3-й степени. Дальнейшая его карьера связана со службой в отдельном корпусе жандармов, где он прошел путь от ротмистра до генерала, от начальника Армавирского отделения Козлово-Владикавказского жандармского управления железных дорог до начальника Теркского областного жандармского управления¹. Краткие штрихи из формулярного списка В. С. Устинова свидетельствуют о его преданности делу служения Отечеству, охране законности и правопорядка.

Рост революционных и оппозиционных выступлений как в центре, так и на местах вызывал серьезную тревогу правительства.

В этих условиях царизм стремился усилить политический розыск, поднять работу Департамента полиции, Отдельного корпуса жандармов и их губернских управлений. С этой целью был разработан совершенно секретный циркуляр, который 5 октября 1900 г. был разослан всем начальникам губернских управлений.

В указанном документе были определены главные обязанности жандармских управлений. Наиболее важными из них были следующие:

- наблюдение за населением и за направлением политических идей в обществе;
- доведение до сведения властей о совершающихся беспорядках и злоупотреблениях;
- производство дознаний по делам о государственных преступлениях;
- производство исследований о порядке положения о Государственной охране;
- осуществление негласного полицейского надзора².

Рабочие контакты сотрудников ГЖУ и общей полиции были направлены прежде всего на обеспечение общественного порядка и спокойствия, а в условиях начавшихся революционных событий 1905 – 1907 гг. они стали принимать участие в борьбе с политической оппозицией. Например, по заданию жандармерии чины общей полиции не только собирали информацию о подозрительных лицах, осуществляли надзор, но и участвовали вместе с ГЖУ в политическом розыске, создав параллельную агентурную сеть как в городах, так и в сельской местности.

Например, в октябре – ноябре 1905 года силами Оренбургской городской полиции были арестованы в полном составе под руководством полицмейстера коллежского советника С. А. Быбина местный комитет партии социалистов-революционеров, взявший на вооружение тактику

¹ После революции (документы по истории антиправительственного движения и правоохранительных органов в Уфимской губернии в конце 1907 – первой половине 1914 годов): сборник документов. С. 75 – 81.

² Цит. по: Мусихин В. Е. Вятское губернское жандармское управление в начале XX в. // Из истории вятских спецслужб. С. 14.

террора против высокопоставленных государственных чиновников, и члены «Оренбургского городского комитета РСДРП, формировавшего боевые рабочие дружины и готовившегося к вооруженному захвату власти в губернии»¹.

В августе 1907 г. благодаря полученной агентурной информации и принятию своевременных мер со стороны вятского полицмейстера М. А. Веренева была арестована группа эсеров, готовивших покушение на губернатора края².

В июле 1907 г. в результате решительных действий сотрудников Мензелинской уездной полиции Уфимской губернии станового пристава А. А. Уджмаджуридзе, урядника М. Салимова, стражников Гайфуллина и Санникова и местного крестьянина Ш. Мухаметшина был задержан бежавший из Мензелинской тюрьмы боевик М. Кадомцев. Во время перестрелки был смертельно ранен стражник Санников³.

В то же время нередко между ГЖУ и общей полицией возникали стычки, нездоровая конкуренция, принимавшая иногда конфронтационный характер. Каждый старался приписать успехи себе, а неудачи – другому. В Екатеринбурге почти весь 1909 г. прошел в борьбе руководства местной общей полиции и охраны. Дело дошло до того, что местный полицмейстер Скорупский на городской площади вблизи собора публично обвинил жандармского ротмистра Ральцевича в том, что охранка отняла у него его собственного агента «Брата», да еще и не возвращает тех денег, которые за работу заплатил ему полицмейстер. В этот скандал были втянуты пермский губернатор, начальник ГЖУ, охранка, Департамент полиции. Губернатор вынужден был объявить Скорупскому «строгий выговор за бестактное поведение и неуместные разговоры с ротмистром корпуса жандармов Ральцевичем, но при этом указал департаменту полиции на его выдающиеся заслуги». Разногласия зашли так далеко, что Петербургу пришлось сменить все местное руководство⁴.

Аналогичная ситуация сложилась между Златоустовским уездным исправником Сторожевым и помощником начальника Уфимского ГЖУ ротмистром Каннибахом. В рапорте начальника Уфимского ГЖУ в Департамент полиции отмечалось, что последний «не только не встречает в деле розыска поддержки со стороны Златоустовского исправника Сторожева, но бывали неоднократные случаи, когда он не находил нужным

¹ История Управления внутренних дел Оренбургской области. Оренбург, 2002. С. 40.

² Мусихин В. Е. Указ. соч. С. 18 – 19.

³ После революции (документы по истории антиправительственного движения и правоохранительных органов в Уфимской губернии в конце 1907 – первой половине 1914 годов): сборник документов. С. 70 – 72.

⁴ Анисимов Н. Н. Охранные отделения и местная власть царской России в начале XX в. // Советское государство и право. 1991. № 5. С. 122.

своевременно сообщить ротмистру о совершившихся на политической почве преступлениях»¹.

Важное место в деятельности губернской полиции занимали вопросы их взаимодействия с органами суда и прокуратуры. В изучаемый период, согласно реформе 1864 г., все судебнo-прокурорские работники структурно входили в состав окружных судов. Окружной суд действовал в масштабах губернии и подразделялся на Палаты уголовных и гражданских дел. В аппарат Окружного суда входил прокурор с товарищами и своей отдельной от суда канцелярией. Палатам Окружного суда подчинялись судебные участки в уездах и городах.

В 1905 г. во главе органов прокуратуры Уфимской губернии стоял прокурор Уфимского окружного суда А. В. Зайцев со своей канцелярией и 10 товарищами, из которых 4 состояли при нем и ведали теми или иными направлениями деятельности, а остальные 6 возглавляли уездные аппараты прокуратуры губернии².

Известно, что реализация судебной реформы проходила не сразу, а постепенно, с учетом специфики социально-экономического положения того или иного региона, да и сама практика вносила определенные коррективы в систему судопроизводства. 9 марта 1892 г. Государственный Совет принял решение «О введении Судебной реформы в полном объеме в Оренбургской и Уфимской губерниях». В документе отмечалось, что согласно «Учреждению судебных установлений» дополнительно при каждом окружном суде состоят переводчики, также указывалось, что члены судебных палат не могут участвовать в разрешении тех уголовных дел, по которым они принимали участие в определении о предании суду³. В соответствии с утвержденным штатом Уфимский окружной суд включал 80 сотрудников: председатель, товарищ председателя, члены суда – 11 человек, секретари – 2, архивариус – 1, судебные приставы – 11, прокуроры – 1, товарищи прокурора – 10, судебные следователи – 30, старший нотариус – 1 человек⁴.

Для обеспечения бескорыстной и честной работы работников суда предусматривалась и хорошая зарплата.

Так, в 1910 году месячное жалование председателя Уфимского окружного суда П. М. Смирнова составило со всеми прибавками 326 руб.; его товарища П. Р. Россинского – 264 руб., членов суда – 210 руб., прокурора – 264 руб., судебных следователей – 186 руб., судебных приставов – 46,5 руб.⁵

¹ Хакимов С. Х. Полиция в системе органов губернского управления пореформенной России (1862 – 1914 г.): учебное пособие. Уфа, 2003. С. 111.

² Прокуратура Республики Башкортостан. История и современность. Уфа, 1996. С. 23.

³ История государства и права Башкортостана. Уфа, 1994. Ч. 1. С. 192.

⁴ Там же.

⁵ НАРБ. Ф. И-334. Оп. 1. Д. 34. Л. 505 об.

Чаще всего в процессе своей деятельности сотрудникам полиции приходилось иметь дело с судебными следователями. Механизм взаимодействия двух структур нашел отражение в разделе 2 Устава уголовного судопроизводства «О предварительном следствии». Так, в статьях 250, 260 Устава отмечалось, что полиция извещает судебного следователя о происшествиях, заключающих в себе признаки преступления. Она же передает повестки, делает приводы, помогает при обысках, арестах, осмотрах, исполняет все поручения судебного следователя (260 ст. Уст. угол. суд.). «Следовательно, от ее быстроты и расторопности, – отмечает Н. С. Таганцев, – зависит быстрота следствия, а часто и успех ее»¹.

В то же время Устав уголовного судопроизводства ввел правило и о замене следователя чинами полиции. Ст. 258 гласила: «В тех случаях, когда полицией застигнуто совершающееся или только что совершившееся преступное деяние, также, когда до прибытия на место происшествия судебного следователя следы преступления могли бы изгладиться, полиция заменяет судебного следователя во всех следственных действиях, не терпящих отлагательства, как-то: в осмотрах, освидетельствованиях, обысках и выемках; но формальных допросов ни обвиняемым, ни свидетелям полиция не делает, разве бы кто-либо из них оказался тяжело больным и представилось бы описание, что он умрет, до прибытия следователя»². В таких случаях, когда сотрудники полиции заменяли следователя, протоколы, составленные ими, согласно разъяснениям Сената могли быть прочитаны в судебном заседании.

Определением Правительствующего Сената по общему собранию I и II кассационных департаментов от 25 мая 1871 года прокурорам судебных палат было предоставлено право давать чинам полиции общие и циркулярные разъяснения о порядке производства дознаний и следственных действий³.

Несмотря на определенное улучшение в решении вопросов нормативного регулирования взаимодействие полиции и судебных следователей в процессе предварительного следствия, результаты на практике оказались весьма удручающими. Особенно много нареканий вызывала розыскная работа полиции. Известный специалист по уголовному праву профессор В. А. Даневский отмечал: «Никакая реформа следственной части не мыслима без улучшения организации и личного состава полиции. Непригодность нашей полиции к производству

¹ Таганцев Н. С. Судебный следователь по судебным уставам и в действительности // Журнал гражданского и уголовного права. 1881. № 4. С. 95.

² Чельцов-Бебутов М. А. Курс уголовно-процессуального права // Очерки по истории суда и уголовного процесса и рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. СПб., 1995. С. 782.

³ Тарасов А. В. Судебные следователи Российской империи по реформам судопроизводства XIX века. Краснодар, 2002. С. 152.

хорошего розыска и недостаточность содействия, оказываемого ее следователю, – явления общепризнанные»¹.

С другой стороны, критика звучала в адрес деятельности судебных следователей. Современники отмечали, что «судебные следователи, получив от полиции извещение о преступлении (ст. 250 Уст. угол. суд.), никогда в действительности к следствию не приступают, на место преступления не едут и никаких мер к собиранию доказательств не принимают...»².

Причину недостатков в деле розыска со стороны нижних чинов полиции специалисты усматривали, прежде всего, в неподготовленности полицейских чиновников, «незнакомстве их со способами розыска и дознания»³.

Предлагалось уделять внимание проблемам обучения, в частности, отмечалось, что для полицейских урядников полезно было бы устроить особую школу, где преподавались бы примерные действия розыска и дознания по наиболее встречающимся преступлениям, права их и обязанности, нужные формы и образцы актов и бумаг⁴.

Известный специалист по уголовному праву Н. С. Таганцев в одной из своих публикаций, касаясь взаимодействия полиции и судебных следователей, отмечал: «Как бы не желал судебный следователь не обременять своими требованиями полицейского чиновника, это для него невозможно. С первой минуты обнаружения преступного деяния, до последней минуты следствия, судебный следователь связан с полицией и законом письменным и законом необходимости»⁵.

Полиция извещает судебного следователя о происшествиях, заключающих в себе признаки преступления. Она же передает повестки, помогает при обысках, арестах, осмотрах, исполняет все поручения судебного следователя (ст. 260 Уст. угол. суд.).

Таким образом, за полицией оставалось первоначальное дознание, которое чины полиции производили под надзором прокурора. Акты дознания не имели формальной силы и служили подсобным материалом для следователя при производстве им предварительного следствия.

По мнению М. А. Чельцова-Бебутова, теоретическим основанием для такого различия «между действиями следователей и действиями полиции являлось противопоставление судебной власти – власти административной, основанное на теории разделения властей»⁶.

¹ Даневский В. Г. Наше предварительное следствие, его недостатки и реформа. СПб., 1895. С. 67.

² Харизаминов Н. О недостатках следственной части по судебным уставам 20 ноября 1864 г. // Журнал Гражданского и Уголовного права. 1881. Т. 1. С. 99.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 98.

⁵ Таганцев Н. Указ. соч. С. 95.

⁶ Чельцов-Бебутов М. А. Указ. соч. С. 782.

В каждой губернии Российской империи находились различные по своему назначению тюремные учреждения. Вплоть до конца 70-х годов XIX в. все они находились в ведении нескольких органов, при этом тюремное управление не отделялось от полицейского. Политическими тюрьмами непосредственно ведало Третье отделение императорской канцелярии. Общеуголовные тюрьмы были подчинены Департаменту полиции Министерства внутренних дел. В губерниях общеуголовными тюрьмами управляли губернаторы. В самих местах заключения имелись смотрители из полицейских чинов, в распоряжении которых находилась команда надзирателей¹.

В 1877 г. Государственным Советом была создана специальная комиссия о тюремном преобразовании. Результатом ее работы явилось создание Главного тюремного управления, которое до 1895 г. находилось в компетенции Министерства внутренних дел, а затем была передана в систему Министерства юстиции, где оставалась до 1917 г.²

В 1890 г. создаются губернские тюремные инспекции во главе с губернскими тюремными инспекторами. Инспектор подчинялся непосредственно губернатору, а сам он контролировал тюрьмы, арестные дома.

В 1886 г. были утверждены «Правила о порядке содержания арестантов в губернских и уездных тюремных замках и пересыльных тюрьмах». По отношению к политическим заключенным «смотритель тюрьмы есть единственный и полный распорядитель, выполняющий свои функции под руководством губернатора». В правилах также устанавливалось, что губернаторы, градоначальники осуществляют функции по наблюдению за деятельностью смотрителей через полицмейстеров и уездных исправников, которые имеют право распоряжаться в тюрьме во время открытых беспорядков или сопротивления политических заключенных тюремной администрации³.

Рассмотрим состояние дел в тюремном ведомстве на примере Уфимской губернии. Из отчета уфимского губернатора за 1874 год видно, что в крае находилось 5 тюремных замков, один рабочий дом со смирительным отделением в г. Уфе и 2 этапа в Мензелинском и Златоустовском уездах⁴.

В 1874 году в пяти тюремных замках содержалось 5773 арестанта, выбыло 4658 и осталось к 1 января 1875 г. 1115 человек. В Уфимском тюремном замке содержалось 2458 осужденных (43 %), Белебеевском – 529 (9 %), Бирском – 1440 (24,9 %), Мензелинском – 571 (9,8 %), Стерлитамакском – 895 (15,5 %) осужденных.

¹ История органов внутренних дел дореволюционной России. М., 1984. С. 23.

² Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. С. 230.

³ История органов внутренних дел дореволюционной России. М., 1984. С. 87.

⁴ НАРБ. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 1680. Л. 66.

В отчете также отмечалось, что из Бирского тюремного замка было совершено два побега арестантов, которые были пойманы. Полицейские принимали самое активное участие в охране тюремных учреждений и задержании преступников. Так, в приказе уфимского уездного исправника от 28 июля 1907 г. за № 94 отмечается, что «полицейский стражник уфимской команды пеших стражников Петр Новиков, находясь в карауле в Уфимской тюрьме, предотвратил побег арестантов, а Ефим Колесниченко – покушение на жизнь начальника тюрьмы. У арестанта был отобран нож»¹.

В другом приказе от 1 января 1907 года также отмечается, что в ночь с 30 на 31 декабря 1906 г. полицейский стражник Тихон Горохов, стоявший на посту № 262 внутри тюремной ограды, своей бдительностью и решительными действиями предотвратил побег шести арестантов. «Считаю своим долгом, – писал в своем приказе уфимский исправник, – от лица службы принести такому молодцу, Горохову, мою сердечную благодарность и о его похвальных действиях донести его Превосходительству Господину Уфимскому Губернатору»².

Одним из важных структурных подразделений МВД Российской империи являлся Департамент духовных дел иностранных исповеданий. К началу 1917 г. в составе департамента находилось семь отделений. Первое – ведало католическим исповеданием; второе – протестантским, лютеранским, реформатским, аутсбургским, мариавитским; третье – занималось делами сектантов, отпавших от инославных исповеданий и счетов; четвертое – старообрядческими делами; пятое – мусульманским, ламаитским и языческим исповеданиями; шестое – ведало армяно-грегорианским, армяно-католическим, русско-католическим вероисповеданиями; седьмое – вело секретные дела³.

Через Департамент духовных дел иностранных вероисповеданий проходили дела о назначении руководителей и членов духовных управлений. Он контролировал распоряжение финансами и имуществом духовных учреждений, рассматривал жалобы на епархиальных архиереев, открывал новые епархии и приходы (римско-католического исповедания), решал дела, связанные с еврейским вероисповеданием, давал распоряжения о постройке, ремонте церквей, монастырей, мечетей, больниц, богаделен и других богоугодных заведений и т. д.⁴

В губерниях вопросами развития и деятельности религиозных учреждений, как правило, занимались сотрудники аппарата губернского правления, а наиболее важные проблемы конфессий замыкались на самом губернаторе. В этом плане представляет определенный интерес

¹ НАРБ. Ф. И-11. Оп. 3. Д. 13. Л. 116.

² Там же. Л. 2.

³ Высшие и центральные государственные учреждения России 1801 – 1917 гг. Т. 2. СПб., 2001. С. 36 – 37.

⁴ Там же. С. 37.

взаимодействие региональных структур МВД с мусульманскими учреждениями, особенно в Урало-Поволжском регионе (Уфимская, Оренбургская, Казанская, Пермская, Вятская, Симбирская, Самарская губернии).

Пристальное внимание МВД к исламу, его роли в жизни империи привлекли продолжающиеся на протяжении всего XIX века массовые переходы крещенных татар Волжско-Камского края в мусульманскую веру. Первоначально местные духовные власти смотрели на это явление как на временное заблуждение, вызванное незнанием или непониманием крещеными татарами христианства. Постепенно данная проблема стала восприниматься православным духовенством как следствие мусульманской пропаганды и, соответственно, силы ислама, противостоявшего русскому культурному влиянию¹.

Внимание правительства к мусульманскому вопросу выразилось в организации в январе 1910 г. Особого вневедомственного совещания при Министерстве внутренних дел. Официальное название его было «Совещание по выработке мер для противодействия татаро-мусульманскому влиянию в Приволжском крае»². Председателем был назначен директор Департамента духовных дел иностранных вероисповеданий А. Н. Харузин.

В материалах совещания отмечалось, что «основными причинами создавшегося на нашем мусульманском Востоке ненормального положения являются несогласованность действий отдельных ведомств и крайняя неосведомленность как центральных, так и местных правительственных органов с теми явлениями, какие происходят в мусульманском мире»³.

В целях разрешения данной проблемы совещание признало необходимым предоставить губернаторам в губерниях с мусульманским населением всеми доступными для них средствами «озаботиться объединением представителей ведомств в интересах возможно широкой осведомленности и в целях изыскания мер, направленных к борьбе культурно-просветительными средствами с проникающими в мусульманские массы идеями, противными началам русской государственности»⁴.

В целях необходимого осведомления высшего Правительства о ходе просветительно-культурной работы в местностях с мусульманским населением признавался необходимым ежегодный созыв при МВД совещаний с участием представителей ведомств центрального и местного

¹ Кэмпбелл Э. Мусульманский вопрос в России: история обсуждения проблемы // Исторические записки. Т. 4. М., 2001. С. 132.

² НАРБ. Ф. И-187. Оп. 1. Д. 333. Л. 73.

³ Министерство внутренних дел и «мусульманский вопрос» // Источник. Документы русской истории. 2002. № 1. С. 64.

⁴ Там же.

управления. Вызывает большой интерес тот факт, что уже в начале XX в. министр внутренних дел А. А. Макаров в своем письме к управляющему делами Совета Министров Н. В. Плеве, касаясь мусульманского вопроса, подчеркивал: «Не мало важным препятствием к надлежащей ознакомленности с мусульманским движением является незнакомство должностных лиц с особенностями и укладом мусульманского быта и с инородческими наречиями»¹. Ввиду этого совещание проектировало организацию Министерством внутренних дел специальных курсов для изучения должностными лицами мусульманских языков.

Вскоре были даны соответствующие поручения по исправлению вышеприведенных недостатков. В частности, по инициативе МВД для сотрудников министерства и лиц, командированных другими ведомствами, были открыты курсы исламоведения на базе Практической восточной академии императорского общества востоковедения в г. Санкт-Петербурге². Курсы длились три семестра, по четыре месяца каждый. На курсах преподавались арабский и татарский языки, изучались коран, догматическое богословие, мусульманское право и др.

Неоднозначное место в системе региональных структур МВД занимало Оренбургское магометанское духовное собрание (ОМДС).

Оно было создано указом Екатерины II от 22 сентября 1788 г. и первоначально, с 1788 по 1796 гг., размещалось в Уфе и именовалось «Уфимское духовное магометанского закона собрание». С образованием в 1796 г. Оренбургского генерал-губернаторства оно было переведено в Оренбург под тем же названием, а с 1841 г. стало называться Оренбургским магометанским духовным собранием³.

ОМДС было учреждено с целью контроля над мусульманским духовенством и дальнейшего использования официальных исламских институтов в проведении государственной политики среди мусульманского населения как во внутренних губерниях России, так и на национальных окраинах империи (в Средней Азии и Казахстане). Кроме контроля за духовенством, деятельность Оренбургского духовного собрания заключалась в осуществлении надзора за конфессиональной школой, регулировании семейно-брачных отношений, разрешении на принципах шариата наследственных споров и ведении метрических книг⁴. Религиозное учреждение являлось высшей инстанцией духовного суда с распорядительными (назначение духовного лица для разбирательства) и контролирующими (отмена решения духовного лица и вынесение окончательного постановления) функциями. В правоприменительной

¹ Министерство внутренних дел и мусульманский вопрос // Источник. 2002. № 1. С. 64.

² Там же. С. 65.

³ Ишкулов Ф. А. Судебно-административная реформа в Башкортостане. Уфа, 1994. С. 98.

⁴ Азаматов Д. Д. Правовой статус Оренбургского магометанского и мусульманского духовенства в конце XVIII – XIX вв. // Шариат: теория и практика. Уфа, 2000. С. 90.

практике оно руководствовалось своеобразным синтезом норм шариата и общероссийского законодательства. Нормотворчество муфтиев и заседателей протекало под пристальным наблюдением вышестоящих органов – губернаторов и Министерства внутренних дел.

Формально по закону 1793 г. оренбургский муфтий и все три члена собрания избирались из числа казанских мулл. На деле же никакие выборы муфтия не проводились, и он назначался царем по представлению МВД, а члены собрания – оренбургским генерал-губернатором¹.

Оренбургское магометанское духовное собрание находилось в компетенции Департамента духовных дел иностранных исповеданий. Контрольные функции Департамента заключались в проверке постановлений религиозного учреждения. На местах надзор за деятельностью Духовного управления до 1796 г. осуществляло Уфимское наместническое правление, а в 1796 – 1865 гг. – Оренбургское губернское правление. С 1865 года, когда произошел раздел Оренбургской губернии на Уфимскую и Оренбургскую, Духовное собрание перешло в ведение Уфимского губернского правления. В 1865 – 1881 гг. религиозное учреждение курировал оренбургский генерал-губернатор Н. А. Крыжановский¹.

В 1889 г. в ведении Духовного собрания находилось 3,4 млн прихожан, проживающих в 28 губерниях, 8203 духовных лица². Влияние муфтията на мусульманское население, особенно в приволжских и уральских губерниях, было значительным, что не могло не вызывать беспокойства в правительственных кругах. Еще в 1872 г. уфимский губернатор С. П. Ушаков представил в Министерство внутренних дел обстоятельную записку, в которой доказывал необходимость закрытия оренбургского магометанского духовного собрания, а в 1875 г. оренбургский генерал-губернатор Н. А. Крыжановский назначил особого чиновника для надзора за деятельностью мусульманского учреждения. В его компетенцию входило рассмотрение всех указов и решений Духовного управления, проведение дважды в год ревизии, прием жалоб от населения, а также общий контроль за служебной деятельностью муфтия и заседателей³.

Таким образом, местная губернская администрация не только контролировала деятельность исламских учреждений регионов, но и нередко пыталась полностью подчинить под власть МВД.

В то же время мусульманское духовенство в лице его муфтия вносило определенную лепту в улучшение общественной нравственности.

¹ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 8. № 6591.

² Азаматов Д. Д. Правовой статус Оренбургского Магометанского духовного собрания. С. 93.

³ Там же. С. 90.

⁴ Там же. С. 96.

Правовые нормы шариата достаточно жестко пресекали преступность, разврат, проституцию.

В этой связи представляет большой интерес обращение муфтия Мухамедьяра Султанова к уфимскому губернатору от 21 июля 1886 г.¹

В этом документе отмечалось, что в данный период среди мусульманского населения империи «замечается сильное развитие тайной и открытой проституции по преимуществу в городах, и особенно на Нижегородской, Ирбитской, Мензелинской и других ярмарках. В числе проституток встречается немало замужних женщин, а также несовершеннолетних и даже малолетних девиц.

Факт этот тем прискорбнее и опаснее, что помимо дерзкого нарушения предписываемых Кораном нравственных законов и происходящего от того соблазна, проституция наносит неисчисляемый вред, подрывая семейное начало: основу всякого общественного и государственного порядка и благосостояния. Далее муфтий подчеркивал, что «озабочиваясь, в силу своих обязанностей, охранения нравственности, семейного и общественного порядка в среде мусульманского населения, Магометанское Духовное Собрание не могло и не может оставаться равнодушным к этому злу, но без соответствующего содействия гражданских властей оно не в силах пресечь или ограничить его, так как по условиям современной жизни и по действующим гражданским законам империи не может применять тех строгих мер, которые определены магометанскими духовными законами, а одни пастырские внушения не оказывают должного действия на лиц, нравственно так глубоко павших.

Принимая во внимание: первое, что тайная проституция во всяком случае воспрещается действующими по гражданской части постановлениями и подлежит преследованию, как наиболее опасный в социальном отношении вид разврата (Устав «О наказаниях наложенных Мировым Судей по Статье 44 и решение Уголовного Кассационного Департамента 1875 г. № 305»; и второе, что открытая проституция точно также отнюдь не поощряется законом, а только терпится, как неизбежное зло, и притом лишь при строгом соблюдении установленных для того правил (Правила от 29 мая 1844 г.), со своей стороны я полагаю, что если бы полиция, без ведома и разрешения которой не может быть открыт ни один публичный дом терпимости, относилась к этому делу не формально только, но прониклась бы сознанием громадности вреда, причиняемого проституцией обществу и государству, то она, даже и при условии терпимости этого зла, простым требованием строжайшего выполнения со стороны содержательниц и самих проституток существующих на этот предмет правил могла бы в значительной степени содействовать ограничению проституции вообще и в частности среди магометанского

¹ Юнусова А. Б. Мусульманское духовенство на страже нравственности // Археография Южного Урала. Уфа, 2002. С. 201.

населения, в особенности, если бы было признано возможным от магометанок, занимающихся проституцией, обязательно требовать, чтобы паспорта их на отлучку из мест жительства считались действительными только в том случае, когда таковые выданы замужним женщинам с согласия их мужей, а незамужним с согласия их родителей, или заступающих их место родственников или опекунов.

В виду вышеизложенного, позволяю себе обратиться к Вашему Превосходительству с покорнейшею просьбою оказать возможное и зависящее от Вас содействие к прекращению или, по крайней мере, к ограничению проституции среди женщин магометанского исповедания в городах и на ярмарках вверенной Вам губернии, будучи вполне уверен в просвещенном сочувствии Вашего Превосходительства целям, преследуемым в данном случае мною и Оренбургским Магометанским Духовным Собранием, о последующем же почтить меня уведомлением.

К этому считаю нужным присовокупить, что о вышеизложенном мною вместе с сим доведено до сведения Господина Министра Внутренних Дел, на тот предмет, не будет ли Его Сиятельством признано полезным и нужным установить особые, более действительные меры к пресечению проституции в среде магометанского населения империи, сверх существующих по этому предмету общих постановлений, и, во всяком случае, подтвердить о точном исполнении последних»¹.

Данный документ достаточно ярко свидетельствует о проявлении прямой заинтересованности Оренбургского муфтията в оказании реальной помощи органам полиции в борьбе с проституцией.

§ 2. Полицейская реформа 1862 г. и особенности ее реализации в губернских и уездных городах

Согласно Своду законов об обязанностях полиции городские полицейские управления учреждались «только в тех городах, посадах и местечках, кои не подведомственны уездной полиции»².

Самостоятельные городские управления были образованы во всех 44 губернских городах, в 19 уездных городах; в трех городах, подведомственных градоначальствам, и в пяти безуездных городах и посадах. Правовой базой формирования подразделений городской полиции явились также «Временные правила об устройстве полиции в городах и уездах губерний по общему учреждению управляемых, утвержденных 25 декабря 1862 г.»³. Их штатная численность определялась количеством проживающих в черте города жителей и подразделялась на 4 разряда. Наиболее крупные города

¹ Юнусова А. Б. Указ. соч.

² Свод законов Российской империи. Ч. 2. Гл. 2. Учреждение полиции. Ст. 637. СПб., 1909. С. 231 – 232.

³ ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 37. № 39087.

с населением более 100 тыс. человек были отнесены к 1 разряду, менее 20 тыс. – к 4 разряду.

Более подробное расписание штатной численности сотрудников городских полицейских управлений 1 – 3 разрядов, утвержденных «Временным положением», дано в таблице 11.

Таблица 11

Нормативные штаты отдельных городских полицейских управлений¹

Должность	Число	Оклады		Кклассы и разряды		
		Од-ному	Всем	По должности	По пенсии	По шитью на мундире
1 разряд: полицмейстер	1	1500	1500	VII	V	
Помощник	1	1000	1000	VIII	VI	
Секретарь	1	600	600	X	VII	IX
Пристав	1	600				
Ему на канцелярские издержки		300				
Помощник пристава	1	400	400	X	VII	
2 разряд: полицмейстер	1	1200	1200	VII	V	
Секретарь	1	500	500	X	VII	IX
Пристав	1	600				
Ему на канцелярские издержки		200				
Помощник пристава	1	400	400	X	VII	
3 разряд: полицмейстер	1	1000	1000	VII	V	
Секретарь	1	400	400	X	VII	IX
Пристав	1	600	700	X	VI	
Ему на канцелярские издержки		100				
Помощник пристава	1	400	400	X	VII	

Из таблицы 11 видно, что штат городской полиции первого разряда был небольшим и состоял из полицмейстера, его помощника, секретаря, пристава, помощника пристава. Ключевой фигурой являлся полицмейстер, подчиненный губернатору, и был независим от городских органов самоуправления. По должности он относился к VII классу «Табели о рангах» и соответствовал чину надворного советника (подполковник в армии) с годовым содержанием в 1500 руб., его помощник – VIII класс – коллежский асессор с окладом в 1000 руб., секретарь – X класс, коллежский секретарь с окладом в 600 руб., пристав – IX класс – титулярный советник с окладом

¹ ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 37. № 39087; ЦГИАРБ. Ф. И-9. Оп. 2. Д. 775. Л. 113.

в 600 руб., помощник пристава – X класс – с окладом в 600 руб. Приставу на канцелярские расходы выделялось 300 руб. в год.

В полицейских подразделениях городов 2 и 3 разряда отсутствовала должность помощника полицмейстера, остальные должности сохранялись, как и в первом разряде. Но здесь в существенной степени были снижены должностные оклады. Так, если полицмейстер городского управления 1 разряда имел годовую зарплату в 1500 руб., то по 2 разряду – 1200, а по 3 – 1000 руб. Разница в окладах между первым и третьим разрядом была в 500 руб. Что касается должностных окладов приставов, то они во всех разрядах совпадали.

В то же время следует заметить, что несмотря на разницу в окладах между полицмейстерами 1 – 3 разрядов, они все по должности относились к VII классу – чину надворного советника, тем самым несколько сглаживались материальные противоречия. МВД, очевидно, было заинтересовано в ротации кадров полицмейстеров из мелких городов в более крупные и создавало определенные стимулы.

В составе полицейских управлений некоторых городов имелись должности, не предусмотренные «Временными положениями» 1862 г. К числу таких городов относились: Одесса, Киев, Харьков, Казань, Самара, Саратов, Кишинев, Вильна, Минск, Нижний Новгород, Астрахань, Оренбург, Пермь, Екатеринбург, Кронштадт, Бердянск, Севастополь, Керчь, Белосток, Ярославль и Уфа¹.

Беглый взгляд на данный перечень городов позволяет обратить внимание на то, что они отличались своеобразными геополитическими, экономическими, криминогенными особенностями.

В них кроме предусмотренных штатных единиц имелись должности околоточных надзирателей с окладами от 167 до 450 руб. в год. В канцелярии, руководимой секретарем полицейского управления, имелись должности 2-х столоначальников, регистратора, канцелярских служителей, писарей, переводчиков.

Приставы руководили работой городских околоточных надзирателей и городских. Численный состав полицейской команды в уездных городах колебался от 5 до 10 человек, а в губернских – от 60 до 100 человек.

Так, в 1880 г. штат Оренбургского городского полицейского управления состоял всего из 6 сотрудников: 1 полицмейстера, 1 помощника полицмейстера, 1 секретаря, 2 столоначальников, 1 регистратора. Кроме аппарата управления на участках города работали 4 пристава, 5 помощников пристава и 4 письмоводителя.

Состав городской полицейской команды состоял из 20 полицейских надзирателей, 76 городских, 4 конных и 2 пеших казаков. Таким образом,

¹ НАРБ. Ф. И-9. Оп. 2. Д. 775. Л. 11 об.

общая численность Оренбургского городского управления состояла из 129 сотрудников¹.

Круг обязанностей городской полиции, будучи весьма обширным и сложным, излагался в целом ряде законодательных актов. Компетенция органов полиции в основном зафиксирована в «Общем учреждении губернского» и в «Уставе о предупреждении и пресечении преступлений».

«Общее учреждение губернского» устанавливало, что «предметы ведомства полицейских управлений и подчиненных им лиц касаются: 1) наблюдения за исполнением законов, охранения безопасности и дел общественного благоустройства; 2) исполнения обязанностей по делам казенного управления и общественного хозяйства; 3) исполнения обязанностей по делам судебного ведомства; и 4) исполнения обязанностей по делам военного ведомства»².

Последующие статьи «Учреждения» конкретизировали основные направления деятельности полиции. В задачи полиции по наблюдению за исполнением законов, охранению безопасности и общественному благоустройству входило: обнародование указов и постановлений правительства, «всякие объявления, извещения и вызовы по приказанию начальства», «рассылка по принадлежности, к Благодетельным, предписаний духовного начальства», «охранение неприкосновенности прав и спокойного совершения обрядов Церкви Православной и свободы иноверных, признанных правительством, исповеданий», «охранение общественного спокойствия, благочиния, добрых нравов, порядка и должного властям повиновения». «меры безопасности от воров и разбойников, поимка оных и истребление их шаяк» – и еще 37 пунктов в статье 681-й³.

Таким образом, детально перечень обязанностей и полномочий определялся Сводом законов об обязанностях полиции, рядом служебных уставов, постановлений, циркуляров. При всем фундаментальном многообразии основные направления деятельности служащих полиции можно свести к трем блокам:

- 1) документально-исполнительная работа;
- 2) непосредственная уголовно-охранительная деятельность;
- 3) исполнение поручений в интересах политической полиции и других ведомств⁴.

Кроме полицмейстера, его помощника и секретаря не менее важные функции выполняли приставы. Они вместе с помощниками и околоточными надзирателями отвечали за состояние правопорядка и благочиния на конкретной территории (участке) города. При управлении

¹ ГАРФ. Ф. 102. 2 ДП. 1883. Д. 507. Л. 58.

² Федоров К. Г., Ярмыш А. Н. История полиции дореволюционной России. Ростов-на-Дону. 1976. С. 40.

³ СЗРИ. Ч. 2. Гл. 2. Учреждение государственное. Гл. 4. Учреждение полиции. Ст. 679. СПб., 1909. С. 244.

⁴ Реент Ю. А. Общая и политическая полиция России (1900 – 1917 гг.). Рязань, 2001. С. 82 – 83.

находилась и полицейская команда в составе пеших и конных городских. Его численный состав определялся из расчета не более 1 городского на 500 жителей¹. Расходы на содержание полицейских команд относились полностью на средства городов, на которые также были возложены отвод или наем помещений для городских (с отоплением и освещением), обеспечение вооружением и медицинское обслуживание.

Российские губернии по численности городов и количеству жителей сильно различались. Соответственно, это находило отражение и в количестве городских. Например, в Херсонской губернии в 1897 г. насчитывалось 25 городов, в Тульской – 12, Уфимской – 6. Общая численность городских составляла в первой губернии – 744 человека, во второй – 256, в третьей – 227 человек. Всего во всех губерниях страны несли службу 15838 городских, из них 2643 старших и 13195 – младших². Тем не менее руководители губерний неоднократно обращались в вышестоящие инстанции с обращениями об увеличении штатной численности последних.

В докладной записке Директора департамента полиции от 1906 г. отмечалось, что «Со дня установления норм соотношения числа городских к населению минуло более 50-ти лет. За столь продолжительный период времени условия жизни городов совершенно изменились. Проведение железных дорог, устройство фабрик и заводов, развитие вообще промышленности и торговли усилило прилив в города населения по своему характеру подвижного, беспокойного. Появление такого населения вызвало развитие в городах уличной жизни, а также открытие трактиров, гостиниц и т. п. заведений. Такое изменение городской жизни в свою очередь отразилось на деятельности чинов полиции: пришлось назначать полицейские посты и не дневные только, как прежде, но и суточные, устанавливать надзоры за открываемыми трактирами и иными заведениями.

Одним словом, где в прежнее время достаточно было для исполнения службы иметь двух-трех городских, ныне уже требуется назначение для сего 4, 6 и более человек. Удовлетворить же такое требование при действующих штатах представляется невозможным. Но особенно ярко выразилось несоответствие означенных штатов при бывших за последнее время волнениях, сходках, беспорядках, когда нижние чины полиции оказались по своей малочисленности совершенно бессильными для исполнения лежащих на них обязанностей. При таких условиях, чтобы дать хотя некоторое облегчение названным чинам полиции, представлялось бы безусловно необходимым усилить личный состав городских полицейских команд. Достигнуть сего, по мнению

¹ НАРБ. Ф. И-9. Оп. 2. Д. 775. Л. 18.

² Там же. Л. 110 – 147 (сведения о численности городских по всем губерниям Российской империи представлены в приложении 1).

Министерства Внутренних Дел, возможно было бы изменением соотношения числа городских к населению, именно установить это соотношение как 1:400»¹.

После долгих дебатов 30 октября 1916 г. царем было утверждено «Положение об усилении полиции в 50 губерниях империи», где численный состав полицейских команд определялся из расчета – 1 городской на 400 жителей².

Городовые носили черную мерлушковую шапку с черным суконным донцем, красными кантами крест-накрест и по окружности или черную фуражку с тремя красными кантами, с черным лаковым козырьком, без подбородочного ремешка. Летом на тулью надевался светлый коломьянковый чехол. На тулье фуражки и на меховой шапке городских красовалась металлическая никелированная круглая ленточка с острыми концами. На ленточке был пробит номер данного городского, над ленточкой – герб города.

Шинель городского шилась из шинельного сукна с застежкой на крючках, черными петлицами и красным кантом, на петлицах – светлая металлическая пуговица с двухглавым орлом³.

Мундир городского почти не отличался от мундира околоточного, но был черного цвета. Черными были и шаровары. На мундир городские надевали кушак из того же материала, что и мундир, с красными кантами по краям и по перехвату либо черный затяжной ремень с металлической пряжкой на один зубец. Летом городские носили мундир того же кроя, но из коломьянки. Носили они и гимнастерки солдатского образца без карманов и манжет с застежкой на левую сторону на четыре пуговицы. Шили гимнастерки из коломьянки либо из хлопчатобумажной ткани светло-горчичного цвета. К гимнастеркам и шинелям полагались кожаные пояса. Обувь – юфтевые сапоги пехотного образца.

На бляхе, которую пристегивали слева на груди, указывался город (номер и наименование участка), а также личный номер городского.

Свое личное оружие (револьвер системы «Смит и Вессон» или наган) городские носили в черной кобуре, укрепленной на поясе. В период с 1900 по 1917 гг. револьвер носили то с правой, то с левой стороны: до войны 1914 г. – слева, а перед революцией – справа.

К револьверу прикреплялся красный шерстяной шнур с медным перехватом у шеи. По борту шинели или мундира на металлической цепочке висел свисток, сделанный из рога⁴.

¹ НАРБ. Ф. И-9. Оп. 2. Д. 775. Л. 18 об.

² Мулукаев Р. С. Полиция в России (IX – начало XX века). С. 92.

³ Горобцов В. И., Гонюхов С. О. Российская полиция в мундире: учебное пособие. Выпуск 1. М., 2000. С. 75 – 76.

⁴ Там же. С. 76.

Штаты Уфимского городского полицейского управления были утверждены Указом оренбургского генерал-губернатора А. А. Безака 18 мая 1863 г. и состояли из 14 сотрудников: 1 полицмейстера, 1 секретаря, 1 столоначальника, 3 приставов, 3 помощников пристава, 1 переводчика и 4 писцов¹. Первым руководителем городской полиции был назначен коллежский асессор Н. А. Сысоев. Должность секретаря городского полицейского управления была возложена на Григорьева Василия Васильевича.

Территория Уфы до конца XIX в. делилась на три административно-полицейские части. Старая Уфа входила в 3-ю часть, центр – в 1-ю, западная окраина – во 2-ю. Между 1-й и 2-й частями граница проходила по улицам Базилевской и Лазаретской (ныне Ленина), между 1-й и 3-й частями – с ул. Посадской до Покровской церкви, от нее по оврагу, расположенному западнее улиц Большой Сибирской (ныне Мингажева) и Новой Сибирской (ныне Пархоменко), и по ул. Малой Успенской (ныне Энгельса) на протяжении одного квартала перед выходом на Богородскую улицу². Во главе каждой части стоял частный или участковый пристав. Части делились на кварталы и околотки, где службу несли квартальные и околоточные надзиратели. Основная работа по организации розыска и задержанию преступников, охране общественного порядка на улицах ложилась на городских частных приставов. Это требовало большого практического опыта, эрудиции, личного мужества.

В 60-е годы XIX в. в губернской столице состояло на службе 3 частных пристава. Приставом 1 части г. Уфы был коллежский асессор Николай Степанович Лямин, 39 лет, православного вероисповедания. Из его формулярного дела видно, что он происходил из обер-офицерских детей³. После окончания Оренбургской гимназии в 1847 г. поступил на 1 курс юридического факультета Казанского университета и через год был отчислен по собственному желанию. С 1849 по 1852 гг. Н. С. Лямин преподавал русский язык, историю, географию в Оренбургском, а затем в Уфимском уездном училище. В последующие годы работал в канцелярии Командующего Башкирским войском на должностях стряпчего, помощника столоначальника, а затем помощником начальника 10-го Уфимского кантона, а с 7 апреля 1865 г. – приставом г. Уфы. Был женат вторым браком на Александре Петровой. Имел от первого брака дочь Веру, родившуюся 23 июля 1854 г., и от второго брака сыновей: Константина, родившегося 24 октября 1859 г., и Михаила, родившегося 24 октября 1862 г. За безупречную службу был награжден орденом

¹ НАРБ. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 3263. Л. 50.

² Справочная книжка Уфимской губернии. Отд. IV. Уфа, 1883. С. 25 – 26.

³ НАРБ. Ф. И-9. Оп. 2. Д. 5. Л. 3 – 10.

Св. Святослава 3-й степени. Его годовая зарплата составляла 600 руб. в год¹.

Приставами 2-й и 3-й части служили коллежские асессоры Дмитрий Митрофанович Сомов, 40 лет, и Александр Егорович Мистров, 43 лет. Первый происходил из обер-офицерских детей, а второй – из дворян. Оба имели большой опыт практической работы на полицейской службе, многочисленные поощрения и правительственные награды².

Помощником пристава 1-й части г. Уфы являлся коллежский регистратор Павел Тихоновский, 27 лет, из обер-офицерских детей, окончил Пермское училище канцелярских служителей; 2-й части – Аркадий Прохоров, 24 лет, из обер-офицерских детей, закончил неполный курс Уфимской гимназии; 3-й части – личный почетный гражданин Николай Данилович Леонтьев, 31 года, из солдатских детей. Их годовая зарплата составляла 400 руб. в год³.

Также в штате состояли: канцелярист Л. М. Артемьев, писари – Е. А. и И. С. Артемьевы, Ш. С. Еникеев – все они были дворянского происхождения⁴.

С 1853 г. состоял в штате городской полиции губернский секретарь (подпоручик, чин 12 класса) Хисматулла Арсламбекович Еникеев, 39 лет, из дворян. Выполнял обязанности писаря и переводчика⁵.

Анализ формулярных списков сотрудников Уфимской городской полиции позволяет сделать вывод о том, что подавляющее большинство были выходцами из семей военнослужащих и дворян, имели достаточно высокое по тем временам образование, средний возраст составлял 25 – 30 лет, что свидетельствовало о потенциально подготовленном кадровом составе подразделения.

В 70-е годы происходит расширение численного состава городской полиции за счет изменения принципов комплектования. Если раньше рядовой состав комплектовался солдатами и унтер-офицерами старших возрастов, негодных к службе в армии и служивших в порядке отбывания повинности, то в связи с проведением военной реформы 1874 г. и отменой рекрутской системы был введен принцип вольного найма по контракту. В 1872 г. было завершено строительство нового двухэтажного каменного здания городского полицейского управления стоимостью в 28 тыс. руб.⁶ К 1880 г. в составе городской полицейской команды несли службу 44 городовых.

Ввод в эксплуатацию в 1888 г. Самаро-Уфимской железной дороги способствовал быстрому росту населения города. Уфа становится крупным

¹ НАРБ. Ф. И-9. Оп. 2. Д. 5. Л. 9 – 10.

² Там же. Л. 12 – 17, 18 – 27.

³ Там же. Л. 40 – 46.

⁴ Там же. Оп. 1. Д. 5. Л. 52 – 61.

⁵ Там же. Л. 46 – 49.

⁶ Вестник Уфимского земства. 1881. Вып. 4. С. 17.

центром торговли, открываются промышленные и торговые предприятия, железнодорожные мастерские. По социальному составу преобладающей частью городского населения были вчерашние крестьяне, которые с большими трудностями устраивали свою жизнь. Большинство покинувших деревню становились не профессиональными рабочими, а превращались в вечно неустроенных полунищих, живущих в каком-то неопределенном социальном пространстве между городом и деревней. Дальнейшее углубление социальных противоречий, люмпенизация части городских жителей, нарастание революционного движения оказали прямое воздействие и на рост преступности. Так, с 1900 по 1910 гг. общее число осужденных по приговорам Уфимского окружного суда возросло с 556 до 1182 чел., т. е. в 2,2 раза¹.

Начало XX в. в России характеризуется беспрецедентной в истории чередой террористических актов. Политические убийства и революционные экспроприации стали обыденными явлениями. Зачастую невозможно было отличить политическую борьбу от обыкновенного бандитизма и грабежа. В течение лишь одного года, начиная с октября 1905 г. 3611 чиновников различных классов были убиты или ранены по всем губерниям. Опыт российского парламентаризма, связанный с учреждением Государственной Думы, не смог остановить кровавую бойню. К концу 1907 г. число государственных служащих, погибших и получивших увечья в результате терактов, возросло до 4500².

Волна терроризма и дерзких преступлений захлестнула и Уфу. 6 мая 1903 г. в городском саду в результате теракта был убит губернатор Н. М. Богданович³. Выступая на заседании городской думы, уфимский полицмейстер Г. Г. Бухартовский отмечал, что «за последнее время повсеместно в России, в том числе и в Уфе, участились кражи, грабежи и вымогательства денег с угрозами. Преступления эти, особенно вымогательства, в большинстве случаев исходят, якобы от революционных организаций. Требования денег почти всегда сопровождаются приложением печати с изображением браунинга и разных устрашающих названий и инициалов. Случаи показали, что на этот легкий путь заработка пошли молодые люди..., среди них и неудачники-учащиеся, и проворовавшиеся приказчики, и спившиеся и не желающие работать мастеровые... . Наряду с появлением такого рода новой преступности, также осмелели и обыкновенные воры и грабители, которые также стали прибегать для угроз к кличкам революционных организаций»⁴.

¹ Обзор Уфимской губернии за 1900 г. Уфа, 1902. С. 59 – 60; Обзор Уфимской губернии за 1910. Уфа, 1912. С. 115.

² Гейфман А. Сколько стоил боевизм? // Родина. 1998. № 7. С. 64.

³ Богданович А. В. Три последних самодержца. Дневник. М., 1990. С. 284.

⁴ Журналы Уфимской городской думы за 1913 год. Уфа, 1915. С. 118 – 119.

В сообщении пристава второго участка г. Уфы на имя начальника Уфимского губернского жандармского управления от 30 ноября 1907 г. отмечалось, что «сего числа уфимский купец Михаил Андреевич Зорин, торгующий в каменном корпусе гостиного двора на верхней торговой площади, заявил мне, что сегодня по городской почте им получено письмо за подписью П.С.Р. с требованием 500 руб. Представленное Зориным письмо следующего содержания: «30 с/м Вы должны в 6 ч. вечера принести 500 руб. на Центральную улицу и отдать человеку, гуляющему меж(ду – обрыв документа, сост.) дворянским собранием и магазино(м) Дворжец, он будет одет в сту(ден)ческую форму. Полиции просим н(е) заявлять, иначе будешь убит». О чем сообщаю Вашему высокоблагородию на расследование»¹.

Аналогичные факты приводятся и в сообщении начальника Уфимского ГЖУ в Департамент полиции от 27 декабря 1907 г. «В последних числах октября и ноября сего года, – отмечалось в документе, – во вверенное мне управление стали поступать агентурные сведения о том, что в г. Уфе образовалась группа «анархистов-коммунистов», которые в некоторых случаях называли себя еще и «террористами», поставившая целью своей деятельности, главным образом, грабежи как правительственных, так и частных лиц и учреждений, а также вымогательство при помощи угрожающих писем.

Одновременно с сим некоторыми местными купцами, как напр. Авдеевым, Потокиным, Нагель, Зайцевым и др. действительно были получены письма с требованием денег, в случае же не уплаты, а также при оглашении полученного письма и доведения о сем до сведения полиции, с угрозами убить. Письма посылались от имени «Анархистов-коммунистов», а в некоторых случаях, как например купцу Потокину, еще и «террористов»².

В подтверждение слов уфимского полицмейстера можно также привести и выдержки из отчета Киевского сыскного отделения за 1906 год: «...среди безработных рабочих, – отмечается в документе, – организовались большие разбойничьи шайки. Первоначально посыпалась целая серия писем на имя многих зажиточных обывателей с просьбой о пожертвовании денег: то на безработных, то на революционные цели, Не получив удовлетворения по этим письмам, рабочие в следующих письмах стали уже требовать деньги под угрозой смерти, а затем, вооружившись огнестрельным и холодным оружием и разрывными снарядами, перешли в открытые разбойные нападения на квартиры и магазины обывателей, причем для прикрытия своей преступной деятельности побуждениями политического характера действовали под

¹ После революции (документы по истории антиправительственного движения и деятельности правоохранительных органов в Уфимской губернии в конце 1907 – первой половине 1914 годов): сборник документов / сост., авт. предисл. и коммент. Роднов М. И. Уфа, 2002. С. 40.

² Там же. С. 41.

ярлыком анархизма, коммунизма и максимализма, переименовав грабежи и разбой в «экспроприацию».

Примеру этих разбойников новейшей формации последовали и многие профессиональные воры и тоже пустились на грабежи и разбой, которых они раньше не решались совершить»¹.

Опасения руководителей местной полиции имели серьезные основания, и это подтверждается быстрым ростом числа осужденных.

Так, если в 1905 г. Уфимским окружным судом было приговорено к различным срокам тюремного заключения 556 человек, в 1906 – 539, в 1907 – 571, в 1908 – 726, в 1909 – 975, в 1910 – 1182 человека². Таким образом, за 1905 – 1910 гг. число осужденных возросло более чем в 2 раза, причем тенденция роста преступности сохранялась довольно устойчиво даже после относительной стабилизации ситуации в 1907 г.

Рассматривая структуру преступлений за 1910 г., можно отметить, что наибольшее количество осужденных было привлечено за кражу чужого имущества – 560 человек (47,4 %), против жизни и здоровья – 311 (26,3 %)³. Сословная структура осужденных выглядела следующим образом: потомственных дворян – 3, духовенства – 1, почетных граждан – 7, купцов – 4, мещан – 71, сельских обывателей – 561, военного сословия – 8, разночинцев – 4, инородцев – 517, бродяг и ссыльных – 6. Следовательно, наибольший удельный вес среди осужденных занимали крестьяне – 47 %, инородцы – 43,8 %.

По возрасту осужденные распределялись от 10 до 17 лет – 16 человек, от 17 до 21 года – 163, от 21 до 50 лет – 947, от 50 до 70 лет – 52 и более, от 70 лет – 4 человека. Самый высокий показатель (80 %) совершенных преступлений имел место в возрасте от 21 до 50 лет.

Обострение криминальной ситуации настоятельно требовало как увеличения штатной численности сотрудников городской полиции, так и укрепления ее материальной базы, вооружения и т. д. В этой связи представляет интерес докладная записка уфимского губернатора А. С. Ключарева на имя министра внутренних дел от 2 декабря 1903 г.

«Город Уфа до проведения железной дороги насчитывал 25000 жителей, ныне же цифра его населения достигает 70000 душ, – отмечается в записке. – Постройка железной дороги, возведение новых зданий в самом городе потребовали большого количества рабочих рук, с другой же стороны это отразилось на усилении среди населения разгула, пьянства и преступности. Ненормальный рост города также отразился и на стоимости жизненных продуктов, сравнив их по ценам почти со столичными. Кроме того с проведением железной дороги образовались рабочие поселения близ города, вызвавшая необходимость учреждения там с 1899 года особой (4)

¹ Полиция России. Документы и материалы. Саратов, 2002. С. 290 – 291.

² Обзоры Уфимской губернии за 1905 – 1910 гг. Уфа, 1907 – 1912 гг.

³ Обзор Уфимской губернии за 1910 год. Уфа, 1912. С. 51.

полицейской части»¹. Далее описывается деятельность Уфимского полицейского управления по делопроизводству с 1 января по 20 июня 1903 г., которая выражалась в следующих цифрах: «по настольным реестрам значилось 8507 записей, что составляло бы при ведении входящего и исходящего около 30 тыс. номеров, так в настольном под одним номером записывается вся переписка по одному и тому же предмету. Выдано, кроме того, разного рода свидетельств и удостоверений 1401 и отсрочек 900. При арестантской Полицейского управления (помимо камер приставов содержалось 255 человек. Отправлено из города этапным порядком 161 человек. Препровождено в тюрьму 163 человека. Между тем кроме единственной классной должности секретаря, в полицейском управлении задействованы всего 1 писец с жалованьем 35 руб. в месяц, 3 писца по 25 руб., 1 – за 9 руб., 1 – за 4 руб., 1 рассыльный. Вследствие чего, - делает вывод губернатор, - делопроизводство полицейского управления запущено, для несения же обязанностей рассыльных приходится, вопреки закона (п. 6 прил. к ст. 660 Общ. губ. упр.), пользоваться городовыми»².

Еще более удручающим было положение дел в канцеляриях приставов. Например, во 2-ой части города с 1 января по 2 июня 1903 г. «Записано по настольному реестру 6477 переписок и поступило возвращенных – 1648, а всего 8125. Произведено дознаний – 347, выдано различных удостоверений – 600, составлено постановлений о задержании разных лиц – 686. Чтобы вести такую сложную канцелярскую работу необходимо несколько хороших писцов, а так как пристав хотя и платит писцу 30 руб., добавляя конечно из личных своих средств, но тем не менее один человек не может справиться с такой массой работы, и небрежность ее сразу бросается в глаза при рассмотрении записей в настольном реестре, где вместо содержания бумаг пишутся одни заголовки бумаг, откуда они поступили»³.

В записке губернатора также содержится просьба об открытии при полиции адресного стола. Обращается внимание на острую нехватку рядового состава полиции – городских. Из дела видно, что в начале XX в. в г. Уфе из настоящего состава полицейской команды (83 человека) образовано 23 поста, что при 8-часовом дежурстве требует 69 городских, к обязанностям которых относятся также ежедневные многочисленные наряды на публичные зрелища, в места увеселений, на торжки, базары и т. п. Остальные 14 городских, при отсутствии околоточных надзирателей, заведуют городскими участками, наблюдая за санитарным состоянием дворов и чистотою улиц вручая повестку и исполняя многочисленные мелкие поручения по объявлению разного рода

¹ НАРБ. Ф. И-9. Оп. 2. Д. 97. Л. 104.

² Там же.

³ Там же. Л. 104 об.

переписок, громадное поступление коих в участки служит достаточным доказательством чрезмерного обременения ими городских¹.

В заключительной части своей записки уфимский губернатор ходатайствует перед МВД о расширении штатов Уфимской городской полиции на основании нижеприведенного проекта.

Проект наглядно демонстрирует, что руководство губернии и полицмейстер при формировании штатов исходили из реально сложившейся криминогенной ситуации в городе. Не случайно в штаты предполагалось включить должности заведующего адресным столом, 1 пристава по сыскной части, 1 помощника пристава резерва, 3 единицы околоточных надзирателей резерва, а также закладывались на канцелярские расходы в управлении – 200 руб., приставов – 2400 руб., на содержание канцелярии по сыскной части, фотолаборатории и антропометрической станции – 60 руб.²

Таблица 12

Проект штатов Уфимского городского полицейского управления

Наименование должностей	Число лиц	О Д Н О М У				Всем	Примечание
		Жалованья	Столовых	Квартирных	Разъездных		
Полицмейстер	1	1200	1200	Натурою	1000	3400	
Помощник его	1	600	600	500	200	1900	
Секретарь	1	400	400	300	–	1100	
Столоначальников	2	250	250	100	–	1200	
Заведующий адресным столом	1	200	200	100	–	500	
Приставов	4	500	500	Натурою	300	5200	
Помощников их	6	300	300	Натурою	150	4500	
Письмоводителей приставов	4	200	200	100	–	2000	
Околоточных надзирателей	20	500	–	–	–	10000	
Приставов по сыскной части	1	500	500	Натурою	300	1300	
Помощник пристава резерва	1	250	250	Натурою	–	500	В резерв во всех полициях ощущается крайняя необходимость

¹ НАРБ. Ф. И-9. Оп. 2. Д. 715. Л. 105.

² Там же. Л. 105 – 105 об.

Околоточных надзирателей резерва	3	300	–	При резерве полиции общая комната для 3-х	–	900	
Канцелярские расходы:							
полицейского управления	–	–	–	–	–	2000	
2) приставов	–	–	–	–	–	2400	
3) пристава по сысской части							
Содержание канцелярии, фотографии и антропометрической станции	–	–	–	–	–	600	
	45						Всего 37500 руб.
Городовые:			Обмунд.				
старшие	25	160	25	Лошади и фураж натурою от города		5740	
младшие							
конные	15	150	25	–	–	2625	
пешие	97	150	25	–	–	16975	
	137						
Итого	212						Всего 25340 руб.

Проект предусматривал и существенное повышение заработной платы сотрудников городской полиции. Так, годовой оклад полицмейстера предполагалось довести до 3400 руб., что было на 1 тыс. более нынешней; его помощник – 1900 руб., более на 900 руб., приставы – 1300 руб., более на 700 руб., городовые – 175 руб., более на 75 руб.

Таким образом, общую численность сотрудников аппарата полицейского управления вместе со службой приставов предполагалось довести до 75 человек: 1 полицмейстер, 1 помощник, 1 секретарь, 2 столоначальника, 1 заведующий адресным столом, 4 пристава, 6 помощников приставов, 4 письмоводителя приставов, 20 околоточных надзирателей, 1 пристав сысской части, 1 помощник пристава резерва, 3 околоточных надзирателя резерва. Штат городских предполагалось довести до 137 человек: 15 конных и 97 пеших. Всего – 212 человек.

Общие расходы на содержание городской полиции должны были составить 62840 руб.¹

Уфимская городская дума, на обсуждение которой был передан данный проект, не только не признала возможным по состоянию финансового положения принять на себя расходы на содержание полиции, а постановила возбудить ходатайство об освобождении города от издержек на содержание полиции вообще. Члены городской думы мотивировали свое постановление тем, что в последние годы за счет городского бюджета был построен ряд учебных заведений, отремонтирован ряд городских зданий и т. д.²

Убедившись в действительном отсутствии необходимых финансовых средств г. Уфы, губернатор ходатайствовал о принятии «дополнительной по содержанию полиции издержки за счет Государственного казначейства».

Далее в документе отмечается, что «Министерство внутренних дел, рассмотрев приведенный выше проект штата, нашло, что г. Уфа по цифре населения и по своему положению ближе подходит к городам Перми и Екатеринбург, чем к Самаре и Оренбургу, полицейские штаты коих приняты генерал-майором Соколовым за образец при проектировании штата для Уфимской полиции, почему и штат Уфимского городского полицейского управления должен быть приближен к штатам двух упомянутых городов. Поэтому предполагалось намеченные Уфимским губернатором нормы состава и оклады содержания чинов Уфимской городской полиции несколько уменьшить, и образовать последнюю по нижеследующему штату, отнеся новый расход всецело на средства Государственного казначейства»³. Проект, скорректированный МВД, помещен в таблице 13.

Таблица 13

Проект штата Уфимской городской полиции,
выработанный Министерством внутренних дел

Наименование должностей	Число лиц	О Д Н О М У			Всем
		Жалования	Столовых	Разъездных	
Полицмейстер	1	1000	1000	500	2500
Помощник его	1	600	600	—	1200
Секретарь	1	400	400	—	800
Столоначальников	2	250	250	—	1000
Приставов	4	500	500	300	5200
Помощников их	4	300	300	150	3000

¹ НАРБ. Ф. И-9. Оп. 2. Д. 715. Л. 105.

² Там же. Л. 105 об.

³ Там же. Л. 106.

Письмоводителей приставов	4	200	200	–	1600
Околоточных надзирателей	20	400	–	–	8000
Канцелярские расходы:					
– полицейского управления	–	–	–	–	2000
– приставов	–	–	–	–	2000
Городовых:			Обмунд.		
– старших	28	180	25	–	5740
– младших	112	150	25	–	19600
Из них 15 конным на фураж	–	100	–	–	1500
Итого	–	–	–	–	54140

Из таблицы 13 видно, что МВД внесло определенные коррективы в штатную численность управления, сократив должности приставов на 1 единицу, их помощников – на 4, околоточных надзирателей – на 3 единицы, также была ликвидирована должность заведующего адресным столом. Но в то же время была увеличена численность городских на 3 единицы, со 137 до 140.

Еще существеннее коснулась корректировка денежного содержания окладов сотрудников и общих канцелярских расходов. Они были сокращены с 62846 руб. до 54140 или на 8700 руб.¹ Здесь сокращению подверглись прежде всего денежные оклады полицмейстера, его помощника и секретаря, тогда как у приставов и нижестоящих сотрудников, в том числе и городских, оно было сохранено.

Казалось бы, что проект, всесторонне рассмотренный в Министерстве внутренних дел, скорректированный в сторону уменьшения, должен был быть принят и утвержден. Но как показывают документы, он должен был пройти еще ряд инстанций. Данный проект вызвал возражения со стороны Министерства финансов и Государственного контроля, которые потребовали сократить расходную часть финансирования с 54140 до 42220 руб. или на 11920 руб. Окончательный вариант штата Уфимской городской полиции был утвержден министром внутренних дел В. К. Плеве 19 января 1904 г. и приведен в таблице 14.

¹ НАРБ. Ф. И-9. Оп. 2. Д. 715. Л. 106 об.

Штат Уфимской городской полиции за 1904 год

	Число лиц	Содержание в год					Классы и разряды		
		Жалова- ния	Столовых	Разъезд- ных	Одному	Всем	По должно- сти	По ши- тью на мундире	По пенсии
I									
Полицмейстер	1	1000	1000	500	250 0	2500	VII	По форме, установ- ленной для чи- нов по- лиции	V
Помощник полицмейстера	1	600	600	—	120 0	1200	VIII		VI
Секретарь	1	400	400	—	800	800	X		VII
Столоначальники	2	200	200	—	400	800	XII		IX
Канцелярские и хозяй- ственные расходы	—	—	—	—	—	2000			
Итого	5	—	—	—	—	7300			
II									
Участковые пристава	4	500	500	—	100 0	4000	IX	По форме, установ- ленной для чи- нов по- лиции	VI
Помощники их	4	300	300	—	600	2400	X		VII
Околоточные надзиратели	12	400	—	—	400	4800	XIV		
Канцелярские и хозяйственные расходы	—	—	—	—	500	2000			
Итого	20	—	—	—	—	13200			
III									
Городовые:									
— конные	15	150	—	—	150	2250			
— старшие	24	180	—	—	180	4320			
— младшие	81	150	—	—	150	12150			

¹ НАРБ. Ф. И-9. Оп. 2. Д. 715. Л. 110.

Им на обмундирование	120	–	–	–	25	3000			
Итого	120	–	–	–	–	21720			
Всего	145	–	–	–	–	42220			

Из таблицы 14 видно, что по сравнению с первоначальным вариантом штатов были подвергнуты сокращению должности письмоводителей при приставах в количестве 4 человек, а также околоточных надзирателей с 20 до 12, городских – со 140 до 120 человек¹.

Исключались из штатов разъездные деньги приставов и их помощников.

Денежное содержание всех сотрудников управления было сохранено, за исключением столоначальников, оклад последних был ограничен 400 рублями в год. Оклад полицмейстера составлял 2500 руб. в год, его помощника – 1200 руб., секретаря – 800 руб., пристав – 1000 руб., помощника пристава – 600 руб., околоточного надзирателя – 800 руб., городских: старшего – 180 руб., младшего – 150 руб. в год.

Следовательно, вся вышеуказанная расходная сумма распределялась на две части: первая – 20500 руб. выделялась на содержание аппарата управления городской полиции и покрывалась за счет средств казны, а вторая часть в сумме 21720 руб. выделялась на содержание полицейской команды в лице городских за счет средств местного городского бюджета.

§ 3. Формирование института уездных исправников. Становые приставы и урядники

Качественные структурные преобразования в системе полицейских органов России начинаются после отмены крепостного права 1861 г. Они были вызваны целым рядом факторов, главным из которых явилось обострение революционной ситуации, вылившееся в массовые крестьянские волнения; развитие капитализма и рост городов, вызвавшие резкие сдвиги в процессе урбанизации, миграции и социальной жизни.

Наиболее важным структурным подразделением МВД в изучаемый период являлся Департамент полиции. В состав Департамента входили: директор, вице-директор, чиновники особых поручений и прочие чины. Основной его задачей было ведение дел «по предупреждению и пресечению преступлений и по охранению общественной безопасности и порядка; о государственных преступлениях; по устройству полицейских учреждений и по наблюдению за их деятельностью и за правильным течением дел в этих учреждениях; по определению, перемещению, увольнению и награждению чинов полиции и назначению им пенсии и других законом уста-

¹ Хакимов С. Х. Полиция в системе органов губернского управления пореформенной России (1862 – 1914 гг.): учебное пособие. Уфа, 2003. С. 84.

новленных денежных выдач; об охране и возобновлении государственной границы; о пограничных сообщениях; о снабжении иностранцев видами на проживание в России и о высылке иностранцев; по проверке показаний лиц, именующих себя за границей русскими подданными, по передаче в Россию русских подданных, задержанных за границей, дезертиров и обвиняемых в разных преступлениях; об учреждении опеки в особых случаях; по надзору за питейными и трактирными заведениями; о мерах безопасности от огня и по надзору за приготовлением, хранением, торговлей и перевозкой пороха и других взрывчатых веществ; по утверждению уставов разных обществ и клубов и разрешению публичных лекций, чтений, выставок и съездов; по наблюдению за исполнением узаконений и правил о паспортах и беглых и о правах на местожительство евреев»¹.

Департамент полиции как структурное подразделение Министерства внутренних дел, возглавлявший политический сыск, был создан на основании двух Указов: 6 августа 1880 г. «О закрытии Верховной распорядительной комиссии, упразднении III отделения Собственной е. и. в. канцелярии и об учреждении Министерства почт и телеграфов»² и 15 ноября 1880 г. «О соединении Департамента государственной полиции и Полиции исполнительной в одно учреждение – Департамент государственной полиции»³.

Первоначальный штат Департамента полиции (так сокращенно стало называться новое ведомство с 1883 г.) составлял 52 человека: директор, вице-директор, 3 чиновника особых поручений, секретарь, общий журналист, 3 делопроизводителя, 10 старших и 9 младших их помощников, казначей и его помощник, завархивом с помощниками и 18 чиновников для письма. Директор Департамента полиции должен был иметь чин тайного советника (третий класс), а вице-директор – чин действительного статского советника (четвертый класс)⁴.

Количество штатных чиновников долгое время оставалось именно таким, а иногда даже меньшим. Однако Департамент разросся за счет внештатных чиновников, «прикомандированных» из других подразделений Министерства внутренних дел и вольнонаемных служащих. В общей сложности в 1881 г. в Департаменте полиции было 125 человек, в 1895 г. – 153, в 1899 г. – 174 человека⁵.

В 1894 г. в штат Департамента полиции был назначен еще один вице-директор, число чиновников особых поручений было доведено до 4, удвоено число делопроизводителей и увеличено число их помощников, вве-

¹ СЗРИ. 2-е изд. / под ред. Добровольского А. А. СПб., 1913. Т. 1. Ч. 2. С. 256, 257.

² ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 55. Отд. 1. № 61279.

³ Там же. № 61550.

⁴ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 302. Д. 707. Л. 152 – 153 об.

⁵ Рууд Ч. А., Степанов С. А. Фонтанка 16: Политический сыск при царях. М., 1993. С. 90.

дена должность экзекутора. Именным указом 13 сентября 1902 г. в штат Департамента было добавлено еще 30 должностей¹.

Всего с 1880 г. по 1917 г. на посту директора Департамента полиции сменилось 20 человек².

17 августа 1880 г. – 12 апреля 1881 г. – барон Иван Осипович Велио; 15 апреля 1881 г. – 20 июля 1884 г. – Вячеслав Константинович Плеве; 21 июля 1884 г. – 3 февраля 1893 г. – Петр Николаевич Дурново; 10 февраля 1893 г. – 22 июля 1895 г. – Николай Иванович Петров; 22 июля 1895 г. – 17 апреля 1896 г. – Николай Николаевич Сабуров; 17 апреля – 22 мая 1896 г. – Сергей Эрастович Зволянский; 9 мая 1902 г. – 4 марта 1905 г. – Алексей Александрович Лопухин; 6 марта – 29 июня 1905 г. – Сергей Григорьевич Ковалевский; 29 июня – 19 июля 1905 г. – неизвестно, 19 июля – 9 ноября 1905 г. – Николай Павлович Гарин; 9 ноября 1905 г. – 13 июня 1906 г. – Эммануил Иванович Вуич; 13 июня 1906 г. – 29 марта 1909 г. – Максимальян Иванович Трусевич; 29 марта 1909 г. – 21 февраля 1912 г. – Нил Петрович Зуев; 21 февраля 1912 г. – 28 января 1914 г. – Степан Петрович Белецкий; 3 февраля 1914 г. – 4 сентября 1915 г. – Валентин Анатольевич Брюн-де-Сент-Ипполит; 6 сентября – 23 ноября 1915 г. – Русчу (Гавриил) Георгиевич Моллов; 23 ноября 1915 г. – 14 февраля 1916 г. – Константин Дмитриевич Кафафов; 14 февраля – 15 сентября 1916 г. – Евгений Константинович Климович; 28 сентября 1916 г. – 28 февраля 1917 г. – Алексей Тихонович Васильев.

Рассмотрим изменения внутренней структуры Департамента полиции. В ее состав входили следующие делопроизводства:

1-е – распорядительное (декабрь 1880 – 10 марта 1917 гг.), ведало административно-полицейскими вопросами; личным составом Департамента полиции, учетом чинов полиции, их служебными перемещениями (от 6-го класса и выше); назначением пенсий, пособий, наград (до 1907 г.); расхождением денежных средств; вело борьбу с фальшивомонетчиками; доводило до сведения лиц, проживавших за границей, требования правительства об их возвращении в Россию; ведало рассмотрением заявлений о неправильных действиях полиции, отчетов губернаторов и сенатских определений о привлечении полицейских чиновников к ответственности (с 1883 г.)³.

2-е – законодательное (декабрь 1880 – 10 марта 1917 гг.), осуществляло организацию работы полицейских учреждений и контроль за их деятельностью; ведало охраной государственной границы; разрабатывало инструкции, циркуляры и правила; наблюдало за исполнением законов и ус-

¹ Чернышевский Д. В. Полиция как орудие карательной политики царизма (1881 – 1894 годы) // Освободительное движение в России. Вып. 2. Саратов, 1974. С. 79.

² Витенберг Б. М., Островский А. В., Перегудова З. И. Во главе Департамента полиции // Из глубины времен. СПб., 1995. Вып. 4. С. 131.

³ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 302. Д. 707. Л. 23, 24 об.

тавов, относившихся к деятельности полицейских учреждений; разрешало спорные вопросы взаимоотношений рабочих и работодателей, а также вопросы применения рабочего законодательства (с 1915 г.); ведало учетом паспортов, наблюдало за питейными и трактирными заведениями; решало вопросы изменения границ уездов (с 1901 г.), с 1914 г. – введением на отдельных территориях страны «исключительного положения» и продления сроков действия усиленной и чрезвычайной охраны¹.

3-е – секретное (декабрь 1880 – 10 марта 1917 гг.), ведало внутренней и заграничной агентурой; наблюдением и следственными мероприятиями в отношении политических партий; охраной императора и высших сановников; расхождением средств, отпущенных на политический розыск (с 1889 г. осуществляло негласный политический надзор); в 1898 г. из него был выделен Особый отдел Департамента полиции, к которому перешел политический сыск. До 1906 г. 3-е делопроизводство ведало личным составом Департамента полиции, губернских жандармских управлений, охранных отделений; с 1900 г. в его ведении находилось разрешение публичных лекций и чтений, с 1906 г. – утверждение уставов общественных организаций и союзов.

4-е – (14 марта 1883 – 6 сентября 1902 гг.) наблюдало за производящимися при жандармских управлениях формальными дознаниями, составлением справок для следственных органов о революционной деятельности привлеченных к следствию по делам о государственных преступлениях; эти функции вместе с материалами перешли в сентябре 1902 г. к вновь созданному 7 делопроизводству. Вновь созданное 4-е делопроизводство (3 января 1907 – 10 марта 1917 гг.) осуществляло наблюдение за рабочим и крестьянским движением, деятельностью различных обстоятельств, земских союзов городских и сословных учреждений, монастырями, прессой.

5-е – исполнительное (18 февраля 1883 – 10 марта 1917 гг.), было создано на базе 2-го делопроизводства судебного отдела Министерства внутренних дел, занималось составлением докладов для Особого совещания под председательством товарища министра внутренних дел по вопросам административной высылки политически неблагонадежных лиц под гласный надзор полиции; контролировало исполнение подведомственными учреждениями решений Особого совещания и «Положения о негласном надзоре» (1889 г.). С 1914 г. оно стало заниматься перепиской по ходатайствам лиц, отбывавших в ссылку и высланных местными властями за пределы Кавказа, Степного и Туркестанского генерал-губернаторств.

6-е – (1894 – 10 марта 1917 гг.) осуществляло надзор за разработкой фабрично-заводского законодательства; контролировало изготовление, хранение, перевозку взрывчатых веществ, соблюдение постановлений, определявших положение еврейского населения. С 1900 г. к его ведению бы-

¹ ГАРФ. Путеводитель. Т. 1. С. 24.

ли отнесены: принятие мер против хищений оружия, выдача разрешений на перевозку через границу оружия и взрывчатых веществ; борьба с бродяжничеством и изготовлением фальшивых денег. С 1907 г. 6-му делопроизводству было поручено составление справок по запросам различных учреждений о политической благонадежности лиц, поступивших на государственную и земскую службу. В 1912 г. оно было объединено с 5-м делопроизводством. Приказом от 3 октября 1912 г. 6-е делопроизводство было восстановлено в качестве справочного аппарата (справочная часть всех делопроизводств, центральный справочный алфавит, справочный стол), где были сосредоточены сведения о политической благонадежности лиц, находившихся на государственной и земской службе. В 1915 г. центральный справочный аппарат был присоединен к Особому отделу, который получил наименование 6-го делопроизводства. В 1916 г. Особый отдел был восстановлен с его прежними функциями.

7-е – наблюдательное (6 сентября 1902 – 10 марта 1917 гг.), создано на базе 4-го, существовавшего с 1883 по 1902 гг., следило за дознаниями, производимыми жандармскими управлениями; составляло справки для следственных органов о революционной деятельности лиц, заподозренных в государственных преступлениях; рассматривало ходатайства обвиняемых или лиц, производивших следствие, о продлении срока ареста или изменении меры наказания. С 1905 г. 7-е делопроизводство составляло розыскные циркуляры, вело переписку с тюремным ведомством; с 1914 г. исполняло обязанности юрисконсультской части (разработка законопроектов и штатов полиции)¹.

8-е – (март 1908 – 10 марта 1917 гг.) осуществляло наблюдение за деятельностью сыскных отделений, занималось составлением для них инструкций и правил, изданием розыскных циркуляров; ведало сношением с иностранными полицейскими учреждениями; заведовало организацией работы школ инструкторов и фотографией Департамента полиции. С 1915 г. ведало организацией сыскных отделений; тогда же в 8-е делопроизводство из 4-го был передан сбор сведений об уголовных преступлениях.

9-е – создано в 1914 г. вместо упраздненного Особого отдела, унаследовало его функции².

Идея реформирования органов местной полиции вынашивалась уже во второй половине 50-х гг. XIX в. Она напрямую связывалась с успешной реализацией крестьянской реформы. Именно несовершенство деятельности полиции часто являлось аргументом для обоснования отсрочки или невозможности крестьянской реформы. «Каждый раз, когда возникал вопрос об освобождении крестьян, между прочими препятствиями к его разреше-

¹ Перегудова З. И. Полицейский сыск России (1880 – 1917). С. 35 – 37.

² Лурье Ф. М. Полицейские и провокаторы: политический сыск в России 1649 – 1917. СПб., 1998. С. 83 – 84.

нию выставлялось несовершенство наших учреждений, как полицейских, так и судебных, в особенности первых»¹.

Один из руководителей второго отделения Собственной его величества Канцелярии граф Д. Н. Блудов также отметил, что «...весьма желательно усилить средства нашей полиции, облагородить ее, возвысить ее значение»².

В марте 1858 г. при Министерстве внутренних дел был образован земский отдел, в котором сосредоточивались подготовительные работы по крестьянскому вопросу, а также по выработке оснований для реформы местного уездного управления. Но до мая 1858 г. не было разработано какого-либо конкретного проекта. Работа над проектом активизировалась в связи с назначением императором слушания в Главном комитете по крестьянскому делу Главных начал будущего устройства уездного управления и полиции.

Представленный проект о реформе уездного полицейского управления состоял из 17 пунктов, в которых предусматривалось соединение городской и земской полиции под начальством уездного исправника, назначаемого от правительства, и других мер по укреплению полицейской административной власти. Изучив положение земской полиции в соответствии с поставленными верховной властью целями, комиссия пришла к выводу о том, что кроме придания большей централизации в организации полиции ее эффективность может быть повышена в результате резкого сокращения объема выполняемых ею функций. Действительно, в это время на полицию было возложено огромное количество по существу разнородных обязанностей. Поэтому было признано необходимым освободить полицию от несвойственных ей функций; хозяйственно-распорядительных, судебных, следственных. При таком устройстве полиции, которая располагалась, производила следствие, судила и в то же время приводила в исполнение собственные свои распоряжения и приговоры, она не могла все-лять к себе доверия и вместе с тем лишалась надлежащей силы»³.

Отмена крепостного права в России 19 февраля 1861 г. затронула все стороны жизнедеятельности государства, в том числе и правоохранительную систему. Правительство, готовя отмену крепостного права, столкнулось с необходимостью реорганизации полиции. «Из всех происходящих преобразований в государственном строительстве, – отмечал один из видных государственных деятелей того времени Д. А. Милютин, – ближайшую связь с отменой крепостного права имело устройство местного управления вообще, в особенности же полиции»⁴. Это обуславливалось и

¹ Соловьев Я. И. Записки о крестьянском деле // Русская старина. 1882. № 3. С. 562.

² Мамонтов А. Г. Россия в 1860 г.: Учреждение судебных следователей (социально-политические и идейные предпосылки) // Государство и право. 1996. № 3. С. 142.

³ Соловьев Я. И. Указ. соч. С. 562.

⁴ Коротких М. Г. Самодержавие и судебная реформа 1864 г. в России. Воронеж, 1989. С. 64.

тем, что помещик для поддержания порядка в своих имениях сам вершил правосудие. С освобождением крестьян охрана порядка всецело становилась обязанностью полиции. Ее прерогативой было ведение следствий, вынесение окончательных приговоров по маловажным делам. Старый полицейский аппарат после отмены крепостного права оказался не в состоянии выполнять эти задачи, особенно в период резкого обострения крестьянских волнений в начале 60-х гг. XIX в.

Первой реакцией многомиллионного российского крестьянства на отмену крепостного права было неповиновение своим бывшим хозяевам – помещикам, дворянам, которые не ожидали такого поворота событий. Повсеместно наблюдались поджоги помещичьих усадеб, самовольные захваты наделов, пастбищных и лесных угодий, нападения на представителей власти и т. д. Уже в марте 1861 г. волнения крестьян охватили 8 губерний, в апреле – 28, в мае – 32. На их подавление кроме полиции и войск внутренней стражи правительством было направлено 47 батальонов, 187 рот пехоты, 38 эскадронов кавалерии и три сотни казаков¹. В этой связи следует заметить, что любые глубокие экономические, политические и социокультурные подвижки меняют состояние и характер преступности в обществе. В переломные эпохи рост мобильности различных слоев населения существенно усиливает и их криминальную активность. При неблагоприятном развитии реформ массы населения, выбитые из своей социальной ниши, начинают вести борьбу за выживание любыми, далеко не всегда лояльными традиционной морали, да и закону, способами. Обратим внимание на следующие данные.

С 1860 по 1862 год число обвиняемых за совершение различного рода уголовных преступлений возросло с 313078 до 358219 человек или на 14,4 %, а число осужденных с 69730 до 92150 или на 32,2 %. В 1862 г. наибольшее количество преступлений было совершено против частной собственности – 160089 (44,7 %), против собственности государства – 86698 (24,2 %). По данным видного исследователя С. С. Остроумова, за 1860 – 1867 гг. среднегодовое число осужденных по видам совершенных преступлений распределяется следующим образом: 33,7 % – против частной собственности, 32,2 % – против государственности, 19,5 % – против законов внутреннего устройства государства².

Возросшие масштабы преступности потребовали от центральных властей пересмотра системы общеполицейского управления, его структуры и функций.

Согласно Указу Александра II от 12 февраля 1858 г. под руководством графа Я. И. Ростовцева были составлены предварительные предложения о новом устройстве уездного полицейского управления. Суть их заключалась, во-первых, в соединении земской и городской полиции; во-

¹ Зайончковский П. А. Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 г. М., 1968. С. 65.

² Остроумов С. С. Преступность и ее причины в дореволюционной России. М., 1980. С. 16 – 17.

вторых, в назначении начальников уездной полиции правительственными органами; в-третьих, в увеличении содержания полицейских чиновников¹.

Много споров возникло при определении правового положения, функциональных обязанностей низшего звена уездной полиции в лице сотских и десятских. В представлении министра внутренних дел на имя Государственного совета, опубликованном в материалах комиссии об устройстве сельской полиции, указывалось, что сотские назначались властными структурами из числа грамотных, авторитетных жителей. Для более эффективной работы данных структур полиции предлагалось установить более оптимальные размеры сотенных участков, увеличить заработную плату и установить льготы за выслугу лет. Сотские определялись непосредственно уездным полицейским управлением или по представлению станowych приставов, сотский должен быть лицом неопороченным по общественному приговору или суду, не состоящим под следствием и не моложе 25 лет, проживать в данном уезде².

В этом же документе имеются положения, предусматривающие за безупречную службу освобождение последних в течение 20 лет от исполнения всех натуральных повинностей, в том числе и рекрутской.

В окончательном варианте основные положения реформирования органов общей полиции были опубликованы 25 декабря 1862 г. во «Временных правилах об устройстве полиции в городах и уездах губерний», состоящих из 33 статей³.

В результате вместо городской и земской полиции в каждом уезде учреждался единый полицейский орган – уездное полицейское управление во главе с исправником.

При этом указом 25 декабря 1862 г. предписывалось осуществлять особо строгий подбор кандидатов из дворян на эту должность. «Из выбранных дворянством нынешних исправников... оставить в новой должности только тех, кои по усмотрению начальников губерний могут действительно с пользою исполнять обязанности, на них вновь возлагаемые; прочих же затем уволить, заместив их другими лицами, также по непосредственному усмотрению начальников губерний»⁴.

Общее присутствие уездного полицейского управления работало в составе исправника, его помощника и выборных сословных заседателей (от дворян, сельских обывателей и горожан). Уездный исправник согласно законодательству являлся председателем общего присутствия уездного полицейского управления и начальником уездной полиции, которому подчи-

¹ Фукс В. Суд и полиция. Ч. II. СПб., 1889. С. 194.

² Анучин Е. Н. Исторический обзор развития административно-полицейских учреждений в России с «Учреждения о губерниях 1775 г.» до последнего времени. СПб., 1872. С. 187.

³ ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 37. № 39087.

⁴ Там же.

нялись все полицейские чиновники в уезде и который принимал окончательное решение по всем входящим в компетенцию полиции вопросам.

Сохранялось древнее деление на станы, подведомственные становым приставам. Согласно ст. 16 Правил помимо станов более мелкими полицейскими территориальными единицами уезда являлись участки (сотни) и селения¹.

В городах, посадах и местечках вводились должности городских приставов, их помощников и полицейских надзирателей. При уездном полицейском управлении создавалась канцелярия, возглавляемая секретарем и учреждались должности рассыльных. Кроме того, в случае необходимости при уездном полицейском управлении Правила предусматривали возможность создания временных отделений.

По утвержденным в тот же период времени штатам были введены городские полицейские команды из унтер-офицеров, их помощников и нижних чинов, которые набирались из вольнонаемных лиц по преимуществу из бессрочно отпускных и отставных нижних военных чинов. В некоторых губерниях учреждается при полицейских управлениях конная стража. В сельских же поселениях в качестве нижних чинов полиции оставались на прежних основаниях сотские и десятские. Однако правительство было озабочено прежде всего устройством полиции в уездах, где особенно проявлялась недостаточность полицейского надзора.

Границы станов были чрезвычайно велики, и огромное пространство представляло собой практически непреодолимое препятствие для одного человека – станового пристава – исполнять возложенные на него обязанности, тем более что он не имел ни штатной канцелярии, ни рассыльных в достаточном числе. При таких условиях вся полицейская деятельность лежала на сотских и десятских. Однако их состав был крайне неудовлетворителен, во-первых, в силу условий назначения (по выборам), во-вторых, в связи с очевидной недостаточностью вознаграждения, а зачастую и при полном его отсутствии².

Порядок замещения должности начальника уездной полиции (уездного исправника) по выбору от дворян был изменен. Теперь назначение и увольнение с должностей классных и исполнительных чинов полиции являлось компетенцией лично начальника губернии. Общее присутствие являлось совещательным органом при уездном исправнике. В сферу деятельности уездного управления входила вся территория уезда, включая уездный город.

На содержание всей уездной полиции вместо отпускавшейся по прежним штатам суммы 3168819 руб. было назначено 4247998 руб., то есть на 1079179 руб. больше. Вместе с тем жалование полицейским чинам было определено по новым штатам:

¹ Андреевский И. Е. Русское государственное право. СПб., 1866. Т. 1. Ч. 1. С. 398.

² О преобразовании полиции в империю. СПб., 1913. Приложение № 5. С. 22 – 23.

а) по уездному полицейскому управлению (в год) уездному исправнику – 1500 руб., его помощнику – 100 руб., на канцелярские издержки, наем писарей, сторожей, рассыльных и проч. – 1200 руб., городскому приставу – 600 руб., полицейскому надзирателю – 400 руб., становому приставу – 600 руб., на канцелярские расходы пристава – от 300 до 1000 руб.;

б) по городскому полицейскому управлению: полицмейстеру – от 1000 до 1500 руб., помощнику – 1000 руб., секретарю – от 400 до 600 рублей¹.

Из составленного Центральным статистическим комитетом России свода полученных из губерний сведений видно, что в 1872 году в 46 губерниях всех лиц, исполняющих полицейские обязанности в селениях, насчитывалось 380521 человек, в том числе волостных старшин – 9450, сельских старост – 100176, сотских – 46398 и десятских – 224497 человек. Почти $\frac{3}{4}$ всего числа этих лиц (274050 человек) отправляли свои обязанности безвозмездно и только $\frac{1}{4}$ (106471 человек) получали содержание на общую сумму 3484725 рублей ежегодно. Средний размер содержания волостных старшин составлял 120 – 140 рублей в год, но в некоторых местах доходил до 400 рублей. Средний размер содержания старосты и сотского был от 10 до 20 рублей².

Обязанности сотского были весьма обширны и многосложны. Он наблюдал за сохранением благочиния в церквях, порядком при расположении войск на квартирах, предохранением от пожаров и других несчастных случаев, исправностью путей сообщения, правильностью торговли, доброкачественностью припасов в продаже, прекращением повальных болезней, призрением бедных и больных, прекращением нищенства, своевременным погребением умерших, а также прекращением воровства, грабежей, разбоев и других правонарушений.

Нередко сотский представлял собой единственную полицейскую власть на несколько десятков верст. Закон требовал, чтобы на эти должности избирались наиболее авторитетные крестьяне с соответствующим материальным обеспечением. Выбор сотских проводился жителями всех сословий и всех сел ежегодно в декабре месяце и утверждался губернским правлением³.

Правительство редко, по мнению Е. Анучина, встречало в сотском готовность задерживать и преследовать злоумышленников. Губернаторы указывали даже на такие случаи, что следователи были вынуждены для открытия истины образовывать совершенно новую, временную полицейскую

¹ Фукс В. Суд и полиция. Ч. 2. С. 199 – 200.

² Анучин Е. Н. Исторический обзор развития административно-политических учреждений России. С. 194.

³ Власов В. И., Гончаров Н. Ф. Организация розыска преступников в России в IX – XX веках. Ч. II. До-модедово, 1997. С. 37.

власть на месте, устраняя сотских и десятских не только той деревни, где совершилось событие, но и даже ближайших деревень¹.

Круг обязанностей чинов уездной полиции был очень широк. Они осуществляли надзор за продажей вина, ведали вопросами санитарии, борьбы с голодом, пожарами, принимали меры для призрения бедных, держали в руках всю паспортную систему.

Они также занимались и обнародованием законов, манифестов, указов, распоряжений вышестоящих органов, для чего в полиции были книги законов, которые давались населению «для обозрения»².

Более конкретно расписана компетенция общего присутствия полицейского управления и его председателя (уездного исправника или полицмейстера). Согласно статье 25 «Временных правил...» в компетенцию присутствия входили следующие вопросы:

- 1) распоряжения по обнародованию законов, манифестов и указов;
- 2) обсуждение возникающих вопросов в связи с невозможностью исполнить указания вышестоящих органов;
- 3) принятие чрезвычайных мер к исполнению закона и восстановлению порядка, спокойствия и безопасности;
- 4) взыскания с виновных издержек, последовавших при принятии чрезвычайных мер;
- 5) рассмотрение жалоб частных лиц и требований присутственных мест о противозаконных действиях подведомственных управлению полицейских чиновников;
- 6) предоставление губернскому начальству о переводе станowych квартир, об изменении станowych участков и числа станов;
- 7) изменение числа и состава сотен;
- 8) определение и увольнение сотских и полицейских служителей, удаление их от должности и предание суду;
- 9) временное, впредь до разрешения губернского начальства, устранение от должности исполнительных чиновников полиции в случае совершения ими уголовных преступлений;
- 10) ежемесячные и чрезвычайные проверки денежных сумм и имущества, находящегося в ведении полицейского управления, рассмотрение и предоставление годовых отчетов по данному вопросу.

В городах, подведомственных уездному полицейскому управлению, службу несли городские приставы и полицейские надзиратели. Рядовую службу несли городовые, комплектовавшиеся в полицейские команды.

Штатная численность сотрудников зависела от количества жителей и колебалась в среднем в пределах 12 – 16 человек.

¹ Анучин Е. Н. Указ. соч. С. 183 – 184.

² Шелкопляс В. А. Полицейская реформа в России в 60-х годах XIX века. Минск, 1981. С. 34.

Например, в 1880 г. в уездных городах Уфимской губернии несли службу 54 рядовых полицейских: в г. Бирске – 10 чел., в Мензелинске – 10, Белебее – 8, Стерлитамаке – 9, Златоусте – 17¹.

В пореформенный период в России наблюдался неуклонный рост преступности, связанный как с обнищанием населения, так и с усилением революционного движения. По данным дореволюционной статистики, общее число осужденных возросло всего лишь за 1860 – 1863 гг. почти на $\frac{1}{3}$ (с 79,0 до 104,0 тыс. человек), причем особенно интенсивно – почти на 40 % – увеличились государственные преступления, в 1,5 раза (против частной собственности государства) и воровства – немногим менее $\frac{1}{3}$ (против частной собственности)². Рассматривая структуру преступлений в России за 1874 – 1890 гг., С. С. Остроумов отмечает, что имущественные преступления, главным образом кражи, составили примерно $\frac{2}{3}$ всех уголовных нарушений³.

Такая же картина наблюдалась и на периферии. Так, в Уфимской губернии за 1874 – 1890 гг. количество преступлений возросло в 1,9 раза, с 2173 до 4234⁴. В 1890 г. было осуждено 1176 мужчин и 75 женщин против здоровья и чести частных лиц, против порядка управления – 250 мужчин и 7 женщин (20 %), по службе государственной и общественной – 103 мужчины (8 %) и т. д.⁵

В начале 1878 года значительно усложняется положение в деревне. Война приводит к ухудшению положения народных масс (мобилизация мужского населения, отсюда расстройство хозяйства и т. д.). Это совпадает с неурожаем в ряде губерний, вызвавшим резкое повышение цен. Под влиянием войны возникают различные слухи о переделе земли. Все это создает напряженную обстановку в стране, на фоне которой революционная борьба народников представляется правящим классом. В январе – феврале в Петербурге происходит ряд стачек и волнений. Наиболее крупной из них была стачка 2000 рабочих на Новой бумагопрядильной и ткацкой фабрике, начавшейся в конце февраля и продолжавшейся до двадцатых чисел марта. Имеет место увеличение, правда, весьма незначительное, крестьянских выступлений⁶.

Все это, а особенно последнее событие, вызывало сильное беспокойство правительства. Буквально в день оправдания Засулич (31 марта вечером) происходит первое заседание Совестьательного присутствия, или Особого совещания, как оно стало именоваться несколько позднее.

Как указывалось в журнале присутствия, оно было создано «ввиду постоянно усиливающегося социально-революционного движения, неко-

¹ Хакимов С. Х. Указ. соч. С. 48.

² Остроумов С. С. Указ. соч. С. 18.

³ Там же. С. 33.

⁴ НАРБ. Ф. И.-9. Оп. 1. Д. 1680. Л. 58.

⁵ Обзор Уфимской губернии за 1890 г. Уфа, 1991. С. 94.

⁶ Зайончковский П. А. Кризис самодержавия на рубеже 1870 – 1880-х гг. М., 1964. С. 58 – 59.

торые участники коего в последнее время обнаружили даже попытки к осуществлению крайних положений своей программы». Председателем его был назначен министр государственных имуществ П. А. Валуев. Помимо председателя в состав Совестьательного присутствия входили министры: внутренних дел А. Е. Тимашев, юстиции граф К. И. Пален, народного просвещения граф Д. А. Толстой, главноуправляющий II отделением Собственного Его Императорского Величества канцелярии князь С. Н. Урусов и шеф жандармов Н. В. Мезенцев.

На заседании были обсуждены вопросы об усилении полиции, переданные Александром II на усмотрение присутствия, а именно: 1) об усилении средств полиции и об учреждении в столицах особой стражи, 2) об учреждении в Петербурге полицейских судов, 3) о сосредоточении в одном ведомстве всех полицейских органов (т. е. образовании министерства полиции). Последующие заседания 18, 22, 28 апреля и 9, 20 мая были посвящены конкретному рассмотрению вопросов, поставленных перед присутствием. На первых двух обсуждались меры, касавшиеся учебных заведений. На эти заседания, помимо членов присутствия, был приглашен также и директор Публичной библиотеки И. Д. Делянов. 28 апреля был заслушан доклад товарища министра внутренних дел Макова о реформе полиции (создание института урядников). На последних двух (майских) заседаниях рассматривались вопросы учебного ведомства (проекты исправительного учебного заведения, положение на врачебных женских курсах при Николаевском военном госпитале), а также состояние прессы, сельского населения и т. д.¹

Одной из первых мер, претворенных в жизнь из числа разработанных Особым совещанием, явилось создание института полицейских урядников. В своем представлении по этому поводу министр внутренних дел предлагал учредить должности урядников в сельских местностях 46 губерний, управляемых по Общему положению, и 2000 человек конно-полицейской стражи в крупных городах. Полицейские урядники предназначались в помощь становым приставам «для исполнения полицейских обязанностей, а также для надзора за действиями сотских и десятских на местах». Конно-полицейская стража – для того, чтобы «при каких-либо экстренных обстоятельствах в одном пункте можно было бы сосредоточить, с должной быстротой, достаточное количество [вооруженной силы], проникнутой духом дисциплины...»². В каждом крупном городе предполагалось создание этой стражи в числе 30 человек. В представлении министра определялся также и порядок избрания низших представителей полицейской администрации – десятских и сотских. Первые должны были наряжаться сельским сходом на срок не более одного месяца, вторые – избираться волостным сходом. На каждую должность сотского сход должен был избрать двух кандидатов, из числа ко-

¹ Зайончковский П. А. Кризис самодержавия на рубеже 1870 – 1880-х гг. М., 1964. С. 61.

² Там же. С. 67.

торых один утверждался исправником, а другой исполнял обязанности его заместителя. Срок службы сотского определялся в три года. «Сотские, оказавшиеся неисполнительными или неблагонадежными, — указывалось в представлении, — удаляются исправником от должности и для замещения вакансий производятся новые выборы»¹. Таким образом, сотские целиком зависели от полицейских властей.

Представление министра внутренних дел обсуждалось в Комитете министров в конце мая — начале июня и было целиком одобрено. 9 июня решение Комитета министров было утверждено царем². Институт урядников был введен с 1 августа 1878 года. Число урядников в отдельных губерниях было различно: в 20 губерниях — до 100 человек, в 15 — от 100 до 125, в девяти — от 125 до 175, а в двух губерниях, Волынской и Подольской — по 200 человек. В среднем на уезд приходилось по 11 урядников³.

Общая численность полицейских урядников полагалась до 5000 на все 46 губерний. Урядники обязывались нести службу конными, но по усмотрению министра внутренних дел часть их могла назначаться пешими. Штатная численность урядников, исходя из общей, распределялась с учетом размеров территории губернии, местного населения, криминогенной обстановки и других условий. По губерниям количество урядников распределялось министром, по уездам — губернатором, а по станам — уездным исправником.

Урядники назначались на должность уездным исправником из лиц, наиболее годных к полицейской службе и прошедших под наблюдением исправника испытательный срок. Урядник должен был иметь собственную лошадь с седельным прибором и форменную одежду по установленному образцу, утвержденному министром внутренних дел. Урядникам оказывали содействие волостные старшины и сельские старосты и исполняли все законные требования урядников. Урядники не имели права участвовать в общественных и хозяйственных делах сельских обществ и волостей и вмешиваться в действия волостного суда. Правовой статус полицейских урядников регламентировался «Инструкцией полицейским урядникам» от 19 июля 1878 г.⁴ Перечень обязанностей начинался с обеспечения общественного порядка близ церквей во время богослужения и крестного хода. Следующая обязанность возлагалась на урядников по недопущению антиправительственных действий в виде кривотолков, а равно действий, направленных против законных властей и общественного порядка, подрывающих нравственность и права собственности. Так, согласно п. 5 Инструкции урядникам вменялось в обязанность:

¹ Зайончковский П. А. Кризис самодержавия на рубеже 1870 — 1880-х гг. М., 1964.

² ПСЗРИ. 2 собр. Т. 53. № 58610.

³ В сентябре 1879 г. число урядников было увеличено еще на 550 человек. ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 54. № 59986.

⁴ Сборник циркуляров и инструкций МВД за 1876 год. СПб., 1880. № 124. С. 170.

а) пресекать распространение злонамеренных суждений и слухов среди народа, на фабриках, заводах, в питейных заведениях и т. п.;

б) пресекать распространение посредством рассылки, раздачи, разбрасывания или иным способом листовок, книг, картин и т. п. преступного содержания;

в) не допускать сход общин и собраний, действий против тишины и спокойствия;

г) пресекать буйства и беспорядки в публичных местах и на собраниях.

Урядники также обеспечивали общественную безопасность, выявляли ношение запрещенного оружия; не допускали стрельбы в местах, где это запрещено; контролировали соблюдение мер предосторожности при складировании и перевозке тяжеловесных грузов, при содержании диких зверей, быстрой езде и т. п. Полицейские урядники осуществляли контроль за соблюдением правил продажи спиртных напитков в питейных заведениях, на ярмарках, не допускали продажи спиртного во время волостных и сельских сходов, а также малолетним и в других определенных Инструкцией случаях; запрещали азартные игры в питейных заведениях. Урядники докладывали становому приставу, судебному следователю и товарищу прокурора окружного суда о чрезвычайных происшествиях и преступлениях и до прибытия кого-либо из вышеперечисленных лиц приступали к проведению дознания. Дознание проводилось урядником по делам, выявленным лично либо по заявлениям или сообщениям граждан, причем дела о преступлениях запрещалось оканчивать примирением сторон.

Урядники были обязаны при открытом сопротивлении распоряжениям полиции и законным представителям власти докладывать становому приставу для принятия установленных законом мер и по возможности через сотских и десятских задерживать буйствующих, а также им обязаны в этом помогать волостные старшины и сельские старосты. Урядники обязывались в качестве профилактико-предупредительных мер регулярно как можно чаще обходить или объезжать вверенный им участок территории уезда, с целью профилактики посещать общественные места и промышленные предприятия, осматривать глухие места, притоны. В обязанности урядников входил надзор за состоянием дорог и дорожных сооружений, телеграфных проводов, дорожных вех, межевых знаков и целостностью деревьев. О выявленных недостатках обязывались докладывать становому приставу. В случае обнаружения порчи железной дороги либо положенных на рельсы каких-либо предметов урядники обязаны были очистить путь, обезопасить движение, о замеченных неисправностях сообщить ближайшему железнодорожному сторожу, чтобы предупредить происшествие и затем доложить становому приставу.

В целях профилактики заразных заболеваний и соблюдения санитарных норм урядники наблюдали в селениях за уборкой улиц, исправностью

канав, ограждением колодцев, отводом промышленных отходов от фабричных стоков. Они принимали меры к тем, кто загрязнял колодцы, реки и водные источники. Следили за соблюдением санитарных норм при торговле на сельских рынках продуктами питания, не допускали распространения ядовитых и сильнодействующих веществ. Требовали соблюдения гигиены при обслуживании больных и умерших от заразных болезней.

Полицейские урядники обязывались следить негласным способом за неблагонадежными и подозрительными лицами, а также негласно наблюдать за поведением лиц, водворенных на места жительства под надзор полиции.

Кроме того, полицейские урядники наблюдали за соблюдением правил охоты на птиц и зверей, а также за рыбной ловлей.

Полицейские урядники обязаны были проживать на своем административном участке и без ведома непосредственного начальника не отлучаться с обслуживаемого участка¹.

Кроме попечения о материальной обстановке урядников, министерство приняло все меры, чтобы облегчить им исполнение лежащих на них обязанностей и устранить обременение их не соответствующими предназначению поручениями посторонних ведомств.

Переписка урядников сокращена до пределов возможного установлением особых упрощенных форм. В сношениях станových приставов с урядниками указано избегать, по возможности, письменного производства, а для облегчения урядникам сношений с другими должностными лицами сделано распоряжение по почтовому ведомству о принятии от урядников служебной корреспонденции².

Вместе с тем министерство зорко следило за точным применением Положения об урядниках на местах, так как, особенно в первое время, малейший недосмотр в этом отношении мог за собой повлечь отклонение деятельности урядников от целей, для которых они были учреждены.

Неправильные распоряжения об урядниках немедленно отменялись; губернаторам было указано, чтобы из полицейских урядников не формировались особые команды, назначаемые для патрулей, караулов и обходов, чтобы при распределении уездов на уряднические участки в район ведения урядников не включались уездные города, которые имеют свою особую полицию. Точно так же станovým приставам запрещено задерживать урядников без надобности при своих квартирах.

Чтобы иметь возможность следить за деятельностью урядников на местах и обращать особое внимание на это дело местной администрации, вызвав вместе с тем соревнование самих урядников, сделано было распоряжение об опубликовании в губернских ведомостях сведений о выдающихся случаях деятельности урядников. Сведения эти перепечатывались в «Пра-

¹ Сборник циркуляров и инструкций МВД за 1876 год. СПб., 1880. № 124. С. 175.

² Краткий очерк деятельности МВД за двадцатипятилетие 1855 – 1880. СПб., 1880. С. 79.

вительственном Вестнике», чтобы практическими примерами наглядно разъяснить предметы ведомства урядников и порядок их действий.

По Положению от 9 июня 1878 г. уезды распределялись на уряднические участки. На 1 уезд в среднем приходилось 11 участков, а на стан – по 4 участка.

По числу жителей уряднические участки распределялись следующим образом: до 5000 человек – 1097 участков (21,9 %), от 5000 до 10000 – 1878 (37,5 %), от 10000 до 20000 – 1700 (33,9 %), свыше 20.000 человек – 170 участков (3,3 %).

Достаточно неравномерным был и радиус обслуживания уряднических участков. Протяженность более 50 % всех участков от одного конца до другого составляла от 20 до 40 верст¹.

Численность штатных сотрудников уездных полицейских управлений Уфимской губернии за 1900 год представлена в таблице 15².

Таблица 15

Административное деление и численность штатных сотрудников уездных полицейских управлений Уфимской губернии в 1900 г.

Уезды	Число жителей	Число волостей	Становых приставов	Число урядников	Число сотских и десятских
Уфимский	331219	28	6	22	2377
Златоустовский	191148	23	4	18	700
Мензелинский	368102	31	6	23	2707
Бирский	467165	36	7	28	3217
Белебеевский	431437	30	6	26	4053
Стерлитамакский	311739	33	5	23	2780
Всего	2105810	178	34	140	15834

Из таблицы 15 видно, что в 1900 г. в состав шести уездов Уфимской губернии входило 178 волостей с населением 2105810 человек. Волости в административном полицейском отношении были упразднены в станы, которые возглавлялись 34 становыми приставами, которым помогали 140 урядников и 15834 десятских и сотских. По численности населения уезды сильно различались. Если в Златоустовском уезде проживало 191148 чел., то в Бирском – 467165 или в 2,4 раза больше, чем в первом. Такое положение никак не отражалось на количественном составе становых приставов и урядников, которые отвечали за состояние охраны общественного порядка и безопасности населения в данной местности. В том же

¹ Краткий очерк деятельности МВД за двадцатипятилетие. 1855 – 1880. СПб., 1880. С. 81 – 82.

² НАРБ. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 622. Л. 2.

Златоустовском уезде становой пристав обслуживал участок с населением в 31 тыс., а урядник – 10 тыс. чел., тогда как в Бирском уезде на 1 станового пристава и урядника приходилось соответственно 66 и 16 тыс. чел. сельского населения. Аналогичную картину можно было наблюдать и в соседних губерниях.

Согласно имеющимся статистическим материалам о деятельности уездных полицейских управлений Самарской губернии за 1879 год видно, что вся территория края была разделена на 7 уездов и 27 станов, а станы делились на 127 уряднических участков, где несли службу 122 урядника.

По количеству населенных пунктов и числу жителей участки были далеко не равнозначны. Например, 74 участка включали 10 – 20 сел, 24 – 30 сел, 7 – 50 сел, и только на 15 уряднических участках количество населенных пунктов не превышало 10 сел. Таким образом, в среднем одному уряднику приходилось обслуживать 15 – 20 сел в радиусе от 30 до 100 верст, с населением 18 – 20 тыс. человек¹.

Такое же положение имело место и в соседней Оренбургской губернии. Здесь в 1890 г. в 5 уездах имелся 21 полицейский стан и 88 полицейских участков. В частности, в Челябинском уезде (294416 сельских жителей) было 6 станов и 24 участка, в Оренбургском уезде (265024 сельских жителя) – 5 станов и 18 участков, в Верхнеуральском уезде (142543 сельских жителя) – 4 стана и 12 участков, в Орском уезде (127065 сельских жителя) – 3 стана и 17 участков и в Троицком уезде (101362 сельских жителя) – 3 стана и 17 полицейских участков.

Итак, практической работой по предупреждению и выявлению преступлений, наблюдению за политическими ссыльными, проведению следственных действий, обысков, арестов в сельской местности занимались 21 становой пристав, столько же помощников пристава и 88 полицейских урядников. В казачьей части губернии, где проживало 28 % от общего числа ее жителей, полицейские обязанности были возложены на 68 станичных и поселковых атаманов, выполнявших те же функции, что и приставы с урядниками, и подчинявшихся в вопросах обеспечения общественного порядка уездным исправникам².

Таким образом, при такой нагрузке трудно было даже полагать о серьезной и эффективной работе по охране общественного порядка и предупреждению преступлений во вверенных уряднику территориях. Следовательно, требовалось увеличение количества сотрудников сельской полиции.

8 мая 1900 г. по представлению министра земледелия и государственных имуществ для охраны порядка и безопасности на золотых приисках Урала, Западной и Восточной Сибири были учреждены горно-полицейская стража из вольнонаемных лиц во главе с горными исправни-

¹ Самарские губернские ведомости. 1881. № 23.

² Злобин Ю. П. Органы полиции в Оренбургской губернии 60 – 80 гг. XIX века // Правоохранительные органы Южного Урала: История и современность. Оренбург, 2000. С. 78 – 79.

ками. 12 мая и 22 июня 1900 г. были утверждены положения Комитета министров о предоставлении прав Министерству внутренних дел учреждать на частные средства должности полицейских урядников, пеших и конных стражников во всех губерниях страны¹.

В 1899 г. на 15 заводах и фабриках Уфимской губернии за счет средств владельцев были учреждены 77 должностей полицейских надзирателей, урядников и городских². Из них: надзирателей – 3 человека, урядников, конных – 5, пеших – 10, старших городских – 2, младших – 57 человек. Общие расходы на содержание полицейских надзирателей составили – 1150 руб., низших чинов – 11135 руб., всего – 12285 рублей.

Правительство предприняло дальнейшие шаги с учетом пожеланий предпринимателей-заводчиков, которые были заинтересованы в укреплении порядка и предупреждении краж и других правонарушений. Штаты урядников и полицейских стражников финансировались за счет средств предприятий.

В 1903 – 1904 гг. данные структурные подразделения действовали на Симском, Катав-Ивановском, Аша-Балашевском, Юрюзаньском металлургических предприятиях Уфимской губернии, Белорецком и Авзяно-Петровском заводах Оренбургской губернии³. Этот опыт может быть востребован и в современных условиях проведения российских реформ, когда ощущается недостаток финансирования подразделений МВД, особенно в их научно-технической оснащенности. В этой связи законодателю было бы уместным всесторонне изучить вопрос о привлечении средств крупных частных компаний и фирм и механизм использования финансовых ресурсов.

Так, в «Инструкции членам горно-полицейской стражи Оренбургской губернии» от 1904 г. отмечалось, что горно-полицейская стража, находясь под главным ведением губернатора, подчиняется непосредственно местному горному исправнику, представляя ему донесения и получая от него приказания⁴.

Горно-полицейская стража состояла в непосредственном подчинении горных исправников, получая от них все поручения и приказания и докладывая им о своих действиях по службе. В отношении требований Горного Устава стража исполняла все необходимые указания и распоряжения окружного инженера. Урядники и стражники при исполнении служебных обязанностей должны были находиться в форме, при оружии и носить бляху установленного образца. Исполнения закона и полицейских распоряжений горно-полицейская стража должна была требовать твердо и настойчиво, но при этом не позволять себе грубого обращения и обид. Если же горно-полицейский урядник или стражник сам подвергся оскорблению, то, не позволяя себе ни делом, ни словом никакой расправы с лицом,

¹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 302. Д. 707. Л. 80 об.

² Во славу Отечества. В 3-х тт. Т. 1. На государственной службе. Уфа, 2002. С. 58.

³ НАРБ. Ф. И-85. Оп. 1. Д. 2. Л. 1 – 14 об.

⁴ Собрание узаконений и правительственных распоряжений. СПб., 1904. № 173. Ст. 1794.

его обидевшим, он должен был составить протокол об этом и представить его горному исправнику. Защитой ему служила его должность.

Горно-полицейские урядники и стражники могли при исполнении своих служебных обязанностей применять оружие в следующих случаях: для отражения всякого вооруженного на них нападения; для отражения нападения, хотя бы и невооруженного, но сделанного несколькими лицами или даже одним лицом, но при таких обстоятельствах или условиях, когда никакое другое средство защиты не было возможно; для обороны других лиц от нападения, угрожавшего их жизни, здоровью и вообще неприкосновенности тех лиц; при задержании преступника, когда он оказывает сопротивление насильственными действиями или когда невозможно преследовать или настичь убегающего; при преследовании арестанта, бежавшего из тюрьмы или из-под стражи, когда он насильственными действиями противился задержанию. По каждому из этих случаев урядник или стражник обязаны были обо всех обстоятельствах и последствиях применения ими оружия донести при первой же возможности горному исправнику¹.

Горно-полицейская стража обязана была во вверенных ей участках охранять общественное спокойствие, предотвращать любые действия и пресекать толки, направленные против правительства, законных властей и общественного порядка, а равно к подрыву в обществе доброй нравственности и прав собственности. Для этого горные полицейские наблюдали за тем, чтобы не распространялись среди народа злонамеренные слухи и суждения; не допускались сходки и собрания, направленные против тишины и спокойствия, а также с целью устройства стачек; не происходили буйства и беспорядки и рабочие на приисках действительно получали полагающееся им по табели пищевое и фуражное довольствие надлежащего качества.

Горно-полицейские стражники, заведующие участками на золотых и платиновых приисках, должны были находиться в указанных начальством пунктах, причем конные должны были разъезжать по участку возможно чаще, во всякое время дня и ночи. При этом они должны были наблюдать за безопасностью работ на приисках; за засыпкой шурфов или за надлежащим ограждением их; следить, чтобы никто на прииске не носил запрещенного оружия и не производил стрельбы в местах, где это запрещено; чтобы соблюдалась осторожность при погрузке и перевозке тяжестей, при быстрой езде и в других подобных случаях; чтобы в продаже не было испорченных припасов, дурно выпеченного хлеба, гнилого мяса или рыбы, испортившегося масла, овощей и прочего, а также одежды и вещей после больных и умерших от заразных болезней².

¹ Рукосуев Е. Ю. Горно-полицейская стража на золотых и платиновых приисках Урала в конце XIX – начале XX вв. // Проблемы истории России. Вып. 2. Екатеринбург, 1998. С. 249.

² Собрание постановлений и правительственных распоряжений. СПб., 1904. Ст. 1794 (полный текст документа дается в приложении).

Горно-полицейская стража обязана была наблюдать за исправным состоянием дорог, мостов, переправ, бечевников и своевременным их ремонтом, сохранностью телеграфных проводов, где таковые имелись, установкой для безопасности в зимнее время вех по дорогам через реки, озера и поля и сохранностью межевых знаков. Им поручалось также задерживать бродяг, беглых, дезертиров и беспаспортных, которых они немедленно сдавали ближайшим волостным старшинам или сельским старостам для последующей передачи обычной полиции. О всяком таком задержании надо было довести до сведения вышестоящего начальника, которому также докладывалось о всяком происшествии, заключающем в себе признаки преступления или проступка, подлежащего преследованию независимо от того, поступила ли жалоба от частных лиц или нет. В случаях важных и чрезвычайных, как, например, открытого сопротивления распоряжениям полиции и вообще законным властям, горно-полицейские урядники и стражники обязаны были немедленно поставить об этом в известность горного исправника и, по возможности, задержать зачинщиков¹.

Урядники и стражники следили, чтобы в населенных пунктах и у жилых помещений приисков были в готовности средства для прекращения пожара, а в случае его возникновения – спешить на место пожара и принимать меры к его тушению и охране жизни и имущества жителей, производить расследование причин пожара.

Для охраны народного здоровья горно-полицейская стража наблюдала за: исправным содержанием колодцев и источников, откуда бралась вода для питья и приготовления пищи; сжиганием сена и соломы, употреблявшихся вместо постели для больных заразными болезнями, а также проветриванием, обмыванием и окуриванием помещения и белья, оставшегося после заразных больных, руководствуясь при этом наставлением врача или фельдшера; сжиганием или закапыванием подстилки из хлевов, где был падеж домашнего скота, а также очисткой, обмыванием и проветриванием помещений, где находились больные животные, и предметов, с которыми они соприкасались; погребением умерших от заразных болезней; закапыванием павших от заразных болезней животных с изрезанными кожами, не допуская сбивать рогов и копыт; истреблением бешеных животных; тайным провозом и проносом вина и спирта на золотые прииски.

Они обязаны были оказывать помощь каждому нуждающемуся, прекращать всякий беспорядок, а тем более явное нарушение закона, даже если бы для этого пришлось перейти на соседний участок. Если на месте случившегося несчастья или происшедшего беспорядка не было местного горно-полицейского урядника или стражника, то увидевший это урядник или стражник, даже случайно проходивший мимо, обязан был тотчас же заменить его и сделать надлежащее распоряжение. Если же горно-

¹ Девьер А. А., Бредов В. Р. Свод постановлений о горнопромышленности. СПб., 1904. Т. 1. С. 82 – 83.

полицейский урядник или стражник сам лично или через кого-либо узнавал о каких-либо противозаконных и преступных действиях, совершенных в чужом, хотя бы отдаленном от места его службы, участке, то он не должен был оставлять этого без внимания, а обязан был разузнать по возможности подробно и обстоятельно, кто, где и в чем именно обвиняется, и сведения эти тотчас же представить по инстанции.

В случае несчастного происшествия на горных работах урядники при получении словесного извещения, не ожидая прибытия на место окружного инженера, немедленно составляли протокол. Они должны были следить за тем, чтобы соблюдались правила о найме рабочих, на приисках были виды на жительство всех рабочих и служащих, велись списки их и торговля в приисковых лавках велась правильно. Стража наблюдала, чтобы при прекращении работ вследствие распоряжения заведующего промыслами расчет с рабочими был произведен по сроку найма и окончательная расплата с рабочими не производилась квитанциями, хлебом, товаром и другими предметами.

Основной задачей горно-полицейской стражи была борьба с хищнической добычей золота на заброшенных приисках и других местностях и с тем, чтобы на приисках и вне их не производилась тайная продажа и скупка золота. При проверке суточных записей в шнуровых книгах добытого золота ими проводился расспрос рабочих о находке самородников и освидетельствование разновесов (золотников и доль), чтобы они были заводского изготовления, а не самодельные. Они следили также за тем, чтобы указания и требования окружного инженера об исправлении в обозначенный срок опасных или неправильных работ на приисках были исполнены владельцами в точности. При неисполнении золотопромышленниками требований окружного инженера в назначенный срок, а также при нарушении ими правил о найме рабочих и обязательных постановлений Уральско-го горного правления горно-полицейский урядник составлял об этом протоколы и представлял их через горного исправника окружному инженеру для привлечения виновных к ответственности¹.

Таким образом, обязанности сотрудников горно-полицейской стражи во многом совпадали с правовым статусом нижних чинов сельской полиции и уездной полицейской стражи. Определенные различия были обусловлены спецификой горнозаводского и промыслового производства.

Другой важной мерой в укреплении сельской полиции явилось «ВЫСОЧАЙШЕ утвержденное 5 мая 1903 года, 29 Декабря 1905 года и 9 Февраля 1906 года мнениям Государственного совета в губерниях по общему учреждению управляемых, а также в Ставропольской, Курляндской, Лифляндской и Эстляндской губерниях учреждение полицейской стражи, состоящей из урядников и стражников, конных и пеших

¹ Девьер А. А., Бредов В. Р. Указ. соч. С. 85 – 87.

по расчету 1 урядник на каждую волость и не более одного стражника на каждые 2.500 душ населения. Распределение стражников по губерниям предоставлено Министру Внутренних Дел»¹.

Ее главной задачей являлось пресечение антиправительственных выступлений местного значения с тем, чтобы не отвлекать основные силы полиции. «Уездная полицейская стража, – говорилось в Циркуляре Министерства внутренних дел от 12 февраля 1906 г., – есть, прежде всего, сила в руках губернаторов и уездных исправников для подавления беспорядков и для прекращения разбоя в губерниях и уездах, не прибегая к содействию войск и не отрывая последних от прямых обязанностей»².

Согласно Закону «Об учреждении в 46-ти губерниях Европейской России полицейской стражи» стража вводилась в губерниях: Виленской, Воронежской, Вятской, Екатеринославской, Киевской, Курской, Нижегородской, Орловской, Пензенской, Полтавской, Саратовской, Тамбовской, Харьковской, Херсонской, Черниговской в течение 1903 и 1904 гг., а в остальных – в течение 1905 – 1908 гг.³

На покрытие расходов, вызываемых введением уездной полицейской стражи, было выделено в 1903 году 1800000 рублей, ассигнованных на указанный предмет по решению Министерства внутренних дел на текущий год, а начиная с 1909 года должно было отпускаться на содержание уездной полицейской стражи из средств государственного казначейства по 1077,7 тыс. рублей.

В период революционного подъема в декабре 1905 г. полицейская стража действовала уже в 50 губерниях. Кроме того, в губерниях, где вводилась полицейская стража, образовывались «особые конные команды, численностью в 25 % наличного состава стражи»⁴.

В феврале 1906 года заведование строевой частью полицейской стражи было передано чинам Отдельного корпуса жандармов. Начальникам губернских жандармских управлений присваивалось звание губернских инспекторов полицейской стражи. На них возлагались строевое обучение, обучение конных чинов верховой езде, обучение владению оружием. В составе полицейской стражи учреждались должности офицеров.

В распоряжении стражников оставались выборные или вольнонаемные (по желанию сельского схода) десятские. Волостные старшины и сельские старосты в вопросах охраны порядка и розыска обязаны были оказывать содействие чинам полицейской стражи⁵.

Согласно законодательству чины уездной полиции стражи числились на действительной государственной службе, но правом на производ-

¹ ПСЗРИ. Собр. 3. Т. 23. № 22906; Белецкий С., Рудкевич П. Исторический очерк образования и развития полицейских учреждений в России, СПб., 1913. С. 35.

² Вестник полиции. 1910. № 10. С. 263.

³ ПСЗРИ. Собр. 3. Т. 23. № 22906. С. 479.

⁴ Там же. № 27380.

⁵ Белявский Н. Н. Полицейское право: конспект лекций. Юрьев, 1904. С. 53, 54.

ство в чины и на получение пенсии из государственного казначейства не пользовались.

В уездную полицейскую стражу принимались русские подданные, в возрасте двадцати пяти лет и годные по состоянию здоровья, преимущественно из отставных и уволенных в запас нижних чинов. «Кроме того, от поступающих в стражу требуется: 1) для урядников – умение составлять протоколы, общее знакомство с полицейской службой и с обязанностями полиции по преследованию преступлений; 2) для стражников – читать и писать и общее достаточное развитие»¹.

Не могли быть назначены в уездную полицейскую стражу: «1) лица, состоящие под следствием или судом, а равно понесшие наказание за преступные деяния, влекущие за собой по закону тюремного наказания или более строгого наказания; 2) нижние чины запаса, которые, во время прохождения действительной службы, состояли в разряде штрафованных; 3) исключенные из службы по суду, из духовного ведомства, за порочное поведение и из среды обществ по приговорам Оных; 4) объявленные несостоятельными должниками; 5) состоящие под опекою за расточительность; и 6) подвергшиеся в течение двух последних лет телесному нападению по приговорам Волостных Судов»².

Денежные оклады урядников и стражников состояли из двух разрядов: высшего и низшего, причем число высших окладов по каждой из упомянутых должностей не должно превышать одной десятой части общего числа всех должностей. Для урядников высший оклад составлял 400 рублей (в том числе 100 рублей квартирных), низший оклад – 310 рублей (в том числе 60 рублей квартирных), а для стражников – соответственно 240 рублей и низший – 200 рублей (в том числе по 60 рублей квартирных). министру внутренних дел предоставлялось сверх того назначить чинам уездной полицейской стражи в случае надобности добавочное содержание в размере до 30 % основного оклада³. На содержание лошадей конным урядникам и стражникам полагалось особое довольствие, размер которого не должен был превышать 100 руб. на лошадь.

Мощные крестьянские восстания 1905 г. выявили неэффективность сельской полиции. Правительство немедленно увеличило численность полицейской стражи и сформировало ее в крупные соединения. В дальнейшем сельская полиция довольно успешно справлялась с восстаниями. Как свидетельствуют документы, после революции большинство крестьянских выступлений подавлялось при помощи полицейской стражи, а не войск. В создавшихся условиях прежняя тактика открытых бунтов и разгромов стала для крестьянства малоперспективной и опасной. И крестьянство посте-

¹ ПСЗРИ. Собр. 3. Т. 23. № 22906. СПб., 1903.

² Там же.

³ Попов Р. И. Наставление для нижних чинов уездной стражи и подготовка их на должность урядника. Вильна, 1908. С. 145.

ленно перестроило тактику своей борьбы. Крестьянское движение раздробилось на массу мелких выступлений, диверсий, вредительств, направленных против помещичьей собственности. В сумме они давали примерно такой результат, как один большой разгром. И имели такую же цель – выкурить в конце концов помещиков из имений, прогнать их с земли. Эта цель и создавала в деревне атмосферу сочувствия вокруг тех, кто исполнял такие акты.

В Циркуляре, подписанном министром внутренних дел П. Н. Дурново от 7 декабря 1905 г. за № 6091, отмечалось, что «введение в некоторых губерниях уездной полицейской стражи по закону 5 Мая 1903 г. по имеющимся в Министерстве внутренних дел сведениям несомненно отразилось в благоприятном смысле на поддержании в названных местностях спокойствия и порядка при нормальном течении общественной жизни. Но обстоятельства последнего времени, и главным образом аграрные крестьянские беспорядки, указали вместе с тем, что организация стражи, рассчитанная на сравнительно спокойное положение дел внутри империи, является не вполне соответствующею с теми условиями, при коих ей главным образом приходится ныне действовать.

Таковыми недостатками, как указал уже опыт, должны быть признаны разбросанность чинов стражи, недостаточность ее вооружения, отсутствие в составе ее конных частей и малая подготовленность стражи для действия совокупно иногда даже силою оружия, во время беспорядков, для избежания необходимости прибегать едва ли не в каждом случае подобных беспорядков к содействию войска»¹. Далее в этом же документе, направленном на имя уфимского губернатора, отмечалось, «что пешие и конные стражники ни в каком случае не могут быть распределяемы по территории не только отдельными единицами, но даже в состав незначительных, в несколько человек – отрядов. При подобном положении стражники эти будут совершенно лишены возможности оказать какое либо сопротивление неблагонадежной части населения и сделаются первыми же жертвами каждого беспорядка. Поэтому представляется безусловно необходимым, дабы пешая стража размещалась сравнительно крупными группами в нескольких пунктах уезда, при чем я находил бы наиболее соответственным квартиру подобного отряда приурочивать к месту жительства каждого из земских начальников. При этом само собою разумеется названные чины не должны будут находиться постоянно в полном составе вместе, но для исполнения своих полицейских обязанностей они должны будут по возможности часто, – и при том непременно не в одиночку, а в состав нескольких человек, – обходить вверенные им участки и посещать все те места где их присутствие может оказаться нужным.

Подобный порядок применяется уже в отношении чинов земской стражи губерний быв. Царства Польского и не вызывает на практике осо-

¹ НАРБ. Ф. И-9. Оп. 2. Д. 89. Л. 79.

бых затруднений (ст. 145 Учр. Управ. Губ. Ц.П.). Каждый такой отряд будет находиться под начальством особого старшего стражника, на которого и должно быть возложено общее руководство всем отрядом. Что касается расквартирования вновь формируемой конной стражи, то нежелательность дробления ее на мелкие отряды представляется более очевидною, так как сама стража должна быть приспособлена к действию более или менее крупными частями, при подавлении сравнительно значительных по своим размерам беспорядков»¹.

В годы первой русской революции российскую деревню охватило мощное крестьянское движение, для борьбы с которым власти использовали конно-полицейскую стражу. В отечественной историографии проблема взаимоотношений крестьян и стражи глубоко не анализировалась, о силовых структурах больше говорилось как о силе, жестоко расправлявшейся с массами. Однако для получения объективной картины необходимо рассматривать обе противоборствующие стороны.

В этой связи было бы интересным обратиться к «морально-экономическому» подходу при анализе исторических проблем российского общества, который отнюдь не отрицает классовой борьбы между крестьянством и дворянством (с которым лучше жить «по-соседски да по-божески»), крестьянством и властью в более широком смысле.

Вообще проблема крестьянского восстания в концептуальной схеме «моральной экономики» выглядит довольно неожиданно. Марксизм трактует восстание как форму классовой борьбы, расшатывающей устои феодально-крепостнического общественного устройства. Более пристальное внимание к реальным причинам конкретных выступлений укрепляет ученых – сторонников морально-экономической теории – в убеждении, что открытое возмущение крестьян – это почти всегда реакция на попытки помещиков и властей резко изменить сложившийся жизненный уклад. Таким образом, крестьяне восстают не против помещиков и властей, а против нарушения последними канонов «моральной экономики» и «этики пропитания». Крестьянские восстания всегда обречены на неуспех, что хорошо осознается их участниками. Просто у них, как правило, нет другого способа сигнализировать властям, что слишком уж многое в жизни начинает делаться «не по-божески»².

Нарушение неприкосновенности частных и казенных лесов, самозахваты земель, грабежи магазинов, складов, поместий, разгромы имений приняли такой массовый и организованный характер, что власти спешили объяснить все это подрывной деятельностью революционных агитаторов. Революционеры же не без удовольствия примеряли лавры организаторов действий все-российского масштаба. Но не замечать роли самоорганизации крестьян было

¹ НАРБ. Ф. И-9. Оп. 2. Д. 89. Л. 79 об.

² Бабашкин В. В. Крестьянская революция в России и концепция аграрного развития // Общественные науки и современность. 1998. № 2. С. 90.

нельзя. П. Столыпин своим аграрным законодательством стремился «убить двух зайцев» – разрушить общину как оплот крестьянской самоорганизации и поднять экономику сельского хозяйства, сняв общинные путы с крестьянского производства. Но этого, к сожалению, добиться не удалось.

Во-первых, общину может развалить только рубль, а средств российской экономики было мало, их нехватка усугубилась войной. Во-вторых, для такого развала требуется исторически значительный срок, дороги и другие средства преодоления самоизолированности общин, сельхозмашины и другой потребный крестьянину товар, школы и другие формы просвещения и пропаганды. Любая попытка прямого административного давления на общину должна была привести к обратному результату, что и произошло¹.

Требует более тщательного изучения проблема подавления аграрных беспорядков со стороны вверенных правительству полицейских сил. В этой связи на определенное размышление на суть данной проблемы наводят воспоминания известного писателя В. Г. Короленко.

В своих воспоминаниях он отмечает, что «в 1902 г. в некоторых местах Полтавской и смежной Харьковской губерний разыгрались широкие аграрные беспорядки. Крестьяне вдруг ринулись грабить помещичьи экономии, и затем, по прибыли властей, покорно становились на колени и так же покорно ложились под розги. Когда их, вдобавок, стали судить, то мне пришлось одно время служить посредником между ними и организовавшейся защитой. В это время в моем кабинете в Полтаве крестьяне собирались порой в значительном количестве, и я старался присмотреться к их взглядам высокого мнения. Они называли все движение «грабижкой», и самые благоразумные из них объясняли возникновение этой «грабижки» по-своему: «Як дытына не плаче, то и маты не баче». Они понимали, что грабеж – неподходящий приступ для каких бы то ни было улучшений, но доведенные до отчаяния, старались хоть чем-нибудь обратить внимание «благодетеля-царя» на свое положение. Остальное сделала слепая жадность, и движение приняло широкие размеры². Но царское правительство, – делает вывод писатель, – было слепо и глухо. Оно знало только необходимость дальнейшей опеки и «вечность незыблемых основ» и из внезапно и грозно прокинувшейся «грабижки» не сумело сделать выводов. Попытка (довольно разумная) аграрной реформы первой Думы была задушена, а побуждения, двигавшие крестьянскими массами во время «грабижки», остались до времени революции»³.

Массовые крестьянские выступления поставили перед губернскими властями задачу подавления. Едва ли не каждый день симбирский губернатор К. С. Стерынкевич получал письма и телеграммы от помещиков с просьбой спасти их имущество и утихомирить крестьян. Он не очень жа-

¹ Современные концепции аграрного развития. Теоретический семинар. Зас. 11 // Отечественная история. 1997. № 2.

² Короленко В. Г. Собр. соч. Т. 3. Л. 1990. С. 458.

³ Там же.

ловал большинство из них, при первых признаках приближающейся революционной волны побросавших свои имения и перебравшихся в губернский город под охрану вооруженных солдат. Но губернатор считал своим долгом помочь им, ибо в противном случае это было бы поощрением разрушительной стихии, которая угрожала государственным интересам в целом.

Он лично инструктировал офицеров конно-полицейской стражи: «Помните, вы власть и сила. Если вы окажетесь несостоятельны, то исправлять ситуацию возможно будет уже некому. Одно появление стражников должно приводить к прекращению беспорядков. Заслужить уважение можно только твердостью, решительностью и силой. На силу отвечайте силой, не останавливайтесь перед применением оружия... Мужики, с которыми вам придется столкнуться, это не сусальные мученики-богоносцы, это опасная в своем разрушительном стремлении сила, не допускайте распыления отрядов, ночью выставляйте караулы, в корне пресекайте нарушения дисциплины»¹.

Уже в августе 1906 г. симбирский уездный исправник рапортовал губернатору: «В ночь на 31 июля толпа крестьян села Васильевки в 100 – 150 человек покушалась на разгром усадьбы Есиповой при с. Зеленовке. Находящиеся там стражники С. Забиров, С. Кисляков и Ф. Павлов защитили усадьбу и выстрелом стражником Забировым, толпа была рассеяна»². Аналогичных примеров, судя по источниковым документам, тоже было немало.

Укрепление стражи произошло, когда по требованию губернатора Дубасова в нее влились представители других территорий страны. Так, Алтырский уезд пополнился стражниками из горцев Кавказа, Курмышский уезд – донскими казаками, Карсунский уезд – оренбургскими казаками, а Буинский – чеченским отрядом. Причем отряд стражников из чеченцев был наиболее решительным в действиях против симбирских крестьян. Отношения между теми и другими вскоре стали настолько острыми, что приказом губернатора в 1909 г. чеченский отряд был выведен с территории губернии³.

Наиболее распространенным правонарушением крестьян в Уфимской губернии были самовольные лесные порубки, которые охватили значительные по своим масштабам территории. Как сообщала газета «Южный Урал», в Архангельской удельной даче Стерлитамакского уезда Уфимской губернии в конце 1906 – начале 1907 годов порубки были произведены на

¹ Цит. по: Кузнецов В. Н. История Симбирской губернии в лицах (начало XX в.). Ульяновск, 1999. С. 9.

² Кузнецов В. Н. Конно-полицейская стража в симбирской деревне (1905 – 1907) // Постигая прошлое и настоящее. Вып. 3. Саратов, 1994. С. 55.

³ Там же. С. 56.

площади 40 тыс. десятин, было вырублено до 2 млн деревьев черемухи и дуба¹.

Массовые порубки леса производились в 1907 г. крестьянами села Николаевка Троицкого уезда Оренбургской губернии в имении наследников графа Мордвинова. Организаторами порубки были крестьяне Коссовский, Титов, Никитин и др.

Решительные действия полицейских стражников предотвратили дальнейшую эскалацию событий. Приговором Саратовской судебной палаты от 6 октября 1907 года из 63 крестьян, обвиненных в массовых порубках леса, в неповиновении и сопротивлении властям, 18 человек были отправлены в арестантские роты строем от 6 месяцев до 3-х лет, 30 человек приговорены к тюремному заключению на 4 месяца, 2 человека – к аресту при полиции на 3 недели².

Нередко крестьяне оказывали организованное сопротивление властям при сборе налогов и податей. Так, в 1908 г. уфимский губернатор доносил Департаменту полиции, что в Мензелинском уезде «были попытки уклонения населения от платежей разных сборов... В таких случаях в помощь волостному начальству и станovým приставам командировались полицейские стражники, благодаря чему... часть сборов населением внесена»³.

Более подробные сведения о деятельности уездной полицейской стражи в Уфимской губернии представлены в таблице 16.

Таблица 16

Численность полицейской стражи Уфимской губернии за 1906 г.⁴

Уезды	Урядники		Стражники		Всего
	Пешие	Конные	Пешие	Конные	
Уфимский	6	22	150	70	248
Бирский	8	28	183	70	289
Мензелинский	6	23	153	70	252
Стерлитамакский	6	25	102	65	198
Белебеевский	3	26	167	65	261
Златоустовский	4	18	70	60	152
Итого:	33	152	825	400	1400

Из таблицы 16 видно, что в 1906 г. в крае было сформировано 37 отрядов пеших и 10 отрядов конных стражников в составе 6 рот,

¹ Южный Урал. № 2. 3 января. 1907.

² Усманов Х. Ф. Столыпинская аграрная реформа в Башкирии. Уфа, 1958. С. 157.

³ Там же. С. 163.

⁴ Хакимов С. Х. Указ. соч. С. 65.

общей численностью в 1400 человек. Пешая стража Уфимского уезда в составе 150 человек была расквартирована казарменным порядком в станových квартирах: 1-го стана в д. Чишмы – 20 человек, 2-го стана в с. Топорино – 20, 3-го стана в с. Иглино – 20 человек, 4-го стана в Благовещенском заводе – 20, 5-го стана в Усть-Катавском заводе – 25, 6-го стана в с. Булгаково – 20, 7-го стана в г. Уфе – 25 человек.

Конная стража располагалась в г. Уфе при заводе наследников Видинеевых. Жилье предоставлялось бесплатно только холостым, а семейные стражники были вынуждены нанимать квартиры. В Усть-Катавском, Катав-Ивановском, Симском заводах полицейские были размещены в удобных заводских помещениях, отведенных заводоуправлением бесплатно, при квартирах приставов 3, 4 и 6 станов – в отдельных частных домах за плату от 2 руб. 50 коп. до 3 руб. без отопления и освещения.

Пешая стража обучалась по уставу пехотной службы под руководством уездного исправника Штегмана – бывшего офицера Белостокского полка. С конной стражей обучением занимался старший стражник Михайлов под руководством пристава 7 стана Андреева – бывшего лейб-гусара. Из чинов корпуса жандармов принимали участие в обучении стражи ротмистры Леонтьев, Графито и поручик Мальцев.

В уезде стражники выполняли все полицейские обязанности по охране порядка: оберегали «винные лавки и почтовые конторы, сопровождали почту от почтовых контор до станции железной дороги и обратно. Конная стража в г. Уфе ежедневно исполняла наряды по сопровождению с почты денежных сумм от почтово-телеграфной конторы до вокзала железной дороги утром и с вокзала до назначенной конторы вечером»¹.

«Ежедневно 10 стражников охраняли с наружной стороны тюрьму с 8 часов вечера до 6 часов утра. Ежедневный наряд 4 человека от 11 часов утра до 2-х часов дня – для сопровождения кассира Государственного Банка с денежными суммами до почтовой конторы и обратно. Кроме того они направлялись в окрестности города для разных сыскных целей и в уезд по случаю беспорядков. Пешая команда несла службу так: 10 человек находились в распоряжении Уфимского Полицмейстера по участкам, 8 человек охраняли Канцелярию Губернатора, 23 – в тюрьме на внутренних постах, 3 – сопровождали почту на Бирск и Стерлитамак, 2 – охраняли Уфимское Почтовое Отделение, 2 – в школе резерва, 3 – охраняли Губернскую типографию, остальные – составляли вторую смену караулов и домашний наряд для дежурного, дневальных и ночных при квартире стражников»².

Кроме того, стражники часто командировались в помощь Уфимской городской полиции при производстве политических обысков и задержании

¹ НАРБ. Ф. И.-11. Оп. 2. Д. 119. Л. 272.

² Там же. Л. 272 об.

подозреваемых лиц. Они также несли охрану при Уфимском уездном полицейском управлении, посылались в различные части уезда для сопровождения арестантов и доставления по принадлежности экстренных важных бумаг, охраняли уездное воинское присутствие во время призыва новобранцев.

Конная стража неоднократно направлялась из Уфы для предотвращения беспорядков при разоружении населения – на Катав-Ивановском, Усть-Катавском, Симском, Миньярском заводах; в с. Ерал – для прекращения самовольных порубок в частновладельческих лесах; на Симский завод – для охраны общественного порядка при производстве дознания и следствия по делу о вооруженном нападении жителей этого села на квартирующих здесь урядника и стражников; на Благовещенский завод – для поддержания порядка во время призыва молодых людей на военную службу, для охраны уездного присутствия, призывных списков и всего делопроизводства присутствия как на месте, так и в пути следования на завод и обратно.

В рапорте уфимского уездного исправника отмечалось, что «результаты появления стражи во всех этих пунктах, достигали намеченной цели, не оставляли желать ничего лучшего и в частности, в буйно настроенном Симском заводе отряд стражи дал возможность беспрепятственно произвести все розыскные и следственные действия по назначенному вопеющему делу и взять 27 человека виновных, тогда же отправленных в тюрьму»¹.

В составе полицейской стражи Уфимской губернии преобладали лица, уволенные в запас с военной службы, преимущественно из местных жителей. Последние занимали более 80 % от всех служащих. «Для избежания не желательных контактов местных уроженцев стражников с местным населением, – отмечалось в одном из служебных документов, – при назначении на службу применялся такой порядок, по которому они направлялись в отдаленные от мест своего жительства отряды»². Нередко на службу по согласованию с Департаментом полиции приглашались на службу представители казачества и горцев Северного Кавказа.

В 1907 г. в Мензелинском уезде Уфимской губернии в составе полицейской стражи проходили службу 187 стражников, уволенных из армии. В том числе: вахмистров и фельдфебелей – 3 человека, унтер-офицеров – 71, ефрейторов – 37, рядовых – 76. Хотя часть стражников являлись уроженцами данного уезда, но они распределялись по отрядам на расстоянии не менее 50 верст от своего места жительства³. Стражники принимались на службу по контракту от 1 до 5 лет. Предварительно требовались сведения их нравственных качеств и благонадежности

¹ НАРБ. Ф. И.-11. Оп. 2. Д. 119. Л. 272 об.

² Там же. Л. 309 об.

³ Там же. Л. 310.

от местных властей, начальника ГЖУ по месту жительства кандидатов, а также запрашивались аттестаты из частей войск. За боевую подготовку в отрядах данного уезда отвечал поручик П. В. Есипов.

Представляет интерес национальный состав уездной полицейской стражи. По архивным материалам можно проследить с определенной вероятностью примерную численность национального состава. Из 1400 полицейских стражников Уфимской губернии на долю башкир и татар приходилось около 10 – 12 %. Они, как правило, несли службу в русскоязычных волостях края.

Например, в 1907 г. из 9 конных стражников, служивших на Усть-Катавском заводе, было 5 представителей из башкир и татар: Ильяс Терегулов, Нурмухамет Мамлеев, Хабибназар Мухаметгалиев, Нигматзян Еникеев, Хабибназар Шигабутдинов. В Симском заводе из 13 стражников последних было 6 человек. Всего же по 5 стану Уфимского уезда из 57 стражников 11 были представителями коренного населения¹. В то же время в абсолютном большинстве случаев в местах компактного проживания татаро-башкирского населения охрану общественного порядка несли русские стражники, а привлечение служащих коренной национальности было исключением. Это нередко вызывало негативную реакцию местного населения, особенно при рассмотрении различных спорных дел, столкновений на почве вероисповедания и т. д.

Конные и пешие отряды стражи были также размещены на территории всех 6 уездов Уфимской губернии. Например, в г. Белебее они проживали в пяти частных домах вместе со своими семьями. Также в домах имелись конюшни для лошадей. Стоимость квартиры без отопления и освещения обходилась в 1 руб. 84 коп. на каждого стражника².

Как отмечалось в докладной записке уездного исправника: «В свободное от несения полицейской службы время и не менее четырех дней в неделю производилось строевое обучение стражи по особой программе, составленной офицером стражи по согласованию с уездным исправником. В программу строевого обучения входили различные упражнения по введению прицельного огня из различных видов стрелкового оружия при помощи зеркала два раза в неделю, кроме того, летом производилась учебная стрельба из трех упражнений: на 100, 200 и 300 шагов, при чем на стрельбу выдавалось всего по 14 боевых патронов»³.

Далее в этом же документе отмечается, что кроме выездов для подавления беспорядков стража несла службу по сохранению общественного порядка и благочиния в местах своего расположения, охраняла арестные помещения при полицейском управлении и станowych квартирах,

¹ НАРБ. Ф. И.-85. Оп. 1. Д. 2. Л. 4 об. – 12.

² НАРБ. Ф. И.-11. Оп. 2. Д. 119. Л. 322.

³ Там же.

сопровождала всех арестантов по уезду в места назначения, несла постовую службу по охране казенных кредитных и почтовых учреждений.

Так, в г. Белебее было учреждено 6 постов и, кроме того, в необходимых случаях учреждались внутренние посты при Белебеевском тюремном замке.

Говоря в целом о значении института полицейских стражников, следует согласиться с мнением исследователя Ю. А. Реента, который справедливо отмечает, что «учреждение полицейской стражи выводило административное управление в сельской местности на качественно новый уровень», выразившийся в сосредоточении «представителей властных структур во всех крупных населенных пунктах, а не только в уездных центрах»¹.

Таким образом, формирование подразделений сельской полиции на базе мобильных отрядов уездной полицейской стражи было шагом вперед в деле предупреждения и пресечения административных и уголовных преступлений, охраны общественного порядка и личной безопасности граждан.

В то же время следует отметить и слабую оснащенность предметами вооружения и экипировки, недостаточную строевую и боевую выучку. Требовали своего незамедлительного решения и проблемы профессиональной подготовки стражников.

§ 4. Формирование подразделений уголовного сыска

Начало XX в., отмеченное глубокими социальными катаклизмами, является одним из тех периодов времени, которые особенно ярко показывают обусловленность структуры и содержания правоохранительной деятельности проблемами общественного развития. Реальная действительность начала 1900-х гг. настойчиво требовала дальнейших перемен в теории и практике полицейского дела.

Следствием социально-экономических преобразований являлся неуклонный рост уголовной преступности. Это показывает статистика: если число осужденных общими судебными установлениями, рассматривающими наиболее тяжкие преступления, увеличилось с 1885 по 1898 гг. на 12 % в целом по России, то за период 1899 – 1908 гг. оно возросло на 66 %. Другими словами, если за последние 14 лет XIX в. преступность, изменяемая числом осужденных, увеличивалась ежегодно менее чем на 1 %, то за первые 9 лет XX в. она возрастала ежегодно более чем на 7 %, или в 7 раз быстрее². Аналогичная ситуация складывалась и в регионах. Так, в Уфимской губернии за 1874 – 1890 гг. количество совершенных преступлений возросло в 1,9 раза, с 2173 до 4234. В 1890 г.

¹ Реент Ю. А. Общая и политическая полиция России (1900 – 1917 гг.): монография. Рязань, 2001. С. 113.

² Остроумов С. С. Указ. соч. С. 204.

было осуждено 1176 мужчин и 75 женщин. Из них за преступление против собственности частных лиц 441 мужчина и 11 женщин (36 %), против здоровья, свободы и чести частных лиц – 237 мужчин и 56 женщин (23 %), против порядка управления – 250 мужчин и 7 женщин (20 %), по службе государственной и общественной – 103 мужчины (8 %) и т. д.¹

Такое положение дел в значительной мере объяснялось отсутствием общегосударственной системы уголовно-сыскных учреждений. Опыт функционирования таких учреждений в некоторых крупных городах говорил в пользу их повсеместного распространения.

В Департаменте полиции также приходили к убеждению в настоятельной необходимости создания подразделений для борьбы с необычайно возросшей уголовной преступностью. Подготовкой (а затем и проведением) этого мероприятия руководил В. И. Лебедев, ставший к этому времени чиновником особых поручений МВД. В 1907 г. Департаментом полиции были представлены два законопроекта. Первый предусматривал создание штатного сыскного отделения в Киеве, второй предлагал организовать отделения уголовного сыска еще в 96 городах Российской империи. Сюда входили все губернские и областные города, крупные промышленные центры и транспортные узлы, важные в стратегическом отношении. Проектируемые отделения должны были делиться на три разряда: I – для городов с населением 190 тыс. человек и более; II – для городов с населением 90 – 190 тыс. человек; III – для остальных городов. За образец для штата сыскного отделения I разряда предполагалось принять проект штата, разработанного для Киевского отделения. Для отделения II разряда ежегодный расход должен был составлять не более двух третей, а для отделения III разряда – не более половины предусмотренного для отделения I разряда с соответствующим снижением числа должностей и других расходов. Для организации уголовного сыска в местах, не указанных в проекте, предлагалось выделять в распоряжение губернаторов специальные суммы из расчета 1000 руб. на 500 тыс. человек населения соответствующей губернии или области².

Ввести законопроекты в действие предполагалось с 1 января 1908 г. Однако положения законопроекта пришлось долго согласовывать в МВД. Затем упорное сопротивление его продвижению оказывало Министерство финансов, аргументируя это нехваткой средств. Получить согласие этого ведомства удалось, лишь существенно сократив планируемые затраты. Еще ряд изменений пришлось внести в проект во время обсуждения его в комиссии Государственной Думы по судебным реформам. Наконец, этот документ был одобрен Государственной Думой и Государственным

¹ Хахимов С. Х. Указ. соч. С. 85.

² Шаламов А. Ю. Развитие организационной структуры сыскной полиции Российской империи (вторая половина XIX – начало XX в.) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. История. 2001. № 4. С. 55.

советом, и 6 июля 1908 г. император Высочайше утвердил закон «Об Организации сыскной части»¹.

В окончательном виде законопроект предусматривал учреждение 89 новых сыскных отделений – 3 отделений первого разряда в городах Киеве, Харькове и Тифлисе; 14 отделений второго разряда – в Астрахани, Елизаветграде, Вильне, Кишиневе, Воронеже, Екатеринославе, Казани, Минске, Нижнем Новгороде, Самаре, Саратове, Туле, Таганроге, Николаеве; 53 отделения третьего разряда – в городах: Витебске, Двинске, Иваново-Вознесенске, Житомире, Гродно, Белостоке, Новочеркасске, Иркутске, Калуге, Костроме, Митаве, Любаве, Курске, Юрьеве, Люблине, Могилеве, Оренбурге, Орле, Пензе, Перми, Петракове, Каменец-Подольске, Полтаве, Кременчуге, Пскове, Радоме, Рязани, Симбирске, Смоленске, Ставрополе, Симферополе, Тамбове, Твери, Томске, Уфе, Херсоне, Ревеле, Ярославле, Омске, Благовещенске, Владивостоке, Уральске, Кронштадте, Карги-Ениколе, Елисаветполе, Кутаиси, Эриване, Батуми, Екатеринодаре, Владикавказе, Бердичеве и Новороссийске; 19 отделений четвертого разряда – Архангельск, Владимир, Вологда, Вятка, Красноярск, Калише, Кельцах, Ломже, Новгороде, Петрозаводске, Полоцке, Сувалка, Седлец, Тобольске, Чернигове, Чите, Хабаровске, Семипалатинске и Карсе².

Кроме того, учреждалось 29 должностей переводчиков при сыскных отделениях. Распределение этих должностей по отделениям предоставлялось министру внутренних дел. Министр получал право при необходимости перемещать из состава одного отделения в другое штатные должности сотрудников и суммы на сыскные расходы. В распоряжение министра выделялось также 286900 руб. в год на проведение розысков вне мест дислокации сыскных отделений. Общий ежегодный расход, предусмотренный проектом закона, таким образом, был увеличен комиссией Государственной думы до 951010 руб.³

По новому закону действительно было установлено, что: 1) «начальники сыскных отделений и их помощники назначаются на должности и увольняются от службы по предварительному сношению губернатора и прокурора окружного суда»; 2) «лица прокурорского надзора имеют право давать непосредственные поручения чинам сыскных отделений в отношении производства розыскных действий»⁴.

Следует заметить, что одной из задач, поставленных царским правительством вышеуказанным законом, было улучшение розыскного дела в сельской местности.

¹ ПСЗРИ. Собр. 3. Т. 28. № 30672.

² Там же.

³ Шаламов А. Ю. Российский «фараон»: Сыскная полиция Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв. М., 2013. С. 96.

⁴ ПСЗРИ. Собр. 3. Т. 28. № 30672.

Анализируя структуру сыскных отделений, следует различать два главных типа организации уголовной полиции, встречающихся в то время в европейских городах: централизованный и децентрализованный. При первом деятельность сыскной полиции контролировалась из главной квартиры, и отдельные агенты приурочивались к исполнению специализированных функций. Таким образом, централизация приводила к специализации. При втором типе организации каждый район имел свой постоянный сыскной штат, действующий исключительно в пределах данного района.

Централизованная система превращала сыскную полицию в самостоятельную ветвь, работающую независимо от полицейской стражи и весьма слабо с нею связанную. Децентрализованная система до известной степени утилизировала силы общей полиции и приспособлявала агентов скорее к общей сыскной работе в пределах округа, чем к розыску лиц, совершивших какие-либо специальные виды преступлений. Централизованная система господствовала на континенте, а децентрализованная – с различными модификациями в Англии¹.

Уголовный розыск в царской России был организован по децентрализованному типу. Это было серьезным просчетом в организации сыскных отделений. В условиях Российской империи каждое из них оказалось как бы приковано к городу своей подчиненностью начальнику местной полиции, и из местных рамок службы могло выйти только в исключительных случаях – по особому распоряжению губернатора или по предложению прокурора. От первого руководителя сыскные отделения были далеки. Ибо не имели права непосредственных докладов, а по отношению ко второму являлись такими же рядовыми полицейскими, как и чины общей полиции. Начальнику же городской полиции были безразличны уголовные преступления в губернии, и он никогда не был сторонником командировок подведомственных ему чинов сыскного отделения в пределах губернии. Борьба с уголовной преступностью стояла на втором плане и была делом «обычным».

В течение двух лет с момента организации сыскные отделения многих городов Российской империи не получали никаких инструкций или указаний сверху. Лишь в 1910 году была издана Инструкция чинам сыскных отделений². Но, как отмечали сами же царские чиновники, она была «изложена так туманно, что дала возможность толковать начальникам городских полиций положение сыскных отделений в зависимости от их благоусмотрений, от чего сыск поставлен в такие рамки, которые не дают возможности успешно бороться с возрастающей из года в

¹ Шинджикашвили Д. И. Министерство внутренних дел царской России в период империализма. Омск, 1974. С. 40.

² Инструкция чинам сыскных отделений (утв. Министерством внутренних дел 9 августа 1910 г.). СПб., 1910.

год преступностью»¹. Если в законе 6 июля 1908 года организации сыскной части была посвящена только одна статья, которая возлагала «на начальников сыскных отделений, их помощников, полицейских надзирателей и городских все права и обязанности согласно судебным уставам и другим действующим по сему предмету узаконениям, присвоенные ныне полиции по исследованию преступных деяний» (ст. 4)², то Инструкция 1910 года имела целью установить круг деятельности сыскных отделений, а также права и обязанности их чинов.

Закон от 6 июля 1908 года выделил сыскную часть из ведения общей полиции. Поэтому Инструкция 1910 года, казалось бы, прежде всего должна была стремиться к точному разграничению обязанностей общей полиции и сыскных отделений. Однако в инструкции это не было предусмотрено. Желание отличиться зачастую толкало чиновника из общей полиции в ту область, в которой, по существу, призвана была работать сыскная полиция. Это способствовало созданию на местах неопределенности во взаимоотношениях чинов общей и сыскной полиции, вызывало трения и недоразумения там, где интересы дела требовали совместной работы по розыску преступника.

В инструкции ничего не было сказано об особых обязанностях сыскных отделений, которые диктовались местными особенностями и носили общий для известного района характер (например, обязанности сыскной полиции в пограничных районах, в местностях с инородческим населением, быт которого регулировался особыми местными узаконениями и т. д.).

Всем известно, что успех розыска преступника во многих случаях зависит от принятия тех или иных срочных оперативных мер. Однако по указанной инструкции уголовный сыск не имел для этого возможности. «В случае необходимости, – говорилось в Инструкции, – принять сыскные меры по какому-либо делу одновременно в разных местностях империи, подлежащий губернатор входит в сем в сношение с департаментом полиции»³.

Таким образом, начальник сыскного отделения в подобных случаях обязан был входить с рапортом к полицмейстеру, тот в свою очередь представлял дело губернатору, который связывался с Департаментом полиции. Последний уже делал распоряжение о производстве необходимых розыскных действий. В итоге, пока дело проходило все эти инстанции, терялось немало времени, что отрицательно влияло на результаты розыска.

Принятый закон был значительно урезан по сравнению с проектом, составленным под руководством В. И. Лебедева. Во-первых, было сокращено число вновь учреждаемых отделений (с 96 до 89). Во-вторых, для городов с населением менее 35 тыс. человек учреждались отделения не III, а IV разряда с меньшими штатами. В-третьих, численность сыскных

¹ Вестник полиции. 1913. № 14. С. 318.

² Собрание узаконений и распоряжений правительства. 15 июля 1908 г. № 104. Ст. 730.

³ Шинджикашвили Д. И. Указ. соч. С. 15.

отделений I разряда (в том числе Киевского) сокращалась с 25 до 20 человек. Соответственно, снижалась штатная численность и отделений низших разрядов (см. табл. 17).

Центральным органом уголовного сыска становилось учрежденное в марте 1908 г. VIII делопроизводство Департамента полиции. К ведению этого учреждения относились:

- а) организация сыскных отделений в империи;
- б) наблюдение за деятельностью этих отделений и объединение таковых в целях успешного розыска;
- в) составление инструкций, правил и т. п. по сыскной части;
- г) сношения с заграничными полициями;
- д) издание розыскных циркуляров Департамента¹.

Таблица 17

Структура и численность сыскных отделений России в 1908 году

Разряд сыскного отделения	Численность личного состава, чел.	Ежегодные ассигнования (в т. ч. на сыскные расходы), руб.
I	20	15860 (4000)
II	11	10260 (2700)
III	8	6990 (2000)
IV	6	4780 (1200)

Таким образом, VIII делопроизводство было лишь инструктивно-информационным центром и не обладало в отношении местных органов сыска административно-властными полномочиями. Все свои циркуляры и инструкции оно адресовало губернаторам, градоначальникам и полицмейстерам с просьбой довести их до сведения сыщиков и проконтролировать исполнение. Так как губернские чиновники не были компетентны в делах сыска и не считали это своей заботой, деятельность местных сыскных отделений часто оказывалась бесконтрольной. Но принятие закона от 6 июля 1908 г. стало важным событием в деле формирования российского уголовного розыска и способствовало повышению эффективности борьбы с профессиональной преступностью.

Чем же занимались подразделения уголовного сыска?

Рассмотрим деятельность сыскного отделения Киевской городской полиции за 1906 год. В отчетном году в подразделении проходили службу 23 сотрудника. Из них 1 – начальник отделения, 2 околоточных надзирателя и 20 городских. Из наличного состава городских 4 исполняли обязанности

¹ Шаламов А. Ю. Четвероногие сыщики // Родина. 2000. № 7. С. 58.

чиновников особых поручений по сыскной части, 1 заведовал делопроизводством, 3 заведовали столами: личного задержания, наблюдения и справок, происшествий и регистратурой, также имелось 2 сотрудника, которые занимались антропометрическими измерениями и фотографией, остальные 10 человек несли сыскную службу¹.

Одной из наиболее важных функций любого учреждения того времени была работа с заявлениями, жалобами и другими бумагами. Как видно из отчета о деятельности сыскного отделения Киевской полиции, в течение 1906 г. в сыском отделении было 14520 входящих бумаг, 22318 – исходящих, поступило 4020 требований о розысках, произведено 3980 дознаний по разным преступлениям. Общее число задержанных составляло 5798 человек. В среднем за отчетный год каждым из 6 чиновников, несущих наружную службу, было произведено 663 дознания, а каждым городовым, несущим сыскную службу², было задержано по 580 преступников. Приведенные факты свидетельствуют о том, что сотрудники были достаточно перегружены как бумажной работой, так и пресечением уголовных преступлений.

Нововведением в службе уголовного сыска стало использование разыскных собак, начало которому было положено в 1907 г. Главным инициатором и организатором этого дела стал чиновник особых поручений Департамента полиции МВД Российской империи В. И. Лебедев, опытный работник уголовного сыска. 11 января 1908 г. В. И. Лебедев представил в Департамент полиции проект устава «Российского общества поощрения применения собак к полицейской и сторожевой службе». Общество должно было состоять в ведении МВД по Департаменту полиции и главной целью было в ознакомлении чинов полиции с приемами дрессировки собак, условиями их содержания и применения в служебных целях³.

Проект был утвержден и имел следующие цели:

- 1) сбор сведений и разработка материалов о применении собак в полицейской и сторожевой службе;
- 2) ведение и опубликование заводских реестров породистых собак;
- 3) посредничество между заводскими учреждениями и полицейскими учреждениями и чинами в приобретении собак;
- 4) изучение инструкций и руководств для дрессировки, воспитания, практического применения собак, содержания и ухода за ними;
- 5) выработка программ для испытания полицейских собак;
- 6) устройство состязаний и испытаний полицейских собак;
- 7) издание журнала и брошюр.

Одновременно с организацией этого общества Департамент полиции разослал запросы в местные органы полиции с указанием сообщить об

¹ Полиция России. Документы и материалы. 1718 – 1917. Саратов, 2002. С. 286.

² Там же. С. 288.

³ Шаламов А. Ю. Указ. соч. С. 38.

имеющемся опыте применения служебных собак. Оказалось, что такого опыта фактически нет. Кроме служебных собак в Киеве обнаружили 3 собаки в полиции Екатеринослава и 2 в полиции г. Малоярославец Калужской губернии. Все эти собаки находились в процессе обучения и практически не применялись. Главной причиной слабого развития служебного собаководства – отсутствие в полицейских органах людей, способных квалифицированно готовить собак к полицейской службе, особенно к сыскной.

К осени 1908 г. розыскные собаки имелись в полицейских управлениях многих городов Российской империи: Санкт-Петербург, Киев, Рига, Митава, Либав, Вильно, Ковно, Фридрихштадт, Тальсен, Уфа и др.¹ В Уфе отделение «Российского общества поощрения применения собак к полицейской и сторожевой службе» действовало в 1914 г. Руководили отделением опытные сотрудники городской полиции Н. П. Елсаков и В. А. Мурнек².

¹ Шаламов А. Ю. Указ. соч. С. 39.

² Адрес-календарь Уфимской губернии на 1914 год. Уфа, 1914. С. 84.

Глава V. Полиция Уфы в конце XIX – начале XX в.

§ 1. Численность и состав Уфимской городской полиции в начале XX века

В начале XX в. Уфа представляла собой крупный губернский центр с железнодорожной и речной сетью. В городе быстрыми темпами развивается торговля и промышленность. За первые 15 лет нового столетия количество уфимцев почти удвоилось. В 1901 г. в городе насчитывалось 60,6 тыс. жителей, а в 1916 г. уже 112,7 тысяч¹. Вслед за населением росла территория города. За 1898 – 1916 гг. число улиц увеличилось с 89 до 216, а количество строений 6078 до 10131². В этих условиях полицейские штаты города устаревали и не соответствовали реалиям. Правительство крайне неохотно шло на их увеличение. Лишь после неоднократного обращения губернаторов в марте 1895 года министр внутренних дел И. Н. Дурново утвердил новый штат полицейской команды для Уфимской городской полиции взамен прежнего. Теперь в губернском центре несли службу 16 старших городских и 67 младших³. В ноябре 1898 г. Высочайше утвержденным Мнением государственного совета в Уфе были введены новые должности помощника полицмейстера, одного полицейского пристава II разряда и двух помощников пристава, что, наконец, позволило перевести четвертую полицейскую часть из разряда временной в постоянную⁴. При этом штатная численность полицейской команды осталась прежней.

Несмотря на изменения, происходящие в Уфимской полиции в 90-е гг. XIX в., их динамика существенно отставала от потребностей города. После пуска в эксплуатацию в 1888 г. Самаро-Уфимской железной дороги численность населения губернского центра к 1903 г. выросла с 25 тыс. человек до 70. Бурный рост города сопровождался увеличением числа негативных явлений, на которые указывал уфимский губернатор И. Н. Соколовский: «Постройка железной дороги, возведение новых зданий в самом городе, – отмечалось в документе, – потребовали большого количества рабочих рук, что с одной стороны вызвало наплыв рабочих, с другой же отразились на усилении среди населения разгула, пьянства и преступности»⁵. В свою очередь это вело к увеличению нагрузки на полицейский аппарат, который оказался не в состоянии с ней справиться. Исходя из реально сложившейся ситуации, руководство губернии ходатайствовало перед МВД о расширении

¹ История Уфы. Уфа, 1981. С. 134.

² Обзор Уфимской губернии за 1900 г. Уфа, 1902. С. 55; НАРБ. Ф. 148. Оп. 1. Д. 21. Л. 6.

³ Во славу Отечества. Т. 1. На государственной службе. Уфа, 2002. С. 86.

⁴ ГАРФ. Ф. 102 (2 делопроизводство). Оп. 57. Д. 96. Ч. 79. Л. 1 – 9.

⁵ НАРБ. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 715. Л. 104; Хакимов С. Х. Полиция в системе органов губернского управления пореформенной России. Уфа, 2003. С. 86.

штатов Уфимской городской полиции до 182 человек¹. Подготовленный проект предусматривал включить в уже существующую структуру должности заведующего адресным столом, пристава по сыскной части, помощника пристава резерва и 3 околоточных надзирателей резерва, а также 20 околоточных надзирателей. Численность городской полицейской команды планировалось довести до 137 человек. Реорганизуется система городской патрульно-постовой службы, создаются 23 поста, в марте 1904 г. их число возрастает до 29². Городовые несли службу в три смены, при необходимости привлекались конные городовые.

Таким образом, помимо простого увеличения численности сотрудников городской полиции, проект новых штатов предусматривал и качественные преобразования в организации полицейской службы. Реализация проекта требовала существенного увеличения финансирования полиции, что являлось камнем преткновения при его обсуждении. Городская дума сразу же отказалась от увеличения содержания полицейской команды, мотивируя это значительными текущими строительными издержками. Согласование проекта в МВД и Министерстве финансов и государственного контроля привело к его утверждению императором 19 января 1904 г. в весьма урезанном виде.³

Ключевая роль в укреплении полиции Уфы принадлежала уфимским губернаторам И. Н. Соколовскому, А. С. Ключареву и полицмейстеру Г. Бухартовскому. Последний руководил городской полицией более 9 лет, с 1903 по 1911 год, единственный по продолжительности среди полицмейстеров пореформенной Уфы.

Г. Г. Бухартовский происходил из семьи дворян польского происхождения⁴. После окончания Мариупольской мужской гимназии в 1888 г. был призван на действительную военную службу в 12-й гренадерский Астраханский полк, где дослужился до чина прапорщика. С 1890 г. его жизнь была связана с работой в полиции. Г. Г. Бухартовский начал работать в Московской полиции в должности околоточного надзирателя. В 90-е годы XIX в. работал помощником пристава, приставом в Орске, Оренбурге. В 1902 г. был назначен исполняющим должность полицмейстера г. Семипалатинска. 22 июня 1903 г. приказом уфимского губернатора определен уфимским полицмейстером⁵.

Очевидно, назначение было не случайным. 6 мая 1903 г. в Ушаковском парке Уфы был «злодейски убит уфимский губернатор Николай Модестович Богданович. Так террористы наказали его за расстрел Златоустовских рабочих в марте того же года. Очевидно, после этой трагедии по-

¹ НАРБ. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 715. Л. 105, 111.

² Там же. Оп. 2. Д. 75. Л. 54.

³ ГАРФ. Ф. 102 (2 делопроизводство). Оп. 48. Д. 226. Л. 91 – 92.

⁴ НАРБ. Ф. И-9. Оп. 2. Д. 85. Л. 5.

⁵ Там же. Д. 118. Л. 1.

следовали перетряски руководящих чинов полиции, и проработавший на посту уфимского полицмейстера более 10 лет Ф. Т. Смирнов в чине коллежского асессора был отправлен в отставку»¹.

Прибывший в Уфу новый губернатор Александр Сергеевич Ключарев не стал трогать Г. Г. Бухартовского, и вскоре он стал одним из близких в окружении нового хозяина губернии.

Известный русский библиограф и писатель С. Р. Минцлов в своем дневнике из уфимского периода жизни отмечает, что при посещении 2 апреля 1910 г. губернатора А. С. Ключарева, познакомился с Генрихом Генриховичем Бухартовским. «Бутофория у здешнего Генриха в исправности: усы большие и вид самый бравый губернатору насколько успел заметить, без лести предан»².

Полицмейстер, заручившись поддержкой губернатора, многое сделал для укрепления материальной базы и кадрового состава городской полиции. По его инициативе в 1903 – 1904 гг. были организованы антропометрическое бюро, фотолаборатория, адресный стол, без чего невозможно было эффективно и быстро раскрывать преступления³.

Полицмейстеру приходилось организовывать и лично участвовать в обеспечении правопорядка во время прибытия в город в конце июня 1904 г. императора Николая II и визита в губернию великой княгини Елизаветы Федоровны в июле 1910 г.⁴

Г. Г. Бухартовский принимал самое активное участие в организации сбора средств на строительство Аксаковского дома, который и сегодня украшает столицу. За усердную полицейскую службу Г. Г. Бухартовский был награжден орденами Св. Станислава 3-й степени, Св. Анны 3-й степени, серебряной медалью в память Александра III.

С принятием новых штатов произошло количественное увеличение полиции, переименование частных приставов в участковые приставы. Однако самым важным шагом в развитии структуры Уфимской полиции стало введение в ее штат должности околоточного, которая ранее отсутствовала. Потребность в более мелкой полицейской территориальной единице ощущалась настолько, что на рубеже веков город был разделен на 14 участков, где за неимением околоточных их обязанности выполняли городовые⁵. С введением этой должности официально околоточные оказались распределены между полицейскими участками города неравномерно. На первом и втором участках числилось по 5 околоточных, четвертом – двое, а на третьем участке их не было вообще⁶.

¹ НАРБ. Ф. И-11. Оп. 3. Д. 3. Л. 1 – 6.

² Минцлов С. Р. Уфа. Из книги «Дебри жизни». Уфа, 1992. С. 9.

³ Хакимов С. Х. Полиция пореформенной Уфы: страницы истории // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 1999. № 1. С. 84.

⁴ Чекалихин А. Губернатор и полицмейстер // Уфа, 2003. № 6. С. 44.

⁵ НАРБ. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 715. Л. 104 об.

⁶ Адрес-календарь Уфимской губернии. Справочная книжка на 1905 г. Уфа, 1904. С. 34.

Тем не менее уфимский полицмейстер при поддержке губернатора сумел на свой страх и риск осуществить ряд преобразований, не поддержанных вышестоящей инстанцией. Еще в 1903 г. в городе был организован при полиции адресный стол, который работал достаточно эффективно на принципах самокупаемости. В 1913 г. он был «легализован» с официальным утверждением МВД «Положения об уфимском адресном столе»¹.

В 1904 г. при поддержке губернатора уфимский полицмейстер Г. Г. Бухартовский учредил «неуказанное» штатами сыскное отделение, выделив для этой цели из общего состава чинов полиции 1 пристава, 1 помощника пристава и 4 городских. При сыском отделении была оборудована фотолаборатория, антропометрическое бюро и типография. Первым его руководителем был назначен И. Ф. Андреев, ранее исполнявший обязанности пристава 3-го участка города Уфы².

Финансирование нового подразделения осуществлялось за счет части сыского губернского кредита, из которого выделялось 500 – 600 рублей в год на нужды сыщиков, что явно было недостаточно. Это был первый опыт организации отделения уголовного розыска в Уфе и губернии в целом. Дальнейшее его развитие продолжилось на основании закона от 6 июля 1908 г. «Об организации сыской части». Начальником сыского отделения в Уфе был назначен пристав 1 участка В. А. Ошурко, на которого и легли все организационные трудности создания уже официального нового подразделения. Отделение одним из первых в стране начало использовать при раскрытии преступлений служебных собак.

Подготовка к созданию службы розыскных собак в масштабе всей страны началась еще в 1907 году. Главным инициатором и организатором этого дела стал чиновник для особых поручений Департамента полиции МВД Российской империи Владимир Иванович Лебедев. Это был один из опытейших работников уголовного сыска. Ранее он занимал пост начальника Московской сыской полиции, в дальнейшем возглавил российский уголовный розыск³.

«С 1 мая 1909 года в г. Уфа начались регулярные занятия с полицейскими собаками для этой цели питомник собак переведен за город в лес. Большая часть собак только начинающие, молодые Уфимского и различных питомников до настоящего времени занятия идут успешно. В интересах этого дела для получения дрессировки полицейских собак происходящих под руководством Новикова, изучившего в этом деле в Риге, местным начальством привлечен к этому делу. Привлечены поли-

¹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 68. Д. Ю. Ч. 43. Л. 12 – 13.

² Хакимов С. Х. Указ. соч. С. 83.

³ Шаламов А. Ю. Российский «фараон»: Сыская полиция Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. М., 2013. С. 259 – 260.

цейские стражники разных отделений, но достижения благоприятных результатов дрессировки предполагает публичное исполнение собак, при чем к этому времени проектируется образование Уфимского отдела Российского общества поощрения применения собак к полицейской и сторожевой службе, под флагом которой и предполагается проведение показа их навыков, приобретенных в процессе дрессировки. Всего в показательных выступлениях принимало участие 11 служебных собак, из которых 4 представляли Уфимское сыскное отделение, 1 – Пермского отделения, остальные из подразделения уездных полицейских стражей Уфимской губернии. Были представлены породы: эрдельтерьер, доберман пинчер, немецкая овчарка. В. А. Ошурков был избран в состав правления Российского общества поощрения служебных собак полицейской и сторожевой службы»¹.

22 июня 1909 г. для Уфы устанавливаются новые временные штаты полицейского управления². Город был разделен на 5 полицейских участков, где несли службу 5 приставов, 5 их помощников, 5 письмоводителей, 15 околоточных надзирателей и 160 городских. Всего численность Уфимской полиции, включая состав городского полицейского управления, насчитывала 196 человек³.

К 1909 г. число полицейских участков возросло до 5, где несли службу 5 участковых приставов с 5 помощниками, 15 околоточных надзирателей, 140 пеших и 20 конных городских. В 1912 г. на вооружении городской полиции имелось 167 револьверов, из них 34 системы «Наган», образца 1905 г., и 133 системы «Смит-Вессон», «Бульдог» и «Лефоше», а также 157 шашек кавалерийского образца⁴.

Повседневную деятельность Г. Г. Бухартовского как руководителя городской полиции можно проследить по сохранившимся в Национальном архиве Республики Башкортостан приказам уфимского полицмейстера. Обращает внимание его высокая требовательность к своим подчиненным. Так, в приказе уфимского полицмейстера на 13 июня 1904 г. за № 124 отмечается, что городской 2 участка Габдулгафаров, знак № 43, за дерзкий ответ на замечание дежурного околоточного надзирателя арестовывается при полицейском управлении на 7 суток; «К настоящему взысканию, – отмечается в документе, – я прибегаю лишь в виду продолжительной службы сказанного городского; в будущем же за подобные проступки я не только буду увольнять от службы, но и возбуждать дела о предании виновных суду»⁵.

¹ Вестник полиции 1909 г. № 39. С. 830 – 831.

² Законы Российской империи о башкирах, мишарях, тептерях и бобылях. Уфа, 1999. С. 459.

³ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 48. Д. 226. Л. 186.

⁴ Там же. Делопроизводство 2. 1911-10 и 43. Л. 4.

⁵ Журналы Уфимской городской думы за 1913 год. Уфа, 1915. С. 113 – 119.

Вот выдержка из другого приказа Г. Г. Бухартовского от 8 января того же года за № 5: «Объявляя по вверенной мне полиции, что награду я назначаю и впредь буду назначать не всем без исключения низшим чинам, а лишь тем, которые своей службой заслужили поощрение, при чем прослужившие менее полугода награды получать не будут, исключая случаев особо выдающихся, избалованные в нетрезвом поведении также награждаться впредь до полного исправления не будут»¹.

В прилагаемом здесь же списке награждаемых очевидно по итогам завершеного 1904 года значится 19 городских. Например, городской 1 части, № бляхи – 1, Терентий Анкудинов получил денежное вознаграждение в сумме 25 рублей, Иван Косарев – 16, Мухаметгазиз Мухаметхафизов – 16, Максим Иванов – 16, Фрол Калинин – 16, Павел Алексеев – 16, Тимофей Кочетков – 16, Марк Балдин – 15, Низамутдин Камалетдинов – 9 руб. 50 коп., Тимирш Шагиахметов – 9 руб. 50 коп.²

Приказом уфимского губернатора на 26 января 1907 г. за № 12 Г. Г. Бухартовскому за энергичные действия при раскрытии зверского убийства семьи Володкевич выражена искренняя благодарность³. В сентябре 1912 года он переводится в Симбирскую губернию исправником (начальником полиции) Сенгелейского уезда. По переписи 1897 г. здесь проживало 151726 человек, а в самом городе Сенгелейске 5734 человек, т. е. это был небольшой по численности захолустный район. Ныне город Сенгелейск расположен на территории Ульяновской области. Очевидно, это перемещение произошло не без участия бывшего патрона «Усатого Генриха».

После революционных событий октября 1917 г. Г. Г. Бухартовский был осужден на 3 года и 4 месяца и освобожден по болезни 25 мая 1924 г. Был женат на Марии-Евгении Александровне Эрдман, которая являлась членом Уфимского дамского отделения. Старший сын Бухартовский Владислав Генрихович работал агентом «Северного страхового общества»⁴. Младший сын Эдуард родился 5 мая 1912 г.

Все последующие сведения о деятельности Г. Г. Бухартовского обнаружены автором в архиве Федеральной службы безопасности по Республике Башкортостан и публикуются впервые. В протоколе допроса от 3 января 1921 года в Уфимской ГЧКа он пишет следующее: «В 1915 г. я был переведен в Ново-Николаевск также на должность полицмейстера, в которой пробыл до переворота 1917 года и с переворотом был призван в 711 дружину на должность ротного командира и по расформированию в 1918 г. был уволен как достигший преклонного возраста и после этого поступил в Кожснабжение, где и служил до дня ареста, т.е. до 14 августа

¹ НАРБ. Ф. И-9. Оп. 2. Д. 75. Л. 124.

² Там же.

³ РГИА Ф. 1349. Оп. 1. Д. 529.

⁴ Справочная книга г. Уфы. Уфа, 1908. С. 180.

1920 г., был освобожден и вновь арестован 27 ноября 1920 г. и перепровожден в г. Уфу. Постановлением коллегии Уфимского ГЧК от 25.01.21 г. приговорен к 5 годам заключения в концентрационный лагерь, по обвинению как бывшего полицмейстера, участвовавшего в подавлении восстания рабочих в 1905 г. в Уфе»¹.

12 сентября 1912 г. уфимским полицмейстером был назначен надворный советник Серафим Алексеевич Шамлевич. В силу известных исторических событий ему суждено было стать последним руководителем Уфимской полиции. Он был приглашен уфимским губернатором из Новгородской губернии.

С. А. Шамлевич родился 1 июля 1873 г. в Валдайском уезде Новгородской губернии. Происходил из семьи потомственных дворян. После окончания Чугуевского юнкерского училища 9 апреля 1891 г. вступил на военную службу рядовым 107 пехотного Троицкого полка. В последующие годы проходил службу на различных командных должностях. В декабре 1901 г. в звании поручика зачислен в запас. Дальнейшая деятельность С. А. Шамлевича связана с работой в органах общей полиции Новгородской губернии, где он прошел сложный и тернистый путь от станового пристава до начальника уездного полицейского управления. С. А. Шамлевич принимал участие в русско-японской войне 1904 – 1905 гг., командовал ротой во 2-ой Манчжурской армии. За мужество и храбрость, проявленные в боях, награжден темно-бронзовой медалью в память о русско-японской войне и орденом Св. Станислава 3-й степени.

Приняв дела, С. Шамлевич начинает активно заниматься укреплением дисциплины кадрового состава, улучшением материальной базы городской полиции. Так, 29 ноября 1912 г. пишет на имя губернатора рапорт с просьбой решить вопрос об увеличении штатов. «Штаты полиции, введенные в г. Уфе в 1909 г. при численности населения в 80000 жителей отмечается в документе, в настоящее время, в виду увеличения его до 106290 (сведения к 1 января 1912 года) являются не отвечающими тем требованиям, которые предъявляются к ней, в особенности это замечается в отношении к городovým, число коих по нормальному расчету (1:400) должно выражаться -271, между тем городových существует лишь 160»².

Следовательно, некомплект городových составлял 111 человек или 41 % от нормы. Далее в документе отмечается, что «расход на разные служебные наряды настолько велик, что представляется возможным выставлять лишь 28 постов, а принимая во внимание, что город имеет площадь 30 кв. верст, то становится ясным, что постовая сеть, имея верстовые (в среднем) ячейки, не может вполне обслуживать город; сгущая же посты к центру, приходится обнажать окраины города, т.е. как раз те районы, которые нельзя, в целях предупреждения и пресечения преступности

¹ Архив ФСБ по РБ. Ф 1. Оп. 1. Д. В-19515. Л. 25 – 25 об.

² НАРБ. Ф. И-9. Оп. 2. Д. 97. Л. 60.

и хулиганских выступлений оставить без наблюдения, в виду проживания в них неблагонадежного в нравственном отношении элемента»¹.

Кроме недостающих согласно нормам штатов городских, полицмейстер также просит увеличить число штатов околоточных надзирателей с 15 до 25².

С. А. Шамлевичу принадлежала инициатива по открытию полицейского музея при управлении. В своем рапорте губернатору от 27 мая 1913 г. полицмейстер отмечает, что все вещественные доказательства совершенных преступлений (лекарственные отравы, оружие и патроны, кровавые пятна, воровские инструменты, собрание шифровальных писем и ключей к ним и т. д.) необходимо сосредоточить в полицейском музее с последующей их систематизацией по соответствующим отделам³. При нем в губернском центре открыли первое в крае учебное заведение по подготовке урядников полицейской стражи. Также активно работал над составлением и изданием нормативной базы полицейской службы. В 1916 г. им была подготовлена книга «Служба Уфимской городской полиции в инструкциях, правилах и приказах по полиции, изданных Уфимским Полицмейстером за 1912-1915 гг.»⁴.

Автор отмечал, что «при занятии должности Уфимского полицмейстера мною было замечено отсутствие в Городской полиции общей организованности в смысле распределения обязанностей между отдельными должностными лицами городской полиции и отсутствие точного обозначения самих обязанностей (каждый агент полиции нес службу как понимал и как хотел). Между тем не одна служба не нуждается в соорганизованности отдельных агентов так, как полиция»⁵. Далее автор отмечает, что «в продолжение трех лет издаваемыми мною приказами по полиции я стремился дать деятельности полиции необходимое направление... Предлагая настоящее издание чинам вверенной мне полиции к руководству, объявляю, что с изданием настоящего сборника все приказы руководящего характера, не вошедшие в состав его или не отвечающей редакции, считать отмененными»⁶. В данной книге публикуются наставления сотрудникам городской полиции, которые актуальны и по сей день.

Ниже публикуется оригинал текста наставлений уфимского полицмейстера С. А. Шамлевича:

«1. Каждый служащий в полиции, питая в душе своей непоколебимую преданность ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ, должен исполнять службу ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА по совести, помятую священные слова принятой им присяги при определении на службу. Поэтому

¹ НАРБ. Ф. И-9. Оп. 2. Д. 97. Л. 60.

² Там же.

³ Там же. Оп. 1. Д. 924. Л. 1.

⁴ Служба Уфимской городской полиции в инструкциях, правилах и приказах по полиции, изданных уфимским полицмейстером за 1912 – 1915 гг. Уфа, 1916.

⁵ Там же. С. 2.

⁶ Там же. С. 3.

он должен быть неподкупно честен, безусловно, правдив, вести жизнь нравственную, трезвую и ни в чем не зазорную, исполнять свои обязанности ревностно, выказывать на службе терпение, рассудительность, мужество и решительность. Вне службы вести себя с достоинством и прилично, быть уживчивым по отношению к товарищам по службе, а с публикою вежливым, предупредительным и всегда готовым бескорыстно оказывать законное содействие лицам, обращающимся к его помощи и защите, в особенности же потерпевшим от действий злонамеренных лиц.

2. Каждый чин полиции при исполнении служебных обязанностей в публичных местах, на дежурствах, в нарядах и т.п. должен быть со всеми вежлив, серьезен и сдержан. Суетливость, оскорбительное обращение и резкость в словах или в действиях вредят делу и унижают его достоинство. Вообще он обязан избегать всего того, что может обратить на него внимание и должен быть особенно осторожен во время праздников, на многочисленных собраниях и в местах большого стечения народа, где малейшая неосмотрительность, резкость или излишняя требовательность может поставить его в трудное или даже опасное положение.

3. Прием всевозможных подарков и вознаграждений от частных лиц и вообще получение незаконных льгот и выгод воспрещается; равным образом воспрещается водить кого-либо бесплатно в увеселительные места.

4. Чины полиции есть блюстители порядка, благочиния и спокойствия, оберегающие личность и собственность каждого.

5. Наблюдая за приличием и благопристойностью других, чины полиции должны всегда подавать в этом пример собою.

6. Чины полиции должны заботиться о сохранении за собой и своими сослуживцами доброго имени и чести своего служебного звания.

7. Приказания начальства исполнять быстро и точно.

8. К старшим относиться почтительно.

9. Классным чином полиции во время дежурств в собраниях, клубах, театрах, маскарадах и проч., воспрещается отвлекаться от службы и распивать спиртные напитки, присаживаться к компаниям знакомых, участвовать в карточной игре и проч., а также подходить к буфету.

10. Городовым, находящимся в нарядах, воспрещается сидеть, публично курить, грызть семечки и заниматься праздными разговорами»¹.

За период работы в г. Уфе С. А. Шамлевич неоднократно поощрялся приказом губернатора и министра внутренних дел, был награжден орденом Св. Станислава 2-й степени.

Последнее увеличение штатной численности Уфимской полиции должно было произойти на основе принятого 23 октября 1916 г. постановления Совета Министров «Об усилении полиции в 50-ти губерниях империи и об улучшении служебного и материального положения поли-

¹ Служба Уфимской городской полиции в инструкциях, правилах и приказах по полиции, изданных уфимским полицмейстером за 1912 – 1915 гг. Уфа, 1916. С. 4 – 5.

цейских чинов». Однако механизм реализации реформы в условиях военного времени не был проработан, в связи с чем уже с первых шагов она начала вязнуть в многочисленных согласованиях, и была прервана Февральской революцией, которая предложила решать вопрос об охране правопорядка на принципиально иных началах.

14 марта 1917 г. Уфимский губернский комитет общественных организаций своим решением освободил С. А. Шамлевича от должности полицмейстера г. Уфы.

В документе отмечалось: «В виду передачи полиции в ведение Уфимского городского управления и предстоящего преобразования ее в милицию, предлагаем Вам, согласно постановлению губернского комитета от 12 сего марта, должность полицмейстера сдать Николаю Петровичу Елсакову. Утверждаю за Управляющего МВД и от товарища Министра 12 ноября 1916 г.»¹.

Таблица 18

Штаты 1916 года

		3-го разряда					
		Число лиц		Одному			Всем по 3-му разряду
		Уфа	Итого по 3-му разряду	Жалование (со столовыми)	Квартирные	Итого	
Наружная полиция	Полицмейстеры	1	1	2800	700	3500	3500
	Помощники их	1	1	2000	500	2500	2500
	Приставы	5	5	1680	420	2100	10500
	Помощники их	6	6	1200	300	1500	9000
	Полиц. надзиратели	20	20	720	180	900	1800
	Смотрит. арест. помещений	1	1	850	Нат.	850	850
	Городовые конные	20	20	400	100	500	10000

¹ Правоохранительные органы Уфимской губернии в переломные годы истории (1894 – 1922): сборник документов и материалов. Уфа, 2016. С. 248 – 249.

	Городовые пешие	200	200	360	90	450	90000
	Полицейские служители	13	13	300	Нат.	300	3900
	Полицейские рассыльные	7	7	250	Нат.	250	1750
	Итого	284					
	Офицеры резерва						
Сыскная полиция	Начальники сыскных отделений	1	1	2000	500	2500	2500
	Помощники их	1	1	1680	420	2100	2100
	Чиновники, зав. регистрацией	1	1	640	160	800	800
	Фотографы	1	1	640	160	800	800
	Надзиратели 1-го разряда	3	3	840	210	1050	3150
	Надзиратели 2-го разряда	4	4	440	ПО	550	2200
	Письмоводители	1	1	640	160	800	800
	Переводчики						
Канцелярия наружной полиции	Секретари	1	1	1200	300	1500	1500
	Помощники их						
	Столоначальники	3	3	760	190	950	2850
	Помощники их						
	Журналисты (регистраторы)	1	1	520	130	650	650
	Бухгалтеры (казначей)	1	1	640	160	800	800
	Архивариусы						

	Заведывающие столами	адресн.					
	Письмоводители приставов	5	5	520	130	650	3250
							171400
		4-го разряда					
		Число лиц					
		Белебей	Бирск	Златоуст	Мензелинск	Стерлитамак	
Наружная полиция	Полицмейстеры						
	Помощники их						
	Приставы	1	1	1	1		
	Помощники их		1	2			
	Полиц. надзиратели	1	2	6	2	4	
	Смотрит. арест. помещений						
	Городовые конные						
	Городовые пешие						
	Полицейские	18	26	64	23	48	
	Полицейские	1	1	2	1	1	
Резерв	Начальники	1	1	2	1	1	
	Офицеры резерва						
Сыскная полиция	Начальники сыскных отделений						
	Помощники их						
	Чиновники (зав. регистрацией)						

	Фотографы					
	Надзиратели 1-го разряда					
	Надзиратели 2-го разряда					
	Письмоводители					
	Переводчики					
Канцелярия наружной полиции	Секретари					
	Помощники их					
	Столоначальники					
	Помощники их					
	Журналисты (регистраторы)					
	Бухгалтеры (казначей)					
	Архивариусы					
	Заведывающие адресн. столами					
	Письмоводители приставов	1	1	2	1	1
	Итого					

§ 2. Полицмейстеры и частные приставы дореволюционной Уфы

Административный статус г. Уфы со времени его основания неоднократно подвергался изменениям. В конце XVI и XVII вв. он был центром управления Уфимского уезда, с 1715 г. – административным центром Уфимской провинции, с 1781 г. – центром Уфимского наместничества¹. С 1802 по 1866 гг. Уфа становится местом резиденции

¹ Гвоздиков И. М. История города Уфы (по страницам одной рукописи) // Ватандаш. 1999. № 1. С. 179.

Оренбургского гражданского губернатора, а с 1865 г., после выделения из Оренбургской губернии – Уфимской, вновь губернским центром.

В соответствии со штатами ефимского наместничества в 1782 году в городах предусматривалось введение должностей городничих. Известно, что в 1798 году Уфимским городничим служил надворный советник Е. И. Павлов¹.

С 1 января 1802 г. должности городничих были предусмотрены для губернского и 9 уездных городов, в том числе и Уфы².

По состоянию на 1806 г. состав полиции города Уфы состоял: из городничего, 3 его помощников, 8 сотских, 37 десятских. В городе были установлены 15 полицейских будок, при которых дежурили 42 сотрудника³.

Для усиления надзора за благонадежностью жителей город делился на 3 полицейских части со «съезжим домом» в каждой, а часть – на кварталы. В каждую часть назначались полицейские приставы и квартальные надзиратели. По штату 1816 г. городская полиция состояла из 3 частных приставов, 3 квартальных надзирателей и полицейской команды в составе унтер-офицера и 33 рядовых, 11 кадетов и 43 будочников⁴.

В 1825 г. на должность уфимского полицмейстера был приглашен из г. Оренбурга майор Лев Васильевич Соколов, 39 лет, из дворян. В его формулярном деле отмечается, что он получил домашнее образование. В 1803 г. вступил юнкером в Оренбургский драгунский полк, участник Отечественной войны 1812 г., дважды ранен, награжден орденами Св. Анны 3-й степени, Св. Владимира 4-й степени и серебряной медалью в память 1812 г.⁵

По данным за 1843 год, уфимским полицмейстером служил поручик Ф. П. Груздников. Частным приставом 1-го участка являлся поручик А. Я. Лебедев, 2-го – титулярный советник П. И. Тарасов, 3-го – губернский секретарь Н. И. Барс. Квартальными надзирателями служили С. К. Каловский, М. С. Шевчуков, А. М. Савинский.

Дальнейшее формирование полицейских подразделений проходило на основании «Временных правил об устройстве полиции в городах и уездах, по общему учреждению управляемых», утвержденных императором Александром II 25 декабря 1862 г. Согласно данному нормативному акту 18 мая 1863 г. Указом оренбургского генерал-губернатора А. А. Безака были утверждены штаты Уфимского городского полицейского управления.

В 1872 – 1875 гг. исполнял полицмейстерскую должность в Уфе майор Абдул-Вали Абдуллинович Давлетшин, сын начальника I Башкирского кантона Абдуллы Давлетшина. В 1851 г. он окончил Оренбургский

¹ Гвоздиков И. М. История города Уфы (по страницам одной рукописи) // Ватандаш. 1999. № 1. С. 191.

² ПСЗРИ. Собр. 1. Т. XXVII. № 20099.

³ ГАОО. Ф 6. Оп. 3. Д. 2526. Л. 5 – 6.

⁴ История Уфы. Краткий исторический очерк. Уфа, 1981. С. 76.

⁵ НАРБ. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 402. Без номинации.

Неплюевский кадетский корпус. Следует отметить, что после окончания учебного заведения за отличную учебу получил денежное вознаграждение в сумме 24 руб. 42 $\frac{3}{4}$ коп. серебром¹. В последующем был направлен в канцелярию оренбургского и самарского генерал-губернатора для письменных работ, затем работал помощником столоначальника в канцелярии командующего башкирского войска. С 1864 г. выполнял обязанности заместителя начальника Стерлитамакского и Белебеевского уездных полицейских управлений. Был награжден бронзовой медалью в память войны 1853 – 1856 гг. на Владимирской ленте. А. А. Давлетшин обладал большими организаторскими способностями. При нем было завершено строительство нового двухэтажного каменного здания городского полицейского управления, которое обошлось казне в 28 тысяч рублей². Был женат на дочери зауряд-хорунжего Резяпова – Бибифарис. Воспитывал дочь Бибинафису, 1860 года рождения.

Его родной брат – Абдулгазиз, 1861 года рождения, сделал еще более блестящую карьеру. Получив образование в Павловском военном училище и Николаевской академии Генерального штаба, дослужился до звания генерал-майора и в 1917 г. возглавил Азиатскую часть Главного штаба Военного министерства. В качестве ее представителя принимал участие в работе аттестационных и экзаменационных комиссий Ташкентской офицерской школы восточных языков³.

22 сентября 1876 г. в 28 лет на должность руководителя Уфимской городской полиции был назначен Александр Егорович Мистров губернский секретарь (чин 12 класса), из обер-офицерских детей. «По окончании курса наук в Бобровском уездном училище в службу вступил в штат чиновников канцелярии Воронежского губернатора, писцом 2 разряда», – отмечалось в формулярном списке.

С 1872 г. до назначения в г. Уфу служил помощником пристава, приставом в г. Воронеже⁴. Непродолжительное время исполняли данную должность Д. Е. Соколов, выходец из семьи священника. После окончания в 1864 г. Уфимского уездного училища начал работать канцелярским служителем в правлении Уфимского губернского правления, впоследствии занимал должность секретаря Уфимского уездного суда. С 1871 года служил помощником пристава, приставом 5-го стана Мензелинского уезда. 25 июля 1879 года был назначен на должность уфимского полицмейстера. За безупречную службу был награжден орденом Св. Станислава 3-й степени⁵.

¹ Хакимов С. Х. Полицейстеры пореформенной Уфы // Вестник Уфим. юрид. инст-та. 1999. № 5. С. 91 – 94.

² Вестник Уфимского земства. 1881 вып. 4. С. 17.

³ Хакимов С. Х. Во главе азиатской части Главного штаба военного министерства Российской империи (штрихи к портрету генерал-майора А. А. Давлетшина) // Вестник УЮИ МВД России. 2015. № 4 (70). С. 12 – 16.

⁴ НАРБ. Ф. И-9. Оп. 2. Д. 7. Л. 250 – 252.

⁵ Там же. Д. 12. Л. 4 – 5.

О полицмейстере Павле Борисовиче Панфилове известно, что он работал полицмейстером в 1883 – 1889 гг. По его личной инициативе на средства благотворительных лиц в 1885 г. был учрежден детский приют для сирот-мальчиков¹.

В 1889 – 1894 гг. во главе Уфимской полиции стоял надворный советник Николай Николаевич Макаровский, из дворян. После окончания в 1876 г. Самарской прогимназии был зачислен в штат Самарского губернского правления писцом 1 разряда. Через год был назначен помощником пристава г. Самары. С 1877 года служил в Уфимской губернии приставом 4-го стана Стерлитамакского уезда, приставом 1 части г. Уфы, помощником Бирского уездного исправника. Был награжден орденами Св. Станислава 3-й степени, Св. Анны 3-й степени. Был женат на Ольге Павловне Катковой. Воспитывал 8 детей: 3 дочери и 5 сыновей².

В 1894 – 1903 гг. уфимским полицмейстером работал коллежский асессор Федор Тимофеевич Смирнов, из детей священнослужителей. После окончания Белозерского духовного училища был направлен в Уфимское губернское правление на должность канцелярского служителя. Как видно из его формулярного списка, до 6 июня 1887 г. находился в штате канцелярии губернатора³. В последующий период выполнял обязанности полицейского надзирателя г. Белебея, смотрителя Белебеевского тюремного замка; пристава 1 части г. Уфы и т. д. Был награжден орденом Св. Станислава 3-й степени. Приказом министра внутренних дел от 19 марта 1897 г. за труды по первой всеобщей переписи населения был отмечен темно-бронзовой медалью и была «объявлена высочайшая благодарность»⁴.

С 1903 г. по 1911 г. уфимским полицмейстером был надворный советник Г. Г. Бухартовский⁵.

5 мая 1911 г. в Уфу прибыл новый губернатор действительный статский советник Петр Петрович Башилов, который сменил на этом посту Александра Степановича Ключарева, убывшего на должность губернатора Симбирской губернии⁶. П. П. Башилов до нового назначения руководил Новгородской губернией.

Рьяно взявшись за дело, новый губернатор инициировал сбор сведений о злоупотреблениях полиции в период губернаторства своего предшественника. Уфимская городская полиция была подвергнута всесторонней ревизии. Была создана специальная комиссия под руководством вице-губернатора графа А. Г. Толстого. В ходе расследования были выявлены

¹ Благотворительные учреждения России. СПб., 1912. С. 113.

² ГАРФ. Ф. 102. Оп. 1891. Д. 1544. Л. 12 – 16.

³ НАРБ. Ф. И-11. Оп. 3. Д. 3. Л. 1 – 6.

⁴ Там же. Л. 5.

⁵ Там же. И-9. Оп. 2. Д. 85. Л. 5.

⁶ Там же. И-11. Оп. 1. Д. 1313. Л. 60.

многочисленные факты нарушений и злоупотреблений со стороны чинов полиции.

Так, в материалах проверки, проведенной 25 июля 1911 г. по поручению губернатора чиновниками по особым поручениям Подобедовым и Терегуловым, бывшего городского 2 участка г. Уфы И. М. Волкова, служившего с 1908 по май 1911 г., отмечалось, что «приставом Аристовым ежемесячно раздавались околоточным надзирателям и городовым участка квитанционные книжки, с условием, чтобы по ним были собраны пожертвования к известному определенному сроку...».

Затем был издан приставом Аристовым приказ, надо думать – по поручению того же полицмейстера Бухартовского, о том, «чтобы задерживали невзнузданных лошадей и владельцев их, по доставлению в участок, под угрозой составить протокол жертвовать на Аксаковский дом»¹.

Далее в материалах служебной записки приводились и другие факты, компрометирующие полицмейстера и его аппарат: о поборах с горожан, владельцев лавок и постоянных дворов на приобретение кареты скорой помощи, на открытие типографии при городской полиции, на устройство новгородней елки для чинов полиции т. д.²

Материалы дела не всегда аргументированы, хотя следует отметить, что нарушения, безусловно, имели место. Вскоре Г. Г. Бухартовский вынужден был уйти в отставку.

12 сентября 1912 г. уфимским полицмейстером был назначен надворный советник Серафим Алексеевич Шамлевич. После Февральской революции 1917 г. был уволен в отставку.

Ниже приводим полный список уфимских полицмейстеров, работавших в период с 1863 по 1917 года:

1. Коллежский ассессор Николай Алексеевич Сысоев (1863 – 1869 гг.).
2. Коллежский ассессор Николай Николаевич Мотрохин (1869 – 1872 гг.).
3. Майор Абдулвали Абдуллович Давлетшин (1873 – 1875 гг.).
4. Коллежский ассессор Александр Егорович Мистров (1876 – ?).
5. Губернский секретарь Николай Матвеевич Иванов (1878 – ?).
6. Коллежский ассессор Дмитрий Егорович Соколов (1883 г.).
7. Коллежский ассессор Павел Борисович Панфилов (1883 – 1889 гг.).
8. Надворный советник Николай Николаевич Макаровский (1889 – 1894 гг.).
9. Коллежский ассессор Федор Тимофеевич Смирнов (1894 – 1903 гг.).
10. Надворный советник Генрих Генрихович Бухартовский (1903 – 1911 гг.).
11. Надворный советник Серафим Алексеевич Шамлевич (1912 – 1917 гг.).

¹ НАРБ. Ф. И-11. Оп. 1. Д. 1528. Л. 126 – 127.

² Там же. Л. 127 – 128.

Впервые должность частного пристава городской полиции была введена согласно «Уставу Благочиния или полицейскому» на основании указа, подписанного Екатериной II 8 апреля 1782 г.¹

Согласно документу город в полицейском отношении делился на части, которые включали в себя от 200 до 700 дворов. Главой части назначался частный пристав, на которого возлагались основные полицейские обязанности, подчинялся управе благочиния как коллегиальному органу, утверждался, как правило, губернатором.

Частный пристав являлся организатором практического исполнения подчиненными большей части дел, возложенных на полицию по российскому законодательству управой благочиния; решений судов; подготовки ответов на запросы учреждений разных ведомств, касающихся проживающего на территории населения. Нес персональную ответственность за состоянием порядка и общественного спокойствия на своей территории².

Уфа долгое время являлась административным центром обширной Оренбургской губернии, а после ее разделения в 1865 г. на две самостоятельные губернии – Оренбургскую и Уфимскую – она стала столицей последней. Территория нашего края тогда составляла 118697 квадратных километров с населением 1291018 чел. Губерния в административном отношении делилась на 6 уездов: Белебеевский, Бирский, Златоустовский, Мензелинский, Стерлитамакский и Уфимский. В шести городах губернии проживало 51516 чел., которые составляли 1/25 часть населения края, в г. Уфе проживало 20148 чел. или 39 % всего городского населения.

Штаты Уфимского городского полицейского управления были утверждены Указом Оренбургского генерал-губернатора А. А. Безака 18 мая 1863 г. и состояли из 14 сотрудников: 1 полицмейстер, 1 секретарь, 1 столоначальник, 3 пристава, 3 помощника приставов, 1 перевозчик и 4 писца.

Первым руководителем городской полиции был назначен коллежский асессор Н. А. Сысоев, 36 лет, выходец из семьи офицера. После окончания Оренбургской губернской гимназии продолжительное время работал в Оренбургском губернском правлении, где дослужился до старшего чиновника по особым поручениям. Его зарплата составляла 1200 руб. в год. Был женат на Анастасии Прокофьевой, воспитывал дочь Анну. За безупречную службу Н. А. Сысоев был награжден императорским коронным украшением, орденами Св. Святослава 2-й степени, Св. Анны 3-й и 2-й степени и темно-бронзовой медалью на Владимирской ленте в память войны 1853 – 1856 гг. Он исполнял должность уфимского полицмейстера в течение 6 лет до 1869 г.³

Должность секретаря городского полицейского управления была возложена на Григорьева Василия Васильевича, 44 года, титулярного со-

¹ ПСЗРИ. Т. XXI. № 15379.

² Российское законодательство X – XX вв. М., 1987. Т. 5. С. 404 – 405.

³ НАРБ. Ф. И-9. Оп. 2. Д. 3. Л. 44 – 57.

ветника. Он происходил из семьи офицера, получил домашнее образование, со 2 апреля 1842 г. начал работать писцом 2 разряда в Оренбургской палате государственных имуществ. До назначения в секретари, являлся помощником пристава 3 части г. Уфы. Был награжден темно-бронзовой медалью в память войны 1853 – 1856 гг. Годовое жалование составляло 500 руб. в год.

За 1864 – 1916 гг. численность населения г. Уфы выросла с 20149 до 109956 чел. или более чем в 5 раз. Соответственно возрастает и число административно-полицейских участков (с 3 до 5). Был пересмотрен количественный состав улиц и кварталов, входящих в тот или иной участок.

Из материалов Национального архива Республики Башкортостан за 1912 г. видно, что в 1-й участок входили: Никольский поселок, Золотухинская слобода, улицы Бельская, Фроловская, Набережная, Пушкинская, Большая Казанская, Большая Усольская, Малая Усольская; во 2-й – Торговые ряды, Центральная, Александровская, Соборная, Бекетова, Гоголя; 3-й участок соединился с 1-м и со 2-м участками, охватывая улицы Большая Сибирская, Достоевского, Богородская, Тобольская; 4-й участок соединял левую сторону р. Белой, через завод Вединеева доходил до ул. Степной, а также часть улиц Аксакова, Достоевского, Мало-Никольской и часть полотна железной дороги, захватывая озеро Долгое, до р. Белой, включая Вавиловскую переправу; 5-й участок включал в себя улицы Вавиловскую, Малую и Большую Трактовую, Нижегородку, Большую и Малую Кузнецкую, Гончарную и др.¹

В 1913 г. в 5 полицейских участках г. Уфы служили следующие сотрудники: 1-й участок – располагался на ул. Большая Кавказская, д. 65 (ныне здание Уфимского РОВД). Приставом работал коллежский регистратор (чин 14 класса табеля о рангах) Павел Александрович Уваров, его помощник – коллежский регистратор Ефим Николаевич Лунев, околоточные надзиратели Яков Артемович Буланкин и Василий Корнилович Швейкин. В аппарате участкового пристава, как правило, работал 1 писарь. Таким образом, общая численность сотрудников полицейского участка составляла 5 человек. Два участка располагались на ул. Александровской, д. 37 (ныне ул. К. Маркса). Приставом служил губернский секретарь (чин 13 класса табеля о рангах) Иван Федорович Андреев, его помощник Евгений Иванович Ванюков, околоточные надзиратели Иван Петрович Дмитриев, Николай Устинович Кривонос, Петр Александрович Максимов, Иосиф Павлович Богданов и Николай Иосифович Русаков. Третий участок располагался на ул. Симбирской, д. 86 (Мингажева). Пристав – губернский секретарь Михаил Николаевич Егоров, его помощник Капитолин Агапович Култашев, околоточный надзиратель коллежский секретарь (чин 10 класса Табеля о рангах) Николай Николаевич Смелков. Четвертый участок –

¹ НАРБ. Ф. И-9. Оп. 2. Д. 5. Л. 9 – 10.

ул. Вокзальная, д. 3. Пристав – коллежский секретарь Александр Анатольевич Уджмаджуридзе, помощник его – коллежский регистратор Петр Павлович Зверев, околоточные надзиратели Алексей Васильевич Веревкин и Иосиф Францевич Ксенович. Пятый участок (ул. Аксакова, д. 91). Пристав – губернский секретарь Дмитрий Петрович Молчанов, его помощник Тимофей Дмитриевич Синицын, околоточные надзиратели Федор Евстахович Иванов, Яков Михайлович Михайлов, Андрей Митрофанович Твердохлеб, Константин Александрович Словохотов, Тихон Андрианович Ротков. Таким образом, в 5 полицейских участках служили 5 приставов, 5 их помощников, 5 письмоводителей, 16 околоточных надзирателей и 160 городских. Всего численность Уфимской полиции, включая состав городского полицейского управления, насчитывала 196 человек¹.

Приставы, их помощники были грамотными, как правило, заканчивали городские четырехклассные училища, имели немалый стаж практической работы. Архивные документы свидетельствуют, что они, также как и их подчиненные, выполняли свой служебный долг, нередко рискуя своей жизнью.

Примером преданности избранному делу могут служить материалы из личного дела, упомянутого выше пристава 2-го участка г. Уфы Ивана Федоровича Андреева, обнаруженные в НАРБ². Он родился 26 мая 1876 г. в г. Уфе, происходил из мещанского сословия. В 1891 г. окончил полный курс Уфимского уездного училища. Первый опыт практической работы получил в Уфимской уездной земской управе. Принимал активное участие в переписи населения Российской империи 1897 г., за что был награжден темно-бронзовой медалью для ношения на груди на ленте из Государственных цветов. Вскоре молодого сотрудника приглашают в штат канцелярии уфимского губернатора, где он занимался организацией взысканий городских сборов и недоимок. 6 июня 1902 г. И. Ф. Андреев начинает службу в Златоустовском полицейском управлении в должности околоточного надзирателя. Приказом уфимского губернатора ему объявляется благодарность за проявленную бдительность и поддержание порядка в числе других сотрудников по случаю пребывания императора Николая II в губернии с 29 по 30 июня 1904 г.³ 10 октября 1904 г. он назначается заведующим конной полицейской командой и розыскным отделением Уфимского полицейского управления, с находящимися при нем антропологическим бюро, фотографией и типографией. Ему было тогда 28 лет. С 1904 по 1906 гг. И. Ф. Андреев 6 раз был поощрен приказами губернатора за выполнение особо важных поручений, «за усердие, любовь к делу», – отмечается в приказе⁴.

¹ Адрес-календарь Уфимской губернии за 1913 год. Уфа, 1913. С. 46.

² НАРБ. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 1055. Л. 34 – 37.

³ Там же. Л. 35.

⁴ Там же. Л. 34 об.

22 сентября 1907 г. за задержание двух вооруженных преступников мужественный пристав был представлен к награждению орденом Св. Владимира 4-й степени. В 1910 г. И. Ф. Андреев командирован в Бирский уезд в село Николо-Березовку по случаю пребывания там с 18 по 21 июля 1910 г. Ее Императорского Высочества княгини Елизаветы Федоровны. За обеспечение безопасности и порядка в период пребывания ее особы он также был поощрен губернатором, а от великой княгини получил в подарок ее портрет за собственноручной подписью¹.

Дальнейшая судьба пристава Андреева была далеко не простой. Очевидно, не всех устраивала его честность и порядочность при выполнении служебного долга. В 1912 г. его отстраняют от служебных обязанностей в связи с возбуждением против него уголовного дела и взятием под стражу. 11 апреля 1912 г. он вновь приступает к своей работе. Вчитываясь в сухие строчки архивных документов, действительно перед нами предстает удивительно сильный характер, преданный до мозга костей своему делу человек. Вот некоторые выдержки из формулярного списка И. Ф. Андреева.

«Приказом Уфимского губернатора от 27 ноября 1912 года за № 37, объявлена благодарность за энергичный и умелый розыск злоумышленников и обнаружение похищенных ими у крестьянина Василия Копалова денег. Приказом уфимского губернатора от 13 февраля 1914 г. за № 25 объявлена благодарность губернскому начальству за честное исполнение служебных обязанностей, выразившееся в отказе от взятки в сумке 15 рублей, предложенной ему торговцем Шамсутдином Давлетбаевым. Аналогичный приказ от 18 ноября 1915 г. за № 126 объявлена благодарность губернскому начальству за честное исполнение служебного долга, выразившееся в отказе от взятки в сумме 100 руб., предложенной мещанином г. Уфы Хабибуллой Губайдуллиным»².

Приказом от 19 марта 1916 года за № 744 объявлена благодарность губернскому начальству за умелые и энергичные действия при раскрытии шайки воров, действовавшей в г. Уфе, и розыске похищенного³.

Таких поощрений у пристава за 27-летний период службы в системе МВД более двух десятков. За свои заслуги перед Отечеством, честное и бескорыстное отношение к своим обязанностям он был награжден высокими государственными наградами: орденами Св. Владимира 4-й степени, медалями: темно-бронзовой нагрудной на ленте из государственных цветов за труды по первой всеобщей переписи населения в 1897 г., серебряной в память участия в деятельности Красного Креста во время Русско-японской войны 1904 – 1905 гг., темно-бронзовой в память той же войны и светло-бронзовой медалью в память 300-летия царствования Дома Романовых.

¹ НАРБ. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 1055. Л. 36.

² Там же. Л. 37.

³ Там же.

Из архивных источников также известно, что И. Ф. Андреев был женат первым браком на Екатерине Федоровне Смирновой. Имел детей: Николая, родившегося 13 ноября 1903 г., Зою – 22 декабря 1904 г., Владимира – 21 июня 1908 г., Александра и Михаила, родившихся 30 сентября 1911 г. Жена и дети вероисповедания православного и находились при нем.

Завершая данный небольшой исторический очерк, отметим, что приказом губернского комиссара Временного правительства от 13 апреля 1917 г. о расформировании полиции И. Ф. Андреев был уволен со службы. В момент увольнения ему было 41 год, в самом расцвете сил. Дальнейшая его судьба нам, к сожалению, не известна. Но в шестом томе «Книги памяти жертв политических репрессий Республики Башкортостан». (Уфа, 2006. С. 35) имеется короткая информация: «Андреев Иван Федорович, 1876 г.р., место рождения г. Уфа, русский, член ВКП (б), образование среднее, Уфимское губернское ЧК, секретарь отделения, арестован 01.03.19 г., осужден к высшей мере наказания, расстрелян 26.03.19 г., реабилитирован 27.02.2003 г.». Можно предположить, что речь идет о частном приставе Уфимского городского полицейского управления, который честно выполнял свой служебный долг.

Таким образом, в регионах дореволюционной России широко практиковались различные формы морального и материального поощрения сотрудников полиции, это особенно актуально и на современном этапе деятельности правоохранительных органов.

§ 3. Уфимская школа по подготовке урядников полицейской стражи (1913 – 1917 гг.)

Известно, что возникновение постоянных, специализированных государственных органов по охране общественного порядка и борьбе с преступностью, так же как применение термина «полиция» для их обозначения, было связано с преобразовательной деятельностью Петра I и рождением Российской империи.

Характерной особенностью формирования органов российской полиции с первых шагов ее становления являлся ее военизированный характер. На службу в полицию, как правило, переводились армейские офицеры. Низшие полицейские чины комплектовались из унтер-офицеров и солдат старших возрастов, исполнявших рекрутскую повинность, но уже по возрасту и состоянию здоровья непригодных к строевой службе в армии. Учитывая сравнительную малочисленность полиции, к несению службы по охране общественного порядка привлекалось в порядке повинности местное население по одному человеку с каждых десяти дворов – «десятские» и в качестве старшего над ними – один человек с каждых ста дворов («сот-

ский»)¹. Следующим важным этапом реформирования органов полиции явился принятый в 1782 г. «Устав благочиния или полицейский», согласно которому в городах появился новый административно-полицейский орган – управа благочиния. В состав управы благочиния (за исключением столиц) входили городничий, подчинявшиеся ему приставы уголовных и гражданских дел, а также избранные от городского общества два заседателя. Город стал делиться на относительно самостоятельные полицейские части, в состав которых входили от двухсот до семисот дворов во главе с частным приставом. Части в свою очередь делились на кварталы по 50 – 100 дворов. Кварталы возглавляли квартальные надзиратели. В распоряжении последних находились избираемые на три года из жителей квартала квартальные поручики и ночные сторожи. В частности, в одной из статей Устава благочиния отмечается, что квартальный надзиратель «имеет смотреть, чтобы все и всякий в его квартале остался в законно-предписанном порядке, чтоб молодые и младшие почитатели старых и старших, мирит и разнимает малые ссоры и споры,... имеет бдение, дабы всяк пропитался честно и сходно узаконенно,... должен ведать о всех в квартале его ведомства живущих людях, чего ради хозяева домов или их поверенные обязаны всегда давать знать квартальному надзирателю о всех к ним на житие приезжающих или приходящих, отъезжающих или отходящих»².

В 1802 г. под руководством императора Александра I был преобразован центральный государственный аппарат. Вместо прежних 12 коллегий были учреждены 8 министерств, среди которых было и Министерство внутренних дел. Первым министром внутренних дел стал В. П. Кочубей, один из ближайших сподвижников молодого царя. Министру вменялось в обязанность «печись о повсеместном благосостоянии народа, спокойствии, тишине и благоустройстве империи»³.

Формирование уфимской полиции происходило в конце XVII – начале XIX в. Определенный отпечаток на данный процесс накладывают и частые изменения административного статуса г. Уфы. В конце XVI и начале XVII в. он был центром управления Уфимского уезда, с 1715 г. административным центром Уфимской провинции, с 1781 г. центром Уфимского наместничества⁴. С 1802 по 1866 г. Уфа становится местом резиденции Оренбургского гражданского губернатора. Впервые должность уфимского полицмейстера вводится в 1816 г. Для усиления надзора за благонадежностью населения город делился на три полицейские части со «съезжим домом» в каждой. По штату 1816 г. полиция состояла из 3-х частных приста-

¹ История полиции России. Краткий исторический очерк и основные документы. М., 1998. С. 7

² ПСЗРИ. Т. XXI. № 15379. СПб., 1830.

³ Борисов А. В. Руководители карательных органов дореволюционной России. Вып. 1. М., 1979. С. 17.

⁴ История Башкортостана с древнейших времен до 60-х гг. XIX в. Уфа, 1997. С. 262.

вов 3-х квартальных надзирателей и полицейской команды в составе унтер-офицера, 33 рядовых, 11 казаков и 45 будочников¹.

Судебная реформа 1864 года способствовала укреплению прав самых широких слоев общества, что в свою очередь предъявляло повышенные требования и к сотрудникам полиции. Нередкие случаи проявления грубости, злоупотребления служебным положением чинов полиции становились достоянием гласности и разбирательства в суде присяжных и т. д. Все это требовало повышенного внимания к подбору кадров. В 1873 году был введен принцип вольного найма на службу в полицию. Поступивший на службу в полицию должен был представить благожелательные отзывы и справки из всех учреждений, где он ранее служил².

Увеличение численности личного состава полиции само собой породило проблему их целенаправленной подготовки. Первоначальная форма обучения осуществлялась в так называемых резервах при крупных городских полицейских управлениях.

Впервые такой резерв был организован в 60-е годы на базе управления столичной Санкт-Петербургской полицией. Здесь была открыта школа для подготовки городских и околоточных надзирателей. Первые обучались в течение двух недель, знакомясь за это время с правами и обязанностями городского. Подготовка последних велась более одного месяца и рассматривалась в то время «как в своем роде специально-полицейский университет»³.

Программа их подготовки, утверждаемая обер-полицмейстером, предусматривала изучение законов, нормативных актов, распоряжений местных властей – градоначальника, городской думы, определявших правовой статус полиции. В 1897 г. школа резерва была расширена. Было открыто дополнительное отделение для обучения классных чинов полиции. Оно предусматривало основательное изучение основных законодательных актов в области уголовного права, нормативных актов, регулировавших полицейскую службу, а также овладение рядом практических навыков.

Классные чины полиции изучали:

- Устав о предупреждении и пресечении преступлений;
- Уложение о наказаниях уголовных и исправительных;
- Устав уголовного судопроизводства;
- Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями;
- уставы казенного управления и благоустройства и благочиния;
- обязательные постановления, изданные градоначальниками;
- обязательные постановления, изданные городской думой, земскими собраниями, присутствиями по фабричным делам;
- участковое делопроизводство;

¹ История Уфы. Краткий исторический очерк. Уфа, 1981. С. 76.

² Полиция и милиция России: страницы истории. М., 1995. С. 80.

³ Резерв Санкт-Петербургской столичной полиции. СПб., 1901. С. 5 – 6.

- различного рода практические приемы по обнаружению преступлений и нарушений по образцам и моделям, демонстрируемым в классах;
- антропометрию и дактилоскопию¹.

При комплектовании полицейских кадров в каждой губернии имелись определенные, характерные для этого региона, требования. Так, для поступления на службу в Санкт-Петербургскую столичную полицию кандидат должен был отвечать особым условиям, поэтому существовала жесткая система ограничений. На штатные должности столичной полиции и в полицейскую стражу не могли быть приняты лица:

- а) состоявшие под следствием или судом за преступления или проступки, а равно подвергшиеся по судебным приговорам тюремному заключению;
- б) нижние чины запаса армии, которые во время прохождения действительной службы состояли в разряде штрафованных;
- в) исключенные из службы по суду, из духовного ведомства за пороки или из среды обществ и дворянских собраний по приговорам тех сословий, к которым они принадлежали;
- г) объявленные несостоятельными должниками;
- д) состоявшие под опекой за расточительство.

Классные должности столичной полиции замещались русскими подданными, достигшими двадцатипятилетнего возраста и получившими образование, дающее право на льготу 1 разряда по воинской повинности, а также закончивших курсы в военных или юнкерских училищах. Сверх того, должности писмоводителей, их помощников, паспортистов, смотрителей полицейских домов и их помощников могли быть замещены лицами, состоящими в звании околоточных надзирателей или пользующимися при наличии у них образования правом на льготу 2 разряда по воинской повинности. Лица, удовлетворяющие вышеперечисленным условиям, зачислялись в состав столичной полиции и прикомандировались к полицейскому резерву. Находясь в резерве, они подвергались установленному испытанию, выдержав который могли быть назначены на должности классных чинов полицейского резерва; не получившие высшего назначения в течение трех лет, исключались из столичной полиции².

Должности помощников участкового пристава и равных ему по должности чинов замещались с соблюдением постепенности прохождения службы в столичной полиции. Управляющий речной полицией назначался из штаб-офицеров флота по соглашению градоначальника с начальником главного морского штаба. Помощник начальника сыскной полиции и чиновники для поручений назначались из числа лиц, удовлетворявших вышеперечисленным требованиям и выдержавших при том установленное

¹ Мулукаев Р. С. Полиция России (XIX – нач. XX вв.). Нижний Новгород, 1993. С. 55.

² Лысенко В. В., Сальников В. П., Сизиков М. И., Филиппова С. В. Нравственно-правовые проблемы деятельности полиции дореволюционной России. СПб., 1996. С. 54.

для этой службы особое испытание. Если полицейский чиновник, служивший в других местностях империи, изъявлял желание служить в столице, то он мог быть назначен на должность по усмотрению градоначальника, выдержав при этом установленные для полицейской службы в столице испытания. Таковы были требования, предъявляемые к лицам, желающим служить в столичной полиции. Они распространялись и на городские полицейские управления других губерний империи.

Наряду с обучением азам службы лиц, состоявших в полицейском резерве, все большее распространение в губерниях получают различные школы по подготовке нижних полицейских чинов. Наиболее известными учебными заведениями по подготовке полицейских кадров в Российской империи были: Санкт-Петербургская школа чинов столичной полиции, Казанская школа стражников, Елабужская школа урядников, Рязанская школа урядников конно-полицейской стражи, Виленская школа полицейской стражи.

Обучение полицейскому делу велось в каждой школе по программам, разработанным на основе Свода законов Российской империи, Циркуляра МВД № 3153 от 28 июля 1887 года, других нормативных актов и рекомендаций Департамента полиции и МВД. Специальные школы создавались для обучения полицейских урядников, отвечавших за состояние общественного порядка в определенной части уезда и подчинявшихся становому приставу (участковому приставу). Урядники проводили дознание по уголовным делам¹. К 1910 г. школы урядников действовали в 14 губерниях, и предполагалось открыть еще три².

В 1913 году МВД разработало и утвердило единую программу для всех школ полицейских урядников, состоявшую из двух разделов – правового и специального. Они изучали особенные части уголовного и уголовно-процессуального уставов Свода законов Российской империи, регламентирующие административную и уголовно-процессуальную деятельность, а также нормативные акты МВД и постановления губернаторов. Тема «Допрос подозреваемого», например, начиналась категорическим требованием: «Не дозволяется вынуждать у обвиняемого угрозами, ложными уверениями и, тем более, физическим насилием признания»³.

Впервые первоначальная подготовка нижних полицейских чинов в г. Уфе была организована 15 июня 1905 года. При Уфимском уездном полицейском управлении под руководством исправника были открыты

¹ Хакимов С. Х. Введение института урядников и их деятельность по обеспечению безопасности дореволюционной России // Проблемы борьбы с преступностью и обеспечение безопасности личности. Уфа, 1997. С. 45 – 48.

² Организация и деятельность уголовного сыска в дореволюционной России (конец XIX – начало XX вв.). М., 1984. С. 74.

³ Нестеров М. Д. Краткий курс сыскного дела, преподаваемый в Уфимской школе полицейских урядников. Уфа, 1914. С. 16.

курсы для подготовки полицейских стражников¹. Курс обучения состоял из общеобразовательных предметов и изучения общеполицейских обязанностей и инструкций для полицейских стражников. На курсах преподавали: законоучитель 8-го Уфимского городского училища, священник Семёновской церкви Николай Афанасьев, заведующий 3-им Уфимским городским училищем Т. М. Трапезников, заведующий Уфимским железнодорожным училищем П. В. Мурашов, заведующая 8-ым городским училищем Е. М. Зеленицкая, ее помощница В. И. Альникова, учитель Катав-Ивановского училища Уфимского уезда А. С. Шубин и полицейский надзиратель Ф. А. Архипов. Обучение проводилось в течение 2-х недель.

26 января 1906 года уфимский губернатор А. С. Ключарев отдал распоряжение полицмейстеру об организации при городском управлении полицейского резерва, «куда бы поступали низшие чины полиции для определения на службу»². При резерве предполагалось открыть школу, где поступающие наряду с урядниками, конными и пешими стражниками будут изучать разработанный по специальной программе курс общеполицейских знаний. Данный вопрос обсуждался и на заседании Уфимской городской думы, где было принято решение о выделении под будущую школу городского дома бывшей 3-й полицейской части на Усольской улице. Городские гласные также согласились с предложением о выделении из городского бюджета финансовых средств на приобретение оборудования, инвентаря, учебных пособий и т. д.

Необходимость открытия учебного заведения по первоначальной подготовке низших чинов полиции диктовалась многими факторами. Это и рост общей численности городского населения, усложнение криминогенной ситуации, низкий образовательный уровень поступающих на службу полицейских и т. д.

В начале XX в. г. Уфа представляла собой крупный губернский центр с железнодорожной и речной сетью. В городе быстрыми темпами развивается торговля и промышленность. За первые 15 лет нового столетия количество уфимцев почти удвоилось. В 1901 г. в городе насчитывалось 60,6 тыс. жителей, а в 1916 г. уже 112,7 тысяч³. Вслед за населением росла и территория города. За 1898 – 1916 гг. число улиц увеличилось с 89 до 216, а количество строений – с 6078 до 10131⁴.

Аппарат городского полицейского управления состоял из полицмейстера, его помощника, секретаря, двух столоначальников, регистратора, заведующего адресным столом, заведующего типографией и врача – всего 9 человек⁵.

¹ Хакимов С. Х. Первоначальные шаги по подготовке полицейских в дореволюционной России // Проблемы в российском законодательстве. 2011. № 6. С. 300 – 303.

² Журналы Уфимской городской думы за 1913 год.

³ История Уфы. Уфа, 1981. С. 134.

⁴ Обзор Уфимской губернии за 1900 г. Уфа, 1902. С. 55; НАРБ. Ф. 148. Оп. 1. Д. 21. Л. 6.

⁵ Адрес-календарь и справочная книга Уфимской губернии на 1911 год. Уфа, 1910. С. 27.

В административно-полицейском отношении город делился на 5 полицейских участков, каждый с вверенным ему аппаратом во главе с частным приставом, его помощником, 2 – 3 околоточными надзирателями и несколькими десятками городских.

Например, в 1912 г. в первом полицейском участке г. Уфы проживало около 23 тыс. человек. Территориально сюда входили: Никольский поселок (ныне Цыганская поляна), улицы Фроловская, Бельская, Набережная, Пушкинская, Большая Казанская, Золотухинская слобода, мужской Успенский монастырь. Данный участок обслуживали 1 пристав, 1 помощник, 4 околоточных надзирателя, 30 городских. За указанный год количество поступивших и исходящих бумаг составило 20804 дела, было возбуждено 762 уголовных дела, содержалось 489 арестованных¹. Приставом 1-го полицейского участка являлся коллежский асессор (чин 8 класса соответствовал в армии званию майора) Петр Константинович Павинский².

Таким образом, всего в 5 полицейских участках г. Уфы несли службу 5 участковых приставов с 5 помощниками, 15 околоточных надзирателей, 140 пеших и 20 конных городских³.

Последним уфимским губернатором был действительный статский советник Петр Петрович Башилов (1911 – 1917 гг.), получивший образование в императорском училище правоведения. В Уфу он прибыл с поста губернатора Новгородской губернии. Следует заметить, что П. П. Башилов по прибытии заменил полицмейстера Г. Г. Бухортовского на вновь прибывшего из Новгородской губернии опытного начальника уездной полиции С. А. Шамлевича. На ряд ключевых должностей в городской и уездной полицейских управлениях также были назначены кадры из Новгородской губернии. Именно П. П. Башилову и С. А. Шамлевичу пришлось взять на себя всю организационную работу для открытия первой в Уфимской губернии школы по подготовке урядников полицейской стражи. Необходимо было подобрать здание, подготовить учебные классы, осуществить подбор профессионально подготовленных кадров преподавателей, составить учебные программы и методическую и учебную литературу, наглядные пособия и т. д.

Вся эта работа была проделана в течение 1912 года. 12 января 1913 года уфимским губернатором П. П. Башиловым было утверждено «Положение о школе урядников полицейской стражи в г. Уфе»⁴.

Оригинал этого документа хранится в фонде Уфимского губернского правления (Ф. И-9) Центрального государственного исторического архива Республики Башкортостан и публикуется впервые⁵.

¹ НАРБ. Ф. И-9. Оп. 2. Д. 87. Л. 151 – 151 об.

² Адрес-календарь и справочная книга Уфимской губернии на 1911 год. Уфа, 1910. С. 27.

³ НАРБ. Ф. И-9. Оп. 2. Д. 87. Л. 15 – 160.

⁴ Там же. Оп. 1. Д. 894. Л. 20.

⁵ См.: приложение 1.

Документ начинался с предупреждения о том, что «никто из нижних полицейских чинов, не прошедших школу полицейских урядников, не может быть назначен на должность полицейского урядника. Старослужащие урядники не прошедшие ранее школу ныне обязательно должны пройти таковую»¹.

Как видно из приложения 1, в школу урядников принимались лица, имеющие опыт практической работы в органах полиции и проявившие себя только с лучшей стороны. Все кандидаты должны были сдать экзамен по русскому языку (чтению и письму). Набор в школу производился два раза в год: с 15 февраля по 15 мая и с 15 августа по 15 декабря, всего принималось не более 25 человек. Заведующим школой был назначен штабс-ротмистр конной полицейской стражи П. В. Есипов.

Школа размещалась в здании вольной пожарной дружины по улице Центральной напротив Ивановского кладбища (ныне ул. Ленина, напротив центрального рынка, здание не сохранилось).

Первоначально в школе преподавались девять учебных дисциплин:

- 1) русский язык;
- 2) Законоведение;
- 3) Положения об общеполицейских обязанностях;
- 4) сведения по землемерной части;
- 5) сведения по ветеринарной части;
- 6) сведения по строительной части;
- 7) сведения по медицине;
- 8) сведения по акцизу;
- 9) техника полицейского сыска.

Обязательными были занятия по строевой и огневой подготовке с использованием учебных револьверов системы «Наган», «Браунинг», «Смит и Вессон».

По каждой учебной дисциплине имелись учебные программы, методические пособия и руководства, подготовленные преподавателями школы, а также некоторые учебники приобретались в других аналогичных учебных заведениях, в том числе в Новгородской школе, Виленской² и других.

Хотя авторы не ставят целью дать подробный анализ программ данных курсов, отметим, что не все они отвечали предъявляемым МВД требованиям, имелись орфографические и стилистические ошибки, но в целом отражали подробные сведения о действующих законах и обязанностях чинов полиции в Российской империи конца XIX – начала XX в.

Например, в программе по законоведению в разделе 4 отмечалось, что курсанты должны были знать, что называется наказанием, виды

¹ НАРБ. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 894. Л. 20.

² Там же.

наказаний, права и обязанности понятых и экспертов¹. Состав преподавателей был в основном из специалистов различных учреждений города Уфы. Среди них: секретарь Уфимского губернского акцизного правления И. И. Лазаревич, младший чиновник особых поручений при губернском правлении А. Г. Терегулов, офицер полицейской стражи при Уфимском уезде П. В. Есипов, Товарищ прокурора Уфимского окружного суда Г. И. Янкевич, младший губернский ветеринарный врач М. А. Терновский, губернский инженер М. С. Комаровский, младший землемер губернской межевой комиссии К. Е. Суров, пристав 3-го участка г. Уфы М. Н. Егоров, помощник губернского врачебного инспектора А. В. Соколов, уфимский полицмейстер С. А. Шамлевич. Преподаватели имели преимущественно высшее или среднее образование.

В начале 1914 г. для укрепления преподавательского состава школы был направлен опытный специалист, имеющий разносторонний опыт практической работы на различных полицейских должностях М. Д. Нестеров.

Из служебного формуляра видно, что Михаил Данилович Нестеров родился 1 января 1872 г. в Новгородской губернии Кирилловского уезда, в семье потомственных дворян, православного вероисповедания. После окончания Кирилловского трехгодичного городского училища в 1895 г. вступил в должность канцелярского слушателя в Новгородское губернское правление. С 1891 г., т. е. в 19 лет, был направлен на службу в органы уездной полиции, где прошел все должности, начиная от полицейского надзирателя и станового пристава до заместителя начальника Кирилловского уездного полицейского управления Новгородской губернии². Имел чин надворного советника (VII класс согласно «Табелю о рангах» соответствовал армейскому званию подполковника). За примерное и безупречное выполнение своих служебных обязанностей М. Д. Нестеров был награжден орденами Станислава и Анны 3-й степени. В его личном деле имеется множество приказов о поощрении за смелость и умелые действия при задержании преступников, занимавшихся кражей личного имущества, разбоем и грабежами (полный текст документа публикуется в приложении 2).

Приказом от 28 января 1913 г. за № 15 назначен начальником Уфимского уездного полицейского управления – уездным исправником. М. Д. Нестеров был женат на Александре Петровне Кузнецовой, 38 лет. Имел 6 детей: Ксения, родилась 11 декабря 1898 года, Варвара – 19 ноября 1901 г., Мария – 6 января 1903 г., Александра – 5 января 1905 г., Ольга – 20 января 1908 г., Михаил – 3 сентября 1906 г. Дочь Ксения была стипендиаткой Санкт-Петербургского Александровского института³.

¹ НАРБ. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 894. Л. 20.

² Там же. Оп. 2. Д. 100. Л. 1 – 2.

³ Там же. Л. 8.

Мотивы приглашения М. Д. Нестерова на преподавательскую работу в школу урядников хорошо прослеживаются в докладной записке уфимского вице-губернатора П. А. Толстого от 30 декабря 1913 г.

«В настоящее время, – отмечается в документе, – в школе урядников преподавателем полицейского права состоит пристав городской полиции Егоров. Принимая во внимание, что при всей сложности и тяжести городской полицейской службы отвлечение Егорова для занятий в школе ведет к обременению этого чиновника посторонней работою, я полагал бы Егорова от занятий освободить, поручив преподавание ...обязанностей полицейской службы Уфимскому уездному исправнику»¹. Далее в документе обращается внимание на деловые и профессиональные качества М. Д. Нестерова. «Такое привлечение исправника к занятиям в школе, – подчеркивает вице-губернатор, – благоприятно отразится как на самих уроках, так равно и на воспитании стражников, в смысле подготовки их вообще к несению полицейских обязанностей в уезде»².

Таким образом, после назначения на новую должность М. Д. Нестеров не только начал укреплять служебную дисциплину в Уфимском уездном полицейском управлении, но и стал активно участвовать в преподавательской деятельности в губернской школе по подготовке полицейских урядников, отдавал много времени написанию учебно-методических пособий, программ и т. д. Он автор двух учебных пособий, которые были изданы в губернской типографии и сохранились поныне. Они обнаружены в фонде редких книг научной библиотеки Уфимского научного центра Российской Академии наук. Прежде чем эти первые учебные пособия увидели свет, им предшествовала длительная переписка между автором и губернскими чиновниками, так как публикация книг требовала значительных финансовых расходов.

Вот что писал в своем рапорте губернатору П. П. Башилову М. Д. Нестеров: «В Уфимской школе урядников курс преподавания ведется по программе, утвержденной Господином Министром Внутренних Дел 29 марта 1913 года. Программа довольно обширна. По некоторым предметам, например, по «общеполицейским обязанностям», нет подходящего руководства, так как имеющийся в школе «краткий курс общеполицейских обязанностей» не вполне соответствует требованиям программы. Приходится обращаться к другим руководствам, «спутник-календарю», законам и даже к собранию узаконений». Конечно, для обучающихся трудно разобраться, трудно запоминать пройденное и это не может не отозваться на обучении, тем более, что срок обучения невелик. В виду сего мною составлено руководство или «Курс общеполицейских обязанностей», в нем все нужные сведения, выписки из законов, указов и правил, изложены в том систематическом порядке, как требуется

¹ НАРБ. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 894. Л. 122.

² Там же.

программой и в том объеме, каковой необходимо знать чину полиции начиная с урядника»¹.

Первая книга «Курс общеполицейских обязанностей для школы урядников уездной полицейской стражи Уфимской губернии» (Уфа, 1914. 86 с.) была опубликована в Уфимской губернской типографии за счет средств губернского правления. К ней приложена программа курса, состоящая из трех крупных разделов.

В первый раздел вошли общие сведения о государственном устройстве Российской империи и его административно-территориальном делении, о высших и местных органах управления, об институте земских начальников; во втором – рассмотрены вопросы внутренней организации Министерства внутренних дел, Департамента полиции и местных полицейских органов; третий раздел содержит права и обязанности, предъявляемые к сотрудникам полиции. В конце программы приведены различные формы написания актов, донесений, протоколов, необходимых полицейским стражникам и урядникам в их повседневной деятельности.

В фондах центрального государственного исторического архива Республики Башкортостан сохранился еще один рапорт уфимского уездного исправника М. Д. Нестерова на имя уфимского губернатора, в котором автор просит оказать содействие в публикации другого учебного пособия «Краткого курса сыскного дела». «Для преподавания этого предмета в школе полицейских урядников, – отмечается в рапорте, – ... применительно к программе, изданной Министерством Внутренних Дел 29 марта 1913 г., руководство составлено в таком объеме, который доступен к усвоению учениками школы и дает понятие о приемах сыска. Преподавателем сыскного дела в школе, Уфимским Полицмейстером, руководство просмотрено и он высказался за пригодность его.

Если, Ваше Превосходительство, найдете возможным допустить преподавание по этому руководству, то желательно отпечатание его средствами губернской типографии и раздача по одному экземпляру ученикам школы и всем полицейским урядникам в губернии»². Из документа видно, что автор был неравнодушен к своим обязанностям и настоятельно просил опубликовать так необходимый нижним чинам полиции «Курс сыскного дела». Вскоре, в мае 1914 г., книга была опубликована. Ее полное название: «Краткий курс сыскного дела, преподаваемый в Уфимской школе полицейских урядников. Составлена уфимским уездным исправником применительно к программе, изданной МВД 29 марта 1913 г.» (Уфа, 1914 г. 49 с.).

В предисловии к краткому курсу М. Д. Нестеров подчеркивает, что «надобность в подобном руководстве ощущается как для преподавателей этого предмета так и для учеников школы... Изложение основных понятий

¹ НАРБ. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 894. Л. 33.

² Там же.

о сыскном деле и о новейших научных приемах сыска – мною сделано кратко: усвоение этих элементарных правил сыска во время обучения в школе, в течение трех месяцев будет для учеников, предназначенных не в сыщики, а только в полицейские урядники, весьма полезно, тем более, что более сложные приемы и способы, как то: антропометрические измерения, дактилоскопические снимки, фотографирование, устройство питомника... им будут показываться время от времени в сыскном отделении наглядно»¹.

Курс состоит из 11 небольших тем, где раскрываются узловые проблемы розыскной деятельности, например: понятие о полицейском сыске, осмотр и описание места происшествия, обнаружение и допрос свидетелей, фотография, дактилоскопия, словесный портрет, полицейские собаки и др.

Подводя итоги, следует отметить, что открытие первого учебного заведения в крае по подготовке полицейских кадров низшего звена сыграло, безусловно, позитивную роль и способствовало росту их профессионализма. Известные события февраля – октября 1917 г. привели к роспуску и ликвидации Департамента полиции и всех подведомственных ему учреждений.

¹ Нестеров М. Д. Краткий курс сыскного дела, преподаваемый в Уфимской школе полицейских урядников. Уфа, 1914. С. 2.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, проведенная в 1708 – 1719 гг. губернская реформа привела к образованию Уфимской провинции, явившейся новой административной единицей в составе Российской империи. В Уфе учреждается провинциальная конференция во главе с воеводой. В последующем территория Башкирии вошла в состав образованной в 1744 г. Оренбургской губернии, реорганизованной в 1781 г. в Уфимское наместничество. С 1802 г. все 12 уездов вновь влились в указанную губернию и находились в ней до 1865 г.

В первой половине XIX в. в Башкирии сложилась своеобразная модель управления, отличная от других регионов России (губернаторский и генерал-губернаторский). Такая структура была обусловлена пограничным положением губернии, особенностями социально-правовых отношений и юридического статуса значительной части населения (военнослужилое население – башкиры, мишари, оренбургские и уральские казаки; удельные крестьяне; горнозаводское население); политическими целями полной интеграции Башкирии в состав Российской империи и внешнеполитическими задачами.

Основной формой административно-территориального управления в России пореформенного периода являлся институт губернаторства, который в существенной мере укреплял саму структуру органов абсолютной власти и управления. Назначавшийся короной губернатор имел статус основного властителя губернии, являлся главой всей местной царской администрации, отвечал персонально перед императором за состояние и эффективность власти и управления, за порядок, спокойствие в губернии. В то же время стремление к административной унификации, нарастание колониальных элементов в региональной политике постепенно деформировали традиционную имперскую систему управления, которая ранее во многом учитывала региональные и национальные особенности окраин.

В повседневной жизни государства того времени наиболее рельефно это проявлялось в использовании различных административно-территориальных моделей управления, представленных в Европейской части страны триадой (губерния – уезд – волость) и более гибкой и национальных окраинах (Сибирь, Кавказ, Средняя Азия) системой – генерал-губернаторство (губерния – область – уезд – волость).

На формирование последней влиял не только размер территории, численность населения, но и уровень экономического развития региона в целом, его геополитическое расположение. Вместо упраздненных наместничеств было создано 10 генерал-губернаторств: Московское и девять – на окраинах, каждое из которых имело широкие полномочия, управляло несколькими губерниями. В царстве Польском функционировало

10 губерний, в Финляндском княжестве – 7, на Кавказе число увеличилось с 6 в 60-е годы до 11 в конце XIX в., в Сибири – с 4 до 9, в Остзейском крае – до 3, в Степном генерал-губернаторстве, включая Казахстан – до 9. Туркестанское генерал-губернаторство включало Бухарский Эмират, Хивинское Ханство, которые сохранили определенную самостоятельность, сочетавшую элементы вассалитета и протектората, и находились в зависимости от Российской империи.

Эволюция губернского управления, вызванная крупными изменениями в социально-экономической и политической жизни страны в рассматриваемый период, происходила в двух направлениях. Во-первых, шел процесс упрощения его структуры, ликвидировались излишние звенья управления, громоздкие по численности и объему полномочий органы, мешавшие оперативному и своевременному решению дел. Во-вторых, проводилось более четкое разделение полномочий, более строгое разграничение административных, полицейских, финансово-хозяйственных и судебных функций различных органов власти на местах.

Важнейшее место в системе губернского управления и механизме исполнительной власти и губернского управления занимали органы общей полиции. Дореформенная полиция рассматривалась как форма местного государственного управления с широкими полномочиями, принимающая на себя заботы о многих, даже незначительных потребностях жизни подданных и регламентирующая их. Многочисленные источники четко отражают подобный статус полиции.

Полиция была перегружена многочисленными обязанностями и не справлялась с их выполнением. Чтобы исправить положение необходимо было довести обязанности полиции до масштабов, которые соответствовали бы ее прямому назначению, устранив из сферы ее деятельности посторонние дела.

Особенностью земской полиции Оренбургской губернии было то, что на протяжении рассматриваемого периода порядок назначения ее служащих преобладал над общим порядком избрания их уездным дворянством. Это усугубляло в свою очередь кадровую проблему, для решения которой использовалось и замещение вакансий по земской полиции свободными от казачьей службы офицерами Оренбургского казачьего войска, и привлечение некоторыми привилегиями чиновников из других губерний. Структура земской полиции края учитывала некоторые особенности населения, а также характер преступности в данной губернии. Так, в штаты земских судов с 1854 г. были включены переводчики.

Образованные, согласно полицейской реформе 1862 г., городские и уездные полицейские управления являлись основными проводниками политики губернатора, так как последний подчинялся непосредственно Министру внутренних дел.

Штат уездного полицейского управления состоял из исправника, его помощника, секретаря, двух столоначальников и регистратора. В губернских городах учреждались самостоятельные полицейские управления во главе с полицмейстерами.

Круг обязанностей сотрудников общей полиции был весьма обширным, многообразным. Он излагался в целом ряде законодательных актов, в основном в «Общем учреждении губернском» и в «Уставе о предупреждении и пресечении преступлений».

Законодатель устанавливал, что служащие полиции должны неукоснительно наблюдать за исполнением всеми лицами законов, охранять общественную безопасность и дела общественного благоустройства, исполнять обязанности по делам казенного управления и общественного хозяйства, судебного и военного ведомства» и т. д.

Важной мерой в расширении и укреплении полицейского аппарата в стране явилось создание в 1903 г. мобильных подразделений уездной полицейской стражи, в задачу которых входило пресечение антиправительственных выступлений местного значения, аграрных беспорядков, участвовавших особенно в период 1905 – 1907 гг., охрана наиболее важных государственных учреждений (банков, почт, телеграфов и др.) и этапирование заключенных.

В начале XX в. возникла необходимость в создании специальных органов, которые занимались бы оперативно-разыскной работой при расследовании уголовных преступлений.

Закон об организации сыскной части был принят 6 июля 1908 года. В соответствии с ним в городах и уездах при полицейских управлениях были созданы сыскные отделения. В задачу этих органов входили оперативно-разыскные мероприятия и производство дознаний по уголовным делам.

Произошли позитивные перемены в комплектовании личного состава полиции. Оно стало происходить на принципах вольного найма на контрактной основе. Расширялся также низовой аппарат, были учреждены должности участковых урядников, в городах увеличены штаты околоточных надзирателей, пеших и конных городских.

В то же время не был решен ряд важных задач по координации деятельности уездных и городских подразделений полиции, что отрицательно сказывалось на эффективности раскрытий преступлений в регионе. По-прежнему, открытым оставался принципиальный вопрос о создании единого руководящего всеми полицейскими структурами органа в масштабе всей губернии. Все полицмейстеры и уездные исправники подчинялись губернатору напрямую, который и без того был загружен решением множества различных административно-хозяйственных вопросов.

Материалы архивных документов свидетельствуют о частных стычках и отсутствии должного взаимопонимания между сотрудниками общей полиции и губернского жандармского управления. Последние, как правило, были независимы от губернской власти и подчинялись непосредственно Департаменту полиции МВД.

Серьезным недостатком в деятельности губернских подразделений полиции являлось отсутствие специализированных учебных заведений по подготовке рядового и начальствующего состава. Несколько полицейских школ имелось в Санкт-Петербурге, Москве и ряде губернских городов, но они совершенно не удовлетворяли потребности в кадрах.

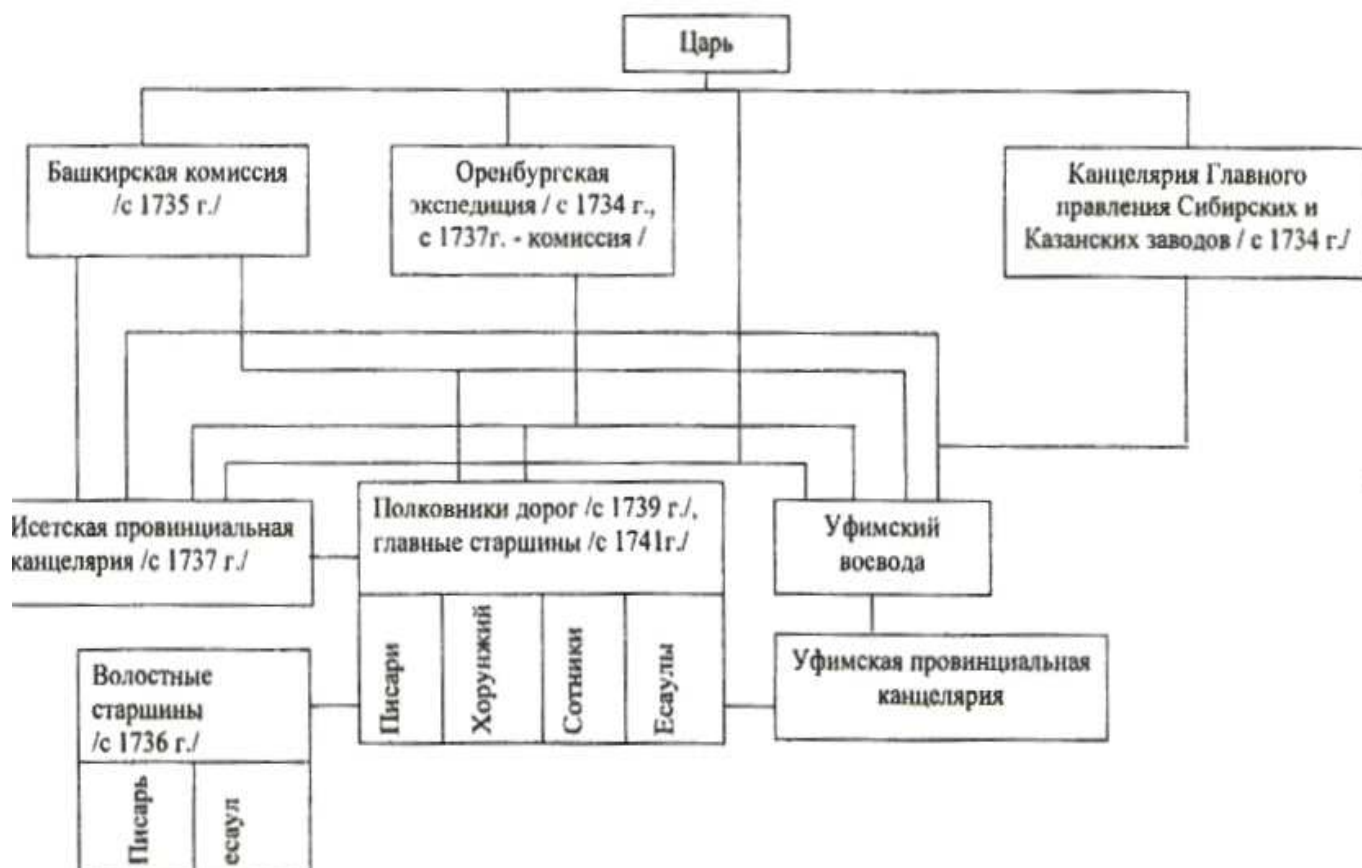
Таким образом, исторический опыт функционирования губернских подразделений, их взаимодействия с другими учреждениями Министерства внутренних дел, несомненно, востребован в современных условиях реформирования правоохранительных структур. В этом смысле представляет большой интерес опыт сотрудничества органов общей полиции, подчинявшихся непосредственно Департаменту полиции, с местными учреждениями Департамента духовных дел и иностранных вероисповеданий, хотя последние также входили в систему МВД.

Опыт этого взаимодействия актуален и сегодня, когда легально существующие многочисленные религиозные секты, в том числе и тоталитарного толка, представляют потенциальную угрозу личной безопасности граждан. Это требует внесения определенных изменений в законодательство и корректировки практической деятельности правоохранительных органов. Не утратили своей значимости и проблемы выявления механизмов и особенностей административно-правового воздействия правоохранительных структур государства на соответствующие процессы социально-политического и экономического характера.

ПРИЛОЖЕНИЯ¹

Приложение № 1

Структура управления Уфимской Провинцией в период «генералитета»²

¹ Орфография, пунктуация и стилистика полностью соответствуют оригиналам.

² Биккулов И. Н. П. Д. Аксаков. Воевода и вице-губернатор Уфимской провинции: монография. Уфа, 2009.

Список Уфимских провинциальных воевод 1714 – 1744 гг.¹

№	Фамилия, имя, отчество	Звание, должность	Годы правления
1	Колычев Андрей Михайлович	комендант	1714-1715 гг.
2	Бахметев Дмитрий	обер- комендант, полковник	1715-1718 гг.
3	Бахметев Иван Ефремович	обер- комендант, воевода, полковник	1718-1722 гг.
4	Шаховской Иван Григорьевич	воевода, князь	1722 – февраль 1727 гг.
5	Лихачев Андрей Федорович	и.о. воеводы, ассессор	Февраль 1727-11 сентября 1727 гг.
6	Анненков Иван	и.о. воевода, полковник	11 сентября 1727 – 9 апреля 1728 гг.
7	Бибилов Алексей	и.о. воевода	9 апреля 1728 – 23 июля 1728 гг.
8	Бутурлин Петр	воевода, бригадир	23 июля 1728 – август 1731 гг.
9	Кошелев Петр Дмитриевич	воевода, полковник	август 1731-19 августа 1735 гг.
10	Мерзлюкин Никита Дмитриевич	воевода, полковник	19 августа 1735 - июнь 1736 гг.
11	Алфимов Андрей Иванович	воевода	июнь 1736 – нач февраль 1736 гг.

¹ Биккулов И. Н. Указ. соч. С. 158 – 159.

12.	Шемякин
Степан
Васильевич	воевода,
полковник,
бригадир,
советник	17 февраль 1736
– январь 1738 гг.
13.	Мартаков	и.о.
воеводы,
полковник	10 январь 1738
– весна 1738 гг.
14.	Аксаков Петр
Дмитриевич	и.о.
воевода,
полковник	весна 1738 –
осень 1739 гг.
15.	Пекарский
Николай
Семенов	и.о.
воевода,
секунд-
майор	осень 1739 –
март 1740 гг.
16.	Воейков Петр	вице-
губернатор,
генерал-
майор	март 1740-6
ноября 1740 гг.
17.	Аксаков Петр
Дмитриевич	вице-
губернатор,
бригадир	6 ноября 1740-
19 июня 1744
гг.
18.	Люткин	воевода,
полковник	С 19 июня 1744г.

**Военные губернаторы Оренбургской губернии
в первой половине XIX в.¹**

Военный губернатор	Воинское звание	Время службы
Бахметьев Николай Николаевич	Генерал-майор	IX 1798 – 1803
Волконский Григорий Семенович, князь	Генерал от кавалерии	VII 1803 – I 1817
Эссен Петр Кириллович	Генерал от инфантерии	19/I 1817 – 7/II 1830
Сухтелен Павел Петрович, граф	Генерал-лейтенант, генерал-адъютант	21/IV 1830 – 15/IV 1833
Перовский Василий Алексеевич Граф (IV 1855)	Генерал-лейтенант, генерал лейтенант, генерал-адъютант	15/IV 1833 – 7/V 1842
Он же в должности Оренбургского и Самар- ского генерал- губернатора	Генерал от кавалерии	23/III 1851 – 1857
Обручев Владимир Афанасьевич	Генерал-лейтенант	10/V 1842 – 20/III 1851

¹ Гвоздиков И. М. Гражданское управление в Оренбургском крае в первой половине XIX в. (1801 – 1855 гг.). Уфа, 2010. С. 354 – 355.

Оренбургские гражданские губернаторы (1800 – 1856 гг.)¹

Гражданский губернатор	Военный чин	Гражданский чин	Время службы
Глазенап Карл Иванович (Карл Рейнгольд) (1745 – 1802)	Генерал-майор	Тайный советник	27/VI 1800 – 4/II 1802
Врасский Алексей Александрович (1757 – 1833)	Полковник	Действительный статский советник	II 1802 – II 1806
Фризель Иван Гигорьевич (1770 – 1810)	–	Тайный советник	1806 – II 1809
Веригин Михаил Федотович (1771 – 1848)	Генерал-майор	Действительный статский советник	3/IV 1809 – 3/XI 1811
Наврозов Матвей Васильевич (? – ?)	?	–	26/XI 1811 – 1822
Нелидов Григорий Васильевич (? – 1826)	?	–	1822 – 9/XII 1826
Дебу Иосиф (Осип) Львович (1794 – 1852)	Генерал-майор	–	7/VI 1827 – 2/XII 1832
Жуковский Николай Васильевич (1794 – 1852)	Нет	–	2/XII 1832 – 13/IV 1835
Гевлич Авксентий Павлович (1790 – 1861)	Нет	–	13/IV 1835 – 29/V 1840
Вакансия			29/V 1840 – II 1841
Талызин Иван Дмитриевич(1799 – 1844)	Полковник	–	1841 – 14/V 1844
Вакансия			14/V 1844 – 30/III 1846
Балкашин Николай Васильевич (1805 – 1859)	Полковник	–	30/III 1846 – 7/XII 1851
Ханыков Яков Владимирович (1818 – 1862)	Нет	–	7/XII 1851 – 3/III 1856

¹ Гвоздикова И. М. Указ. соч. С. 354 – 355.

**Формулярный список о службе Уфимского Уездного Исправника,
Надворного Советника Михаила Даниловича Нестерова**

По 1 февраля 1913 г.

I. Чин, имя, отчество, фамилия, должность, лет от роду, вероисповедание, отличие и получаемое содержание.

Надворный Советник Михаил Данилович Нестеров, Уфимский Уездный исправник, родился 2 января 1872 г., вероисповедания православного: имеет серебряную медаль в память Царствования императора Александра III и ордена: Св. Станислава 3-й степени и Св. Анны 3-й степени. Содержания получаемое в год:

жалование – 937 р. 50 к.

столовые – 937 р. 50 к.

квартирные – 500 р.

всего – 2375 р.

II. Из какого звания происходит?

Из потомственных дворян.

III, IV, V, VI. Есть ли имение у него и у родителей, у жены если женат, родовое или благоприобретенное.

IV. Имеет в Кирилловском уезде 98 десятин земли.

VI. Имеет в Кирилловском уезде 118 десятин земли.

VII, VIII, IX. Где получил воспитание и окончил ли полный курс наук в учебном заведении; когда вступил в службу; какими чинами, в каких должностях и где проходил оную. Не было ли каких по службе особых действий или отличий; не был ли особенно чем-либо награждаем, кроме чинов.

Воспитался в Кирилловском трехклассном городском училище, где и окончил полный курс науки. В службу вступил в штат Новгородского губернского Правления канцелярским служителем.

Назначен столоначальником Слосерского Уездного Полицейского Управления. 9 июля 1891 г.

Согласно желанию, перемещен в должность Столоначальника Кирилловского Уездного Полицейского Управления. 26 ноября 1892 года.

Исправлял должность Полицейского Надзирателя г. Кириллова с 7 июля по 8 августа 1893 года.

Указом Правительствующего Сената по Департаменту Герольдии от 10 ноября 1893 г. за № 132 произведен за выслугу лет в Коллежские Регистраторы со старшинством с 26 ноября 1892 г.

Приказом денным 23 мая 1894 года назначен Полицейским надзирателем г. Кириллова.

Исправлял должность Пристава 1 стана с 4 по 24 июля 1895 года. Исправлял должность Пристава 2 стана с 25 августа по 13 сентября 1895 г.

Высочайшим приказом по гражданскому ведомству от 6 апреля 1896 г. произведен в Губернские Секретари со старшинством с 26 ноября 1895 г.

Исправлял должность Пристава 1 стана с 10 по 24 июля 1896 года.

Предписанием Губернского Правления от 15 июля 1896 года за № 3297 разрешено носить серебряную медаль Высочайше установленную 26 февраля 1896 года в память в Бозе почивающего императора Александра III, на Александровской ленте.

Приказом данным 22 января 1898 года перемещен Полицейским надзирателем в г. Борович.

По распоряжению Боровичского Уездного Исправника исправлял должность Пристава 1 стана Боровичского уезда с 4 октября по 12 декабря 1898 г. высочайшим приказом по гражданскому ведомству от 9 октября 1899 г. за № 72, за выслугу лет произведен в Коллежские Секретари со старшинством.

Объявлена благодарность Губернского начальства 26 ноября 1899 г.

Обнаружение и задержание виновных в ограблении 27 мая 1899 г. кр-на Тверской губернии Ивана Прокофьева (№ 95 Новгородских губернских ведомостей за 1899 г.).

Объявлена благодарность Губернского начальства за быстрое и умелое обращение вещей, похищенных 14 августа 1900 г. и принадлежащих Вальтер (№ 68 Новгородских Губернских Ведомостей за 1900 г.).

Объявлена благодарность Губернского начальства за быстрое и энергичное задержание похитителя и обнаружение похищенного при краже из багажного вагона Боровичской железной дороги 17 августа 1900 г. (№ 68 Новгородских губернских ведомостей за 1900 г.).

Нестерову, за быстрое и энергичное задержание похитителя и обнаружение похищенного при краже из багажного вагона Боровичской железной дороги с разрешения Губернского Начальства выдано вознаграждение в размере ста рублей.

Объявлена благодарность Губернского Начальства за быстрое раскрытие кражи, произведенной в ночь на 1 ноября 1899 года из магазина купца Шихова (№ 86 Новгородских губернских ведомостей 1900 год).

Приказом данным 9 декабря 1900 года назначен Приставом 2 стана Волдайского уезда.

Приказом данным 11 сентября 1901 года перемещен Приставом 1 стана Новгородского уезда.

Высочайшим приказом по гражданскому ведомству от 27 сентября 1902 г. за № 84 произведен за выслугу лет в Титулярные Советники со старшинством.

Объявлена благодарность Губернского начальства за энергичное и усердное исполнение служебных обязанностей (№ 50 Новгородских губернских ведомостей за 1902 год).

Объявлена благодарность Губернского Начальства за энергичное содействие во время военно-конской переписи.

Согласно Высочайше утвержденному положению Комитета о службе чинов гражданского ведомства и о наградах 6 декабря 1902 года Всемилоостивейше пожалован орденом Св. Станислава 3-й степени.

Высочайшим приказом по гражданскому ведомству от 9 декабря 1905 г. за № 94 произведен за выслугу лет в Коллежские Ассессоры со старшинством с 26 ноября 1904 г.

Согласно Высочайше утвержденному положению Комитета о службе чинов гражданского ведомства и о наградах в 6-й день декабря 1907 года Всемилоостивейше пожалован орден Св. Анны 3-й степени.

Приказом, данным 23 ноября 1909 года назначен Помощником Боровичского Уездного Исправника.

Объявлена благодарность Губернского Начальства за проявленные в бытность Приставом 1 стана Новгородского уезда энергию и распорядительность в деле по обнаружению виновных в убийстве кр-на Федора Андреева (предписание Губернского Правления от 17 декабря 1909 года № 8023).

Исполнял обязанности Боровичского Уездного Исправника с 23 июня по 30 августа 1910 г.

Высочайшим приказом по гражданскому ведомству от 2 ноября 1910 года за № 72 произведен за выслугу лет в Надворные Советники со старшинством с 23 ноября 1909 года.

Перемещен для пользы службы помощником Кирилловского Уездного Исправника.

Приказом Уфимского Губернатора от 28 января 1913 года за № 15 назначен Уфимским Уездным Исправником.

Х. Участвовал ли в походах против неприятеля или в самих сражениях, когда именно?

Не участвовал.

XI. Подвергался ли наказаниям или взысканиям, связанными со служебным ограничениями; когда и за что именно? В судебном или дисциплинарном порядке? Подозревался ли в преступлениях влекущими за собой такие ограничения; когда, каким судом и за что?

Не подвергался.

XII. Был ли в отпусках; когда и как долго? Своевременно ли являлся? И если опаздывал, то когда являлся? Была ли признана причина уважительной?

Был в 1897 году с 15 июля по 15 августа; в 1904 году на две недели с 18 мая; в 1907 году с 30 июля на две недели и в срок явился. Был в двух месячном отпуске с 25 мая по 25 июля 1911 года, по болезни и явился в срок. В 1913 году на восемь дней с 9 сентября.

XIII. Был ли в отставке с последующим награждением чином, или без такового; в какой период времени?

Не был.

XIV. Семейное положение; если женат то на ком? Имеет ли детей; какого пола дети? Год, число и месяц рождения детей; где они проживают? Какого вероисповедания?

Женат на Александре Петровне Кузнецовой, 38 лет. Имеет детей: Ксению, родилась 11 декабря 1898 года, Варвару – 19 ноября 1901 года, Марию – 6 января 1903 года, Александру – 5 января 1905 года, Ольгу – 20 января 1908 года и сын Михаила – 3 сентября 1906 года. Жена и дети вероисповедания православного и находятся при нем. Дочь Ксения воспитывается с 1911 г. стипендиаткою в Санкт-Петербургском Александровском институте¹.

¹ НАРБ. Ф. И-9. Оп 2. Д. 100. Л. 1 – 8.

Инструкция
Канцелярия Уфимского Городского Полицейского
Управления по ведению делопроизводства

1. Занятия в Канцелярии начинаются в 9 ч утра и продолжается до 2 час дня и кроме того
Вечером с 6 до 8 часов .
2. Заведывает Канцелярией Секретарь .он же распечатывает почту и помещает все входящие бумаги , адресованные на имя Полицмейстера и Городского Полицейского Управления .
3. Вновь поступившие бумаги раскладываются Секретарем в особые папки для бумаг по столам и даются на просмотр Помощнику Полицмейстера и , уже после этого , передаются Столоначальникам или Заведывающим столами для исполнения .
4. В зависимости от характера содержания бумаг и переписок все делопроизводство Полицейского управления распределяется по столам в таком виде :

Стол Полицмейстера – в него поступают все бумаги Губернского Начальства имеющие руководящее значение. О кандидатах на класные должности . Бумаги по делам цензуры и печати . О театральных представлениях и других народных увеселениях . Об обществах и собраниях . О выдаче разрешения на право приобретения и ношения оружия неавтоматических систем . О прибывающих и выбывающих начальствующих лиц. О награждении городских медалями . О ночных сторожах. Об извозном промысле . По наблюдению за исполнением домовладельцами г.Уфы обязательных постановлений , изданных Городскою Думою . По делам акцизным. О строительных и противопожарных осмотрах . О городском благоустройстве . О санитарном состоянии города . Приказы по Уфимскому Гарнизону . Об афишах и разного рода объявлениях. О типографиях, литографиях , фотографиях , библиотеках , книжных магазинах и лавках в г.Уфе , а также о торговцах в разнос по улицам города произведениями печати .Бумаги о деятельности Уфимского Сысного Отделения . Об ионитах и бабтистах , проживающих в г .Уфе . По наблюдению за торговлей порохом и огнестрельными припасами . Обязательные постановления Уфимского Губернатора и земских и городских учреждений . По ревизии делопроизводства Полицейского Управления , Полицейских участков и Сысного Отделения . О рыбной ловле и об охоте . О вооружении городских . По обмундированию городских . Приказы по полиции . Статические сведения . Регистрация заразных болезней . О выдаче свидетельств на покупку виноградного вина .

Стол секретный и Секретарский - в этот стол поступают исключительно руководящие бумаги и циркуляры по всем вопросам по всем вопросам

секретного характера . По мобилизации циркуляры Департамента полиции о розыске разных лиц . О доставлении сведений о политической благонадежности разных лиц . О доставлении срочных сведений секретного характера . О евреях , проживающих в г. Уфе и вообще по вопросам еврейским О старообрядцах, проживающих в г.Уфе.

Стол Денежный – в него поступают бумаги: об удовлетворении содержанием личного состава Полицейского Управления , Сыскного Отделения , Адресного стола , городских и стражников сводного отряда. О канцелярских расходах Полицейского Управления , Сыскного Отделения , Адресного стола , городских и стражников сводного отряда . О Канцелярских расходах Полицейского Управления и канцелярий Приставов О выдаче кормовых денег арестантам и о расходах по пересылке несовершеннолетних преступников . О денежных оборотах Уфимского Адресного стола . О распределении между участками сумм за вручение повесток по гражданским взысканиям . О доставлении сведений о денежных оборотах и документах . Составление требовательных ведомостей и ассигновок . По операциям с денежными суммами по обмундированию городских и стражников . взыскании государственного налога , земских и городских сборов . О взыскании недоимок квартирного налога . О взысканиях учреждений . Переписки с препровождением денег и вещей , подлежащих выдаче высланным иностранцам и немцам – колонистам .

Стол Уголовный – в него передаются бумаги , имеющие значения руководящих для этого стола . О содержащихся под стражей при Полицейском Управлении . О лицах освобожденных из под стражи водворенных в жилище . О пересыльных арестантах . О поднадзорных по уголовным делам . О поднадзорных административных . Переписки об исполнении судебных приговоров и решений , требований чинов судебного ведомства и постановлений Уфимского Губернатора о взысканиях за нарушение обязательных постановлений . О происшествиях и дознаниях , прекращенных в порядке ст.253 Уст. Угол. Суд. О розыске разных лиц . О розыске лошадей , имущества и капиталов .О женщинах , занимающихся проституцией как промыслом . Составление ведомости и происшествиях по г. Уфе .

Стол Паспортный – в этом столе производится выдача : паспортных книжек , выдача временных свидетельств на проживание и удостоверение об утере паспортов , на основ 21, 27 , 29 ст . Уст. О паспортах . Свидетельств на покупку пороха . Выдача лицам римско – католического исповедания , выступающим в брак с лицом православного или протестантского исповедания , удостоверений о внебрачном их состоянии и правоспособности на вступление в брак . Выдача свидетельств о бедности и поведении вдовам и сиротам , ищущим покровительства Опекунского Совета Ведомства Учреждений императрицы Марии , когда они недворянского происхождения . Выдача свидетельств и удостоверений на основании положений и правил об эмеритальных кассах и вспомогательных капиталах. Вы-

дача свидетельств подрядчикам о законных причинах , воспрепятствовавших им вовсе или к определенному сроку исполнить свои договоры. Исследование о безвозмездном . Выдача на основании Устава о содержащихся под стражею , удостоверений женам и семействам подсудимых чиновников , содержащихся под стражею в тюрьмах или при полициях , о том , что они не имеют никакого состояния и потому могут получать определенное им по закону содержание от казны . Выдача свидетельств родственникам и свойственникам лиц , заключенных в крепостях по приговорам гражданских судебных мест , для допущения их к сведению с заключенными . По учету и призыву на действительную службу нижних чинов запаса армии и флота : выдача свидетельств и удостоверений и исполнение других обязанностей , изложенных в Устав о Воинской Повинности . Отметка проходных свидетельств , предъявляемых нижними воинскими чинами об увольнении их временно или вовсе от действительной службы .

Стол Передаточный – ему передаются бумаги передаточного и объявительного характера ; о выдаче повесток , объявлений разного рода и документов .

Стол Иностранный – в этот стол передаются бумаги , касающиеся распределения по Уфимской губернии высланных иностранцев и немцев – колонистов . В этом столе должна производиться регистрация иностранного населения и заготавливаются бумаги , касающиеся распределения их по уездам . Заготовление проходных свидетельств для иностранцев , выезжающих из г.Уфы в другие местности на жительство .

Общие обязанности.

5. Все переписки и бумаги секретного характера исполняются лично Секретарем Управления . Он же ведет собственноручно секретный настольный и метрические старообрядческие полицейские книги , а ровно делает записи в них.

6. Настольные реестры по другим столам ведутся столоначальниками или заведывающими делопроизводством в том или другом столе .

7. Все бумаги, поступающие в Полицейское Управление , а ровно и составляемые в нем , по обозначения на них времени получения и составления , записываются в настольный реестр , в графу , содержание бумаги , под номерами по порядку , проставляемыми во 2-ц графе . Этот же номер подписывается на самой бумаге . В 3-й графе , для облегчения справок , проставляется №2 , за которым получена бумага , № настольного реестра становится затем главным определителем бумаги до окончательного разрешения .

8. Начатая по какому-либо предмету переписка ведется под одним и тем же номером.

9.Настольный реестр следует пополнять с таким расчетом, чтобы оставалось достаточно места для отмоток о ходе производства ;отметки делаются в возможной краткой форме, но настолько ясно ,чтобы можно было без

всяких затруднений судить о содержании переписки. На страницу вносить от 3 до 5-ти номеров.

10. В конце года нерешенные №№ в целом составе в новый настольный не переносятся, а указывается лишь в начале первой страницы нового настольного реестра №№ нерешенных статей по старым настольным реестрам по порядку и по годам, каковые, по мере исполнения, вычеркиваются.

11. Все бумаги и переписки, поступающие на исполнение, а равно и составляемые в столе должны записываться в настольном реестре непосредственно по получении и составлении.

12. Столоначальника должно строго следить за теми, чтобы все бумаги, поступившие к ним в стол на исполнение ежедневно отмечались в дежурной книге, так как отметка в дежурной книге №№ столов и настольных реестров имеют важное значение при ревизии делопроизводства и наведении справок.

13. Переписки срочного и экстренного характера подлежат исполнению вне всякой очереди, немедленно по получении, и вообще исполнение бумаг требуется быстрое, аккуратное и добросовестное. Скопление бумаг в столах в большом количестве положительно недопустимо. Вменяется в непременную обязанность иметь строжайшее наблюдение за теми, чтобы переписки и различного рода поручения, посылаемые приставам на исполнение, последними не задерживались долго.

14. В этих видах необходимо обязательная периодическая проверка настольных и посылка Приставам подтверждений два раза в месяц-1 и 15 числа. Первое -желтого цвета, второе -зеленого и третье-красного цвета. Посланным подтверждениям составляется особая краткая ведомость, с указанием в ней №№ переписок, на которые посылаются подтверждения и обозначается участок Пристав, за которым числится данная переписка или поручение. Составленная в такой форме ведомость подается Секретарю, а последний представляет ее на просмотр Полицмейстеру.

15. Переписки, подлежащая к приобщению в наряды надлежит подшивать, по мере скопления, еженедельно.

16. Все исходящие бумаги по столам скрепляются подписью Столоначальника и подписываются Помощником Полицмейстера, за исключением бумаг и переписок, представляемых Губернатору и Губернскому Правлению, которые подписываются Полицмейстером и скрепляются подписью Секретаря.

17. Развлекаться частными разговорами занятий не полагается.

18. Отношение к публике должно быть самое вежливое и внимательное. Справки наводятся без замедлений. Особые обязанности. По столу Полицмейстера. Помимо обязанностей общего характера, изложенных выше, на обязанности Столоначальника Полицмейстерского стола лежит выполнение следующих работ: 1. Составление ежедневно к 11 часам утра суточного рапорта, в который помещаются сведения: а) об арестованных содержащихся при Полицейском Управлении и Полицейских участках, б) о торжественных церковных празднествах и Архиерейском служении, в) об след-

ственных гуляниях, маскарадах, спектаклях и других увеселениях, г) о прибывших город и выбывших из него высокопоставленных лиц и д) о происшествиях.

1. Одновременно с этим рапортом составляются сведения о происшествиях, проступках и преступлениях, передаваемых из участков. Сведения эти собираются дежурным чиновником к 9 часам утра. Суточный рапорт пишется в двух экземплярах, один из которых лично Полицмейстером представляется г. Губернатору, а второй отсылается г. Вице -Губернатору. При отъездах Губернатора из города, первый экземпляр также лично Полицмейстером представляется г. Вице - Губернатору, а второй- отсылается в Канцелярию Губернатора. Сведения о происшествиях пишутся в 6-ти экземплярах и рассылаются: Советнику Уфимского Губернского Правления, Начальнику Уфимского Жандармского Управления, Прокурору, Товарищу Прокурора, Начальнику Уфимского Сыскного Отделения, а 6-й экземпляр передается Столоначальнику Уголовного стола для составления им общей ведомости о происшествиях и перепечатки и рассылки их Приставам, Уфимскому Уездному Исправнику и Начальнику Уфимского Жандармского отделения.

2. Составляет проект приказа от имени Полицмейстера, копии какового, по утверждению, рассылает всем Приставам. Начальнику Сыскного Отделения и Старшему стражнику сводного отряда.

3. Составляет приказания от имени Помощника Полицмейстера о нарядах на службу классных и нижних чинов полиции.

4. Составляет к каждому 10 числу сведения об обнаружении нарушении закона о рыбной ловле.

5. Составляет разные сведения по требованию разных учреждений и должностных лиц и Статистического Комитета.

6. Ведет все формальные списки на классных чинов и послужные списки на нижних чинов и на них же ведет журнал взысканий, отмечая в них все служебные перемены, награды, благодарности и взыскания и, наконец, заводить дела о их службе.

7. Проверяет донесения чинов полиции о проверке ими постовой службы нижних чинов полиции и, если откажутся опущения таковой, докладывает об этом Полицмейстеру.

8. Пропечатывать билеты на увеселения и зрелища.

9. Принимает и проверяет корешки

Билетов, выясняя, правильно ли таковые оплачены благотворительным сбором.

10. Ведет по всему отчетность и составляет ведомость о количестве проданных билетов для представления в Канцелярию Учреждений Ведомства императрицы Марии.

11. Проверенные корешки билетов отсылаются, по мере их накопления, Уполномоченному по наблюдению за взиманием благотворительного сбора в г. Уфе (Канцелярия Губернатора).

По денежному столу.

1. Составление требовательных ведомостей ежемесячно к 1-му числу :на выдачу разъездных денег классным чинам полиции ,на канцелярские расходы приставам, на выдачу жалованья городовым Городской полиции и Сысского отделения и стражникам Уфимского сводного отряда ,и к 20-му числу: на выдачу содержания личному составу Полицейского Управления ,Сысского отделения, разъездных денег Начальнику Сысского Отделения, разъездных денег Начальнику Сысского Отделения и на выдачу жалованья Канцелярским чиновникам Полицейского Управления.

2. Составление ассигновок: прямых, оборотных и авансовых.

3. Составление срочных сведений по денежной отчетности ,а именно :сличительных ведомостей о денежных оборотах сметным расписаниям(согласно бухгалтерских правил и предписания Губернского Правления)к 10-му числу ежемесячно представляются в Контрольную Палату, проветрив предварительно со счетами Казначейства ,а копия со сличительной ведомости представляется в Уфимское Губернское правление ,Сличительных ведомостей о партикулярных суммах и залогах(согласно бухгалтерских правил к 15 числу ежемесячно в Контрольную Палату).

4. Ревизировать ежемесячно книги о приходе и расходе взыскиваемых сумм участковыми Приставами гор. Уфы.

5. Входить с представлением в Губернское Правление об отпуске кредита по 4 ст.2 см М.В.Д. в жалованье стражникам(согласно предписанию Губернского Правления).

6. Представлять в Губернское правление ежемесячно к 20-му числу ведомость о поступлении недоимок земского сбора(согласно предписанию Губернского Правления).

7. Представлять в Губернское Правление к 10 января,10 мая и к 10 сентября ведомость о поступлении недоимок земского сбора по третям года, с именным списком недоимщиков, за коими числится недоимка 100 руб. и более.

8. Деньги,присылаемые в Полицейское Управление и Полицмейстеру от разных лиц и учреждений переводами по почте и по переводным билетам через местные отделения Банков должны безусловно проводиться через депозит Полицейского Управления. В виду этого на повестках и переводных денежных билетах делается Полицейским Управлением доверительная надпись на получение денег Уфимских Казначейством, затем уже по ассигновкам выдаются деньги по принадлежности.

9. Особенное внимание должно быть обращено на хранение оправдательных документов; подшивать их надлежит в строго хронологическом порядке, непременно отмечая на них №№ статей денежной книги.

10. Вообще ведение денежной отчетности должно быть правильное и в высшей степени аккуратное.

По уголовному столу. При ведении делопроизводства Уголовного стола особенное внимание должно быть обращено на следующее:

1. Переписки по розыскам, занимающих видное место в делопроизводстве Полицейского Управления ведутся на следующих основаниях. Переписки о розысках вещей по получении их записываются в розыскной алфавит, на розыск лиц составляются ведомости, которые два раза в неделю рассылаются Приставам г. Уфы, Начальнику Сыскного Отделения; по переписке составляется розыскной листок, который навешивается на дуги по алфавиту. По получении от приставов донесений о не розыске, последние подшиваются к перепискам и отсылаются по принадлежности. Причем, предварительно составления ведомости о розыске, о лицах разыскиваемых наводятся справки в Адресном столе.

2. В отношении переписок о содержащихся под стражею обязателен такой порядок: Все заключенные под стражу по распоряжению судебных властей, почему-либо задержанные полицией, а также лица, которые через Полицейское Управление посылаются в другие места заключения: к городским судьям, судебным следователям и т.п., должны вноситься в книгу о содержащихся под стражею. Бумаги, сопровождающие арестантов не записываются в настольный реестр и вся переписка об арестантах, внесенных в книгу, отмечается в подлежащих графах книги для содержащихся под стражею. Но если арестант окончательно выбыл из ведения полиции и в последней графе книги сделана соответствующая отметка, то возможная дальнейшая о нем переписка ведется обыкновенным порядком по настольному реестру.

3. Переписки, полученные от Начальника Тюрьмы с арестантами, подлежащими освобождению, записываются в настольный реестр и при надписи "по приказанию Полицмейстера с (таким-то) препровождается Начальнику Уфимского Сыскного Отделения для регистрации и освобождения" препровождается Начальнику Сыскного Отделения. Арестантам же, имеющим постоянное место жительства вне города Уфы на следование туда выдается проходное свидетельство.

4. Лица, прибывающие в Полицейское Управление при открытых листах, препровождаются по назначению согласно данных, имеющих на открытых листках, так например: лицо, подлежащее выдворению под надзор полиции в г. Уфе, препровождается местному Приставу для учреждения над ним надзора полиции; лицо же, подлежащее передаче в распоряжение Начальника Уфимского Сыскного Отделения препровождается Начальнику Сыскного Отделения и т.п.

5. На прибывающих на жительство в г. Уфу дезертировать составляются, по установленной форме, списки лит. А, с указанием: звания, родины, ве-

роисповедания, семейного положения ,рода занятия и т.д. Составленные таким образом Списки представляются Уфимскому Губернатору.

6.Составлять ведомость о происшествиях по г. Уфе ежемесячно два раза 1 и 15 числа представлять в Губернское Правление.

7.Строго следить за теми, чтобы на лиц, содержащихся при арестантском помещении Полицейского Управления всегда имелись постановления об их аресте.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Авдеев 159
 Адрианов С. А. 45
 Азаматов Д. Д. 9
 Азнабаев Б. А. 9
 Акинфов В. И. 131
 Акманов А. И. 9
 Акманов И. Г. 9
 Аксаков Г. С. 101, 117, 125, 126, 127, 128, 129, 130
 Аксаков И. С. 126
 Аксаков П. Д. 17, 31, 246
 Аксаков С. Т. 125, 127
 Александр I 24, 25, 40, 43, 49, 56, 61, 64, 71, 73, 74, 97, 229
 Александр II 122, 125, 127, 129, 134, 173, 179
 Александр III 209, 249, 250
 Александр Брехов 81
 Александр Невский 74
 Алексеев П. 212
 Алфимов А. И. 16
 Алфимов А. И. 245
 Альникова В. И. 233
 Амиров Р. З. 12
 Андреев 196
 Андреев А. И. 228
 Андреев В. И. 228
 Андреев И. Ф. 210, 225, 226, 227, 228
 Андреев М. И. 228
 Андреев Н. И. 228
 Андреев Ф. 251
 Андреева З. И. 228
 Аничков В. 81
 Анкудинов Т. 212
 Анна Иоановна 18, 27
 Анненков И. 245
 Анучин Е. 176
 Апухтин А. И. 21, 22, 78
 Аракчеев 61, 72
 Аристов 223
 Артемьев Е. А. 157
 Артемьев И. С. 157
 Артемьев Л. М. 157
 Архипов Ф. А. 233
 Арцимович А. Д. 101
 Асеев И. А. 12
 Асфандияров А. З. 9, 10,
 Афанасьев Н. 233
 Байгутлин Р. И. 8, 10, 38
 Байкова Н. Ф. 12
 Бакиров С. Е. 57
 Балашов А. Д. 56
 Балдин М. 212
 Балкашин Н. В. 99, 248
 Бараков Б. 80
 Баранов Н. П. 131
 Баранова Е. А. 11
 Барановский Е. И. 101, 126, 127, 128
 Баратаев И. М. 22
 Баратов И. Ю. 33, 35, 41
 Барклай-де-Толли 63
 Барс Н. И. 220
 Батурлин П. 16, 28
 Бахметев Д. 245
 Бахметев И. Е. 16, 245
 Бахметьев Н. Н. 24, 39, 40, 48, 247
 Башилов П. П. 222, 234, 237
 Безак А. А. 156, 220, 224
 Безак А. П. 128
 Безобразов В. П. 5
 Белецкий С. П. 169
 Белобородов М. В. 71
 Бенкендорф А. Х. 109
 Бибииков А. 245
 Бибииков Д. Г. 114
 Бибинафис 221
 Бибифарис 221
 Бикулов И. И. 9
 Блудов Д. Н. 74, 104, 112, 172
 Богданов И. П. 225
 Богданович Н. М. 158, 208

- Болшанин М. 81
 Борисов А. В. 6
 Борисов А. Н. 31, 33, 41
 Борятинский И. Ф. 15
 Брюн-де-Сент-Ипполит В. А. 169
 Буканова Р. Г. 9
 Буланкин Я. А. 225
 Бунге Н. Х. 136
 Бунин И. 81
 Бурунов М. И. 82
 Бутурлин П. 245
 Бухартовский В. Г. 212
 Бухартовский Г. Г. 158, 208, 209, 210, 211, 212, 223, 234
 Бухартовский Э. Г. 212
 Быбин С. А. 139
 Быков Е. И. 51
- Валитов С. 87
 Валув П. А. 122, 179
 Ванюков Е. И. 225
 Васильев 91
 Васильев А. Т. 169
 Васильчин И. 15
 Велио И. О. 169
 Веревкин А. В. 226
 Веренеев М. А. 140
 Веригин В. Г. 82
 Веригин М. Ф. 248
 Воейков П. 17, 246
 Волков А. Н. 131
 Волков И. М. 223
 Волконский Г. С. 40, 47, 49, 50, 59, 60, 63, 247
 Волконский С. Ф. 49
 Воропанов В. А. 9
 Врасский А. А. 50, 248
 Вуич Э. И. 169
 Вязмитинов С. К. 21, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 65, 66, 67, 73
- Габдулгафаров 211
 Гайфуллин 140
- Гарин Н. П. 169
 Гартог В. В. 41
 Гвоздиков И. М. 10, 127
 Гевлич А. П. 100, 248
 Гибадатов У. А. 10
 Гладышев И. И. 82
 Глазенап К. И. 248
 Годунов Н. В. 14
 Голенищев-Кутузов П. В. 98
 Головин 28
 Голубничий Г. 57
 Гомонова С. А. 8
 Горохов Т. 145
 Градовский А. Д. 5
 Графито 196
 Греков 25
 Григорьев В. В. 101, 156, 225
 Гринблат Ф. А. 33, 41
 Грот К. К. 101
 Груздников Ф. П. 220
 Губайдуллин Х. 227
- Давлетбаев Ш. 227
 Давлетшин А. А. 221, 223
 Давлетшин А.-В. А. 220, 221
 Даль В. И. 101, 115
 Даневский В. А. 142
 Дараган М. П. 131
 Дахи И. 57
 Дашков А. Д. 127
 Дебу И. Л. 54, 248
 Делянов И. Д. 179
 Демидова Н. Ф. 8
 Денисов Д. Д. 53
 Державин Г. Р. 58, 92, 93
 Джунковский В. Ф. 130, 131
 Дивьер 25
 Дивлеткильдеев 87, 88
 Дмитриев И. П. 225
 Дрейер Г. Г. 53
 Дурасов 92
 Дурново И. Н. 207
 Дурново П. Н. 169, 191

- Еврейнов А. 51
 Егоров М. Н. 225, 236
 Екатерина II 19, 22, 31, 43, 57, 76, 78, 84, 147, 224
 Елдашбаев М. 80
 Елдашев А. 78
 Елизавета Петровна 30
 Елизавета Федоровна 209, 227
 Елсаков Н. П. 206, 216
 Емакаев А. 78
 Емалетдинова Г. Э. 10
 Еникеев Н. 198
 Еникеев Х. А. 157
 Еникеев Ш. С. 157
 Ерошкин Н. П. 6
 Ершов В. 35
 Еселев И. 35, 87, 88, 90
 Есипов П. В. 198, 235, 236

 Жемчужников А. С. 67, 68
 Жуковский 54
 Жуковский Н. В. 248

 Забиров С. 194
 Зайончковский П. А. 6, 118, 131
 Зайцев А. В. 141, 159
 Зайцов А. П. 51
 Залесов Н. Г. 104
 Зверев П. П. 226
 Зволянский С. Э. 169
 Зеленицкая Е. М. 233
 Зембулатов Я. М. 35
 Зорин М. А. 159
 Зуев Н. П. 169

 Иванов М. 212
 Иванов Н. М. 223
 Иванов Ф. Е. 226
 Игельстром О. А. 21, 23, 38, 39, 58, 94
 Иглин Е. А. 51
 Иглин Е. В. 82
 Игнатъев И. Г. 138
 Императрица Мария 257
 Ишкулов Ф. А. 9

 Кадомцев М. 140
 Калинин Ф. 212
 Каловский С. К. 81, 220
 Камалетдинов Н. 212
 Каннибах 140
 Кантимирова Р. И. 10
 Каратеев С. И. 42
 Караулов П. А. 42
 Карнович Е. П. 5
 Карпов П. 78
 Карташевский Я. Г. 127
 Катанский П. 81
 Катенин А. А. 128
 Каткова О. П. 222
 Кафафов К. Д. 169
 Квашнин-Самарин П. Ф. 22
 Киреев А. А. 131
 Кисляков С. 194
 Климович Е. К. 169
 Клиненберг Н. М. 131
 Ключарев А. С. 160, 208, 209, 222, 233
 Ключевский В. О. 19
 Ковалевский С. Г. 169
 Кокшаров А. В. 8
 Колесниченко Е. 145
 Колокольцов Е. И. 51
 Колычев А. М. 245
 Комаровский М. С. 236
 Копалов В. 227
 Короленко В. Г. 193
 Корф С. Н. 131
 Косарев И. 212
 Коханов М. С. 135
 Кочетков Т. 212
 Кочубей В. П. 43, 46, 49, 67, 68, 229
 Кошелев П. Д. 16, 245
 Кошко И. Ф. 124, 125
 Кривонос Н. У. 225
 Крыжановский Н. А. 148
 Ксенович И. Ф. 226
 Кузеев Р. Г. 8
 Кузнецова А. П. 236, 252
 Култашев К. А. 225

Кульшарипов М. М. 9
 Курендович А. И. 53

Лазарева О. В. 8
 Лазаревич И. И. 236
 Лебедев А. Я. 220
 Лебедев В. И. 200, 203, 205, 210
 Лебедев П. Я. 71
 Леонтьев Н. Д. 157, 196
 Лисовский И. Е. 53
 Лихачев А. Ф. 245
 Лопатин И. 15
 Лопухин А. А. 169
 Лопухин И. В. 24, 37
 Лосенков И. И. 71
 Лукин Ф. А. 53
 Лунев Е. Н. 225
 Львов А. И. 35
 Люткин 246
 Лямин К. Н. 156
 Лямин М. Н. 156
 Лямин Н. С. 156
 Лямина В. Н. 156
 Ляхович В. 81

Макаров А. А. 147
 Макаровский Н. Н. 222, 223
 Маков 179
 Максимов П. А. 225
 Мальцев 196
 Мамлеев Н. 198
 Мартаков П. 31, 246
 Марычев 89, 90
 Масалимов А. С. 8, 12
 Мезенцев Н. В. 179
 Менятов И. 90
 Мережецкий О. 57
 Мерзлюкин Н. Д. 31, 245
 Мертваго Д. М. 58
 Милеев Я. Д. 81
 Мильев П. 81
 Милютин Д. А. 122, 172
 Милютин Н. А. 101

Минцлов С. Р. 209
 Мистров А. Е. 157, 221, 223
 Мистров И. А. 33, 35, 41
 Михайлов Я. М. 196, 226
 Мишо 90
 Можаров С. Н. 82
 Моллов Р. (Г.) Г. 169
 Молчанов Д. П. 226
 Мордвинов С. А. 135
 Мотин С. В. 11
 Мотрохин Н. Н. 223
 Мулукаев Р. С. 6
 Мурашов П. В. 233
 Мурнек В. А. 206
 Мурсалимов К. Р. 11
 Мусин-Пушкин 93
 Мухаметгалиев Х. 198
 Мухаметхафизов М. 212
 Мухаметшин А. Ф. 12
 Мухаметшин Ш. 140
 Мухаметшина Ф. Б. 11
 Мясоедов С. С. 31

Наврозов М. А. 59, 60, 61, 65, 66, 67, 68, 71
 Наврозов М. В. 248
 Нагаткин 92
 Нагель 159
 Нагой М. 14
 Назимов 75
 Наполеон Бонапарт 50, 71
 Некрасова В. Ф. 7
 Нелидов Г. В. 72, 74, 248
 Неплюев И. И. 18, 94
 Нестеренко А. 57
 Нестеров М. Д. 236, 237, 238, 249, 250
 Нестеров М. М. 236, 252
 Нестерова А. М. 236, 252
 Нестерова В. М. 236, 252
 Нестерова К. М. 236, 252
 Нестерова М. М. 236, 252
 Нестерова О. М. 236, 252
 Нехлюдов П. В. 131,

Нигматуллин Р. В. 12
 Николай I 98, 103, 105, 113
 Николай II 209, 226
 Новиков П. 145

Обручев В. А. 247
 Огурцов Н. Г. 35
 Оловенников А. Н. 83
 Оржеховский И. В. 118
 Осанин А. 16
 Остроумов С. С. 178
 Ошурко В. А. 210, 211

Павел I 22, 23, 24, 37, 38, 43, 46,
 47, 50, 85, 94
 Павинский П. К. 234
 Павлов Е. И. 35, 41, 220
 Павлов И. С. 24
 Павлов Ф. 194
 Палатин И. Е. 55
 Пален К. И. 179
 Панфилов П. Б. 222, 223
 Папст К. И. 52
 Пекарский Н. С. 246
 Перегудов З. И. 131
 Перовский В. А. 75, 97, 98, 99, 100,
 101, 102, 103, 104, 105, 112, 113, 247
 Перовский Л. А. 97, 101, 102, 114, 115
 Петр I 21, 25, 33, 228
 Петр III 49
 Петрашевич С. П. 33
 Петров Н. И. 169
 Петрова А. 156
 Пеутлинг А. А. 83
 Плеве В. К. 165, 169
 Плеве Н. В. 147
 Подобедов 223
 Покровский П. И. 51, 71
 Половцев А. А. 135
 Полочанинов С. И. 52
 Полтев 92
 Полянина О. А. 10
 Попов Н. С. 82

Потокин 159
 Прокофьев И. 250
 Прокофьева А. 224
 Прохоров А. 157
 Пугачев Е. 37
 Пушкарев И. М. 131
 Пыпин А. А. 54
 Пыпин А. В. 53
 Пыпин Н. А. 54
 Пыпина Е. А. 54
 Пыпина С. А. 54

Ральцевич 140
 Ратьков-Рожнов В. А. 131
 Рахимова Р. Н. 10
 Ребелинский М. С. 57
 Реента Ю. А. 199
 Резяпов 221
 Ригонье П. С. 51
 Роббинс Р. 124
 Россинский П. Р. 141
 Ростовский И. 81
 Ростовцев Я. И. 173
 Ротков Т. А. 226
 Румянцев-Задунайский П. А. 56
 Русаков Н. И. 225
 Рушинский И. И. 36
 Рычков П. И. 31, 32

Сабуров Н. Н. 169
 Савинский А. М. 220
 Салимов А. 90, 91, 140
 Салимьянов Т. 79
 Салтыков Н. И. 59
 Самуйлович Н. И. 52
 Санников 140
 Севастьянов С. Н. 51
 Седельстров А. 81
 Семенов В. Г. 10
 Семенов П. 14
 Семенова В. П. 10
 Семенова Н. Л. 10
 Семионов 78

- Сергеев 62
 Сергеев С. С. 63, 67, 68, 71
 Сизиков М. И. 6
 Синицын Т. Д. 226
 Сичинский Е. П. 8, 10, 38
 Скрипилев А. Е. 6
 Словохотов К. А. 226
 Смелков Н. Н. 225
 Смирнов В. И. 53
 Смирнов П. М. 141
 Смирнов Ф. Т. 209, 222, 223
 Смирнова Е. Ф. 228
 Смородинов 78
 Соколов А. В. 236
 Соколов Д. Е. 221, 223
 Соколов Л. В. 70, 220
 Соколов Н. 81
 Соколовский И. Н. 207, 208
 Сомов Д. М. 157
 Сперанский М. М. 43
 Спиридов И. В. 31, 33, 41
 Спиридов М. Г. 24, 37, 41
 Спытков С. Я. 42
 Спышков А. М. 82
 Стапанович 63
 Степанцов И. С. 41, 51
 Стерынкевич К. С. 193
 Столыпин П. 193
 Сторожев 140
 Ступинин Е. А. 35
 Суворов А. В. 49
 Султанов А. Х. 11
 Султанов М. 149
 Супхангулов С. 83
 Суров К. Е. 236
 Суровцев П. 81
 Суслеников В. 81
 Сухтелен П. П. 51, 70, 88, 89, 109, 110, 247
 Сысоев Н. А. 156, 223, 224
 Сысоева А. Н. 224
 Сысуев Ю. Б. 8
 Таганцев Н. С. 142, 143
 Тагировой А. Ф. 10
 Талызин И. Д. 248
 Тарасов П. И. 220
 Татаринов И. П. 33, 35, 41
 Твердохлеб А. М. 226
 Темников Г. М. 82
 Терегулов 223
 Терегулов А. Г. 236
 Терегулов И. 198
 Терновский М. А. 236
 Техйер 33, 35
 Тимашев 50
 Тимашев А. Е. 122, 123, 134, 135, 179
 Тимашев Ф. 35
 Тимошевская А. Д. 8
 Тихоновский П. 157
 Тляков М. 78
 Толстой А. Г. 222
 Толстой Д. А. 179
 Толстой П. А. 237
 Трапезников Т. М. 233
 Третьяков А. 81
 Трофимов П. А. 63, 138
 Трубецкой Н. Н. 131
 Трусевич М. И. 169
 Трушков С. Л. 8
 Уваров П. А. 225
 Уджмаджуридзе А. А. 140, 226
 Урусов С. Н. 179
 Усманов А. М. 9
 Усманов Х. Ф. 9
 Устинов В. С. 138, 139
 Ушаков С. П. 148
 Ф. Федоров фон Гротгус 52
 Фархшатов М. Н. 9
 Федорович В. М. 53
 Филипович И. П. 82
 Фомичев 129
 Фон-Путлинг А. А. 22
 Фризель И. Г. 248

Хакимов С. Х. 9, 11, 12
 Ханыков Н. В. 101
 Ханыков Я. В. 99, 102, 126, 248
 Харузин А. Н. 146
 Хвабулов М. А. 21, 22
 Хирьяков 72
 Хирьяков И. Е. 36

Чельцов-Бebutов М. А. 143
 Чернов И. В. 99

Шагиахметов Т. 212
 Шамлевич С. А. 213, 214, 215, 216, 223, 234, 236
 Шамшин И. Я. 135
 Шаховский И. Г. 16, 28, 245
 Швейгоферн И. 35
 Швейкин В. К. 225
 Шевчуков М. С. 220
 Шелашников 92
 Шемякин С. В. 246
 Шестаков Д. 81
 Шигабутдинов Х. 198
 Шкапский 91

Штегман 196
 Шубин А. С. 233
 Шувалов 122
 Шумилов М. М. 117

Энгельгардт А. Н. 60
 Энгельгардт В. Н. 60
 Энгельгардт Л. Н. 60
 Энгельгардт Н. Б. 60
 Эрдман М.-Е. А. 212
 Эссен П. К. 50, 60, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 71, 72, 74, 87, 72, 74, 87, 89, 247

Юдин П. Л. 72, 73, 99
 Юлдашбаев Б. Х. 8
 Юнусова А. Б. 9
 Юрьевич 75

Якоби И. В. 21, 76, 78
 Янгузин Р. З. 9
 Янкевич Г. И. 236
 Янковский Е. О. 131

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Источники

1. Неопубликованные

1. *Государственный Архив Российской Федерации (ГАРФ):*
Фонд 102 – Департамент полиции
2. *Российский Государственный исторический архив (РГИА):*
Фонд 1263 – Комитет Министров.
Фонд 1282 – Канцелярия Министра внутренних дел.
Фонд 1285 – Департамент государственного хозяйства МВД.
Фонд 1286 – Департамент полиции исполнительной МВД.
Фонд 1349 – Формулярные списки чинов гражданского ведомства (коллекция).
3. *Государственный Архив Оренбургской Области (ГАОО):*
Фонд 6 – Канцелярия Оренбургского генерал-губернатора.
4. *Национальный Архив Республики Башкортостан (НА РБ):*
Фонд И-1 – Оренбургское губернское правление.
Фонд И-2 – Оренбургский военный губернатор.
Фонд И-5 – Уфимское городское полицейское управление.
Фонд И-6 – Канцелярия Оренбургского гражданского губернатора.
Фонд И-9 – Уфимское губернское правление.
Фонд И-11 – Канцелярия Уфимского гражданского губернатора.
Фонд И-85 – Уфимское уездное полицейское управление Уфимской губернии.
Фонд И-187 – Уфимское губернское жандармское управление Департамента полиции Министерства внутренних дел.
Фонд И-333 – Уфимский прокурор Уфимского окружного суда.
Фонд И-334 – Уфимский окружной суд.
Фонд И-346 – Бирская нижняя расправа Бирского уездного суда.
Фонд И-384 – Уфимское наместническое правление.
5. *Архив Федеральной службы безопасности по Республике Башкортостан:*
Фонд 1. Опись 1. Дело В-19515.

2. Опубликованные

1. Адрес-календарь Уфимской губернии. Справочная книжка на 1905 г. Уфа, 1904.
2. Адрес-календарь и справочная книга Уфимской губернии на 1911 год. Уфа, 1910.
3. Адрес-календарь Уфимской губернии за 1913 год. Уфа. 1913.
4. Адрес-календарь Уфимской губернии на 1914 год. Уфа, 1914.
5. Благотворительные учреждения России. СПб., 1912.
6. Вестник Уфимского земства. 1881. Вып. 4.

7. Вестник полиции 1909. № 39.
8. Вестник полиции. 1910. № 10.
9. Вестник полиции. 1913. № 14.
10. Губернский служебник или список генерал-губернаторам, поручикам правителя, председателям уголовной и гражданской палат и дворянским предводителям в 47 наместничествах (губерниях) (1777 – 1796) / сост. кн. Н. Туркестановым. СПб., 1899.
11. Журналы Уфимской городской думы за 1913 год. Уфа, 1915.
12. Журнал Уфимской комендантской канцелярии о ходе боевых действий против повстанческих отрядов И. Н. Зарубина – Чики под Уфой с 24 ноября 1773 по 24 марта 1774 г // Южноуральский археографический сборник. Вып. 1. Уфа, 1973.
13. Законы Российской империи о башкирах, мишарях, тептерях и бобылях. Уфа, 1999.
14. Инструкция чинам сыскных отделений (утв. Министерством внутренних дел 9 августа 1910 г.). СПб., 1910.
15. Краткий очерк деятельности МВД за двадцатипятилетие 1855 – 1880. СПб., 1880.
16. МВД России. Энциклопедия. М., 2002.
17. Министерство внутренних дел и «мусульманский вопрос» // Источник. Документы русской истории. 2002. № 1.
18. Обзор Уфимской губернии за 1890 г. Уфа, 1891.
19. Обзор Уфимской губернии за 1900 г. Уфа, 1902.
20. Обзор Уфимской губернии за 1910 г. Уфа, 1912.
21. Очерк основания и 50-летней деятельности Уфимского попечительного о бедных комитета имп. Человеколюбивого общества. СПб., 1871.
22. О преобразовании полиции в империи. СПб., 1913. Приложение № 5.
23. Организация и деятельность уголовного сыска в дореволюционной России (конец XIX – начало XX в.). М., 1984.
24. Полиция и милиция России: страницы истории. И., 1995.
25. Полиция России. Документы и материалы. 1718 – 1917 гг. Саратов, 2002.
26. Полное собрание законов Российской империи. (ПСЗРИ). Собр. 1. Т. VI – X, XII, XIII, XXV, XX, XXI, XXIV.
27. После революции (документы по истории антиправительственного движения и деятельности правоохранительных органов в Уфимской губернии в конце 1907 – первой половине 1914 годов): сборник документов / составитель, автор предисловия и комментариев М. И. Роднов Уфа: ООО «Дизайн-ПолиграфСервис», 2002.
28. Правоохранительные органы Уфимской губернии в годы революций и Гражданской войны (1894 – 1917): сборник документов и материалов / Г. В. Мордвинцев и др. Уфа, 2010.

29. Правоохранительные органы Уфимской губернии в переломные годы истории (1894 – 1922): сборник документов и материалов. В трех частях / Г. В. Мордвинцев (руков.) и др. Уфа, 2016.
30. Приказ МВД России № 53 от 18 января 2000 г. «О подготовке к 200-летию юбилею МВД России».
31. Прокуратура Республики Башкортостан. История и современность. Уфа, 1996.
32. Резерв Санкт-Петербургской столичной полиции. СПб, 1901.
33. Реформы Петра I: сб. док. / сост. В. И. Лебедев. М., 1937.
34. Российское законодательство X – XX вв. В 9-ти томах. Т. 5. Законодательство периода расцвета абсолютизма. М., 1987.
35. Российское законодательство X – XX веков. Т. 6. Законодательство первой половины XIX века. М., 1988.
36. Русские военные востоковеды до 1917 г.: биобиблиографический словарь / М. К. Басханов. М.: Вост. лит., 2005.
37. «Самарские губернские ведомости». 1881. № 23.
38. Сборник циркуляров и инструкций МВД за 1876 год. СПб., 1880. № 124.
39. Свод законов Российской империи. 2-е изд. / под ред. А. А. Добровольского. Т. 1. Ч. 2. СПб., 1913.
40. Свод законов Российской империи. Ч. 2. Гл. 2. Учреждение полиции. СПб., 1909.
41. Свод законов Российской империи. Свод губернских учреждений. Общее учреждение губернии. Кн. 1. М., Т. 2.
42. Служба Уфимской городской полиции в инструкциях, правилах и приказах по полиции, изданных Уфимским Полицмейстером за 1912 – 1915 гг. Уфа, 1916.
43. Собрание узаконений и правительственных распоряжений. СПб., 1904. № 173.
44. Собрание узаконений и распоряжений правительства. 15 июля 1908 г. № 104.
45. Современные концепции аграрного развития. Теоретический семинар.
46. Справочная книжка Уфимской губернии. Уфа, 1883. Отд. IV.
47. Справочная книга г. Уфы. Уфа, 1908.
48. Уфимское губернское жандармское управление 1873 – 1917 гг. Документы и материалы. Уфа, 2012.
49. Федеральный закон Российской Федерации от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции».
50. Южный Урал. № 2. 3 января. 1907.

II. Литература

1. Абдрахманов А. И. Место и роль НКВД в государственном механизме Башкирской Советской Автономной республики: 1919 – 1925 гг., М.: Академия управления МВД России, 2000.
2. Азаматов Д. Д. Оренбургское магометанское духовное собрание в конце XVIII – XIX вв. Уфа, 1999.
3. Азаматов Д. Д. Правовой статус Оренбургского магометанского и мусульманского духовенства в конце XVIII – XIX вв. // Шариат: теория и практика. Уфа, 2000.
4. Азнабаев Б. А.. Интеграция Башкирии в административную структуру Российского государства (вторая половина XVI – первая треть XVIII вв.). Уфа, 2005.
5. Азнабаев Б. А. Оренбургской полицмейстер Николай Иванович Демостико. НАСЛЕДНИКИ «ГРЕЧЕСКОГО ПРОЕКТА». Круглов-Мавридис Е. А., Роднов М. И. Уфа, 2014.
6. Акманов И. Г. Башкирские восстания XVII – начала XVIII вв. Уфа, 1993.
7. Акманов И. Г. Социально-экономическое развитие Башкирии во второй половине XVI – первой половине XVIII вв. Уфа, 1981.
8. Акманов И. Г., Кульшарипов М. М. Социально-экономические последствия присоединения Башкирии к Русскому государству. Уфа, 1982.
9. Акманов А. И. Земельные отношения в Башкортостане и башкирское землевладение во второй половине XVI – начале XX в. Уфа, 2007.
10. Аксаков И. С. Письма к родным. 1849 – 1856. М., 1994.
11. Амиров Р. З. Взаимодействие полиции и вооруженных сил Российской империи в обеспечении внутренней безопасности: историко-правовой анализ: учебное пособие / Р. З. Амиров. Уфа: УЮИ МВД России, 2009.
12. Амиров Р. З. Обеспечение внутренней безопасности российского государства (проблемы взаимодействия армии, органов внутренних дел и внутренних войск): историко-правовой анализ: учебное пособие. Уфа, 2013.
13. Андреевский И. Е. Русское государственное право. Т. 1. Ч. 1. СПб., 1866.
14. Андреевский И. Е. Полицейское право. СПб., 1876.
15. Андреевский И. Е. Реформа исполнительной полиции России. СПб., 1878.
16. Андрианов С. Министерство внутренних дел. Исторический очерк (1802 – 1902 гг.). СПб., 1902.
17. Анисимов Н. Н. Охранные отделения и местная власть царской России в начале XX в. // Советское государство и право. 1991. № 5.

18. Анучин Е. Н. Исторический обзор развития административно-политических учреждений России с «Учреждения о губерниях 1775 г.» до последнего времени. СПб., 1872.
19. Асеев И. А. Антитеррористическая деятельность полиции в дореволюционной России (1901 – 1917 гг.): монография. Уфа: УЮИ МВД России, 2010.
20. Асфандияров А. З. Кантонное управление в Башкирии (1798 – 1865 гг.). Уфа, 2005.
21. Асфандияров А. З. Башкирия после вхождения в состав России: вторая половина XVI – первая XIX вв. Уфа, 2006.
22. Ахмадеев Ф. Х., Катаев Н. А., Хабибулин А. Г. Становление и развитие орган советской милиции и исправительно-трудовых учреждений. Уфа, 2003.
23. Бабашкин В. В. Крестьянская революция в России и концепция аграрного развития // Общественные науки и современность. 1998. № 2.
24. Байгутлин Р. И. Организационно-правовые основы деятельности полиции Оренбургской губернии в 1775 – 1862 гг.: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003.
25. Байгутлин Р. И. Реорганизация полиции Оренбургской губернии при Павле I // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 25 (206). Право. Вып. 25.
26. Байкова Н. Ф. Полицейские функции государства в дореволюционной России. Уфа: УЮИ МВД России, 2011.
27. Баранова Е. А., Хакимов С. Х. Роль исторических традиций полиции и милиции России в организации нравственного воспитания сотрудников органов внутренних дел: учебное пособие. Уфа: УЮИ МВД России, 2008.
28. Безобразов В. П. Избранные труды. М., 2001.
29. Белецкий С., Рудкевич Л. Исторический очерк образования и развития полицейских учреждений в России. СПб., 1913.
30. Белявский Н. Н. Полицейское право: конспект лекций. Юрьев, 1904.
31. Биккулов И. Н. П. Д. Аксаков – воевода и вице-губернатор Уфимской провинции. Уфа, 2009.
32. Богданович А. В. Три последних самодержца: дневник. М., 1990.
33. Борисов А. В. Руководители карательных органов дореволюционной России. М., 1979.
34. Борисов А. В., Малыгин А. Я., Мулукаев Р. С. Полиция Российской империи. М., 2013.
35. Борисов А., Малыгин А., Мулукаев Р. Три века Российской полиции: служение обществу – защита Отечеству. М., 2016.

36. Буканова Р. Г. Города – крепости юго-востока России в XVIII веке. История становления городов на территории Башкирии. Уфа, 1997.
37. Васильев И. М. Податное и военно-служилое население Башкирии по наказам в Уложенную комиссию 1767 г. Ч. 1. Уфа, 2000.
38. Витенберг Б. М., Островский А. В., Перегудова З. И. Во главе Департамента полиции // Из глубины времен. СПб., 1995. Вып. 4.
39. Власов В. И, Гончаров Н. Ф. Организация розыска преступников в России в IX – XX веках. Ч. II. Домодедово, 1997.
40. Военная история башкир: энциклопедия. Уфа, 2013.
41. Воробейкова Т. У., Дубровина А. Б. Преобразование административно-полицейского аппарата, суда и тюремной системы России во второй половине XIX века: учебное пособие. Киев, 1973.
42. Воропанов В. А. Становление уездной полиции на Южном Урале в последней четверти XVIII – первой четверти XIX вв. // Полиция и милиция России: региональный аспект. Челябинск, 2004.
43. Воропанов В. А. Сословная судебная система в Оренбургском крае (1775 – 1864 гг.). Челябинск, 2000.
44. Воропанов В. А. Юрисдикция над башкирами в конце XVIII в.: О национальном факторе организации и деятельности судебной системы Российской империи» // Вестник Башкирского университета. 2012. № 4.
45. Во славу Отечества. Т. 1. На государственной службе. Уфа, 2002.
46. Высоцкий И. П. Санкт-Петербургская столичная полиция и градоначальство (1703 – 1903): краткий исторический очерк. СПб., 1903.
47. Высшие и центральные государственные учреждения России 1801 – 1917. Т. 2. СПб., 2001.
48. Гаврилов Д. В., Алферов Е. Ю., Железкин В. Г. Губернское управление в дореволюционной России // Архивы Урала. 1995. № 2.
49. Гвоздикова И. М. Башкортостан накануне и в годы крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачева. Уфа, 1999.
50. Гвоздикова И. М. Гражданское управление в оренбургском крае в первой половине XIX в. (1801 – 1855 гг.). Уфа, 2010.
51. Гвоздикова И. М. История города Уфы (по страницам одной рукописи) // Ватандаш. 1999. № 1.
52. Гвоздикова И. М. Отчет Оренбургского военного губернатора В. А. Перовского // Документальная публикация. Уфа, 2010.
53. Гвоздикова И. М. У истоков уфаведения: «Краткое описание губернского города Уфы». Уфа, 2014.
54. Гвоздикова И. М. Эпистолярное наследие Оренбургского военного губернатора Г. С. Волконского // Бельские просторы. 2016. № 10.
55. Гейфман А. Сколько стоил боевизм? // Родина. 1998. № 7.

56. Гибадатов У. И. Система губернского управления в Башкирии в первой половине XIX века: учебно-методическое пособие для вузов. Уфа: РИО РУНМЦ РБ, 2008.
57. Гомонова С. А. Полицейский учреждения Самарской губернии в 1851 – 1917 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2012;
58. Горобцов В. И., Гонюхов С. О. Российская полиция в мундире: учебное пособие. Выпуск 1. М., 2000.
59. Государственность России (конец XV – февраль 1917 г.): словарь-справочник. Кн. 2. М., 1999.
60. Готье Ю. В. История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. Т. 1. М., 1913.
61. Градовский А. Д. Начала русского государственного права. Т. III. СПб., 1883.
62. Градовский А. Д. История местного управления в России // Собрание сочинений: в 2 т. Т. 2. СПб., 1899.
63. Градовский А. Д. Исторический очерк учреждения генерал-губернаторств в России. СПб., 1899.
64. Градовский А. Д. Собр. соч. СПб., 1908. Т. 9.
65. Григорьев В. А. Реформа местного управления при Екатерине II. М., 1910.
66. Гудков Г. Ф., Гудкова З. И., Аксаков С. Т. Семья и окружение: краеведческие очерки. Уфа, 1991.
67. Галай Ю. Г., Беляков А. В. Нижегородская полиция в XVIII – начале XX века: монография. Нижний Новгород, 2012.
68. Даневский В. Г. Наше предварительное следствие, его недостатки и реформа. СПб., 1895.
69. Девиер А. А., Бредов В. Р. Свод постановлений о горнопромышленности. СПб., 1904. Т. 1.
70. Демидова Н. Ф. Социально-экономические отношения в Башкирии в первой четверти XVIII в. // Материалы научной сессии, посвященной 400-летию присоединения Башкирии к русскому государству. Уфа, 1958.
71. Демидова Н. Ф. Управление Башкирией и повинности населения Уфимской провинции в первой трети XVIII в. // Исторические записки. М., 1961.
72. Дерюжинский В. Ф. Полицейское право: пособие для студентов. СПб., 1908.
73. Детинина Е. А. Городничие Оренбургской губернии – бывшие боевые офицеры (по формулярным спискам 1845 г.). Стерлитамак, 2014.
74. Детинина Е. А. Портрет уездного городничего Оренбургской губернии (по формулярным спискам 1845 года) // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 2. (357). История. Вып. 62.
75. Дмитриев И. И. Взгляд на мою жизнь. М., 1986.

76. Джунковский В. Ф. Воспоминания. М., 1997. Т. 1.
77. Дунаева А. Ю. Реформы полиции в России начала XX века и Владимир Федорович Джунковский. М., 2012.
78. Ерошкин Н. П. Очерки истории государственных учреждений дореволюционной России. М., 1960.
79. Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1983.
80. Емалетдинова Г. Э., Кантимиров Р. И. Органы местного управления и самоуправления в Уфимской губернии во второй половине XIX – начале XX века / отд. соц. и гум. наук АН РБ. Уфа, 2008.
81. Желудкова Т. И. Основные направления деятельности полиции дореволюционной России по охране феодального и буржуазного общественного порядка. М., 1977.
82. Зайончковский П. А. Кризис самодержавия на рубеже 1870 – 1880-х гг. М., 1964.
83. Зайончковский П. А. Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 г. М., 1968.
84. Зайончковский П. А. Российское самодержавие в конце XIX столетия. М., 1970.
85. Зайончковский П. А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978.
86. Законодательные памятники России. Устав благочиния или полицейский 1782 г. 8 апреля. Ч. 1: учебно-методическое пособие / сост. С. Г. Аксенов, Н. А. Катаев. Уфа, 1992.
87. Захарова Л. Г. Самодержавие и отмена крепостного права в России. 1856 – 1861. М., 1984.
88. Зобов Ю. С. Формы борьбы крестьян против помещичьего гнета в Оренбургском крае в первой половине XIX в. // Социально-экономическое развитие и классовая борьба на Южном Урале и в Среднем Поволжье (дореволюционный период): межвузовский сборник. Уфа, 1988.
89. Ивановский В. В. Учебник административного права (полицейское право). Казань, 1907.
90. История административно-территориального деления Республики Башкортостан. Уфа, 2009.
91. История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX в. Уфа, 1996.
92. История Башкортостана с древнейших времен до наших дней: в 2 т. / под ред. И. Г. Акманова. Уфа, 2006.
93. История Башкортостана XIX – начала XX века. В 2 т. Уфа, 2007.
94. История башкирского народа. Т. 4. СПб., 2011.
95. История правоохранительных органов России: сборник научных трудов / под ред. Е. П. Сичинского. Челябинск, 2000.

96. История управления внутренних дел Оренбургской области. Оренбург, 2002.
97. История Уфы. Краткий очерк. Уфа, 1981.
98. История Управления внутренних дел Оренбургской области. Оренбург, 2002.
99. История государства и права Башкортостана. Уфа, 1994. Ч. 1.
100. История органов внутренних дел в дореволюционной России. М., 1984.
101. История полиции России. Краткий исторический очерк и основные документы. М., 1998.
102. Ишкулов Ф. А. Судебно-административная реформа в Башкортостане. Уфа, 1984.
103. История государства и права Башкортостана. Уфа, 1996. Ч. 1.
104. Казанцев С. М. О политическом режиме Российской империи в 1796 – 1801 гг. / Вестник ЛГУ. Экономика – философия – право. 1986. Вып. 1 (№ 5).
105. Каменский А. Б. Реформы в России с древнейших времен до конца XX в.: в 4 томах. Т. 2. XVIII – первая половина XIX в. М., 2016.
106. Карнович Е. П. Очерки наших порядков административных, судебных и общественных. СПб., 1913.
107. Ключевский В. О. Курс русской истории. Сочинения. Т. 5. М., 1989.
108. Кокшаров А. В. Полицейские органы Владимирской губернии во второй половине XIX – начале XX вв.: дис. ... канд. юрид. наук. Иваново, 1994.
109. Коржихина Т. П., Сенин А. С. История российской государственности. М., 1995.
110. Коркунов Н. М. Русское государственное право. Т. 1 – 2. СПб., 1909.
111. Коротких М. Г. Самодержавие и судебная реформа 1864 г. в России. Воронеж, 1989.
112. Короленко В. Г. Собр. соч. Т. 3. Л., 1990.
113. Кошко И. В. В провинции у власти (воспоминания губернатора) // Земство. 1994. № 2.
114. Кузеев Р. Г. Очерки исторической этнографии башкир. Уфа, 1957.
115. Кузеев Р. Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала: этногенетический взгляд на историю. М., 1992.
116. Кузнецов В. Н. Конно-полицейская стража в симбирской деревне (1905 – 1907) // Постигая прошлое и настоящее. Вып. 3. Саратов, 1994.
117. Кузнецов В. Н. История Симбирской губернии в лицах (начало XX в.). Ульяновск, 1999.

118. Кульшарипов М. М. Политика царизма в Башкортостане (1775 – 1800 гг.). Уфа, 2003.
119. Курицин В. М. История полиции России: краткий исторический очерк и основные документы. М., 1993.
120. Кэмбелл Э. Мусульманский вопрос в России: история обсуждения проблемы // Исторические записки. Т. 4. М., 2001.
121. Лазарева О. В. Провинциальная полиция в конце XVIII – начале XX в. / по материалам Пензенской губернии: дис. ... канд. юрид. наук. Саранск, 2000.
122. Лопухин А. А. Из итогов служебного опыта. Настоящее и будущее русской полиции. М., 1907.
123. Лурье Ф. М. Полицейские и провокаторы: Политический сыск в России 1649 – 1917. СПб., 1998.
124. Лысенко В. В., Сальников В. П., Сизиков М. И., Филипова С. В. Нравственно-правовые проблемы деятельности полиции дореволюционной России. СПб., 1996.
125. Макорин А. А., Дерешко Б. Ю., Невский С. А. «Служба полицейская сама собою подходит некоторым образом к военной» (взаимодействие полицейских властей с военным ведомством в Российской империи) // Вестник военного права 2016 № 10 // URL: <http://vvp/milportal.ru/> (дата обращения: 15.06.2017).
126. Мамонтов А. Г. Россия в 1860 г.: Учреждение судебных следователей (социально-политические и идейные предпосылки) // Государство и право. 1996. № 3.
127. Масалимов А. С. Реформы суда и полиции России 60 – 90-х гг. XIX века (на материалах Уфимской губернии): дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2000.
128. Масалимов А. С. Реформы полиции Российской империи XIX – XX веков: достижения, просчеты, влияние на развитие государственного аппарата: монография. Уфа, 2011.
129. Материалы по истории Башкирской АССР. М., 1960. Т. 3, 5.
130. Матиенко Т. Л. Российский сыск в IX – первой половине XIX века. Генезис и становление. М., 2010.
131. Министерство внутренних дел России. 1802 – 2002. Исторический очерк в 2-х томах. Т. 1 / под общ. ред. В. П. Сальникова. СПб., 2002.
132. Минцлов С. Р. Уфа. Из книги «Дебри жизни». Уфа, 1992.
133. Мотин С. В., Мурсалимов К. Р. Аксаков Иван Сергеевич и его служба в министерстве внутренних дел. Уфа, 2003.
134. Мулукаев Р. С. Полиция в России (IX – начало XX в.). Н. Новгород, 1993.
135. Мулукаев Р. С. Полиция и тюремные учреждения дореволюционной России. М., 1964.

136. Мулукаев Р. С. Система органов внутренних дел дореволюционной России. М., 1978.
137. Мулукаев Р. С. История полиции дореволюционной России. М., 1981.
138. Муратова В. Н. Воеводский аппарат управления в Башкирии во второй половине XVI – начале XVIII в. Социально-экономическое и политическое развитие Башкирии в конце XVI – начале XX в.: сборник статей / БНЦ УрО АН СССР. Уфа, 1992.
139. Мусихин В. Е. Вятское губернское жандармское управление в начале XX в. // Из истории вятских спецслужб.
140. Мушкет И. И., Хохлов Е. Б., Полицейское право России: проблемы теории. СПб., 1998.
141. Мухаметшин Ф. Б., Султанов А. Х. Судебная реформа 1864 года в России: предпосылки, содержание, последствия: учебное пособие. Уфа, 2001.
142. Мухаметшин А. Ф. Правовые основы деятельности полиции дореволюционной России по раскрытию и пресечению преступлений (X – начало XX вв.): монография. Уфа, 2012.
143. Нестеров М. Д. Краткий курс сыского дела, преподаваемый в Уфимской школе полицейских урядников. Уфа, 1914.
144. Нигматуллин Р. В. Борьба с преступностью в курсе современного международного права: учебное пособие. Уфа, 2012.
145. Оржеховский И. В. Внутренняя политика самодержавия в 60 – 70-е годы XIX в. Горький, 1974.
146. Остроумов С. С. Преступность и ее причины в дореволюционной России. М., 1980.
147. Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 1. Ч. 2. Уфа, 1959.
148. Перегудова З. И. Полицейский сыск в России (1880 – 1917). М., 2000.
149. Писарьков Л. Ф. Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII века: Эволюция бюрократической системы. М.: «Российская политическая энциклопедия», 2007.
150. Полиция и милиция России: страницы истории / Борисов А. В., Дугин А. И., Малыгин А. Я. и др. М., 1995.
151. Полянина О. А. Органы городского самоуправления Уфимской губернии (1900 – начало 1917 гг.). Уфа, 2006.
152. Попов Р. И. Наставление для нижних чинов уездной стражи и подготовка их на должность урядника. Вильна, 1908.
153. Пушкарева З. И., Перегудова З. И. Джунковский В. Ф. и его воспоминания // Джунковский В. Ф. и его воспоминания.
154. Рассказов Л. П. Карательные органы в процессе формирования и функционирования административно-командной системы в Советском государстве (1917 – 1941 гг.). Уфа, 1994.

155. Рахимов Р. Н. На службе у «Белого царя». М., 2014.
156. Реент Ю. А. Общая и политическая полиция в России (1900 – 1917 гг.). Рязань, 2001.
157. Резанцев П. Г. Административная роль города Уфы в Оренбургском крае. Уфа, 1902.
158. Роббинс Р. Сатрапы? Вице-короли? Губернаторы // Родина. 1995. № 6.
159. Романов В. В. Местные органы политической полиции Российской империи: структура, компетенция, основные направления деятельности 1826 – 1860 гг. (на материалах Поволжья). Чебоксары, 2008.
160. Рукоусев Е. Ю. Горно-полицейская стража на золотых и платиновых приисках Урала в конце XIX – начале XX вв. // Проблемы истории России. Вып. 2. Екатеринбург, 1996.
161. Рууд Ч. А., Степанов С. А. Фонтанка 16: Политический сыск при царях. М., 1993.
162. Сахратуллин Г. Ф. Бирская старина. Город Бирск. Кн. 2. Бирск, 2000.
163. Севастьянов С. Н. Князь Г. С. Волконский как инициатор памятника Неплюеву-Неплюевского училища, ныне Неплюевского кадетского корпуса // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Оренбург, 1897. Вып. 3.
164. Севастьянов С. Н. Биографические заметки о графе П. П. Сухтелену, оренбургском военном губернаторе // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Оренбург, 1902. Вып. 9.
165. Семенова Н. Л. Военное управление Оренбургским краем в конце XVIII – первой половине XIX в. Стерлитамак, 2000.
166. Семенова Н. Л. Гражданские губернаторы Оренбургской губернии: механизм и мотивы их назначения и увольнения (конец XVIII – первая половина XIX веков) // Новый исторический вестник. 2016. № 2.
167. Семенов В. Г. Семенова В. П. Губернаторы Оренбургского края. Оренбург, 1999.
168. Сизиков М. И., Борисов А. В., Скрипилев А. Е. История полиции России (1718 – 1917 гг.) – становление и развитие общей регулярной полиции в России XVIII века. М., 1992.
169. Сизиков М. И., Борисов А. В., Скрипилев А. Е. История полиции России (1718 – 1917). Вып. 2. Полиция Российской империи XVIII – начала XX вв. М., 1992.
170. Сичинский Е. П. Полиция Южного Урала в период кризиса самодержавия. М., 2005.
171. Сичинский Е. П. Становление полиции на Южном Урале (последняя четверть XVIII – начало XX вв.): дис. ... д-ра ист. наук. Челябинск, 2006.

172. Сичинский Е. П., Хакимов С. Х. Из истории формирования органов полиции г. Уфы в XVIII – начале XX вв. // Вестник Башкирского университета. Уфа, 2007. Т. 12. № 4.
173. Сичинский Е. П. Страницы истории полиции дореволюционного Челябинска. Челябинск, 1999.
174. Сичинский Е. П. Становление полиции на Урале (последняя четверть XVIII – первая половина XIX века). Челябинск, 2010.
175. Спиридонова Ю. С. Константин Карлович Грот как практик государственного управления // Гротовские чтения: материалы II Межрегиональной научно-практической конференции. Самара, 2011.
176. Стариков Ф. Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска. Оренбург, 1891.
177. Степанков В. Л., Бунге Н. Х. Судьба реформатора. М., 1998.
178. Сысуев Ю. Б. Полиция Симбирской губернии во второй половине XIX века: дис. ... канд. юрид. наук. Саранск, 2002.
179. Таганцев Н. С. Судебный следователь по судебным уставам и в действительности // Журнал гражданского и уголовного права, 1881. № 4.
180. Тагирова Л. Ф. Кантонные начальники Башкирии: национальная региональная элита первой половины века. Уфа, 2011.
181. Тарасов А. В. Судебные следователи Российской империи по реформам судопроизводства XIX века. Краснодар, 2002.
182. Тарасов И. Т. Полицейский арест. СПб., 1879.
183. Тарасов И. Т. История русской полиции и отношение ее к юстиции // Юридический вестник. 1884. № 2.
184. Тимошевская А. Д. Особенность организации полиции в национальных регионах Российского государства (XIX – начала XX вв.). М., 1998.
185. Толкачев К. Б. 200 лет на службе народу и защите правопорядка // Министерство внутренних дел России за 200 лет: история, теория, практика: материалы Всероссийской научно-практической конференции: г. Уфа, 25 – 26 апреля 2002 года. Уфа, 2002.
186. Тот Ю. В. Реформа уездной полиции в правительственной политике России в XIX в. СПб., 2002.
187. Трушков С. А. Административно-полицейские органы Вятской губернии второй половины XIX – начала XX веков: дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2001.
188. Усманов Х. Ф. Столыпинская аграрная реформа в Башкирии. Уфа, 1958.
189. Усманов Х. Ф. Развитие капитализма в сельском хозяйстве Башкирии в пореформенный период. 60 – 90-е годы XIX в. М., 1981.
190. Усманов А. Н. Добровольное присоединение Башкирии к Русскому государству. Уфа, 1982.

191. Уфимский юридический институт МВД России: 45 лет/ под ред. Мухаметшина Ф. Б. Уфа: Уфимский ЮИ МВД России, 2016.
192. Фархшатов М. Н. Операция «ссылка»: Шейх Зайнулла Расулев и имперские власти (70-е годы XIX в.) // Волго-Уральский регион в имперском пространстве XVIII – XIX вв. М., 2011.
193. Федоров К. Г., Ярмыш А. Н. История полиции дореволюционной России. Ростов-на-Дону, 1976.
194. Фукс В. Суд и полиция. Ч. II. СПб., 1883.
195. Футорянский Л. Военный губернатор Перовский // Любовь и Восток. М., 1994.
196. Хакимов С. Х. Страницы истории Уфимской школы по подготовке урядников // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2001. № 3.
197. Хакимов С. Х. Введение института урядников и их деятельности по обеспечению безопасности личности в дореволюционной России // Проблемы усилия борьбы с преступностью и обеспечение безопасности личности. Уфа, 1997.
198. Хакимов С. Х. Полиция пореформенной Уфы: страницы истории // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 1999. № 1 (4).
199. Хакимов С. Х. Полицмейстеры пореформенной Уфы // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 1999. № 2.
200. Хакимов С. Х. Полиция в системе органов губернского управления пореформенной России (1862 – 1914 гг.): учебное пособие. Уфа, 2003.
201. Хакимов С. Х. Абдрахманов А. Ф. Судебные и правоохранительные органы // История Башкортостана во второй половине XIX – начале XX. В 2 т.: Т. 1. Уфа: Гилем, 2006.
202. Хакимов С. Х. Из истории взаимодействия департамента духовных дел иностранных исповеданий с губернскими структурами МВД в пореформенной России (1861 – 1917 гг.) // Проблемы экономики и юридической практики. 2009. № 4.
203. Хакимов С. Х. Уфимский губернатор Г. С. Аксаков как последователь и соратник К. К. Грота // Гротовские чтения: материалы IV Межрегиональной научно-практической конференции. Самара, 2015.
204. Хакимов С. Х. Первоначальные шаги по подготовке полицейских в дореволюционной России // Пробелы в российском законодательстве. 2011. № 6.
205. Хакимов С. Х. Формирование института частных приставов на Южном Урале XVIII – XIX вв. // Археография Южного Урала: исторический опыт как ресурс модернизаций: материалы XI Всероссийской научно-практической конференции Уфа. 14 октября 2011 г. Уфа, 2011.
206. Харизаминов Н. О недостатках следственной части по судебным уставам 1864 г. // Журнал Гражданского и Уголовного права. 1881. Т. 1.

207. Хафизова Р. И. Управление в Уфимской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. Уфа, 1999.
208. Чекалихин А. Губернатор и полицмейстер // Уфа, 2003. № 6.
209. Чельцов-Бебутов М. А. Курс уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса и рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. СПб., 1995.
210. Черемшанский В. М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленным отношениях. Уфа, 1859.
211. Чернышевский Д. В. Полиция как орудие карательной политики царизма (1881 – 1894 гг.) // Освободительное движение в России. Вып. 2. Саратов, 1974.
212. Шакурова Ф. А. Башкирская волость и община в середине XVIII – начале XIX в. Уфа, 1992.
213. Шаламов А. Ю. Четвероногие сыщики // Родина. 2000. № 7.
214. Шаламов А.Ю. Развитие организационной структуры сыскной полиции Российской империи (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. История. 2001. № 4.
215. Шаламов А. Ю. «Российский «фараон»: Сыскная полиция Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. М., 2013.
216. Шелкопляс. В. А. Полицейская реформа в России в 60-х гг. XIX в. Минск, 1981.
217. Шинджикашвили Д. И. Сыскная полиция царской России в период империализма. Омск, 1973.
218. Шинджикашвили Д. И. Министерство внутренних дел царской России в период империализма. Омск, 1974.
219. Шумилов М. М. Местное управление и центральная власть в России в 50-х – начале 80-х гг. XIX в. М., 1991.
220. Юдин П. Л. Император Александр I в г. Уфе в 1824 г. // Исторический вестник. 1892. № 7.
221. Юдин П. Л. Из дневника М. С. Ребелинского // Русский архив 1897. № 3.
222. Юдин П. Л. Граф В. А. Перовский в Оренбургском крае // Русская старина. 1896. Кн. 5.
223. Юлдашбаев Б. Х. История формирования башкирской нации. (Дооктябрьский период). Уфа, 1972.
224. Юнусова А. Б. Ислам в Башкортостане. Уфа, 1999.
225. Юнусова А. Б. Мусульманское духовенство на страже нравственности // Археография Южного Урала. Уфа, 2002.
226. Янгузин Р. З. Социальная структура башкирского общества в XVIII – XIX вв. Уфа, 1997.
227. Ялтаев Д. А. Правоохранительная деятельность полиции в чувашских уездах Казанской губернии. Чебоксары, 2004.

Научное издание

**Мухаметшин Фаим Баязитович
Султанов Ахсан Харисович
Хакимов Салават Хазибович**

**ПОЛИЦИЯ БАШКИРИИ.
ТРИ ВЕКА НА СЛУЖБЕ ОТЕЧЕСТВУ**

Монография

Редакторы Л. Т. Курбанова, Д. И. Шабазова

Подписано в печать	27.12.2017	
Гарнитура Times		Формат 60x84 1/16
Уч.-изд. л. 17,4	Заказ № 107	Усл. печ. л. 17,6
Тираж 100 экз.		

*Редакционно-издательский отдел
Уфимского юридического института МВД России
450103, г. Уфа, ул. Муксинова, 2*

*Отпечатано в группе полиграфической и оперативной печати
Уфимского юридического института МВД России
450103, г. Уфа, ул. Муксинова, 2*